

АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ

История внешней политики России

Вторая половина XIX века
(От Парижского мира 1856 г.
до русско-французского
союза)

«Парадигма»
Москва, 2018

«Академический проект»
Москва, 2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»*

Редакционный совет:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор) — член-корр. РАН;
А.В. Игнатъев (заместитель ответственного редактора) — д-р ист. наук;
О.В. Орлик — д-р ист. наук; *Г.А. Санин* — д-р ист. наук;
В.М. Хевролина — д-р ист. наук

Редакционная коллегия тома:

В.М. Хевролина (ответственный редактор) — д-р ист. наук;
Ю.Ф. Субботин (ответственный секретарь) — канд. ист. наук;
А.В. Игнатъев — д-р ист. наук; *Н.С. Киняпина* — д-р ист. наук

И90 **История** внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века
(От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). — М.: Академический проект; Парадигма, 2018. — 385 с. — (Концепции).

ISBN 978-5-8291-2364-2 (Академический проект)
ISBN 978-5-902833-45-1 (Парадигма)
ISBN 978-5-8291-2368-0 (Академический проект. Т. 4)
ISBN 978-5-902833-49-9 (Парадигма. Т. 4)

Предлагаемая вниманию читателя книга — одна из пятитомника «История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.)». Опираясь на обширные опубликованные и архивные материалы, авторы, известные российские историки, исследуют основные процессы и события внешней политики страны второй половины XIX века, рассказывают о дипломатах того периода, освещают кавказский вопрос, отношения со странами Европы, США, Китаем и Японией. Показано противоречие между необходимостью для внутреннего прогресса в России мирной зарубежной политики и консервативной идеологией и традициями, толкавшими царское правительство на проведение активного внешнеполитического курса.

Для специалистов и читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-2364-2
ISBN 978-5-902833-45-1
ISBN 978-5-8291-2368-0 (Т. 4)
ISBN 978-5-902833-49-9 (Т. 4)

© В.М. Хевролина и др., 2018
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2018
© «Парадигма», 2018

Предисловие

Главная задача предлагаемой вниманию читателя книги — познакомить его с основными процессами, событиями и деятелями в области внешней политики России во второй половине XIX века. Это был период бурного роста капитализма в стране, эпоха глубоких политических и социальных преобразований. Усугублялась неравномерность развития капиталистических стран, завершался раздел мира между сильнейшими государствами. Международные отношения в Европе определялись соперничеством великих держав — Англии, Германии, Франции, России, Австро-Венгрии, Италии, что обусловило создание противостоящих друг другу блоков — Тройственного и русско-французского союзов.

Россия во второй половине века решительно вступила на путь капитализма, хотя к концу века она еще значительно отставала от ведущих европейских держав в политическом, социальном и экономическом развитии. Ей не удалось восстановить влияние на судьбы Европы, какое она имела в первой половине столетия. Тем не менее военный потенциал страны, ее громадные людские ресурсы, экономические возможности, размеры территории обеспечивали ей ранг великой державы, с которой другим европейским странам приходилось считаться.

Внешняя политика самодержавия находилась в тесной связи и взаимозависимости с социально-экономическим положением страны, внутренней политикой правительства. В определенной степени она влияла на развитие общественной мысли и культуры. Новые условия второй половины века наложили отпечаток на внешнюю политику России, ее стратегию и тактику.

Исходным рубежом настоящего исследования служит Парижский мир 1856 года, положивший начало новой расстановке сил в Европе, известной под названием «крымская система». На протяжении второй половины века Россия прошла сложный путь экономического и общественно-политического развития. Поражение в Крымской войне вскрыло экономическую и военную отсталость страны, обусловленную в том числе и ее самодержавным политическим строем. Правительство осознавало, что сохранение основ абсолютизма возможно было лишь при поддержке буржуазного развития в социально-экономической области. Для России Парижский мир открывал эпоху реформ, направивших развитие страны по капиталистическому пути. Основной задачей внешней политики России в этот период было обеспечение благоприятных условий для такого развития, что требовало решения внешнеполитических

проблем мирными средствами. Однако обострение соперничества великих держав, все усиливавшееся в процессе дальнейшей трансформации капитализма, развитие колониальной экспансии западноевропейских стран и США, консервативные внешнеполитическая идеология и традиции побуждали российское правительство к проведению активной политики, не обеспеченной в достаточной мере внутренними возможностями страны. Середина 90-х годов знаменовала новую фазу в истории страны, обусловленную значительными изменениями в политической и экономической областях.

Авторы данного труда, используя имеющиеся достижения исторической науки¹ и привлекая новый архивный материал, стремились рассмотреть внешнюю политику России с позиций современных требований и представлений и объективно исследовать ее как систему взаимосвязанных действий и процессов на различных направлениях — в Европе, Азии, на Дальнем Востоке, в Америке. Ставилась задача показать влияние экономики и внутренней политики на международную деятельность царского правительства, проследить ее зависимость от состояния военного потенциала страны, исследовать механизмы принятия внешнеполитических решений. Авторы пытались также показать место России в системе международных отношений и изменение ее международной роли.

Большое внимание уделено личностному фактору, ибо внешнеполитическая область в значительной степени связана с действиями и взглядами конкретных лиц. Поскольку внешняя политика правительства и международные отношения в целом привлекали пристальное внимание русского общества, рост политического самосознания которого во второй половине века шел быстрыми темпами, в работе отведено немало места выяснению позиций различных общественных кругов и политических группировок во внешнеполитических вопросах — проблеме, до последнего времени остававшейся малоизученной.

Работа построена по хронологическо-проблемному принципу. Во внешней политике России второй половины XIX века можно выделить два этапа. Первый — 60–70-е годы, когда Россия добилась отмены нейтрализации Черного моря и вышла из международной изоляции, став членом австро-русско-германского союза; следующий — конец 70 — начало 90-х годов. В конце 70-х Россия вновь оказалась в международной изоляции, а создание в 1879 году австро-германского союза угрожало не только ей, но и европейскому равновесию в целом. Рассматривая российскую внешнюю политику на этих двух этапах, авторы сочли целесообразным также выделить в самостоятельные главы ряд проблем (среднеазиатская и дальневосточная политика, внутривнутриполитические

преобразования в стране, ее экономический и военный потенциал, внешнеполитические воззрения российской общественности).

Авторами книги являются: *М.Ю. Золотухин* (глава 6), *Н.С. Киняпина* (глава 3), *Г.В. Мелихов* (глава 4, раздел 1 — совместно с *В.М. Хевролиной*), *И.С. Рыбаченок* (глава 7), *Ю.Ф. Субботин* (глава 1, разделы 2, 3), *В.М. Хевралина* (глава 1, раздел 1; глава 4, разделы 1 — совместно с *Г.В. Мелиховым*, 2; главы 5, 8), *Н.И. Хитрова* (глава 2), *К.Е. Черевко* (глава 4, разделы 3, 4).

Редколлегия

Глава I. Россия во второй половине XIX века: проблемы модернизации и потенциал

1. Преобразования в России и внешняя политика: взаимосвязь и взаимовлияние

Внешняя политика России второй половины XIX века в значительной мере определялась потребностями внутренних преобразований.

Поражение в Крымской войне продемонстрировало всю слабость социальной и политической системы Российской империи. Необходимость ее реформирования осознавали и сами правящие круги. Ведь отсталость России обусловила внешнеполитическую и военную катастрофу, а именно в этих областях самодержавие ранее традиционно одерживало успехи и победы.

Новый император — Александр II, вступивший на престол в 1855 году в возрасте 36 лет, благоговел перед памятью своего отца — императора Николая I и первоначально не собирался менять его политический курс. Однако даже в среде самых убежденных консерваторов зрело сознание необходимости перемен. В поданных царю записках представители дворянских и бюрократических кругов указывали на пороки авторитарной системы управления, коррупцию в бюрократическом аппарате, отсутствие какого-либо контроля за его деятельностью, отставание в области образования и науки. Поражение в Крымской войне ставило на повестку дня кардинальный вопрос о срочной отмене крепостного права. Крепостничество, пронизывая всю жизнь России, порождало ее политическую, экономическую и социальную отсталость. Права и обязанности различных сословий, организация экономики, вооруженные силы, аппарат управления — все находилось под воздействием крепостничества. Его ликвидация должна была затронуть все традиционные политические, экономические и социальные структуры Российской империи.

В конце концов и сам Александр II был вынужден признать неминучесть реформ. При этом едва ли не самым главным для него была необходимость восстановления былого международного величия России как державы, бывшей первой скрипкой в «европейском концерте». Реформы рассматривались как инструмент укрепления престижа самодержавия внутри и вовне страны, дальнейшего усиления империи¹.

Без проведения внутренних преобразований и накопления сил правительство не могло решить и внешнеполитические задачи — отменить нейтрализацию Черного моря, овладеть новыми землями в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Именно это имел в виду министр иностранных дел А.М. Горчаков, когда заявил в своем знаменитом циркуляре российским послам в европейских столицах от 21 августа (2 сентября) 1856 года, что «Россия сосредоточивается».

Александр II не обладал ни большим государственным умом, ни широким кругозором. Воспитанный в атмосфере военных праздников и парадов, он долгое время не проявлял интереса к гражданским делам: сферой его увлечений оставалась армия. Современники отмечали приятную внешность молодого императора, его образованность, умение держаться с достоинством и в то же время просто. Вместе с тем подчеркивался недостаток воли, настойчивости, постоянства, нерешительность, а порою и апатичность. Это внушало опасения, что Александр II не готов возглавить трудную преобразовательную работу. Близко знавшая царя фрейлина императрицы, дочь поэта А.Ф. Тютчева писала в своих воспоминаниях: «Император — лучший из людей. Он был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время, где приходилось бы только охранять. Но ему недостает темперамента преобразователя»².

Но в целом царь отличался здравым умом и определенной гибкостью. Он стремился окружать себя профессионально грамотными людьми, понимавшими необходимость поступательного развития России. Тем не менее его внешняя и внутренняя политика характеризовались непоследовательностью и колебаниями, отражавшими противоречия между консервативными воззрениями царя и объективными потребностями в переменах. Александр был вынужден пойти на ряд важных реформ под давлением сложившейся обстановки — в первую очередь на отмену крепостного права. Большую роль в этом сыграл общественный подъем, начавшийся в стране после Крымской войны и выдвинувший многих талантливых деятелей различных политических направлений и интересов.

Усилилась активность либеральных кругов, направленная на разъяснение необходимости реформ и реализацию преобразований в социально-политической сфере. Новой идейно-политической силой стало революционно-демократическое течение общественной мысли. В стране и за рубежом появились революционно-демократические издания — «Современник», «Русское слово», «Колокол», сыгравшие немалую роль в пробуждении общественности.

В период подготовки и проведения реформ выдвинулась группа талантливых представителей либеральной бюрократии — братья Н.А. и Д.А. Ми-

лютины, А.В. Головнин, В.А. Татаринов, Д.Н. Замятин, П.А. Валуев и др. Ее лидером стал брат царя великий князь Константин Николаевич, сторонник буржуазных преобразований. Члены этой группы в начале 60-х годов заняли основные министерские посты: П.А. Валуев — министра внутренних дел, М.Х. Рейтерн — финансов, Д.А. Милютин — военного, А.В. Головнин — народного просвещения, Д.Н. Замятин — юстиции. Они возглавили проведение основных буржуазных реформ: отмену крепостного права (1861 г.), земскую, судебную и школьную (1864 г.), цензуры (1865 г.), городского самоуправления (1870 г.), военную.

Некоторые преобразования были также произведены в системе высших и центральных органов власти. В 1861 году был создан Совет министров — совещательный орган, в котором председательствовал царь. Его задачей являлась координация деятельности различных ведомств. На заседаниях обсуждались отчеты министерств. Был преобразован аппарат ряда министерств с целью придания ему большей гибкости.

Пожалуй, в наименьшей мере эти преобразования коснулись Министерства иностранных дел, которое в 1856–1882 годах возглавлял умеренный либерал по убеждениям князь Александр Михайлович Горчаков. Потомок древнего аристократического рода, он получил блестящее образование в Царскосельском лицее, где учился вместе с А.С. Пушкиным. Дипломатическая карьера Горчакова складывалась неровно. Первые 25 лет службы он занимал второстепенные дипломатические посты, находясь в немилости у министра иностранных дел К.В. Нессельроде. Пребывая в качестве посланника в ряде небольших европейских стран, Горчаков приобрел богатый опыт и связи. Он обладал незаурядным литературным дарованием и получил известность в дипломатических кругах как мастер служебной переписки, которая под его пером превращалась в тонкую, изящную и остроумную.

Вывдвижению Горчакова в первые ряды европейских дипломатов способствовала его деятельность в качестве российского посла в Вене в период Крымской войны. Назначая его министром иностранных дел, Александр II учитывал не только авторитет Горчакова в европейских дипломатических кругах, но и его воззрения на задачи внешней политики. Горчаков выступал приверженцем нового внешнеполитического курса, отвечавшего государственным интересам страны. Его умеренные либеральные взгляды сочетались с верностью самодержавию и монархическим идеалам.

В лице нового министра иностранных дел русское общество видело деятеля, способного восстановить международный престиж России и укрепить ее внешнеполитические позиции. Горчаков занимал пост министра свыше 25 лет, представляя собой незаурядное явление в европейской дипломатии. Он отличался независимой позицией, верно понимал

истинные стратегические цели европейских держав, прекрасно просчитывал их тактические ходы. И все это сочеталось в российском министре с блестящей эрудицией, остроумием, красноречием, светским лоском. Вместе с тем, отмечая его выдающиеся способности, современники в то же время указывали на такие негативные стороны его натуры, как непомерное самолюбие, тщеславие, самовосхваление. Д.А. Милютин писал в своем дневнике о привычке Горчакова «всегда рисоваться, пускать пыль в глаза и в самых важных делах выставлять на первый план свою личность»³.

Имя Горчакова связано с рядом крупных дипломатических успехов России, в ряду которых самое видное место занимает отмена унижающих национальное достоинство страны статей Парижского мирного договора 1856 года о нейтрализации Черного моря (1871 г.). Однако последнее десятилетие пребывания Горчакова в должности министра иностранных дел было отмечено спадом его активности и некоторыми дипломатическими просчетами. Причинами являлись как преклонный возраст и болезни министра, так и не всегда обоснованная крайняя осторожность в проведении внешнеполитических акций.

Понимая потенциальную опасность для России усиления Германии и Австро-Венгрии, Горчаков не смог противостоять этому, что привело в итоге к ослаблению позиций России в Европе и на Балканах в конце 70-х годов XIX века. К числу промахов Горчакова можно также отнести недооценку им среднеазиатского и дальневосточного направлений внешней политики, страдавшей излишним евроцентризмом.

Но это было позднее, а пока, вступив в должность министра иностранных дел, Александр Михайлович провел некоторые преобразования в своем ведомстве, стремясь приспособить его к более эффективному выполнению новых задач внешней политики. Министерство было освобождено от ряда несвойственных ему функций (церемониальные дела, цензура политических публикаций, управление некоторыми окраинами). Упростилась его структура. Согласно новому «Учреждению Министерства иностранных дел» 1868 года в его состав входили: Совет при министре; Канцелярия; три департамента — Азиатский, Внутренних сношений, Личного состава и хозяйственных дел; два архива — Санкт-Петербургский главный и Московский главный⁴. Расширилась консульская сеть. Отвечая духу времени, Горчаков начал практиковать в работе своего ведомства зачатки гласности. С 1861 года стал издаваться «Ежегодник МИД» («*Annuaire diplomatique*»), в котором печатались важнейшие документы текущей внешней политики — конвенции, ноты, протоколы и др. Некоторые изменения произошли в кадровой политике МИД: частично обновился состав дипломатического корпуса за границей, большинство консульских постов на Ближнем Востоке было

теперь предоставлено русским по национальности дипломатам⁵. Повысились требования к образовательному уровню дипломатов. С 1859 года поступающие на дипломатическую службу должны были иметь диплом о высшем гуманитарном образовании (т. е. окончить либо Александровский лицей, либо Училище правоведения, либо юридический факультет университета, либо Лазаревский институт восточных языков), в совершенстве владеть двумя иностранными языками, иметь глубокие знания в области истории, географии, статистики, политэкономии, международного права⁶.

Но в целом внешнеполитическая деятельность по-прежнему оставалась закрытой от общества сферой, а МИД — кастовым ведомством. Сохранение в нем многих дипломатов старой, «нессельродовской», школы предопределяло консервативный характер этого учреждения, а также значительное влияние на его деятельность пропрусских и проавстрийских тенденций. Традиционно оставалась незыблемой главенствующая роль монарха.

В начальный период правления Александра II приоритет в деятельности правительства отдавался внутренним проблемам, решение которых должно было способствовать восстановлению международного престижа страны.

Аграрная, земская, городская, судебная, военная реформы, проведенные в 60–70-х годах, были, по существу, буржуазными. Но сохранение самодержавного строя делало их половинчатыми. Либеральная бюрократия, готовившая реформы, стремилась совместить их с самодержавными институтами, что привело в итоге к сохранению крепостнических пережитков, пронизывающих весь общественно-политический уклад пореформенной России. Однако проведение буржуазных реформ в известной степени повысило престиж России на международной арене⁷. Прогрессивная общественность Европы рассчитывала и на либерализацию внешней политики царизма. Особые надежды на обновление России возлагали народы Балкан, боровшиеся за свою национальную независимость.

Проведение реформ «сверху» определило значительную роль государства в развитии экономики. Правительство особое внимание уделяло тем областям, которые могли бы в относительно короткий срок повысить военный потенциал, — крупной промышленности и железнодорожному строительству. В этих отраслях проводилась протекционистская политика. Можно сказать, что русская буржуазия выросла при активном содействии самодержавной власти.

Капиталистическая индустриализация имела положительные последствия для развития не только экономики, но и политики: укреплялась экономическая и политическая независимость страны, повышалась ее роль в мировой системе капитализма.

В то же время аграрный сектор развивался замедленными темпами. Отрезав 40 % земель, находившихся в пользовании крестьян, аграрная реформа отбросила большинство из них за черту бедности.

Малоземелье, истощенность почв, экстенсивные методы ведения сельского хозяйства приводили к периодическим неурожаем и голоду (особенно сильные бедствия поразили русскую деревню в первой половине 70-х и в начале 90-х гг.). Крестьянство разорялось, пополняя ряды пролетариата и становясь источником социальной напряженности в городе и деревне.

Переходный характер экономики России во второй половине XIX века вызвал обострение социальной обстановки, что породило разнообразные социальные движения. Крестьянское, рабочее, народническое, студенческое, либеральное движения на протяжении всего рассматриваемого периода усиливали внутреннюю нестабильность и существенно осложняли положение самодержавия, оказывая тем самым влияние на его внутреннюю и внешнюю политику. За двадцатилетие (1860–1880 гг.) страна пережила два политических кризиса, первый из которых (1859–1861 гг.) привел к реформам, а второй (1878–1882 гг.) закончился наступлением реакции и контрреформами Александра III. Оба кризиса были связаны с войнами, которые вела Россия, что ярко подчеркивает взаимозависимость внутренней и внешней политики.

Внутриполитическая и экономическая ситуация в стране вынуждала правительство проводить весьма осторожную внешнюю политику. Для успеха реформ России нужен был длительный мир. Свои внешнеполитические задачи она пыталась решить, главным образом, мирными средствами. Последнее обстоятельство обусловило возросшую роль российской дипломатии.

Дипломатия выполняла и еще одну важную функцию: ей предписывалось создать в глазах народов и правительств стран Европы имидж России как просвещенной, цивилизованной державы. Это налагало особую ответственность на российских дипломатов и заставляло царское правительство особенно заботиться об их профессиональных качествах.

Во второй половине века в России выдвинулась целая плеяда крупных дипломатов: министры иностранных дел А.М. Горчаков, Н.К. Гирс, послы при европейских дворах Н.П. Игнатьев, А.Б. Лобанов-Ростовский, А.И. Нелидов, Е.П. Новиков, Н.А. Орлов и др. Искусство российских дипломатов высоко оценивалось европейскими политиками.

Оба монарха, царствование которых пришлось на вторую половину века, — Александр II и Александр III — уделяли большое внимание вопросам внешней политики. Восстановление международного престижа страны, ее былой роли в Европе было заветной мечтой и того и другого. Однако вмешиваясь в решение внешнеполитических вопросов, они от-

нюдь не всегда добивались желаемой цели. Нередко случались грубые внешнеполитические просчеты, как, например, в болгарской политике 80-х годов, когда были прерваны дипломатические отношения между Россией и Болгарией.

В политике Министерства иностранных дел при А.М. Горчакове преобладали умеренность и реализм. Для решения внешнеполитических задач России необходимо было преодолеть международную изоляцию, в которой она оказалась после поражения в Крымской войне. Экономическая отсталость, военная слабость, зависимость от иностранных займов предопределили ориентацию России на союз с центральными европейскими державами — Германией и Австро-Венгрией. При этом, используя благоприятную международную обстановку в Европе, российским дипломатам удалось добиться отмены нейтрализации Черного моря (1871 г.). Однако изменить режим проливов в свою пользу оказалось непосильной задачей для России. Этому решительно воспрепятствовали европейские державы, главным образом Англия и Австро-Венгрия.

Используя подъем национально-освободительного движения балканских народов против османского ига в середине 70-х годов XIX века, самодержавие попыталось решить собственные задачи, укрепив свои позиции на Балканах. Но и эта акция не принесла в итоге желаемых результатов.

Во второй половине XIX века расширяется спектр направлений российской внешней политики, что было связано в том числе и с развитием капиталистических отношений в стране. Наряду с традиционными европейским и балканским направлениями усиливается роль среднеазиатского и дальневосточного. Значение последних стало очевидным в особенности в результате экспансионистских устремлений Англии в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. В 60–80-х годах определяющим фактором здесь становится русско-английское соперничество. Среднеазиатское и дальневосточное направления внешней политики России имели подчиненное значение по сравнению с главным — европейским. Среднеазиатскую политику определял ряд факторов: стремление оказать давление на Англию, соображения международного и внутреннего престижа, желание взять реванш за унижения, которые пришлось испытать России в результате Парижского конгресса, политические амбиции генералитета и др. Экономические мотивы занимали второстепенное место, хотя потенциальное значение присоединяемых территорий в этом плане признавалось и правительством, и обществом. Экономическое значение среднеазиатских и дальневосточных земель для России стало проявляться позднее — в 90 — начале 1900-х годов. Российские внутренние колонии способствовали развитию капитализма главным образом «вширь», а это замедляло его рост, так сказать, «вглубь», консервиру-

вало феодальные пережитки и тормозило превращение страны в буржуазную монархию.

Развитие капиталистических отношений в России сопровождалось ростом национально-освободительного движения на окраинах империи. В большинстве регионов национальное движение делало еще первые шаги, выражавшиеся в защите национальной культуры и языка. Но в развитых экономических районах уже выдвигались политические требования. Сложный польский вопрос давно стал болезненным для царизма. Как ни старалось правительство представить его делом своей внутренней политики, международное значение проблемы было очевидным. Всякий раз возникновение серьезного брожения в русской Польше европейские державы стремились использовать для давления на Россию.

Общественный подъем в России на рубеже 50–60-х годов способствовал обострению политической обстановки в Польше. Польское крестьянство требовало радикальной земельной реформы. Аграрное движение смыкалось с национально-освободительной борьбой, лозунгом которой было восстановление независимой Польши.

Польское национально-освободительное движение не было единым. Его правое крыло, представлявшее интересы дворянства, ориентировалось не на массовое народное восстание, а на помощь западных держав. Под влиянием этих кругов руководящий орган восстания не решился выставить требование передачи земель крестьянам. Этим воспользовалось царское правительство. Объявив польским, литовским и белорусским крестьянам (восстание охватило также часть Литвы и Белоруссии) о передаче в их собственность обрабатываемых ими земель и наделив земельными участками безземельных, оно оторвало крестьян от восстания, которое затем было жестоко подавлено. Надежды повстанцев на сколько-нибудь серьезную помощь Запада также оказались тщетными.

События в Польше 1863 года способствовали усилению реакционных тенденций в политике самодержавия. Сыграла свою роль и позиция общественности России, которая, за исключением революционных демократов, была охвачена антипольскими настроениями.

С середины 60-х годов правительство стало все более чаще применять меры репрессивного характера. Результатом было ослабление реформаторских сил в правительственных кругах.

Роковую роль сыграли два покушения на царя: студента Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 года в Петербурге и поляка А.И. Березовского 6 июня 1867 года в Париже. После этих терактов Александр II находился в состоянии постоянного страха и растерянности. К этому добавились и личные переживания: в 1865 году умер от туберкулеза наследник престола Николай, затем тяжело заболела императрица. Охватившая императора страсть к молодой красавице княжне Екатерине Долгору-

кой и создание новой семьи сопровождались мучительной внутренней борьбой и душевной раздвоенностью, у царя усилились периоды апатии и равнодушия к делам. Близко наблюдавший в это время Александра II П.А. Кропоткин, впоследствии известный революционер, пишет в своих воспоминаниях: «Александр II, конечно, не был заурядной личностью, но в нем жили два совершенно различных человека с резко выраженными индивидуальностями, постоянно боровшиеся друг с другом. И эта борьба становилась тем сильнее, чем более старился Александр II... Он был очень мягок с друзьями; между тем эта мягкость уживалась в нем рядом со страшной, равнодушной жестокостью... Он подписывал самые реакционные указы, а потом приходил в отчаяние по поводу их»⁸. Реакционные силы использовали случившееся для перехода в наступление. Они стремились, запугав императора, добиться отказа от политики реформ.

Политический сдвиг сопровождался сменой окружения царя. Либеральные министры, кроме Милютина и Горчакова, были отправлены в отставку, их места заняли реакционеры — П.А. Шувалов (шеф жандармов), Д.А. Толстой (министр просвещения), К.И. Пален (министр юстиции). Следствием возросшей неуверенности царя явилась своеобразная «министерская чехарда»: за последние 15 лет царствования Александра II на 10 министерских постах сменилось 32 министра, в том числе по 4 министра внутренних дел и юстиции. Часто менялись и губернаторы⁹. Огромное влияние на царя приобрел шеф жандармов П.А. Шувалов, прозванный в придворных кругах за свое всеислие «Петром Четвертым»¹⁰.

Поворот в правительственной политике сочетался с усилением произвола административной власти. Были расширены контролирующие функции губернаторов, под жесткий контроль администрации попали земства, школы. Усилились репрессивные меры в отношении печати.

Ослабление либеральных сил сказалось и на внешнеполитических акциях России. К началу 70-х годов при участии России складывается Союз трех императоров, одна из задач которого сводилась к утверждению монархических принципов в Европе, борьбе с инакомыслием.

Политика ограничения реформ и усиления репрессивных мер встречала серьезное противодействие внутри страны. Неодобрительно относилась к ней либеральная бюрократия, вынужденная уступать место откровенным реакционерам. Усилилось оппозиционное движение во всех слоях общества. Центром консолидации либералов стал журнал «Вестник Европы», издаваемый в Петербурге профессором Петербургского университета М.М. Стасюлевичем. В журнале в завуалированной форме пропагандировались конституционные идеи¹¹.

Демократические силы группировались вокруг журналов «Отечественные записки» и «Дело», в которых сотрудничали прогрессивные

писатели и публицисты — Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин и др. С конца 60-х годов активизировалась деятельность революционных кружков в студенческой среде, а с начала 70-х — развернулось народническое движение. Первые политические процессы над участниками «хождения в народ» «процесс пятидесяти» (1877 г.) и «процесс 193-х» (1877–1878 гг.) — вызвали негативную реакцию в обществе по отношению к правительству.

Общественное осуждение репрессивных актов было велико и за рубежом, где прогрессивная пресса повела энергичную кампанию в защиту революционной молодежи. Совпадение по времени этих судебных процессов с выступлением России в защиту борющихся за свою независимость южнославянских народов сильно повредило ее образу освободительницы славян в глазах общественности и внутри страны, и за рубежом. Свидетельством этого явилась, в частности, демонстрация, состоявшаяся 6 декабря 1876 года в Петербурге на площади у Казанского собора. Ее участники — рабочие и революционная интеллигенция — не только выдвинули требование политических свобод, но и протестовали против балканской политики России в преддверии войны с Турцией¹². Как писал революционный журнал «Набат», они «решили показать этому обществу, что у него ближе, чем всякие Восточные вопросы, стоит вопрос рабочий, что рабочая масса и сочувствующая ей часть интеллигенции самым беспощадным врагом своим считают не Митхада-пашу и турецкий деспотизм, а деспотизм русского капитала и русского царя»¹³.

Таким образом, ко времени Русско-турецкой войны 1877–1878 годов общественное движение в России достигло значительного размаха. Его составляющие пока не были объединены, но угроза их слияния дамокловым мечом висела над правительством.

Завершившаяся победой России война с Турцией 1877–1878 годов обернулась крупными издержками для самодержавия во внешнеполитическом и внутриполитическом плане. Союз трех императоров себя не оправдал, и Берлинский конгресс показал, что Россия вновь фактически оказалась в положении, близком к изоляции. Это вынудило ее поступиться некоторыми важными плодами своих побед, что вызвало весьма болезненную реакцию в российском обществе. Громкие обвинения в адрес дипломатии были в конечном счете адресованы правящему режиму, который еще в ходе войны подвергался резкой критике за военные неудачи лета и осени 1877 года, за неразбериху в снабжении армии продовольствием и в военно-медицинском деле, за казнокрадство на передовой и в тылах. Победа была достигнута чрезвычайным напряжением сил всей страны.

Либеральная часть общества ожидала теперь от правительства внутренних перемен, решения наболевших вопросов. Она выдвигала требования предоставления образованным слоям более широких по-

литических прав, что не только дало бы им «кусоч властного пирога», но и не допустило бы нежелательных политических катаклизмов. Весной 1879 года в Москве состоялся нелегальный съезд земских деятелей, который единодушно признал, что только конституционный порядок может избавить страну как от произвола властей, так и от революционного террора. Либералы выступали против всевластия царской администрации, за предоставление политических свобод, решение аграрного, податного и других актуальных вопросов, что объективно должно было ускорить капиталистическое развитие страны.

Установление конституционной формы правления в освобожденной Болгарии в 1879 году оживило надежды российских либералов. Ряд земских собраний направил царю адреса с пожеланием введения в России конституции по примеру болгарской. За свою инициативу некоторые члены этих собраний поплатились ссылкой. Однако даже в правящих кругах были сторонники конституции. Представители либеральной бюрократии в начале 80-х годов подготовили несколько конституционных проектов (авторами их были великий князь Константин Николаевич, П.А. Валуев, П.П. Шувалов)¹⁴.

Другие слои общества также выражали недовольство существующим положением. В деревне ширились слухи о предстоящем «черном переделе», то есть увеличении крестьянских наделов за счет помещичьей земли. Положение крестьян вследствие малоземелья, больших налогов, неурожаев было близким к критическому. Рост недоимок по некоторым губерниям составлял 400–500 % к годовым нормам¹⁵. Начались аграрные волнения.

Война с Турцией и ее разрушительные для экономики последствия привели к ухудшению положения рабочих, падению зарплаты, увеличению продолжительности рабочего дня, интенсификации труда. Тяжелым испытанием для пролетариата была массовая длительная безработица в период промышленного кризиса и депрессии на рубеже 70–80-х годов. С конца 70-х годов стачки стали более организованными, массовыми и продолжительными, количество их выросло.

Война способствовала усилению политического направления в народничестве. В 1879 году была создана революционная организация «Народная воля», ставшая на путь политической борьбы и террора. Народовольцы считали, что убийство царя послужит сигналом к массовому восстанию. В течение 1878–1880 годов было совершено несколько террористических актов, в том числе три покушения на царя. 1 марта 1881 года Александр II был убит.

Новый император — Александр III — был человеком ограниченным, но натурой цельной и сильной, имел собственные взгляды, которые стремился отстаивать. Мировоззрение его целиком соответствовало извест-

ной уваровской формуле — «православие, самодержавие, народность», принципы которой он по возможности старался внедрить в действительность 80–90-х годов.

В личном плане новый император был прямой противоположностью своему отцу. Брак его с датской принцессой Дагмарой был крепким и счастливым. Кроме того, родственные связи датского королевского дома с крупными европейскими дворами и династиями (Англии, Германии, Норвегии и др.) укрепляли положение Романовых в Европе¹⁶.

Находясь под сильным влиянием своего наставника — реакционера К.П. Победоносцева, профессора Петербургского университета, а затем обер-прокурора Синода, Александр III, еще будучи наследником, крепко усвоил консервативные взгляды. Большое впечатление на него произвела гибель отца, что связывалось им с проведенными Александром II реформами, разрушившими веками сложившийся в России порядок. Новый император полагал, что для «спасения» страны от крамолы и революции есть только один путь — укрепление самодержавия, искоренение всякого инакомыслия, жестокая репрессивная политика.

В своем первом манифесте от 29 апреля 1881 года Александр III заявлял о сохранении принципов самодержавной власти как основной задаче своего царствования. Это означало конец либеральной эры и переход к охранительным началам во внутренней политике. Либеральные министры — М.Т. Лорис-Меликов, Д.А. Милютин, А.А. Абаза и др. подали в отставку, их место заняли Н.П. Игнатьев (министр внутренних дел), П.С. Ванновский (военный), Н.Х. Бунге (финансов). Большое влияние при Александре III приобретают реакционные деятели — К.П. Победоносцев, публицисты М.Н. Катков и В.П. Мещерский.

Император и его окружение считали реформы прежнего царствования причиной кризисного состояния России. Постепенно был взят курс на их пересмотр. Проведенные во второй половине 80 — начале 90-х годов преобразования получили название «контрреформы». Они преследовали цели повышения роли административно-исполнительной власти, восстановления приоритета дворянства в делах управления, укрепления престижа самодержавия внутри и вне страны. В интересах дворянства были осуществлены меры по консервации крепостнических пережитков в деревне, сохранению общины: ограничен досрочный выкуп крестьянских наделов, затруднены семейные разделы земли. Таким образом ставились препоны процессу перераспределения земли, капитализации аграрной сферы. Реформа местного управления ограничила рамки деятельности земств и усилила административно-полицейский произвол в городе и деревне.

Контрреформы сопровождались идеологической реакцией: были закрыты прогрессивные журналы «Отечественные записки», «Слово», «Дело», газеты «Молва», «Земство» и др., введена предварительная

цензура для ряда газет, высланы из Петербурга некоторые известные демократические публицисты (Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов, С.Н. Кривенко). Рядом актов запрещалось касаться в печати острых вопросов внешней и внутренней политики правительства.

Реакционный внутривластный курс не встретил серьезного сопротивления в стране: революционное движение было разгромлено, оппозиционная пресса подавлена.

Реакция во внутренней жизни России получила осуждение со стороны мирового общественного мнения. Особенное возмущение международной общественности вызывали жестокие репрессии и казни революционеров. Так, после процесса первомайцев в 1887 году министр внутренних дел Д.А. Толстой с возмущением писал: «Иностранная пресса за весьма малыми исключениями набросилась по этому поводу не на презренных динамитчиков, а на Россию, на русское правительство, на все наши порядки», высказываясь в особенности против принципа самодержавия как «несомненного источника испорченности существующего правительства»¹⁷. В защиту «русских нигилистов» выступали такие известные политические и культурные деятели Запада, как Дж. Гарibaldi, В. Гюго, М. Твен, Б. Шоу¹⁸.

Этим пользовались внешнеполитические соперники России, разжигая антирусские настроения не только в своих странах, но и там, где Россия традиционно имела влияние, в частности на Балканах. Таким образом, реакционность российского самодержавия снижала эффективность балканской политики России. Проавстрийские и националистические силы молодых балканских государств использовали этот фактор для запугивания общественности. Им широко оперировали, например, правящие круги Болгарии в период болгарских кризисов 1886–1888 годов. Усердно действовали в этом направлении проправительственные газеты Англии, Германии и Австро-Венгрии, неуклонно внедряя в сознание «среднего европейца» образ «русского медведя» как олицетворение внутреннего деспотизма и внешней агрессии.

Контрреформы 80 — начала 90-х годов хотя и уничтожили многое из прогрессивного наследия «великих реформ», но все же не могли вернуть страну к прошлому. Жизнь шла вперед. В экономике, помимо воли самодержавия, набирали силу капиталистические отношения. Социально-экономические процессы развивались по своим законам и подчас сводили на нет усилия царизма. Несмотря на все меры правительства, помещное дворянство постепенно утрачивало свои экономические позиции. Помещичьи земли были втянуты в сферу товарного обращения, и дворянский земельный фонд к началу XX века уменьшился на 40 %¹⁹. Обезземеленное дворянство пополнило ряды буржуазии и служилой интеллигенции. В результате дворяне-помещики не могли играть веду-

щей роли в земстве, на что рассчитывало правительство, и земская оппозиция сохранилась.

80–90-е годы были временем усиленного формирования нового класса — буржуазии, в особенности крупной, которая наряду с дворянством, становилась опорой самодержавия. По своим политическим взглядам крупная буржуазия была консервативна и в основном поддерживала внутреннюю и внешнюю политику правительства, самодержавию же приходилось все более считаться с интересами капитала, что выражалось в том числе и в усилении протекционизма.

Александр III большое внимание уделял вопросам внешней политики. Его заветной мечтой было вернуть России прежнее значение первенствующей державы в Европе. Однако этого не позволяли возможности страны, что царь отлично осознавал.

Твердо веря в спасительность самодержавия для России, император считал своим долгом быть в курсе всех сторон государственной жизни и определять ход дел своими решениями, сферу же внешней политики он рассматривал как свою «вотчину». Он добросовестно прочитывал всю дипломатическую переписку, испещряя ее своими порой весьма нелестными замечаниями. После ухода в отставку в 1882 году престарелого А.М. Горчакова министром иностранных дел был назначен Н.К. Гирс, значительно уступавший своему предшественнику и в широте взглядов, и в международном авторитете. Он, однако, устраивал царя, который рассматривал его как добросовестного исполнителя своих предначертаний. Как заметил С.Ю. Витте, Александр III относится к Гирсу как к своему секретарю по иностранным делам²⁰. С другой стороны, по свидетельству Д.А. Милютина, назначение Гирса должно было успокоить Бисмарка, опасавшегося усиления антигерманских тенденций во внешней политике России²¹. Гирс же был известен как сторонник тесных контактов с Германией.

Император ценил в своем министре иностранных дел исполнительность, аккуратность и осторожность. Гирс к тому же обладал огромным опытом дипломатической службы, начав ее еще в конце 30-х годов XIX века. Кроме того, при всех своих мечтах о величии России и завоевании проливов Александр III понимал, что стране необходим мир для укрепления экономики и восстановления военного потенциала. Поэтому он нередко прислушивался к советам Гирса, стремившегося избегать конфликтов и осложнений²².

При Гирсе структура Министерства иностранных дел не претерпела существенных изменений, как и сам характер деятельности этого ведомства, по-прежнему закрытого для общества. Несколько расширилась консульская сеть за счет создания новых консульств в странах Азии и Латинской Америки. В 1875 году у России было за границей 102 представительства, в том числе 5 посольств, 21 миссия, 26 генеральных консульств, 50 кон-

сульств и вице-консульств. К концу царствования Александра III Россия имела 144 дипломатических представительства (6 посольств, 26 миссий, одно политическое агентство, 25 генеральных консульств, 86 консульств и вице-консульств)²³. Согласно новому консульскому уставу 1893 года были расширены задачи консулов: от них требовалась теперь информация об экономике стран пребывания, перспективах их торговли с Россией и содействие развитию экономических связей. Одним из проявлений «национальной» линии во внешнеполитических делах стало запрещение царя с 1 января 1887 года употреблять французский язык в дипломатической переписке (исключения делались для отдельных старых дипломатов).

80-е годы характеризуются настойчивыми усилиями российской дипломатии по преодолению международной изоляции и попытками с помощью союзников укрепить положение своей страны на Балканах. Возобновленный в 1881 году Союз трех императоров не смог обеспечить этого из-за австро-русских противоречий, но он давал России известные гарантии в случае ее конфликта с Англией.

Дальнейшее продвижение России в Среднюю Азию и активизация ее политики на Дальнем Востоке в значительной степени были обусловлены английской экспансией в этих регионах, угрожающей российским владениям, но в то же время преследовали задачу приобретения важных в стратегическом и экономическом отношении территорий.

Обострение русско-германских противоречий с середины 80-х годов показало ненадежность Союза трех императоров как гаранта безопасности России. Заключенный в начале 90-х годов союз России с Францией знаменовал новую расстановку сил в Европе. Он ослаблял финансовую зависимость России от Германии и обеспечивал ей поддержку Франции в случае военного конфликта. Выход России из международной изоляции способствовал укреплению ее позиций в Европе.

Во второй половине XIX века значительно возросло влияние общественности на внешнюю политику. Общественное мнение превратилось в фактор, с которым самодержавию приходилось считаться. Если оно предпочитало не замечать требований либеральных и демократических кругов, то так нельзя было поступать с консервативно настроенной частью общества. Помещики и крупная буржуазия, являясь социальной опорой самодержавия, в своем большинстве выступали в то же время за проведение активной внешней политики в Европе, за ее самостоятельность, за отказ от союза с Германией и Австро-Венгрией.

Истоки оппозиционности дворянства крылись в потере им бывлой экономической роли, в то время как его политические претензии, стремление определять политическую линию сохранялись. Неудовлетворенность правых кругов внутренней и внешней политикой правительства нашла выход в националистических концепциях панславизма.

Испытывая такое давление, правительство, хотя и не всегда последовательно, проводило осторожный внутривнутриполитический курс. Одновременно ему удалось избежать втягивания России в большой европейский конфликт, к которому несколько раз страна оказывалась весьма близка. Самодержавие руководствовалось в том числе и инстинктом самосохранения. Это давало ему возможность накапливать силы.

К концу века международный престиж России повысился, сложилась новая система связей с другими государствами, в основе которой лежал русско-французский союз. Активизация внешней политики на Дальнем Востоке в этот период в значительной степени была обусловлена укреплением международного положения России. Однако политико-экономическая отсталость ее к концу века так и не была преодолена, противоречие между возможностями страны и ее великодержавными притязаниями сохранялось.

2. Экономика и финансы

Поражение в Крымской войне заставило правящие круги царской России пересмотреть весь курс государственной экономической политики. Было очевидным, что сохранение могущества и политического влияния России невозможно без укрепления финансов, развития промышленности и усиленного железнодорожного строительства.

Отставание России в области промышленного развития ставило ее как страну преимущественно аграрную в невыгодные условия в экономических отношениях с государствами Западной Европы и создавало опасность того, что российская промышленность будет задавлена экспортом иностранных товаров, а сама держава — отодвинута на вторые роли на международной арене.

Исключительно тяжелым по окончании Крымской войны оказалось состояние финансов. Во время войны государственный бюджет сводился с огромным дефицитом, достигавшим почти миллиарда рублей, который был покрыт, с одной стороны, внутренними и внешними займами, а с другой — выпусками кредитных билетов; государственный долг превышал 1 млрд руб.

Финансовое положение в начале реформ достаточно ярко характеризуется резолюцией Александра II на докладе о необходимости сокращения государственных расходов, поданном ему в 1862 году министром финансов: «Картина представлена весьма грустная, положение наше действительно критическое»²⁴.

Первым министром финансов, которому предстояло действовать в экономических условиях пореформенной России, стал в январе 1862 года один из «константиновских орлов» (так называли группу государственных деятелей, близких к либерально настроенному великому

князю Константину Николаевичу) 42-летний Михаил Христофорович Рейтерн. Он пользовался репутацией способного финансиста, знакомого с опытом Западной Европы и Америки, и был одним из тех, кто, по словам его преемника на посту министра финансов Н.Х. Бунге, после «разочарований... в пору Крымской войны» выступил деятельным сторонником «новой внутренней политики в царствование императора Александра II, которая ожидала всего от частной инициативы»²⁵.

Ко времени вступления Рейтерна в управление Министерством финансов основным звеном, за которое предстояло вытащить всю цепь отсталой экономики, было определено железнодорожное строительство. Руководящие круги России сфокусировали внимание на железных дорогах как на сердце своей финансовой и экономической политики и стратегического планирования. Создание разветвленной сети железных дорог должно было стать первым шагом на пути преодоления экономической отсталости России и низкого качества ее вооруженных сил.

В 1855 году в стране насчитывалось лишь 980 верст железных дорог, что составляло около 1,5 % мировой железнодорожной сети. Для сравнения укажем: в Англии к этому времени действовало 13,5 тыс. км железных дорог, в Германии — 8,3 тыс., во Франции — 5,5 тыс. и в США — 29,6 тыс. км²⁶.

Все передовые страны в то время переживали «транспортную революцию», но нигде железнодорожное строительство не было так тесно связано с государственной инициативой, как в царской России, правительство которой осознавало зависимость между железными дорогами и интересами империи как великой державы. Правда, прежний курс николаевского режима на постройку казенных железных дорог оказался абсолютно неприемлемым: катастрофическое состояние государственных финансов, огромные затраты казначейства в годы войны и на выкупную операцию крестьянской реформы, непрерывный рост внутреннего и внешнего долга совершенно исключали возможность широкого государственного строительства железных дорог²⁷.

В правительственных кругах усиленно разрабатывались планы привлечения иностранного предпринимательского капитала в железнодорожное дело. Вопрос о сооружении в России сети железных дорог был окончательно решен указом Александра II Сенату от 26 января 1857 года, тогда же в качестве наилучшего способа строительства была признана постройка железных дорог не на государственные, а на частные капиталы²⁸. В том же году был утвержден устав Главного общества российских железных дорог, учрежденного иностранными капиталистами. Это общество получило концессию на строительство наиболее важных линий будущей русской железнодорожной сети. В 1857–1859 годах

было создано еще несколько акционерных обществ с участием российского капитала для строительства отдельных дорог.

Правительство оказывало железнодорожным обществам большую финансовую помощь. Оно гарантировало получение 5 % прибыли на вложенный капитал. Если прибыль была меньше, правительство доплачивало разницу.

Созданию железнодорожной сети отводилось важнейшее место и в экономической политике Рейтерна, тем более что в начале 60-х годов в различных общественных кругах, в среде экспортеров-помещиков, торгово-промышленной буржуазии усиливаются требования к правительству о незамедлительном строительстве разветвленной сети железных дорог. Это нашло отчетливое отражение в программной записке министра финансов в 1866 году. «Сооружение железных дорог можно назвать не только настоятельной потребностью, но положительно важнейшею для будущности России задачею правительства. Увеличенный посредством железных дорог вывоз за границу представляется единственно возможным исходом для расстроенного нашего денежного обращения и, следовательно, для кредита государственного и финансов вообще; экономическое положение России может быть существенно улучшено также лишь посредством железных дорог, которые дадут ценность ее произведениям и, следовательно, достаточное вознаграждение труду и безбедный доход с земли; в финансовом отношении можно ожидать существенного увеличения доходов лишь от улучшения экономического быта, который находится в зависимости от улучшения путей сообщения; наконец, даже в политическом отношении возможность скорого передвижения от центра к окраинам должна умножить силу России»²⁹.

Последнюю сторону — стратегическую — значения железных дорог активно подчеркивал и военный министр Д.А. Милютин, опираясь на опыт подавления польского восстания 1863 года: «Не будь тогда отстроена С.-Петербургско-Варшавская железная дорога, восстание не было бы так легко подавлено, и повстанцы могли бы разыграть роль воюющей страны, а враждебные нам западноевропейские государства — поддерживать их силой оружия, в надежде на нашу недостаточную мобилизационную готовность»³⁰.

Главное препятствие осуществлению намеченной программы Рейтерн видел в недостатке финансовых средств: наличность казны ограничена, частных капиталов внутри страны недостаточно, иностранные капиталы неохотно идут в железнодорожное дело России, считая его убыточным. Убедить их в обратном — в этом Рейтерн видел свою задачу.

С целью создания постоянного источника финансирования частного железнодорожного строительства по предложению Рейтерна в 1867 году был учрежден «Железнодорожный фонд», формально обособленный от

государственного бюджета. Главным средством его пополнения являлись облигационные железнодорожные займы с правительственной гарантией дохода на общую сумму в 600 млн руб., выпускаемые на лондонском и парижском денежных рынках по низким курсам. Из средств этого фонда царская казна покупала акции частных железных дорог, выдавала всевозможные ссуды, субсидии учредителям и правлениям железнодорожных обществ, оплачивала казенные заказы, выдавала премии заводам за производство рельсов и подвижного состава.

В 1868–1872 годах начался промышленный подъем, складывалась благоприятная конъюнктура заграничного денежного рынка, все это способствовало массовому привлечению иностранного ссудного капитала в железнодорожное дело России.

Принятый курс на частное железнодорожное строительство вызвал настоящий железнодорожный бум. В период с 1866 по 1880 год было выдано 53 концессии на постройку частных железных дорог общей протяженностью в 15 тыс. верст. Было образовано 59 акционерных железнодорожных иностранных компаний с основным капиталом в 717 млн руб.

Всего за 1861–1880 годы протяженность железных дорог в России выросла в 14 раз, достигнув 21 тыс. верст. В результате возникла первая разветвленная железнодорожная сеть Европейской России с центром в Москве, которая делилась на четыре основных, взаимосвязанных между собой узла железных дорог: Московский, Прибалтийский, Азово-Черноморский и Западный.

Железнодорожная система к этому времени охватила территорию 59 губерний и областей Европейской России, Южного Урала, обширные районы русской Польши, Финляндии, Северного Кавказа и Закавказья. Железнодорожная сеть покрыла более 45 % территории Европейской России³¹. Однако по протяженности железнодорожных линий Россия по-прежнему уступала ведущим западноевропейским странам — Великобритании, Германии, Франции³².

Второй важной задачей в области налаживания экономики являлась коррекция таможенной политики, направленная на оздоровление финансов и создание благоприятных условий для развития отечественной промышленности. Постепенно осуществлялся переход к снижению таможенного обложения на ввоз товаров, необходимых для промышленности. Так, в частности, значение для российской внешнеторговой политики имели отмена запрещения ввоза чугуна и железа и резкое уменьшение пошлин на черные металлы, а также право беспошлинного их ввоза для машиностроительных заводов и железнодорожных компаний. Тариф 1857 года явился дальнейшим шагом на пути снижения таможенного обложения; была отменена пошлина на хлопок, существенно снижена пошлина на пряжу и закреплялось отсутствие таможенного об-

ложения ввозимых машин. Позднее, в 1859 и 1861 годах, было проведено дополнительное «понижение пошлин на иностранные чугуны и железо с целью развития машиностроительного дела в России и прекращения вывоза денег за границу в уплату за ввозимые машины»³³.

Рейтеры продолжил эту политику. С 1 января 1868 года стал действовать новый тариф, который допускал привоз многих весьма существенных для промышленности материалов — отчасти беспошлинно (хлопок, каменный уголь, некоторые машины), отчасти с уплатой незначительной пошлины (чугун, железо).

Этот тариф был самым умеренным из всех русских тарифов второй половины XIX века и являлся известной уступкой противникам протекционизма. Он вызвал неоднозначное отношение в правительственных и предпринимательских кругах³⁴. Оценивая тариф 1868 года, следует не упускать из виду одно важное обстоятельство: в те годы все, что было необходимо для строительства и эксплуатации железных дорог, ввозилось из-за границы.

Темпы развития российской черной металлургии были чрезвычайно низкими. В то время как в передовых капиталистических странах транспортная революция сопровождалась резким увеличением производства металла — до 250–300 %, в России выплавка чугуна за 15 лет (1860–1875 гг.) увеличилась лишь на 25 %.

Особенно остро встал вопрос об организации российского сталелитейного производства в связи с перестройкой железнодорожного полотна на стальное. Между тем, хотя выплавка стали с 1860 года за 15 лет выросла на 47,5 %, она не достигла в России и 1 млн пудов (16 тыс. т), в то время как в Германии производство стали достигло 303 тыс. т, а в Англии — 719 тыс. т³⁵.

Противоречиво шло и развитие российского машиностроения. Число машиностроительных и механических заводов в России за 60–70-е годы возросло почти в 2 раза, а суммарная ценность производства — в 6,5 раза, налаживалось производство паровозов и товарных вагонов внутри страны, и к середине 70-х годов их выпуск превысил ввоз из-за границы. Однако, по официальным данным, даже к концу десятилетия всего 20,5 % всех паровозов, действовавших на железных дорогах России, было построено на российских машиностроительных заводах³⁶.

Низкая техническая оснащенность отечественного машиностроения в этот период выражалась в слабой паровой энергетике, на долю которой приходилось около 7 % общей мощности паровых двигателей фабрично-заводского производства страны. Суммарная их мощность в тяжелой промышленности России в середине 70-х годов была почти в 9 раз меньше мощности силового аппарата тяжелой индустрии Германии³⁷.

Железнодорожное строительство, постепенный переход металлургической промышленности на минеральное топливо вызвали интенсивное развитие каменноугольной промышленности. Когда через Донецкий бассейн прошла железная дорога, там начала быстро расти добыча угля, и район стал превращаться в основную угольную базу страны. С 70-х годов началась выплавка чугуна на минеральном топливе в Донецком бассейне на заводе, основанном английским капиталистом Юзом. Но, несмотря на быстрые темпы роста добычи каменного угля (за 70-е гг. в 4 с лишним раза), значительная доля (свыше 40 %) его потребности по-прежнему удовлетворялась ввозом из-за границы³⁸.

Таким образом, первые 15 лет после реформы стали для отраслей тяжелой индустрии годами некоторых успехов. Но по абсолютным показателям эти успехи были невелики. Для таких новых отраслей, как каменноугольная, нефтяная, сталелитейная, это были годы становления первых крупных капиталистических предприятий, создания новых крупных промышленных районов с громадными производственными перспективами. Однако в целом капиталистически организованная топливно-металлургическая и машиностроительная база России в 70-х годах оставалась слабой, и эта слабость привела к тому, что большинство военных механических заводов оборудовались и снабжались сырьем и материалами за счет возрастающего импорта, а нарастающий поток ввозимых товаров приводил к отливу денег за рубеж и усугублял тяжелое финансовое положение страны.

Необходимо было изыскать валюту для покрытия правительственных расходов за рубежом. Один из источников этого виделся в превышении экспорта над импортом. Поскольку основной статьей экспорта являлось зерно, то задача вывезти как можно больше хлеба на внешний рынок становится одной из главных во внешнеторговой политике правительства. Еще в 1864 году были отменены таможенные пошлины на вывоз из страны хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Стремительный рост хлебного экспорта стал возможен лишь в результате интенсивного развития торгового земледелия в стране и быстро расширяющегося спроса на хлеб на мировом рынке. С развитием торгового земледелия все более увеличивалась масса товарного хлеба, выбрасывавшегося на внутренний и внешний рынки. Особенно быстро развивалось торговое земледелие в южных районах страны, которые становились главным поставщиком хлеба на внешний рынок. Сеть западных и южных железнодорожных линий (Риго-Царицынская, Либаво-Роменская, Лозово-Севастопольская, Юго-Западные, Козлово-Воронежско-Ростовская) была сооружена с учетом нужд «земледельческого капитализма» и связала центральночерноземные хлебобородные губернии страны с внутренним рынком и торговыми портами на Балтийском и Черном морях.

Ведущее место в хлебном экспорте принадлежало южным районам. Уже в 1861–1870 годах на долю черноморских и азовских портов приходилось 62 % всего вывоза хлеба из страны. За 1862–1879 годы экспорт русского зерна (пшеницы, ржи, овса и ячменя) возрос в 5 раз и составил 56,2 % всей суммы экспорта России (в 1845 г. — 16,4 %) ³⁹.

Однако растущий экспорт не привел к созданию внушительного активного торгового баланса вследствие очередного увеличения импорта. Государственный долг продолжал расти (на 1 января 1871 г. он составил 1800 млн а на 1 января 1875 г. — 2900 млн руб.), и финансы по-прежнему оставались болезненной сферой российской экономики. Первые признаки падения уровня деловой активности в России появились осенью 1872 года. Русский капитализм к этому времени имел уже тесные финансовые и денежные связи с иностранным капиталом. Поэтому когда в Западной Европе в 1873 году разразился денежный и промышленный кризис, русские банки и промышленность были также захлестнуты волной финансовых затруднений и товарного перепроизводства. В результате кризиса грюндерство к середине 70-х годов стихло, и 1873–1877 годы стали годами продолжительного промышленного затишья.

Тяжелое положение усугублялось неурожаями 1875 и 1876 годов, что немедленно отразилось на российской внешней торговле, тем более что на мировом рынке отмечалось понижение цен на зерно.

Опасения российского министра финансов вызывала также растущая зависимость страны от иностранных денежных рынков. Иностранный капитал стал играть в 60–70-х годах в экономике России значительную большую роль, чем когда-либо прежде. Это соответственно отражалось на отношениях России с европейскими державами.

Так, Германия была крупнейшим кредитором России, инвестировав около 900 млн марок (417 млн руб.) в русские железные дороги в 1865–1876 годах. В результате глубоких изменений на мировом аграрном рынке Германская империя стала крупнейшим покупателем русского зерна, одновременно усиливалось наступление германской индустрии на российский рынок промышленных товаров.

Единственный выход из такого положения Рейтерн видел в уменьшении иностранных займов, поощрении экспорта и переходе к такой тарифной политике, которая позволила бы сократить импорт. Первым шагом на этом пути стало взимание с 1 января 1877 года пошлин не в кредитных рублях, а в золотых, что означало реальное повышение пошлин на 40–50 %. Однако все выгоды от этого шага были утрачены вследствие подготовки, а затем ведения войны с Турцией в 1877–1878 годах.

Таким образом, в первые десятилетия 70-х годов рассматриваемого периода материально-техническая база российского капитализма находилась в процессе становления. В стране не хватало фабрично-завод-

ских предприятий тяжелой индустрии, в результате чего рос российский импорт продукции тяжелой промышленности из стран Запада, особенно Англии и Германии. Хронические финансовые трудности, слабый промышленный потенциал и необходимость развивать инфраструктуру побуждали правительство воздерживаться от активной внешней политики в Европе. Значительную роль в этом играли также необходимость завершения реформ и нестабильность внутривластной обстановки, выражавшаяся в росте оппозиционных движений в стране.

В конце 70-х годов в результате войны с Турцией (1877–1878 гг.) оказалось расстроено обращение, отмечались дополнительные эмиссия бумажных денег и резкое понижение стоимости кредитного рубля (до 61,7 коп. золотом на 1 января 1879 г.)⁴⁰.

Правда, под влиянием той же войны промышленность, связанная с военными поставками, получила толчок к развитию. В 1879–1881 годах оживление этих отраслей достигло наиболее высокого уровня за десятилетие. Но этот промышленный подъем оказался недолгим. Уже с 1881–1882 годов отчасти в связи с низкими урожаями, дальнейшим сокращением железнодорожного строительства и, наконец, под непосредственным влиянием западноевропейского кризиса 1880 года промышленность России вступила в полосу длительной депрессии⁴¹. Сокращение работы предприятий, массовое закрытие фабрик, массовая безработица, рабочее движение и забастовки составляли социальный фон этого периода развития российской капиталистической промышленности⁴².

Тяжелое положение российской экономики и финансов усугублялось ухудшением состояния сельского хозяйства. Слабые урожаи в 1881–1885 годах, неурожай 1889–1890 годов и особенно в 1891-м осложнили экспорт хлеба. К тому же со второй половины 70 — начала 80-х годов обнаруживается падение мировых хлебных цен и наступает продолжительный мировой кризис сельского хозяйства. Естественно, что падение мировых цен отразилось и на русском экспорте хлеба.

Если внешнеполитическая активность влияла на экономическое состояние страны, то и экономические и финансовые трудности 80-х годов серьезным образом ограничивали возможность российского правительства и во внешнеполитической сфере. Россия вынуждена была сохранять оборонительную стратегию безопасности и лимитировать военные расходы.

Российскому Министерству финансов потребовалось без малого десять лет для того, чтобы покончить с последствиями войны с Турцией, промышленной депрессии и аграрного кризиса в экономике и финансах.

В мае 1881 года министром финансов был назначен видный ученый-экономист 58-летний Николай Христофорович Бунге. В числе намеченных им мер были улучшение податной системы, укрепление рубля, раз-

вение кредита. Для преодоления дефицита государственного бюджета Бунге считал необходимым привлечь в промышленность иностранные капиталы: «Пока государство расходует больше, чем получает доходов, до тех пор оно должно делать займы и искать капиталы не только у себя дома, но и за границей»⁴³.

Другой мерой стал переход к протекционистской политике, что вызвало оживленные дискуссии в обществе. Одним из самых активных пропагандистов таможенной охраны отечественной промышленности являлся Д.И. Менделеев. Пионером в области протекционистской таможенной политики в конце 70-х годов выступила Германия. Затем та же линия была подхвачена Францией, Италией и другими государствами Европы. Она стала характерной и для России. Наиболее существенные последствия для развития промышленности имело повышение таможенных пошлин на уголь, черные металлы и машины, осуществленное в 1884–1886 годах⁴⁴. Хотя в фискальном отношении это увеличение ставок не вполне оправдало ожидания, с 1884 года внешнеторговый баланс склонился в пользу России. Положительное сальдо не было, однако, настолько значительным, чтобы покрыть текущие иностранные обязательства или стабилизировать курс рубля. Для сбалансирования бюджета необходимы были новые кредиты, но на европейском денежном рынке русские облигации и железнодорожные обязательства принимались только в Германии, отношения с которой в этой области обострились.

Под влиянием тяжелого финансового положения страны и критики со стороны группировки Победоносцева — Каткова Бунге пришел к такому заключению, что «положение и экономическое и финансовое скверно, а что улучшения ожидать неоткуда»⁴⁵, и был вынужден уйти в отставку.

С 1887 года в управление Министерством финансов вступил Иван Алексеевич Вышнеградский. Он пользовался известностью как крупный ученый в области механики и машиностроения. Вместе с тем, принимая участие в руководстве ряда акционерных компаний, он снискал и славу умелого дельца⁴⁶. Иностранные обозреватели отмечали: когда Вышнеградский стал министром, казалось, сами промышленные интересы заняли столь высокое кресло⁴⁷.

Новый министр во многом явился продолжателем политики своего предшественника, но проводил ее более последовательно и жестко. Основы своей программы Вышнеградский изложил в записке, адресованной Александру III. Одну из главных задач новый министр видел в «устранении из нашего бюджета тяготеющего над ним дефицита». Вышнеградский полагал, что «для лучшей же постановки экономического положения в высшей степени важно вступить решительным образом на путь покровительственной политики отечественной промышленно-

сти». Под покровительством он подразумевал не только ужесточение таможенной защиты. «Внимание к предпринимателям собственным... поощрение предприятий, насаждающих у нас производства, в особенности имеющие предметом переработку нашего сырья; самое внимательное отношение к нуждам нашей торговли — доставление ей удобств для борьбы на всемирном рынке с нашими соперниками» — эти меры должны были дополнить пересмотр тарифа⁴⁸.

Одновременно министр считал, что таможенное покровительство будет эффективно лишь при условии поощрения иностранных инвестиций в российскую промышленность. Он также поощрял линию на участие государства в хозяйственной деятельности и особенно в регулировании государством частной предприимчивости.

В 1887–1890 годах были повышены пошлины на руду, чугун, железо, сталь, изделия из них, на машины, паровозы, суда, на уголь и кокс, а также на хлопок, шерсть, сахар и др. Протекционистская политика Вышнеградского была увенчана тщательно подготовленным тарифом 1891 года, главным принципом которого было покровительство всем, а не отдельным, как прежде, отраслям промышленности и установление таких ставок, чтобы отечественные товары на российском рынке не были дороже иностранных. Средний размер пошлин составил 33 % к стоимости ввозимых иностранных товаров, а на железнодорожное оборудование и подвижной состав — до 1000 % и более⁴⁹.

Эти меры способствовали оживлению тяжелой промышленности, в особенности горнодобывающей, и поощряли интерес к прямым инвестициям в России со стороны иностранного капитала.

В результате Вышнеградский сумел быстро преодолеть те трудности, которые создал российским финансам Бисмарк в 1887 году путем введения запрета Рейхсбанку принимать в залог русские ценные бумаги.

Резким увеличением косвенных налогов Вышнеградский заставлял мелких крестьян-производителей сокращать долю урожая для собственного потребления и увеличивать продажу зерна зачастую по чрезвычайно низким ценам. За счет сокращения крестьянского потребления правительство достигло своей цели — начал значительно расти русский экспорт. В 1887–1891 годах среднегодовой положительный торговый баланс достигал 300 млн руб. Это в соединении с усилением налогового бремени, жестким взиманием недоимок, резким сокращением сверхсметных расходов позволило Вышнеградскому ликвидировать дефицит государственного бюджета.

Понятно, что внешние успехи политики министра финансов были достигнуты путем увеличения податного бремени и разорения многих крестьянских хозяйств, и опасности, заложенные в таком методе,

скоро стали очевидны. Тяжелый неурожай 1891 года, массовый голод, эпидемия холеры привели к резкому сокращению в 1892 году, а затем и к полному прекращению хлебного экспорта и падению курса русских ценных бумаг на европейских денежных рынках. Попытка получить заем во Франции закончилась неудачей. Кроме того, не было достигнуто прогресса на переговорах с Берлином по поводу торгового договора, который позволил бы России пользоваться на германском рынке теми же льготами, что и другие страны. Все это вместе с болезнью привело в конце августа 1892 года к отставке Вышнеградского⁵⁰.

Его преемником на посту министра финансов и отчасти продолжателем его политики стал 43-летний Сергей Юльевич Витте, являвшийся, без сомнения, одной из виднейших фигур в российском правительстве в конце XIX — начале XX века. Многие современники полагали, что как государственный деятель он был на голову выше своих коллег. Они единодушно отмечали его сильный ум, твердую волю, страстность, нечеловеческую энергию, удивительную работоспособность.

Деятельность Витте на посту министра финансов была подчинена задаче создания великой России. Его политика в 90-е годы преследовала цель: добиться полной экономической независимости России, превратить ее в самодовлеющую хозяйственную единицу. При этом Россия в возможно короткие сроки должна была догнать развитые в промышленном отношении страны Европы и США, занять прочные позиции на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное промышленное развитие страны Витте рассчитывал обеспечить в основном двумя взаимосвязанными методами: 1) привлечением иностранного капитала в виде займов и инвестиций и 2) таможенной защитой русской промышленности от иностранных конкурентов и поощрением русского вывоза. Новый министр не сомневался, что государство должно играть доминирующую роль в «развитии капитализации России, что правительственная инициатива в значительной степени должна быть ответственна за рост российской промышленности»⁵¹.

Достижения русской экономики во время пребывания Витте на посту министра финансов были впечатляющи. С 1893 года в России начался невиданный ранее промышленный подъем, завершивший промышленную революцию. Он был подготовлен всем ходом развития народного хозяйства, политикой предшественников Витте. Тарифная и торговая политика, иностранные займы, поощрение инвестиций и новые транспортные пути — все это в комплексе стало основой экономического процветания.

Ведущим сектором подъема вновь явилось государственное железнодорожное строительство, которое развернулось в трех основных направлениях: постройка военно-стратегических дорог к западным гра-

ницам; на окраинах Российской империи — в Средней Азии и Сибири; строительство дорог промышленно-экономического характера в Европейской России. В 80–90-е годы была сооружена Закаспийская линия от Красноводска до Андижана и Кушки. В конце XIX века осуществлялось строительство крупнейшей в мире Сибирской магистрали. Как полагал Витте, она «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст ему твердую точку опоры в наших восточных портах» и создаст «поворот в направлении сообщений между Европою и азиатским Востоком».

Частными акционерными обществами было сооружено около 2 тыс. верст железных дорог. Из них наиболее важными стали две экспортные линии к Черному морю — Закавказская (Баку — Батум) и Новороссийская ветвь Владикавказской железной дороги, обеспечившая немалые объемы хлебного экспорта из районов Северного Кавказа.

В конце 1894 года в России насчитывалось 34,6 тыс. км железных дорог, причем в Европейской части было сосредоточено более 90 % железнодорожной сети. Тем не менее отсталость не была преодолена. На 10 тыс. кв. км территории России приходилось всего 64 км железных дорог, что было в 16 раз меньше, чем в Англии, в 12,5 раза меньше, чем в Германии, и почти в 5 раз меньше, чем в США⁵². Продолжалась политика национализации крупных частных дорог.

И все же железнодорожное строительство помогло России в 90-е годы совершить огромный скачок в своем индустриальном развитии. Ежегодный прирост общей суммы промышленной продукции, составивший в 1878–1887 годах 26,1 млн руб., увеличился до 161,2 млн руб. в 1893–1897 годах⁵³.

Еще в конце 80-х годов в русской промышленности наметились важные структурные сдвиги, связанные с возрастающими темпами развития тяжелой индустрии страны. И хотя по абсолютным размерам производства на первом месте оставалась текстильная промышленность, тяжелая индустрия быстро догоняла легкую⁵⁴.

Важным показателем капиталистического развития промышленного производства в России в этот период была его концентрация. Многие «молодые» отрасли российской промышленности, возникшие в 50–60-х годах, — паровозо-, вагоностроение, сталелерельсовая, медепрокатная, цементная, резиновое производство — вообще не знали мелких предприятий.

Однако и в начале 90-х годов объем сельскохозяйственного производства по-прежнему превосходил в денежном выражении объем промышленного производства.

К концу 80-х годов наметились существенные сдвиги и в сельскохозяйственном производстве России, усилился товарный, предпринимательский характер крестьянских хозяйств⁵⁵. Количество товарного хле-

ба в этот период достигло 47,4% от производимого. Все более крупная доля сельскохозяйственной продукции России шла на мировой рынок. Если в 1862–1866 годы за рубеж отправлялось 4,6% сбора зерна, то в конце XIX века — уже 15,7%. Доля России в мировом экспорте зерна в конце 80-х годов достигла максимальной цифры — 47% совокупного ввоза на мировой хлебный рынок⁵⁶.

Однако усиленный хлебный вывоз приводил к резкому сокращению внутреннего потребления. В 80–90-е годы Россия среди других великих держав прочно удерживала самую низкую потребительскую норму⁵⁷, что вызывало социальную напряженность в стране, но правительство продолжало увеличивать хлебный вывоз. Слишком велико было его значение для финансов страны. Неуклонный рост экспорта позволил ликвидировать дефицит платежного баланса. Только за десятилетие с 1885 по 1894 год внешнеторговый оборот влил в народное хозяйство страны около 2,2 млрд руб.

Оборот внешней торговли за годы развития промышленного капитализма повысился примерно в 3,5 раза. Несмотря на рост абсолютных показателей, доля России в мировой торговле была достаточно устойчива (3,5–3,9% мирового оборота), и она делила с Австро-Венгрией 7–8-е места, уступая не только четверке великих держав, но и таким небольшим государствам, как Бельгия и Голландия.

Россия поставляла на мировой рынок главным образом сельскохозяйственные товары. Особое место в ее экспорте, как отмечалось, занимали хлебопродукты. К началу 60-х годов их доля превысила 30%. В середине следующего десятилетия она достигла 50% и на этом уровне (при постоянных колебаниях) держалась до середины 90-х годов.

В то же время возрастало и значение вывоза леса. В 90-е годы лес стал второй, после хлеба, статьёй русского экспорта. Заметное место в нем также заняли нефтепродукты и сахар.

Менялась структура русского импорта. Если в 60–70-х годах в нем преобладали потребительские товары, то к середине 90-х годов свыше 40% стоимости ввоза приходилось на долю основных товаров производственного спроса: хлопка, машин, металлов, шерсти, красителей и химических продуктов, угля.

На протяжении всей второй половины XIX века главными партнерами России во внешней торговле оставались европейские страны: около 80% всего вывоза приходилось на шесть европейских государств; более 60% всего импорта поступало из четырех европейских стран — Германии, Великобритании, Франции и Австро-Венгрии.

Исключительное положение в системе внешней торговли России занимали Великобритания и Германия. На их долю приходилось свыше половины всего торгового оборота государства, причем особенно быст-

рыми темпами росли торговые связи с Германской империей, на долю которой приходилось до $\frac{1}{4}$ российского экспорта и $\frac{1}{3}$ импорта.

При во многом схожем ассортименте экспортных и импортных товаров отношения на почве торговли у России с Германией и Великобританией складывались совершенно по-разному. Если с Англией они развивались спокойно и оставались в русле чисто коммерческом⁵⁸, то русско-германская торговля, несмотря на устойчивое увеличение объема, протекала на фоне таможенной борьбы двух правительств, постоянного роста германских пошлин на сельскохозяйственные продукты и российских — на промышленные товары. Протекционизм был ахиллесовой пятой русско-германской торговли, нередко осложняя и политические отношения между двумя империями.

Объем торговли с другими европейскими странами был на порядок ниже, а с США Россию связывал практически один товар — хлопок. Слабее была развита торговля со странами других континентов, что во многом было обусловлено малыми размерами русского торгового флота. По количеству и тоннажу паровых судов Россия занимала последнее место среди великих держав, уступая даже Италии и Австро-Венгрии.

Русские правительственные и предпринимательские сферы признавали, что для большинства отраслей русской промышленности «долгое время будет невозможна конкуренция на английской и германской почве»; они связывали экономическое развитие России с активной борьбой за рынки сбыта в странах Востока. По расчетам Витте, это дало бы возможность «проценты на капиталы, полученные в Европе, выплачивать из выручки от вывоза в Азию»⁵⁹.

Однако торговля с азиатскими странами развивалась относительно медленно. Крупнейшими торговыми партнерами России в Азии были Китай и Иран. В Китай экспортировались преимущественно хлопчатобумажные ткани, а также кожи, керосин, пушнина и т. п. Большое место на иранском рынке занимали русские хлопчатобумажные ткани, керосин, сахар, металлы. Но размер этого экспорта был невелик — в Китай в 1894 году вывозилось товаров на 4,5 млн в Иран — на 12,2 млн руб.

Понимая, что «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с ее «политическим влиянием»⁶⁰, Витте принимал меры по расширению торговых отношений. В апреле 1893 года по его инициативе при Министерстве финансов было создано «Особое совещание по торговле с азиатскими государствами» из представителей трех министерств — финансов, военного и иностранных дел. На его обсуждение был поставлен ряд общих вопросов относительно развития отношений со странами Ближнего и Среднего Востока, о расширении торговли с Китаем в связи со строительством Сибирской железнодорожной магистрали и ряд конкретных мер, касавшихся Ирана.

3. Армия и флот

После Крымской войны русские вооруженные силы переживали критический момент: армию и флот приходилось организовывать почти заново.

Основная заслуга в преобразовании русской армии принадлежала Дмитрию Алексеевичу Милютину. 45-летний генерал-лейтенант был назначен на пост военного министра в ноябре 1861 года и занимал его на протяжении 20 лет. Еще в марте 1856 года Милютин составил обширную записку «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных», в которой доказывал необходимость сокращения армии в мирное время и максимального ее развертывания в военное время; при этом он подчеркивал, что «крепостное право не позволяет у нас ни сократить срока службы, ни увеличить числа бессрочно-отпускных дел уменьшения наличного числа войск». Действительно, соотношение войск в русской армии для мирного и военного времени составляло 1:1,25, в то время как для армий Франции, Австрии и Пруссии соответственно 1:2; 1:2,2; 1:3,4⁶¹. Милютин считал также необходимым в корне изменить и организацию войск: уничтожить деление в мирное время на армии и корпуса, создав вместо них военные округа — как пограничные, так и внутренние⁶².

Став военным министром, Милютин получил возможность для практической реализации своих планов. 15 января 1862 года он представил Александру II доклад с изложением основных идей будущих преобразований. Этот доклад, утвержденный царем в конце января, и явился программой действий Милютина.

Целью программы было повышение боеспособности армии путем создания военно-обученных резервов, улучшения управления войсками и их боевой подготовки, реорганизации системы подготовки офицерских кадров, перевооружения армии винтовками и нарезными казенно-зарядными пушками.

Вся сложность этой программы определялась необходимостью руководствоваться при ее осуществлении, с одной стороны, задачей усиления боеспособности вооруженных сил а, с другой — стремлением максимально сократить смету Военного министерства. Тяжелое финансовое положение государства, вполне естественно, отражалось и на финансировании военного ведомства. И хотя с 1862 по 1874 год смета Военного министерства увеличилась на 51% (с 114,2 до 172,5 млн руб.), недостаток средств создавал большие трудности в осуществлении преобразований в армии⁶³.

Главная цель программы заключалась в создании массовой армии буржуазного типа. Однако сразу поставить вопрос о замене рекрутской повинности всесословной воинской повинностью Милютин не решался,

встретив упорное сопротивление консервативных военных кругов во главе с князем А.И. Барятинским. Министр предложил довести ежегодный контингент рекрутов до 125 тыс. человек при условии увольнения солдат в отпуск на седьмом-восьмом году службы. За счет такого фактического сокращения сроков военной службы (ранее 25 лет) личный состав армии уменьшился, части были переведены на сокращенные штаты мирного времени, а обученный запас к 1870 году насчитывал 553 тыс. человек вместо 210 тыс. в 1862 году.

В 1864 году была проведена реформа местного военного управления: созданы 15 военных округов, возглавляемых командующими войсками округа. В 1868 году было реорганизовано Военное министерство, в результате чего все отрасли военного управления и войска подчинялись военному министру. В том же году было утверждено новое положение о полевом управлении армии в военное время, которое упростило структуру штаба и более четко определило права и обязанности главнокомандующего и начальников отдельных управлений. Все это улучшало организацию военного ведомства.

Для подготовки офицерских кадров вместо кадетских корпусов, соединявших общее и специальное военное образования, создавались военные гимназии и военные училища (1863–1864 гг.), а также юнкерские училища (с 1864 г.) для лиц, не имевших общего среднего образования. Качество высшего военного образования также значительно улучшилось: коренным образом были пересмотрены учебные планы и программы академий. Помимо трех академий: Генерального штаба, Артиллерийской и Инженерной была открыта четвертая — Военно-юридическая (1867 г.).

Практическая необходимость преобразований в армии стала особенно очевидна в 1870 году, после военного разгрома Франции бисмарковской Германией. «Война франко-прусская, — писал в своих «Воспоминаниях» Милютин, — произвела сильное впечатление во всей Европе. Тоща поняли и у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сокращениях и сбережениях отодвинулись (по крайней мере временно) на задний план, заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе»⁶⁴.

В ноябре 1870 года Милютин представил Александру II две обширные записки: «О развитии наших вооруженных сил» и «О главных основаниях личной военной повинности». В первой военный министр, характеризуя состояние русской армии, указывал на ее недостаточные размеры: «Для действий на Главном театре войны против неприятельской армии оказывается возможным сосредоточить только от 500 до 600 тыс. человек, что, конечно, не может быть признано достаточным

для ограждения государства от вторжения миллионной армии, которую ныне может выставить одна Германия даже без других союзников»⁶⁵.

Для осуществления намеченных в записках Милютин мероприятий были созданы две комиссии: одна — по уставу и воинской повинности и другая — по устройству вооруженных сил. Однако подготовка и проведение этих мер потребовали от Военного министерства огромных трудов и усилий из-за сопротивления все той же группировки, возглавляемой князем А.И. Барятинским и шефом жандармов П.А. Шуваловым⁶⁶, считавшей проводимые в вооруженных силах реформы несвоевременными и излишними.

Одновременно с работой комиссий генералу Н.Н. Обручеву было поручено составить записку, о стратегическом положении государства, весьма важную для решения всех вопросов, связанных с устройством вооруженных сил. Записка, отражавшая и взгляды руководства Военного министерства, была представлена царю в начале 1873 года.

Основную опасность для России Обручев и стоящий за ним Милютин усматривали со стороны Германии и ее возможного союзника Австро-Венгрии, в связи с чем главное внимание в записке уделялось укреплению Польши и прилегающих к ней районов. В записке намечался основной план обороны западных границ путем создания плацдарма на Висле и Немане и предусматривалось строительство там системы укреплений, способной служить также и отправным пунктом для перехода к активным наступательным операциям в сторону как Германии, так и Австро-Венгрии. Железнодорожные линии, проектируемые в записке, в достаточной степени обеспечивали мобилизацию и сосредоточение армии на Главном театре войны и создавали возможность для перегруппировки, а также для бесперебойного снабжения войск в период военных действий. Что касается укрепления Южного и Юго-Западного театров, то этому вопросу не придавалось большого значения. Военное министерство, судя по рассматриваемой записке, не предполагало активной политики России на Балканах⁶⁷.

Предложения военного министра обсуждались на секретном совещании 31 марта 1873 года с участием царя и министров — иностранных дел, военного, морского, внутренних дел, финансов, а также императорского двора, ряда членов Государственного совета и др. После многочасовых дискуссий и споров проект Военного министерства по усилению вооруженных сил в целом был принят, однако при осуществлении мер по увеличению армии и укреплению границ рекомендовалось реально учитывать «наличные финансовые средства», что серьезно ограничивало практическую реализацию проекта в короткие сроки⁶⁸.

Было принято также решение разработать новый порядок бессловесного призыва в армию и создания при сокращенном сроке действи-

тельной военной службы крупных обученных резервов. Проект нового закона поступил в Государственный совет в январе 1873 года и после обсуждения и доработки 1 января 1874 года был утвержден царем.

По этому закону военной службе подлежали лица всех сословий; общий срок службы устанавливался в 15 лет, из них 6 — действительной и 9 — в запасе. Для лиц, получивших образование, этот срок значительно сокращался (от 4 лет до 6 месяцев в зависимости от образования). Существовали значительные льготы по семейному положению (по ним от призыва освобождалось свыше 50 % призывников). Всеобщая воинская повинность не вводилась на некоторых национальных окраинах (Средняя Азия и Казахстан, частично — Кавказ и отдельные территории Крайнего Севера). В многонациональной России в армию и на флот призывались в основном русские, украинцы, белорусы. Многие другие национальности либо несли службу по особым правилам (поляки, финны), либо выставляли иррегулярные формирования (башкиры, калмыки и др.). Казаки также несли службу на особых основаниях.

Новая система комплектования армии способствовала накоплению военнообученного запаса (перед русско-турецкой войной он достигал 752 тыс. человек).

Важнейшей частью военных реформ, определявшей в конечном счете организацию войск и всю систему боевой подготовки, являлось перевооружение армии. Сразу после вступления на пост военного министра Милютин отмечал: «Мы должны теперь откровенно признать, что в материальном состоянии артиллерии и в вооружении войск мы отстали от других европейских государств»⁶⁹.

Несмотря на финансовые трудности, в 60–70-х годах было проведено перевооружение большей части пехотных войск оружием, заряжающимся с казенной части (винтовки системы Бердана, Крика и др.). Для перевооружения артиллерии большое значение имело создание Обуховского и Пермского сталепушечных заводов. К концу 60-х годов было закончено перевооружение полевой артиллерии бронзовыми орудиями, заряжающимися с казенной части. Однако к началу войны 1877–1878 годов русская полевая артиллерия все же уступала иностранной.

Военные реформы 60–70-х годов для своего времени имели прогрессивное значение. Они ускоряли слом сословного строя, способствовали развитию железнодорожной сети, строительство которой в столь обширной стране становилось необходимым условием быстрого проведения широкой мобилизации армии. В результате реформ русская армия превратилась в массовую армию буржуазного типа, что в значительной степени укрепило ее боеспособность и положительно сказалось уже в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

Однако самодержавный строй обусловил непоследовательность реформ. В армии сохранялись значительные феодально-крепостнические пережитки: бессмысленная муштра, кастовость офицерского корпуса, засилье реакционного генералитета и др. Несмотря на упорную работу, в столь короткие сроки не были, да и не могли быть устранены такие крупные недостатки русской армии, как отсутствие запаса офицеров и нехватка запаса обученных солдат, разнородность состава офицеров и неудовлетворительная подготовка большей их части, неопытность старшего командного состава в руководстве большими войсковыми силами (в России не было армейской единицы крупнее дивизии), несовершенство и разнородность в вооружении пехоты и артиллерии и др. Недостаточно была развита военная промышленность.

Война с Турцией 1877–1878 годов явилась практической проверкой проводившихся Д.А. Милютиным военных преобразований. Подтвердив правильность основных направлений военной реформы, война показала ее незавершенность. Однако после войны преобразования в армии проводились крайне медленно, что было вызвано ограничением бюджетных ассигнований. Не сооружались стратегические железные дороги, не было закончено ни перевооружение артиллерии, ни перевооружение пехоты⁷⁰.

Александр III, с недоверием относившийся к Милютину, в мае 1881 года назначил военным министром генерала Петра Семеновича Ванновского. Во время войны с Турцией последний был начальником штаба Рущукского отряда, командовал которым наследник престола, то есть будущий император Александр III, это и способствовало их сближению. Новый министр был беспредельно предан императору. По свидетельству современников, он был человеком честным и трудолюбивым, но средние способности и слабое образование (Ванновский окончил лишь дореформенный кадетский корпус) делали нового министра фигурой, малоприспособленной для такого поста⁷¹.

Сознавая сам свои ограниченные возможности, П.С. Ванновский просил императора назначить начальником Главного штаба одного из ближайших сотрудников Милютина генерала Н.Н. Обручева: «С точки зрения теоретических военных соображений и с точки зрения собственно военной науки... это единственный человек, на кого он [Ванновский] мог бы опереться и который мог восполнить его недостатки»⁷². И хотя царь не любил Обручева, он согласился на его назначение.

Ввиду гонки вооружений и увеличения численности армий европейских государств, в особенности Германии, российским руководством также принимались меры по укреплению военной мощи. Они были продиктованы не только ростом вооруженных сил других великих держав, но и собственными внешнеполитическими целями, часто носившими

отнюдь не оборонительный характер. Но деятельность Военного министерства по-прежнему крайне затруднялась ограниченностью финансовых возможностей.

Не оправдалось предсказание Бисмарка, считавшего, что недостаток капиталов не заставит русских быть хотя бы немного более миролюбивыми: они «истратят необходимое количество средств на железные дороги и на армию вне зависимости от того, имеют они их или нет»⁷³.

Александр III поддержал меры министра финансов Бунге по ограничению расходной части российского бюджета, Программа действий, преподанная царем новому военному министру, была весьма лаконична: наряду с указанием на проведение ряда мер по повышению боеспособности армии «на первом плане и в непрерывную обязанность принять безотлагательно все меры для уменьшения военных расходов»⁷⁴. В первой половине 80-х годов наблюдается непрерывное уменьшение военных расходов примерно на 20–25 % в год.

Только с 1885 года начинается некоторый рост военного бюджета, причем сумма расходов достигает уровня 1881 года лишь 10 лет спустя — в 1891 году, когда после обсуждения вопроса в Государственном совете было решено увеличить ассигнования для перевооружения армии казеннозарядными винтовками Мосина и покрытия расходов на укрепление крепостей по западной границе. Однако и этих ассигнований явно не хватало на все расходы, связанные с перевооружением войск. Средний годовой расход на сухопутную армию в России к середине 90-х годов был равен 2,3 руб. на душу населения, тогда как Австрия затрачивала 3,8 руб., Германия — 5,6 руб., Франция — 5,8 руб.⁷⁵

Численность армии в 1881–1882 годах была сокращена примерно на 100 тыс. человек. Только к концу 1890 года численность сухопутных войск достигла уровня января 1881-го. С 90-х годов начинается быстрый рост численности армии, связанный, в частности, с обострением отношений с Германией и заключением военной конвенции с Францией. К этому же времени значительно возросли возможности развертывания армии в случае войны за счет накопления как обученного запаса, так и необученного (ополчения). Сокращение срока службы с 6 до 5 лет впоследствии позволило отказаться от призыва необученных ратников.

Проведенные преобразования коснулись не только численности армии, но и организации всех ее звеньев и устройства родов оружия. Закрепилась корпусная организация войск, были преобразованы и усилены резервные и крепостные войска, выработаны технические приемы для скорейшего перехода с мирного положения на военное, увеличено число полков, выставляемых казаками.

В 1884 году было завершено перевооружение всех армий и первой очереди ополчения современными ружьями системы Бердана. Однако

Россия несколько запаздывала: в заграничных армиях уже с конца 70-х годов шли опыты по разработке нового типа ружья — магазинного. С 1893 года началось вооружение русских войск винтовками Мосина, во многом превосходившими стрелковое оружие западных армий. Артиллерия приняла на вооружение орудие, сконструированное Маиевским и отличавшееся лучшими показателями по дальности и меткости огня, однако в 80–90-х годах обеспеченность армии этими орудиями была еще крайне недостаточна, в особенности в сравнении с армиями западных стран. В докладе за 1893 год Ванновский указывал, что в отношении обеспечения пехоты артиллерийскими орудиями Россия стоит на последнем месте. Так, на каждый батальон пехоты приходилось орудий: во Франции — 4,22, в Германии — 3,01, в Австро-Венгрии — 2,85, в России же — 2,52⁷⁶.

В середине 90-х годов вновь возник вопрос о необходимости перевооружения полевой артиллерии, на этот раз скорострельными орудиями. «Наша артиллерия должна будет, без сомнения, последовать примеру артиллерии западных армий, дабы не уступить им в вооружении и действенности огня; но перевооружение артиллерии представит для нас большие затруднения как по значительности потребных на то средств, так и в особенности вследствие малой производительности наших заводов»⁷⁷, — докладывал Ванновский уже новому императору — Николаю II.

Российское руководство все более осознавало, что своевременность перевооружения зависит в первую очередь от двух составляющих: достаточного количества денег и возможности их рационально использовать, то есть направить в отечественную военную промышленность. Число оружейных заводов (казенные — Тульский, Сестрорецкий, Ижевский) оставалось неизменным в течение всего XIX века. Их производительность росла медленно. В 1870–1890 годах стали возникать частные артиллерийские заводы (Путиловский, Барановского и др.), но и они не справлялись с объемами заказов. Все это вынуждало закупать часть вооружения за границей. Так, значительное количество трехлинейек Мосина было изготовлено по русским лекалам во Франции на заводе Шательро и закуплено Россией. Новое станочное оборудование для казенных ружейных заводов Россия вынуждена была заказать за границей — в Англии, Франции и Швейцарии⁷⁸.

Вооружение Германии и усиленное строительство ею железных дорог на восточных рубежах требовали ответных действий со стороны России. Вскоре после окончания русско-турецкой войны Главный штаб вновь поставил вопрос о необходимости сооружения новых стратегических железнодорожных линий. Ванновский докладывал царю в 1882 году: «Положение России на западных границах становится из года в год все опаснее, главная и основная тому причина кроется в тех

быстрых успехах, которые делает германско-австрийская сеть железных дорог сравнительно с нашими. С помощью железных дорог противники обеспечили самое решительное преимущество в мобилизации и сосредоточении войск»⁷⁹.

Военное министерство особенно активно ратовало за строительство рокадных дорог, обеспечивавших переброску войск с северо-Западного театра на юго-Западный и обратно. В феврале 1883 года на Особом совещании Александр III утвердил план широкого военно-стратегического железнодорожного строительства на западных границах империи. План не удалось реализовать полностью. В течение 15 лет в Полесье и Привислинском крае было сооружено силами железнодорожных батальонов лишь около 2,5 тыс. верст пути. Но главная задача была решена в общих чертах: обеспечены подвоз войск к вислинскому рубежу и переброска их для развертывания сил на дополнительных рубежах.

К концу XIX века для сосредоточения русской армии на западе России имела всего 7 главных железнодорожных линий, которые давали возможность пропускать до 167 поездов в сутки, но начиная с 10-го дня мобилизации. В Германии же к российской границе подходило 17 сквозных линий и в Австро-Венгрии — 8 линий. Эти линии позволяли уже с 3-го дня мобилизации ежедневно доставлять к границам по 812 поездов⁸⁰. Отставание России в этой сфере усугублялось еще одним моментом. Несмотря на то что русские заводы достигли значительных успехов в производстве паровозов и вагонов, подвижной парк оставался все еще недостаточным. В середине 90-х годов Германия располагала подвижным составом, в 2 раза превышающим русский⁸¹. Все вместе это создавало большое преимущество для германской и австро-венгерской армий, которые военным руководством России рассматривались в качестве будущих противников.

Начало планомерной подготовки России к войне на западе было положено начальником Главного штаба генералом Обручевым, представившим в 1880 году (после заключения в 1879 г. австро-германского союза) план ведения войны с Германией и Австро-Венгрией, который в общих чертах просуществовал до 1909 года. Основная его идея заключалась в сосредоточении ударной группировки войск в Привислинском районе, особенно в Варшавском округе, выдвинутой вперед для действий в направлении на Вену и на Берлин.

В дальнейшем в связи с увеличением численности русской армии и происходившими изменениями в дислокации войск военные планы неоднократно пересматривались (в 1883, 1887 и в 1890 гг.). Мобилизационное расписание 1890 года предусматривало два варианта действий. Один вариант — на случай, если Германия свой главный удар направит против России, а второй — если главный удар Германия нанесет по Франции (тогда Россия планировала свои действия главным образом нацелить

против Австро-Венгрии). Если первоначальные планы предусматривали оборонительный характер военных действий, то в последующих оборонительная тенденция исчезает по отношению к австрийцам, но сохраняется в отношении Германии⁸². К середине 90-х годов русская армия являлась одной из крупнейших в Европе боевых сил. Она состояла из 27 полевых корпусов (52 пехотных и 32 кавалерийских дивизий) общей численностью 946 тыс. человек и более чем на 100 тыс. превосходила вооруженные силы мирного времени Германии и Австро-Венгрии, вместе взятые. Но германские части имели значительный перевес в огневой мощи. Отставали от западных армий российские артиллерия и инженерные войска. Недостаточно была развита сеть российских железных дорог. Все это делало реальное соотношение вооруженных сил менее благоприятным для России.

Серьезным недостатком были довольно низкий военно-промышленный потенциал царской России, отсутствие некоторых современных отраслей военной промышленности.

Русский военно-морской флот в результате Крымской войны оказался в еще более тяжелом положении, нежели армия. Большая часть Черноморского флота была затоплена. Война показала, что деревянный парусный флот (каким являлся российский) перестал служить надежным щитом страны с моря.

Назначенный на пост руководителя Морского министерства великий князь Константин Николаевич прямо указывал, что у России флота нет: «Черноморский флот погиб, защищая Севастополь, а Балтийский силой вещей обратился в ряд блокшивов, которые осталось разобрать на дрова»⁸³. Конечно, великий князь сгущал краски, но был не так уж далек от реальности. На конец 1856 года Россия имела на Балтике один винтовой корабль, один винтовой фрегат, 10 колесных пароходофрегат, 18 небольших пароходов и 40 канонерских винтовых лодок; флот в Черном, Каспийском, Белом морях и на Дальнем Востоке составлял немногим более 20 пароходов⁸⁴.

Положение осложнялось плачевным состоянием финансов. После Крымской войны правительство произвело резкое сокращение бюджета Морского министерства, и нельзя было серьезно думать о полной перестройке флота в сжатые сроки. Великий князь Константин Николаевич писал: «...не о морских победах следует думать, не о создании вдруг большого числа судов, на что мы решительно не имеем средств, но о том, чтобы непрерывными плаваниями небольшого числа хороших судов приготовить целое поколение будущих опытных и страстных моряков»⁸⁵.

К воспитанию такого поколения глава Морского министерства привлекал и печать, в первую очередь журнал «Морской сборник», ставший одним из значительных русских изданий того времени, в число сотруд-

ников которого вошли наиболее образованные морские офицеры и лучшие научные и литературные силы страны. Для изучения флота России и зарубежных государств многие из них получили специальные командировки от морского ведомства. Так, И.А. Гончаров совершил кругосветное плавание на фрегате «Паллада»; Д.В. Григорович плавал на «Ретвизане»; А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, Г.А. Данилевский и др. знакомились с морскими промыслами.

Большое внимание уделялось специальной морской подготовке. При Константине Николаевиче и его преемниках на посту главы морского ведомства адмиралах Н.К. Краббе и С.С. Лесовском для укомплектования флота инженерно-техническим составом были открыты специальные инженерно-артиллерийские и штурманские морские училища, а для повышения специальных и технических знаний командного состава — офицерские классы при Морском училище, которые в 1877 году были преобразованы в Морскую академию. Закон о всеобщей воинской повинности 1874 года предусматривал сокращение срока службы на флоте до 10 лет (7 лет действительной службы и 3 года в запасе).

В конце 50 — в 70-х годах ценой огромного напряжения сил было осуществлено двукратное преобразование русского флота: первоначально — в паровой, а затем — в броненосный. Уже в 1858 году русский флот состоял из 182 паровых деревянных судов различных классов, которые несли 1198 орудий.

В связи с появлением броненосных судов в странах Западной Европы и США морское ведомство, осознавая невысокую боевую ценность деревянного винтового флота, приняло меры по созданию броненосных судов. В 1861 году Морское министерство заказало в Англии первую плавучую блиндированную батарею («Первенец»), одновременно приступив к постройке такой же батареи («Не тронь меня») в Петербурге; была сделана попытка оковать броней строившиеся в Петербурге и Кронштадте фрегаты «Севастополь» и «Петропавловск». Пятым российским судном с броней стала построенная также в начале 60-х годов в Петербурге канонерская лодка «Опыт». (Франция и Англия к 1862 г. имели уже соответственно 16 и 12 броненосных судов⁸⁶.)

Морское ведомство настаивало на строительстве броненосного флота оборонительного назначения, способного защищать Кронштадт и столицу. В конце 1862 — начале 1863 года был создан комитет под председательством вице-адмирала Румянцева, которому поручалась разработка новой судостроительной программы, включавшей строительство броненосцев береговой обороны, мониторов, канонерских лодок, плавучих батарей и т. п. по проектам и под руководством русских инженеров и техников, в большинстве случаев на отечественных заводах. Корабли имели сильную артиллерию и мощную броню, но не отли-

чались хорошей мореходностью, обладая малой скоростью и ограниченной дальностью плавания.

В результате на 1 января 1870 года русский броненосный флот по количеству судов занимал третье место среди флотов других стран Европы⁸⁷, однако он не мог соревноваться с флотами возможных противников в открытом море и вынужден был уходить под защиту береговой артиллерии, то есть был обречен на пассивную оборону.

Морское ведомство пришло к выводу о необходимости в оборонительных целях и для поддержания престижа России как морской державы начать сооружение броненосных мореходных судов. В 1869 году на петербургских верфях был заложен и в 1877 году спущен на воду первый российский мореходный броненосец «Петр Великий», он положил начало строительству кораблей класса эскадренных броненосцев. В 1872 году была утверждена программа строительства броненосных крейсеров с достаточно большим радиусом действия, несколько крейсеров было приобретено в Англии.

К началу русско-турецкой войны в составе Балтийского флота было уже 24 броненосных корабля различных классов, 3 полуброненосных крейсера, 20 судов деревянных, железных и смешанных систем. Общий тоннаж всех 47 судов составлял 125,6 тыс. т.

Хуже обстояло дело на Черном море. Турция к началу боевых действий располагала сильным военным флотом. На Черном море она имела броненосную эскадру из 15 кораблей и 18 небронированных военных судов. На состоянии российского Черноморского флота продолжали сказываться последствия Парижского договора, ограничительные статьи которого были отменены только в 1871 году; Черноморский флот не располагал ни одним современным боевым кораблем. Имелись всего 2 броненосные плавающие батареи («поповки»), 4 винтовых деревянных корвета, 7 вооруженных пароходов, 13 винтовых шхун, яхта «Ливадия». К этим кораблям в начале войны были присоединены еще 12 пароходов, купленных у «Русского общества пароходства и торговли», и минные катера. Наиболее совершенными являлись «поповки», служившие в основном для оборонительных целей. Все остальные суда не имели брони и были слабо вооружены. В результате в ходе войны 1877–1878 годов все задачи на Черном море и Дунае решались вооруженными пароходами и минными катерами⁸⁸.

Балтийский и Черноморский флоты в то время практически представляли собой все военно-морские силы России, так как размеры Каспийской, Беломорской и Сибирской флотилий были незначительны (в общей сложности 25 небронированных судов).

Судостроительные мощности были сосредоточены на верфях Петербурга и Кронштадта. Николаевские верфи только начали восстанавливаться после Крымской войны.

Вопрос о строительстве флота, способного обеспечить безопасность российских берегов на Балтике и Черном море, остро встал в связи с угрозой войны с европейской коалицией весной 1878 года. Как отмечалось в отчете военного министра за 1879 год, «Петр Великий» есть наш единственный сильный боевой корабль. Все прочие суда наши не способны к борьбе с первоклассными броненосцами, которыми располагают другие морские державы, да и само значение их как передвижной силы, обременяющей наши берега, весьма сомнительно»⁸⁹.

Осложнение международной обстановки в связи с формированием Тройственного союза и появлением на Балтике нового потенциального противника — германского броненосного флота заставило Морское министерство принять серьезные меры. На состоявшемся в мае 1881 года Особом совещании под председательством великого князя Алексея Александровича с участием министров иностранных дел, военного и морского были определены основные задачи военно-морского флота России на главных вероятных морских театрах боевых действий.

Первой заботой по восстановлению морских сил должно было стать возрождение Черноморского флота, который по своей силе превосходил бы флот Турции и мог бы при благоприятных обстоятельствах обеспечить занятие Босфора. На Балтике основной задачей было доведение флота «до первенствующего значения сравнительно с флотами других держав, омываемых тем же морем, обеспечение его надежными базами в наименее замерзающих частях Финского залива». На Тихом океане основной потенциальный противник — Япония располагала в это время небольшим флотом и, по мнению участников Особого совещания, еще не представляла серьезной угрозы. Поэтому здесь не требовалось иметь современных броненосцев, а ставилась ограниченная задача — «оборона важнейших пунктов побережья» путем развертывания береговой артиллерии и постановки оборонительных минных заграждений и создания небольшой Сибирской флотилии. В случае же возникновения на Дальнем Востоке конфликта с Японией или Китаем намечалась посылка в воды Тихого океана эскадры из состава Балтийского флота⁹⁰.

«Россия не может играть на море такой же слабой роли, как в последней русско-турецкой войне. Она должна быть готова встретить неприятеля за пределами своих вод, у его берегов, будь это в Балтике или на Черном море»⁹¹, — говорилось в решении Особого совещания.

Исходя из поставленных задач, была принята кораблестроительная программа, рассчитанная на 20 лет (1881–1900 гг.), согласно которой намечалось построить: для Балтийского флота — 16 броненосцев, 13 крейсеров, 11 канонерских лодок, 100 миноносцев; для Черноморского флота — 8 броненосцев, 2 крейсера, 19 миноносцев; для Сибирской

флотилии — 8 канонерских лодок и 6 миноносцев⁹². Из этих цифр видно, что хотя Особое совещание и признало в качестве первостепенной задачи создание флота на Черном море, в программе главный упор был сделан на строительство Балтийского флота. Это объяснялось в первую очередь быстрым усилением германского флота на Балтике и необходимостью иметь резерв кораблей для посылки их на Тихий океан к дальневосточным берегам.

В дальнейшем судостроительная программа несколько раз пересматривалась в зависимости от изменений политической обстановки, но она была выполнена лишь частично. Всего за 15 лет, прошедших после принятия программы 1881 года, вошло в строй 15 эскадренных броненосцев, 3 броненосца береговой обороны, 10 крейсеров 1-го и 2-го ранга, 14 канонерских лодок и 72 миноносца⁹³.

Основная масса этих судов была построена на крупных отечественных судостроительных заводах. Из 482 российских кораблей различных классов, вступивших в строй во второй половине XIX века, 382, или 79,3 %, были построены на отечественных заводах; 100, или 20,7 %, — за границей, главным образом в Англии, Германии и Франции, где военное кораблестроение находилось на более высоком уровне, чем в других странах⁹⁴.

Судостроительные программы требовали крупных средств. Расходы на флот в 80–90-х годах резко возрастают, хотя Россия сильно отставала в этой сфере от своих возможных союзников и противников⁹⁵. Рост расходов на судостроительные программы вызывал еще большее напряжение бюджета и встречал оппозицию в Министерстве финансов. Но в 1898 году возникла новая тревожная ситуация: Германия приняла новый закон о сооружении океанского флота, равного английскому. Это решение коренным образом меняло стратегическую обстановку на Балтике. Изменилось положение и на Дальнем Востоке. Российская Тихоокеанская эскадра, насчитывавшая 23 боевых корабля, значительно уступала в мощи быстро растущему японскому флоту (свыше 70 судов в 1895 г.). Начинался новый виток гонки морских вооружений.

* * *

К середине 90-х годов Россия утвердилась на пятом месте в мире по абсолютным размерам промышленного производства. По основным показателям развития промышленности — выплавке чугуна и стали, добыче минерального топлива, потреблению хлопка, производству машин, энерговооруженности — она приближалась к Франции. В то же время разрыв с наиболее развитыми в промышленном отношении странами — США, Германией, Великобританией — не только не сократился, но и увеличился. Россия значительно отставала от передовых капиталисти-

ческих государств по производству промышленной продукции на душу населения. Более сильны были позиции России в производстве сельскохозяйственной продукции.

Разумеется, арифметической зависимости между экономическим и военным потенциалами, с одной стороны, и международным весом — с другой, нет. Но ясно, что слабость российских финансов, недостаточное развитие важных отраслей промышленности, отражавшиеся на боеспособности вооруженных сил, требовали от руководства страны сдержанности, осторожности в политике на международной арене.

Глава II. «Россия сосредоточивается»

1. Новые внешнеполитические задачи и поиски средств их достижения

В Крымской войне буржуазная Европа одержала победу над крепостнической Россией. Хотя Россия не утратила статуса великой державы, но ее международный престиж был сильно поколеблен. Парижский трактат, завершивший войну, явился тяжелым и унижительным для нее договором. Черное море объявлялось нейтральным: запрещалось содержать на нем военно-морской флот, строить прибрежные укрепления и арсеналы. Особая конвенция между Россией и Турцией регулировала нахождение там легких военных судов (до шести для каждой из договаривающихся сторон), определяла их тоннаж и размеры. К трактату была приложена конвенция относительно режима проливов Дарданелл и Босфора, подтверждавшая «древнее право» Османской империи запрещать в мирное время военным судам иностранных держав, за исключением легких, входить в проливы. Но в военное время, если Турция участвовала в конфликте, султан мог пропускать флоты союзных ему держав.

Эти условия Парижского мира значительно ущемляли национальные интересы России. Ее южные рубежи оказывались незащищенными. В случае военного конфликта западные державы, заручившись согласием султана, могли беспрепятственно ввести свои корабли в черноморские воды. Могла сделать это и сама Турция, сохранявшая возможность держать боевые корабли в проливах и в Архипелаге. А русское командование было лишено возможности принять ответные меры.

Франция и Англия навязали России конвенцию об Аландских островах, которая лишала ее права сооружать и содержать там военно-морские укрепления. Это ослабляло позиции русского флота на Балтике. Кроме того, еще в ходе Крымской войны Англия и Франция заключили договор со Шведо-Норвежским королевством, которое в обмен на гарантию его целостности обязывалось не уступать России какую-либо часть своей территории¹.

Лишение России давнего права преимущественного покровительства христианским народам Балкан ослабило ее влияние на полуострове. Она утратила легальный путь поддержки национальных устремлений балканских народов и укрепления своих позиций в регионе. Потеряв Южную Бессарабию, Россия лишилась контроля над устьем Дуная.

На Кавказе ей пришлось отказаться в пользу Турции от занятого в ходе войны Карса. Англия, Австрия и Франция заключили договор о гарантии независимости и сохранении целостности Османской империи, в случае нарушения которых могли применить силу. К союзу трех государств на севере примыкало Шведо-Норвежское королевство, а на юге — Османская империя. Сложившаяся новая расстановка сил получила название «крымской системы». Россия оказалась в международной изоляции.

В ходе войны были разорваны союзнические отношения с Австрией, открыто вставшей на сторону противников России. Не внушала доверия и Пруссия, занимавшая осторожную позицию. Россия лишилась той роли в Европе, которую она играла длительное время в качестве сильнейшей сухопутной державы. На первое место среди континентальных держав вышла Франция. Возросло также влияние Великобритании как могущественной торгово-промышленной и колониальной державы. Англия и Франция укрепили свои позиции на Ближнем Востоке.

После смерти Николая I в 1885 году верховное руководство внешней политикой стал осуществлять его наследник. Александр II хотя и разделял взгляды своего отца, но осознавал необходимость перемен во внешнеполитическом курсе. Изменившаяся обстановка выдвигала новые задачи перед внешней политикой, которые требовали иных методов и других людей.

Проведение внутренних реформ могло быть успешным лишь при условии длительного мира. Это предполагало принятие осторожных и взвешенных решений во внешней политике, урегулирование возникавших проблем дипломатическими средствами. В этом отдавали себе отчет многие государственные деятели России. Бессменный министр иностранных дел при Николае I канцлер К.В. Нессельроде, оставляя руководство дипломатическим ведомством, завещал: России следует «заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил». Даже он осознал, что внешняя политика страны должна впредь исходить из ее национальных интересов, а не руководствоваться принципами ушедшего в прошлое Священного союза².

Для осуществления такого внешнеполитического курса на должность министра иностранных дел требовался тонкий политик и гибкий дипломат. Выбор царя пал на князя Александра Михайловича Горчакова. Это был умный и проницательный человек, отличавшийся широтой взглядов. «Среднего, скорее даже высокого, нежели низкого роста, неправильные тонкие и выразительные черты лица, тонкие губы прозорливого скептика, за стеклами очков в золотой оправе глаза, искрящиеся остроумием, лицо, озаренное мыслью, которая то и дело проявлялась в добродушных или язвительных остротах. Его разговор очаровывал. Он это знал и любил блистать»³ — таким рисовали его современники.

А.М. Горчаков получил блестящее образование в Царскосельском лицее, который окончил в одном выпуске с А.С. Пушкиным. Великий поэт посвятил Горчакову несколько стихотворений, предсказав ему блестящую карьеру. В 1817 году поэт писал:

Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный⁴.

После окончания лицея 19-летний юноша поступил на службу в дипломатическое ведомство. Первое время ему покровительствовал И.А. Каподистрия. Но тогдашний вице-канцлер К.В. Нессельроде не любил молодого дипломата и долгое время держал его в тени. Горчакову было суждено пройти непростой служебный путь — от секретаря посольства в Вене до чрезвычайного и полномочного посланника во Франкфурте-на-Майне и, наконец, посла в Вене. Но благодаря этому он приобрел большой профессиональный опыт, Новый министр хорошо представлял себе и внутреннее положение страны.

Назначение Горчакова на должность руководителя внешнеполитического ведомства было восторженно встречено в буржуазно-дворянских кругах России. Популярности его во многом способствовала деятельность во-время переговоров в 1855 году в Вене, где он приложил максимум усилий, чтобы добиться мира с минимальным ущербом для интересов своей страны. Многие надеялись, что он сумеет добиться отмены унижительных статей Парижского мира и восстановить престиж России, подорванный крымским поражением.

Новый министр начинал свою деятельность в сложной обстановке. Россия нуждалась в серьезных преобразованиях. Осознавая отсталость страны, он ратовал за проведение буржуазных реформ. Во взглядах Горчакова приверженность принципам самодержавия сочеталась с умеренным либерализмом. Он понимал, что решение внешнеполитических задач России и восстановление ее международного престижа невозможны старыми методами дворянско-династической политики Николая I. Сумев убедить в этом царя, Горчаков действовал более самостоятельно, чем его предшественник. Во время управления дипломатическим ведомством Горчаков был одним из самых доверенных советников царя. Наиболее видное положение он занимал в первые годы его царствования (до 1863 г.). В то время он оказывал большое влияние и на дела внутренней политики, причем был «ревностным поборником» реформ Александра II⁵.

Русский дипломат Г.В. Чичерин отмечал: «Князь А.М. Горчаков оставил глубокий след в русской истории прочными результатами своей политики»⁶.

Горчаков понимал, что в *новую*, буржуазную, эпоху нельзя не считаться с общественным мнением, и стремился привлечь его на свою сто-

рону. Министр писал: «Прогресс... чтобы быть верно понятым и идти путем правильным и прочным, нуждается в содействии общественного мнения»⁷. К общественности были обращены многие его ноты, пронизанные острой публицистичностью. Обладая незаурядным литературным талантом, Горчаков добивался особой четкости и образности языка. Его ноты и записки напоминали порой литературные произведения и вызывали немалый интерес всей читающей публики.

Большое значение придавал Горчаков историческим традициям России и опыту ее дипломатии. В качестве образца ему служила политика Петра I.

Министр хорошо ориентировался в расстановке сил на международной арене. Он понимал, что система Священного союза исчерпала себя и необходимы новые ориентиры и методы внешней политики. Уже в своем первом циркуляре российским дипломатическим представителям за рубежом от 16(28) апреля 1856 года Горчаков, сообщая о своем назначении, отмечал, что политика России будет строиться на принципах доброжелательности и доверия⁸. Общая линия российской политики в международных делах была намечена им в получившем широкий резонанс в политических кругах Европы циркуляре от 21 августа (2 сентября) 1856 года. В качестве основы провозглашалось «обретение свободы действий». Это означало разрыв с традициями Священного союза. От имени царя министр иностранных дел заявлял, что политика России будет проводиться в собственных интересах, но «не в ущерб чужим». Приоритет отдавался развитию внутренних сил. Говоря, что «Россия не сердится, а сосредоточивается», то есть собирает силы, Горчаков подтверждал мирные намерения страны, но не исключал переход к активным действиям в будущем⁹. Министр также заявлял: политика Российского государства национальна, но отнюдь не своекорыстна. «Государь ставит на первом месте пользы подвластных ему народов, но охрана их интересов не может служить оправданием для нарушения прав других народов»¹⁰.

Осуществление национальной политики требовало новых людей. Было проведено обновление личного состава дипломатических представительств за границей. При подборе кадров в первую очередь учитывались компетентность и способности человека. Министр требовал от послов проявления большей активности и самостоятельности. Он направил послом в Вену своего ближайшего соратника по венским совещаниям В.П. Балабина, разделявшего его глубокую неприязнь к бывшей союзнице. В Лондоне Ф.И. Бруннов сменил граф М.И. Хрептович, а умелый дипломат Бруннов, способности которого не были использованы в должной мере в николаевское время, был направлен в Берлин: ведь Пруссии отводилась важная роль в русской политике. Послом в Париж был назначен умный и опытный П.Д. Киселёв, много лет занимавший от-

ветственные военные и дипломатические посты. К дипломатической деятельности в Азии и на Дальнем Востоке были привлечены энергичные военные деятели — Н.П. Игнатьев, Н.Н. Муравьев, Е.В. Путятин. Директором Азиатского департамента стал Е.П. Ковалевский — известный ученый-географ, большой знаток славянских земель, успешно справившийся с несколькими ответственными поручениями на Балканах. Таким образом, на ключевых дипломатических постах к старым, опытным дипломатам добавились более молодые и энергичные, отличавшиеся самостоятельностью суждений.

Одновременно с обновлением дипломатического аппарата шла корректировка механизма принятия внешнеполитических решений. Они, как правило, рассматривались на особых межведомственных совещаниях, а затем представлялись на утверждение царя. На таких совещаниях помимо дипломатов присутствовали военный и морской министры, министр финансов и другие влиятельные государственные деятели. Решающее слово формально оставалось за самодержцем, который нередко следовал советам своего министра иностранных дел. Последний искусно умел казаться только исполнителем решений царя, однако он сам же ему их и подсказывал. Однажды Горчаков сказал Бисмарку: «В России есть только два человека, которые знают политику русского кабинета: император, который ее делает, и я, который ее prepares и выполняет»¹¹.

В качестве основной внешнеполитической задач выдвигалось обеспечение мирной передышки, ставилась цель добиться ликвидации статей Парижского договора о нейтрализации Черного моря. Не менее важным представлялось восстановление утраченных позиций на Балканах, что должно было составить первый шаг к изменению режима проливов в пользу России. Остальные направления внешней политики — среднеазиатское, дальневосточное — имели в тот период подчиненное значение. Россия стремилась к укреплению своих позиций в Средней Азии, где можно было оказать давление на Англию путем угрозы ее колониям. На Дальнем Востоке стояла задача разграничения с Китаем и присоединения Приамурья и Приморья.

Для достижения этих целей России необходимо было вырваться из международной изоляции. По вопросу о союзниках в правящих кругах не было единодушия. Сам царь, как известно, больше тяготел к Пруссии. Нессельроде, покидая пост руководителя внешнеполитического ведомства, также считал, что «было бы крайне неосторожно подрывать наши добрые и полезные сношения с Пруссией или растравлять те, какие мы имеем с Австрией». Взывая к монархическим чувствам, канцлер дредостерегал против тесных союзнических отношений со Второй империей¹². Он выражал мнение реакционных дворянских кругов. Напротив, симпатии либеральной общественности были на стороне Франции.

Горчаков также видел во Франции наиболее желательную союзницу, тем более что она проявляла склонность к сближению с Россией. Этого никак нельзя было сказать о другом столпе крымской системы — Англии. К Австрии Горчаков по понятным причинам относился враждебно. Что касается Пруссии, то он полагал, что союз с этой державой будет недостаточен для возрождения влияния России в Европе. В конечном счете Александр II, во взглядах которого государственные интересы одержали верх над династическими чувствами, поддержал Горчакова, и это дало возможность последнему заявить в 1859 году: в качестве союзника «мы только видим Францию».

2. Русско-французское сближение. Политика на Балканах

Союз с Францией представлялся перспективным, поскольку вбивал клин в крымскую систему и сулил надежду добиться пересмотра Парижского договора.

Наполеон III, строивший планы расширения границ своей империи и упрочения ее гегемонии в Европе, был заинтересован в союзе с Россией. Националистические круги французской буржуазии вынашивали планы захвата Савойи, Ниццы и левого берега Рейна. На пути к достижению этих целей стояла Австрия, которую поддерживала Англия. В качестве противовеса этим державам французское правительство и рассчитывало использовать Россию.

Наполеон III направил на коронацию Александра II своего двоюродного брата и ближайшего советника герцога Шарля де Морни. Последний был женат на княжне Трубецкой и выступал за сближение с Россией. Морни прибыл в Санкт-Петербург в августе 1856 года. Ему был оказан радушный прием, превзошедший все ожидания. В дальнейшем он остался в столице в качестве посла Франции.

В Париже нового российского посла П.Д. Киселёва чествовали не меньше, чем Морни в Петербурге. Он сразу же занял первое место в дипломатическом корпусе. Оба посла начали подготовку почвы для сближения между своими государствами. Зимой 1856/57 года в Петербурге и Париже усиленно велись переговоры, содержание которых хранилось в тайне. Хотя некоторая утечка информации и произошла, но на протяжении длительного времени не было известно ни о содержании переговоров и заключенного в их итоге договора, ни даже о дате его подписания. Лишь накануне первой мировой войны введение в научный оборот некоторых французских и русских документов частично пролило свет на этот вопрос¹³. И только в 1924 году советскому историку Л. Фейгиной удалось восстановить ход переговоров, завершившихся подписанием

в 1859 году русско-французского секретного договора. В дальнейшем картина развития событий была реконструирована и детализирована исследователями Э. Шюле, Р.И. Рыжовой и другими историками¹⁴.

В 1857 году почва для сближения между Россией и Францией была в основном подготовлена. Еще годом раньше французское правительство уступило настояниям России в вопросе об эвакуации англо-французских войск из Греции. Затем оно поддержало Россию в вопросе о разграничении в Бессарабии* и об эвакуации русских войск из Карса. Энергично шло восстановление прерванных войной экономических и торговых связей. Оставалось приступить к переговорам об оформлении союзнических отношений.

Первым шагом в реализации этого проекта должна была послужить поездка в Париж брата царя великого князя Константина Николаевича, вторым — свидание двух императоров. В преддверии войны с Австрией Наполеон III стремился выяснить отношение царского правительства к французским планам аннексии итальянских земель. Надеясь добиться согласия России и на эти территориальные приращения, Франция предлагала России Галицию. Константин Николаевич не стал обсуждать этот вопрос, опасаясь, что поддержка планов Наполеона III может вовлечь Россию в новый военный конфликт.

Свидание императоров состоялось 13(25) сентября 1857 года в Штутгарте, куда Александр II и Наполеон III прибыли в сопровождении министров иностранных дел. Царь и Горчаков не собирались препятствовать реализации французских планов в Италии при условии, если Франция поддержит пересмотр Парижского договора в интересах России. Но Наполеон III дальше общих туманных обещаний о содействии России не шел. Участники встречи признали необходимым координировать свои внешнеполитические действия и «не принимать участия ни в одном крупном европейском вопросе, не посоветовавшись предварительно между собою». Свидание в Штутгарте стало шагом к укреплению положения России в Европе¹⁵.

Заигрывая с Россией в преддверии готовящейся войны с Австрией, Наполеон III пошел на определенное согласование действий двух держав на Ближнем Востоке. Франция, хотя и не всегда последовательно, поддерживала Россию в защите интересов балканских народов. Франко-русское сотрудничество помогло, в частности, сорвать попытки Порты установить сюзеренитет над Черногорией. Когда в 1858 году Турция напала на Черногорию, то Россия и Франция оказали дипломатический нажим на Порту с целью прекращения агрессии. В дальнейшем они

* По конвенции, подписанной 13(25) декабря 1856 года на конференции в Париже, Россия отказалась от своих прав на Белград и Змеиный остров (против устья Дуная) и получила взамен выгодное разграничение в северной части Бессарабии.

вынудили Порту согласиться на разграничение с Черногорией и сделать ей некоторые территориальные уступки.

Благодаря согласованным действиям двух держав удалось добиться автономного статуса для Молдовы и Валахии. В 1857 году под давлением России и Франции австрийские и турецкие войска были вынуждены покинуть территорию Дунайских княжеств, на Парижской конференции 1858 года была утверждена их автономия, а в январе 1859-го Россия и Франция поддержали избрание А. Кузы правителем Молдавии и Валахии, что способствовало образованию Румынии.

Договоренность между Россией и Францией предотвратила австрийское вмешательство в дела Сербии, где в 1858 году вновь стала править династия Обреновичей. Таким образом, благодаря согласованным действиям с Францией России удалось несколько повысить свой престиж на Балканах.

Выступая совместно с Россией на Балканах, Наполеон III рассчитывал воспользоваться ее поддержкой в войне с Австрией. Отсутствие формального соглашения связывало ему руки. Поэтому через П.Д. Киселева он вновь постарался выяснить, какую позицию займет Россия в случае войны.

После заключения в Пломбьере в июле 1858 года соглашения с главой сардинского правительства Кавуром о совместном выступлении против Австрии Наполеон III решил, что настало время для конкретной договоренности с Россией. В сентябре он направил в Варшаву на встречу с Александром II своего двоюродного брата принца Жерома Наполеона, яркого австрофоба, возглавлявшего при дворе «итальянскую партию». Эта поездка была предпринята как ответный визит на посещение Парижа великим князем Константином Николаевичем.

Горчаков еще надеялся, что Франция согласится поддержать отмену унизительных для России статей Парижского трактата. В расчете на это он после переговоров в Варшаве сообщил Киселеву, что в случае войны между Францией и Австрией Россия будет придерживаться благожелательного Франции нейтралитета и подвинет к австрийской границе армейский корпус, достаточный для того, чтобы парализовать действия 150-тысячной австрийской армии¹⁶.

Месяц спустя французская сторона возобновила переговоры. Чтобы не привлекать излишнего внимания, в Петербург был направлен не профессиональный дипломат, а флотский офицер капитан Ля Ронсьер ле Нури. Вместе с письмами Наполеона III Александру II и принца Жерома Наполеона Горчакову он привез два документа, содержавших проект договора.

В первом России предлагалось занять положение «благожелательного нейтралитета» и выставить войска на границе с Австрией, чтобы отвлечь ее силы с итальянского фронта. Одновременно русские суда долж-

ны были охранять интересы Франции в Средиземном море. Кроме того, России предлагалось оказать давление на Пруссию и другие государства Германского союза и удержать их от выступления против Франции.

Во втором документе рассматривался вопрос о компенсациях. Наполеон III снова предлагал царскому правительству присоединить Галицию, но лишь в случае, если Россия объявит войну Австрии. Сама Франция претендовала на Савойю и Ниццу. Австрия лишалась бы не только итальянских владений, но и Венгрии. В Верхней Италии создавалось государство под властью Савойской династии. И наконец, затрагивался вопрос относительно французской поддержки России в пересмотре Парижского трактата. Франция высказывалась пока в общей, достаточно неопределенной форме, хотя и обещала за месяц до объявления войны уточнить свою позицию.

Россия стремилась избежать действий, которые могли бы вовлечь ее в войну и привести к «европейскому пожару». Гарантия реальной поддержки в главном для нее вопросе отсутствовала. Естественно, такой проект договора не мог удовлетворить царское правительство. В отношении Галиции Горчаков заявил Ля Ронсьеру, что «России достаточно своей территории»¹⁷.

Французскому посланцу был представлен контрпроект, в котором основной упор делался на условиях, интересовавших Россию, — поддержка в аннулировании статей Парижского трактата о нейтрализации Черного моря и о Южной Бессарабии. В этом случае царское правительство соглашалось на помощь Франции. Однако Ля Ронсьер не был уполномочен принимать такие решения.

Но Франция нуждалась в договоренности с Россией, и в декабре 1858 года Ля Ронсьер прибыл в Петербург с новыми предложениями. На этот раз Наполеон III несколько умерил свои желания. Он настаивал лишь на том, чтобы Россия сковала на своей границе значительные австрийские силы. Александр II и А.М. Горчаков опасались, что сосредоточение русских войск на австрийской границе может привести к войне. Они соглашались пойти на этот риск только при условии включения в проект конкретного обязательства Франции поддержать пересмотр невыгодных России статей Парижского трактата.

Горчаков предложил французской стороне на выбор два новых контрпроекта. В первом обязательство России ограничивалось сохранением нейтралитета. Согласно второму, она сосредоточивала на границе с Галицией военные силы, достаточные, чтобы сковать 150-тысячное австрийское войско. За это Наполеон III должен был при заключении мира «употребить все усилия с целью аннулировать статьи Парижского трактата, которые ограничивают русские морские силы в Черном море и обуславливают уступку Бессарабии Молдавии»¹⁸.

Дальнейшие переговоры вели министр иностранных дел Франции А. Валуевский и посол П.Д. Киселёв. Последний исходил из необходимости для России мира и опасался, что отмена ограничительных статей трактата может вызвать протест других держав и привести к европейской войне. Поэтому он считал за лучшее «набраться терпения» и до поры не вызывать осложнений, а заключить с Францией не слишком обязывающий договор.

Александр II, для которого Парижский договор являлся «вечным кошмаром», и Горчаков, поставивший своей целью добиться его аннулирования, придерживались другого мнения. Они еще надеялись добиться содействия Франции в осуществлении своих планов.

Между тем Наполеон III склонялся к принятию лишь первого варианта проекта, дополнив его статьей о сохранении секретности. 19 февраля (3 марта) 1859 года в Париже состоялось заключение договора, под которым поставили свои подписи П.Д. Киселёв и А. Валуевский. В нем было зафиксировано обязательство России соблюдать благожелательный Франции нейтралитет во время войны последней с Австрией. Кроме того, Россия должна была способствовать сохранению нейтралитета других великих держав, прежде всего Пруссии. Французское обязательство осталось довольно неопределенным. Предусматривалось, что стороны договорятся об изменениях в существующих договорах в интересах обоих государств при заключении мира. В дополнение к договору Александр II устно обещал придвинуть войска к австрийской границе¹⁹.

В преддверии войны с Францией Австрия, в свою очередь, предприняла попытку сближения с Россией, предложив соглашение по делам Востока на основе «консервативной солидарности». Для осуществления этого замысла венский двор направил в Петербург графа Карольи. Александр II, еще не простивший Австрии ее предательства во время Крымской войны, отказался вести переговоры. Горчаков заметил австрийскому дипломату, что одного «консервативного интереса» для возобновления прежних отношений теперь уже недостаточно. Так же неудачно закончилась вторая попытка — миссия барона Вернера, стремившегося убедить царя в готовности Австрии выступить с предложением о пересмотре Парижского трактата. Горчаков понимал, что при негативном отношении Англии и Франции одной поддержки Австрии будет недостаточно. И хотя договор с Францией давал лишь слабую надежду на достижение заветной цели, в Санкт-Петербурге не хотели упускать эту возможность. Во всяком случае, Горчаков был твердо намерен достичь поставленной цели. «Мы добьемся этого, — утверждал он, — ибо всегда к этому стремимся. Надеюсь еще при жизни это увидеть»²⁰.

С началом Франко-австрийской войны Россия оказала дипломатическую поддержку Франции. Когда Австрия начала военные действия в Италии, Пруссия стала приводить в боевую готовность свои войска,

приглашая последовать своему примеру другие германские государства. События могли принять нежелательный для Франции оборот. Это побудило Горчакова выступить 15(27) мая 1859 года с циркулярной нотой русским представителям при германских дворах, содержащей предупреждение против военной поддержки последними Австрии. Россия заверяла, что Франция «не имеет никаких враждебных видов». По свидетельству П.Д. Киселёва, этот циркуляр произвел огромное впечатление в Париже. Некоторые французские генералы даже приравняли эффект его к действиям 100-тысячной армии²¹. Однако Наполеон III был недоволен медлительностью России, которая фактически не отвлекла австрийские войска с итальянского фронта: в конце войны русский observationalный корпус все еще находился на пути к Галиции.

В июле 1859 года на мирных переговорах между Наполеоном III и австрийским императором Францем Иосифом в Вилланфранке было установлено, что Австрия уступает Пьемонту Ломбардию, но оставляет за собой Венецианскую область. Вопрос о Савойе и Ницце не получил окончательного решения (присоединение их к Франции состоялось несколько позже — в 1860 г.). Интересы русского партнера «маленький Наполеон» счел возможным проигнорировать.

Поддержка России способствовала победе Франции. Это дало основание французскому историку Ф. Шарль-Ру констатировать, что Россия стала орудием завоевательных планов Наполеона III²². В литературе существуют различные оценки франко-русского договора 1859 года и его значения для России. Советский историк Ф. Ротштейн утверждал, что Россия ничего не получила от сближения с Францией и Горчаков совершил в данном случае ошибку²³. Его заключения опровергались в работах других советских историков — Р.И. Рыжовой и Л.И. Нарочницкой. Представляется, что договор не может быть оценен однозначно.

Сближение с Францией не привело к отмене нейтрализации Черного моря. Но оно способствовало восстановлению русского престижа в Европе. Россия снова становится одной из влиятельных держав. Франко-австрийская война расшатала «крымскую систему». Создались более благоприятные условия и для политики России на Балканах.

Однако франко-русское согласие оказалось непрочным. Франция по-прежнему была связана с Англией — главным соперником России. К тому же она имела собственные интересы на Балканах и не желала, чтобы там усилилось влияние России. Поддержка балканской политики России Наполеоном III была поэтому осторожной и непоследовательной²⁴. Российская дипломатия вскоре убедилась, что всерьез рассчитывать на содействие Наполеона III нельзя.

В конце 1859-го — 1860-м году произошли волнения христианского населения на Балканах, и Горчаков выступил с рядом инициатив, направ-

ленных на защиту христиан. Такой шаг должен был поднять престиж России среди балканских славян и показать европейской общественности, что без нее не может быть решен ни один важный вопрос восточной политики. Министр рассчитывал привлечь к этим акциям Францию. Горчаков предписал Киселеву предложить парижскому кабинету предварительное соглашение по Ближнему Востоку. Наполеон III увязал возможность такого соглашения с итальянским вопросом, добиваясь присоединения к Италии Венеции. В качестве компенсации для Австрии он предлагал населенное славянами побережье Адриатического моря. Киселев отвечал, что «предложенный обмен невозможен»²⁵. Усилия Горчакова побудить державы оказать давление на Порту и заставить ее провести реформы в христианских провинциях империи так и не были поддержаны Францией.

В начале 60-х годов российское правительство окончательно убедилось в ненадежности своего партнера. Вскоре получил отставку и сторонник сближения с Францией П.Д. Киселёв. Определенную роль в охлаждении франко-русских отношений сыграло свидание царя с прусским королем Вильгельмом I и австрийским императором Францем Иосифом в октябре 1860 года в Варшаве. Все же российское правительство, избегая крайних решений, выступило посредником между ними и французским правительством, передавая предлагаемые Наполеоном III основания соглашения. Обмен мнениями, начатый в Варшаве, способствовал сохранению мира в Европе. В 1862 году Россия признала Итальянское королевство. Между обоими государствами были восстановлены дипломатические отношения. Что касается Франции, то в том году еще сохранялись союзнические отношения с Россией. Но поддержка Парижем польского восстания 1863 года привела к охлаждению. В 1867 году, подводя итоги десятилетнему сотрудничеству с Францией, А.М. Горчаков констатировал: «Содействие, которое оказывал нам тюильрийский кабинет, было, сказать по правде, неискренним и весьма ограниченным»²⁶.

* * *

Возможности российской политики на Балканах были сужены рамками Парижского трактата. В такой обстановке в Петербурге решили приступить к улучшению и «обновлению» отношений с Османской империей. Выполнение этой миссии МИД возложил на большого знатока Ближнего Востока А.П. Бутенева. В инструкции новому посланнику в Константинополе Горчаков поставил две главные задачи: отстаивать интересы России и развивать торговлю в Средиземноморье и на Ближнем Востоке; поддерживать традиционные связи с балканскими народами, оказывать поддержку православной церкви и христианскому населению²⁷.

При сохранении статус-кво на полуострове, к чему обязывал Парижский трактат, балканская политика России приобретала двойственный характер. С одной стороны, речь шла о расширении взаимоотношений с Турцией, урегулировании двусторонних связей путем переговоров. С другой — российская дипломатия сосредоточивала свои усилия на покровительстве православным народам на Балканах. Делались попытки расширять контакты с христианскими народами не только по официальным каналам, но и с помощью общественных организаций.

Используя соответствующие статьи Парижского трактата, российское правительство рассчитывало укрепить статус полунезависимых государств — Сербии, Черногории, Дунайских княжеств. А народам, оставшимся под властью султана, оказывалась помощь в развитии национальной культуры. Петербургский кабинет стремился совместными с западными державами усилиями заставить Порту провести там обещанные реформы. Вместе с тем ставилась задача не допустить усиления на Балканах соперников России.

Директор Азиатского департамента Е.П. Ковалевский поддерживал тесные связи со многими славянскими деятелями и уделял большое внимание балканскому вопросу. Он рассматривал положение балканских народов в Османской империи как «рабство, постыдное даже в средневековые времена», и выступал сторонником их освобождения при поддержке России²⁸. При деятельном участии Ковалевского была расширена консульская сеть в регионе: в 1857–1858 годах открыты консульские представительства в Сараеве, Мостаре, Шкодре, Варне, Велико Тырново и Видине, которые должны были защищать интересы христианского населения.

В провозглашенном в 1856 году хатт-и хумауне — «священном указе» султана — декларировалось равноправие всех подданных Османской империи, свобода религиозных вероисповеданий и т. п. Российское правительство, не питая иллюзий относительно искренности намерений Порты осуществить провозглашенные реформы, использовало этот акт как средство давления на Турцию. Консулам было поручено наблюдение за проведением хатт-и хумауна в жизнь. Опираясь на донесения консулов, Россия неоднократно ставила перед Портой и державами — гарантами Парижского трактата вопрос о необходимости выполнения султанского указа.

На практике объявленный Портой хатт-и хумаун не привел к серьезному уменьшению злоупотреблений османской администрации и смягчению налогового гнета для христианского населения. Местные османские власти саботировали его выполнение при попустительстве Константинополя и продолжали управлять по-старому.

Российские консулы активно выступали в защиту христианского населения и побуждали западных дипломатов к совместным действиям

для оказания давления на местную администрацию. А.М. Горчаков ука- зывал: «Важно не позволить османскому правительству и думать, будто христианские державы рассматривают официально взятые им на себя обязательства как мертвую букву»²⁹. В то же время он обязывал консу- лов действовать осмотрительно, избегая вмешательства во внутренние дела, чтобы не допустить обвинения России в нарушении трактата.

Известное влияние на политику России оказывало развернувшееся с конца 50-х годов XIX века национально-освободительное движение славянских народов на Балканах — в Герцеговине, Боснии, Болгарии. Отношение к нему российского правительства было двойственным. Это движение, с одной стороны, ослабляло Османскую империю, что пред- ставлялось выгодным для России. В то же время самодержавие опасалось революционного взрыва на Балканах, который могли использовать в своих интересах другие державы, в первую очередь Австрия. Основ- ными формами помощи России христианскому населению стали содей- ствие расширению его прав дипломатическими средствами, поощрение культурного развития и роста национального самосознания. Этому спо- собствовала и деятельность общественных организаций — возникших в России в конце 50-х годов славянских комитетов. Комитеты действова- ли в Москве, Санкт-Петербурге, а затем в Одессе и Киеве. Возглавляли их славянофилы И.С. Аксаков, А.И. Васильчиков, Н.А. Попов, Ф.В. Чижов и др. В отличие от церковных организаций, осуществлявших благотвори- тельную деятельность на Балканах, славянские комитеты были полити- зированными организациями. Не ограничиваясь помощью православным церквям и школам, они установили связи с деятелями национально-осво- бодительного движения и оказывали им поддержку. Они были тесно свя- заны с российскими консулами, которые использовали денежную помощь комитетов в интересах развития национальной школы, культурных учре- ждений, церкви³⁰. Все это способствовало росту национального самосоз- нания населения, усилению освободительной борьбы.

Большое значение имела поддержка Россией борьбы за националь- ную церковь в Болгарии, Боснии и Герцеговине. Российские консулы активно способствовали замене греческих священников священниками славянского происхождения, проведению богослужения на славянских языках, разрешению колокольного звона, запрещенного властями. Каж- дая такая победа, хотя и маленькая, способствовала росту российского авторитета. Не только православное, но и католическое население обра- щалось за защитой в российские консульства, приобретавшие репута- цию единственных истинных покровителей христиан.

Важным направлением деятельности российской дипломатии на Балканах стала поддержка национально-государственных формирова- ний.

В Петербурге придавали немалое значение восстановлению позиций России в Черногории, подорванных сразу после Крымской войны, когда черногорский князь Данило стал ориентироваться на помощь Франции. Он рассчитывал, что Наполеон III, выступивший с лозунгом защиты «принципа национальностей», поможет Черногории добиться признания ее юридической независимости и присоединения к ней пограничных славянских земель. Однако Наполеон III, не желая радикального решения восточного вопроса и учитывая заинтересованность французской буржуазии в сохранении целостности Османской империи, потребовал согласия князя на признание верховной власти султана. После некоторых колебаний черногорский правитель начал склоняться к принятию французского предложения³¹.

Горчаков решил принять срочные меры для сохранения позиций России в этой маленькой славянской стране. Попытка договориться с Портой об ее отказе от посягательств на независимость Черногории оказалась безуспешной. Упорство Данилы привело в ноябре 1856 года к разрыву дипломатических отношений России с Черногорией, которые не были восстановлены до начала 1858 года. Но надежды князя Данилы на Францию не оправдались. Парижский кабинет советовал ему договориться с Портой.

Потерпев неудачу, Данило стал активно поддерживать герцеговинских повстанцев, выступивших в конце 1857 года против Турции. Османское правительство, обвинив Черногорию в подстрекательстве к восстанию, начало готовить против нее широкомасштабную военную акцию.

Российское правительство стремилось предотвратить разгром Черногории. По инициативе Горчакова французский и российский послы в Константинополе осуществили совместный демарш перед Портой в защиту славянской страны. После поражения турецких войск в сражении при Грахове в мае 1858 года Османская империя согласилась провести с ней разграничение. Согласно подписанной в октябре того же года конвенции Черногория несколько расширила свою территорию за счет ряда герцеговинских округов и части Шкодрина санджака.

Второй раз Россия оказала помощь Черногории в 1862 году. Несмотря на советы российского правительства, Черногория продолжала поддерживать герцеговинских повстанцев, рассчитывая добиться признания Портой своей независимости. На этот раз Турция при поддержке Англии и Австрии действовала более успешно. Когда ее армия стала угрожать захватом черногорской столицы, новый правитель Черногории князь Николай обратился в Петербург с просьбой о посредничестве. 2(14) августа 1862 года российский посланник А.Б. Лобанов-Ростовский вручил турецкому главнокомандующему Омер-паше ноту, в которой настаивал на прекращении военных действий. К этому демаршу присо-

единился французский посол в Константинополе Э. Тувенель. Посредничество двух держав остановило наступление турецкой армии. В августе 1862 года был заключен мирный договор.

Расширение антиосманской борьбы на Балканах ставило Россию в довольно затруднительное положение. Правительство Александра II вследствие внутренних трудностей и незавершенности реформ не было готово к активной политике. Придерживаясь принципа сохранения статус-кво на Балканах, оно стремилось сдерживать там освободительную борьбу. Накануне Франко-австрийской войны Александр II с опасением говорил: «Как бы на Востоке не заварилась каша»³².

Учитывая это обстоятельство, П.Д. Киселёв добился от Наполеона III обещания содействовать усилиям петербургского кабинета по сохранению спокойствия на Балканском полуострове. Вместе с тем Россия продолжала оказывать поддержку подвластным Порте христианским народам.

Весной 1860 года, когда антитурецкое восстание в Герцеговине вспыхнуло с новой силой и возникла опасность распространения его на Боснию, Болгарию, Македонию и Эпир, петербургский кабинет решил предпринять ряд дипломатических акций в защиту христиан. В апреле 1860 года Горчаков созвал дипломатических представителей Англии, Франции, Австрии и Пруссии в Петербурге и привел им многочисленные доказательства насилия, совершаемого мусульманами и османской администрацией над христианским населением в европейских владениях султана. Это свидетельствовало, что хатт-и хумаюн по-прежнему не выполнялся. Канцлер предложил провести расследование на местах, представив его результаты на обсуждение европейской конференции.

20 мая (1 июня) 1860 года Горчаков разослал российским представителям в Париже, Лондоне, Вене и Берлине циркуляр, которым поручал сообщить западным дворам данные об ужасающем положении балканских христиан и предложить провести расследование силами европейской комиссии. Однако выступление Горчакова вызвало отрицательное отношение лондонского и венского правительств, квалифицировавших этот шаг как вмешательство во внутренние дела Османской империи. Не оправдался расчет и на поддержку Франции. Акции Горчакова не принесли практического результата.

Более успешными были действия России в сербском вопросе. Вернувшийся в 1858 году на сербский престол князь Милош Обренович, а затем его сын Михаил стремились расширить рамки сербской автономии. В 1860 году сербское правительство выступило с программой создания «Великой Сербии», включающей большинство югославянских земель. В Петербурге отнеслись к этой идее с пониманием. Царское правительство было заинтересовано в возникновении на Балканах крупного славян-

ского государства, которое бы находилось в сфере его влияния. Горчаков считал, что такую роль может сыграть Сербия, превратившись «силою вещей» в ядро, вокруг которого будут группироваться находящиеся под властью Порты славянские народы. Вместе с тем министр полагал, что Сербия должна сначала завершить военную подготовку. Несмотря на стесненные финансовые возможности самой России, Сербии была оказана помощь в укреплении государственного статуса и развитии вооруженных сил³³.

Внешнеполитические планы Сербии и требования ликвидации турецких крепостей на ее территории привели к обострению отношений этой страны с Турцией. В июне 1862 года в Белграде в результате спровоцированного турками конфликта произошло открытое столкновение между сербами и османскими солдатами. После этого турецкий гарнизон белградской крепости подверг артиллерийскому обстрелу мирные кварталы города. На этот раз к русско-французскому предложению о международном расследовании конфликта вынуждены были присоединиться Англия и Австрия.

Вопрос рассматривался на конференции европейских держав в Канлидже (летней резиденции великого визиря в предместье Константинополя). Порта занимала выжидательную позицию в надежде на разногласия держав. Англия и Австрия были склонны поддержать ее. В защиту сербских интересов решительно выступили Россия и Франция³⁴. Благодаря энергичным действиям двух держав Порта была вынуждена пойти на уступки. Она согласилась ликвидировать две свои крепости в Сербии (в Соколе и Ужице) и переселить из страны турок. Однако в княжестве продолжали оставаться еще четыре османские крепости, в том числе в Белграде³⁵.

Политика России позволила ей вернуть утраченное было влияние в Черногории и Сербии. Но добиться улучшения положения христиан в европейских владениях султана не удалось. Этому противодействовали Англия и Австрия, а отчасти и Франция, имевшие свои интересы на Балканах и не желавшие усиления там влияния России.

С 1863 года начался новый этап в балканской политике России. Лишившись поддержки Франции, она не возлагала больше надежд на коллективное вмешательство держав. В русских дипломатических кругах зрела идея, что следует «предоставить христианам Востока свободное поле деятельности», исключив вмешательство держав в отношения Порты с ее христианскими подданными³⁶.

3. Кавказский вопрос в 50–60-х годах

Одной из важных задач российской политики после Крымской войны было скорейшее завершение длительной и изнурительной войны на

Кавказе. Пока здесь продолжалась война, Англия, тщательно маскировавшая свои экспансионистские цели в этом регионе флагом поборницы «свободы», утверждала, что кавказский вопрос — проблема международная.

На деле Кавказская война, длившаяся уже около 30 лет, была вызвана сложными политическими и социально-экономическими процессами. В последнее время историки склоняются к выводу, что движение Шамиля и черкесских горцев было порождено прежде всего внутренними социально-экономическими факторами, свойственными эпохе разложения патриархально-родового строя³⁷. Одновременно Россия стремилась укрепить свое положение в регионе и положить конец набегам горцев.

К рассматриваемому времени движение переживало глубокий кризис. Процессы феодализации обострили социальные противоречия и отталкивали от движения крестьянские массы.

В августе 1856 года Александр II назначил наместником Кавказа и новым Главнокомандующим кавказской армией князя А.И. Барятинского. Барятинский прошел на Кавказе все ступени воинской службы и снискал глубокое уважение подчиненных. Его назначение было с удовлетворением встречено в армии³⁸. Он начал с разработки широкой программы административных преобразований в крае и одновременно активизировал военные операции против горцев.

Агрессивные круги английской буржуазии и после Крымской войны продолжали поддерживать мюридистское движение с целью создания марионеточного Черкесского государства под протекторатом Англии и Турции. Кавказ представлялся британским торговцам богатым рынком для их товаров. Лондонский кабинет ставил своей минимальной задачей затянуть войну на Кавказе и создать там максимум затруднений для России. Но англичане были вынуждены изменить тактику. Парижский трактат формально обязывал державы не вмешиваться в дела кавказского региона, и лондонский кабинет стал действовать через подставных лиц — польских эмигрантов и турок. Английские суда доставляли на кавказское побережье контрабандные товары, в том числе оружие и боеприпасы, а также переправляли туда турецких эмиссаров и вооруженные формирования. Эти действия подстрекали горцев на продолжение борьбы. Российский посланник в Константинополе Бутнев внимательно следил за англо-турецкими происками и сообщал о них в Петербург. Но его протесты и объяснения с великим визирем Решид-пашой не давали результатов. В феврале 1857 года в устье реки Туапсе высадился отряд польских и венгерских эмигрантов, сформированный при участии английских дипломатов в Константинополе. После этого А.М. Горчаков заявил лондонскому кабинету о том, что англичане участвуют во враждебных вылазках против России. Англия твердила о сво-

ей непричастности к ним. Отсутствие на Черном море русского флота препятствовало пресечению незаконного ввоза оружия на Кавказ. Тогда было решено принять другие меры.

В октябре того же года Россия установила новые таможенные правила, согласно которым только в три порта — Анапу, Сухум-кале и Редут-кале — допускались иностранные суда. Там были расположены таможенные службы и административные учреждения. Капитаны кораблей должны были иметь визы от российских консульств в Османской империи. По распоряжению Горчакова Бутенев дал «самую широкую огласку» этим постановлениям. Принятые меры затруднили, но не смогли прекратить контрабанду³⁹.

Введение новых правил торговли было встречено в Западной Европе неоднозначно. С решительным протестом выступила лишь Австрия. Венское правительство было заинтересовано в союзнике, опираясь на которого можно было бы расширить свои позиции на Балканах. Одновременно Австрия стремилась ослабить русского соперника в регионе. Но ее старания привлечь к демаршу против России Англию и Францию успеха не имели. Даже лондонский кабинет сначала занял выжидательную позицию. Правда, в январе 1858 года министр иностранных дел Д.У. Кларендон поднял вопрос о неправомерности введения ограничительных торговых мер на Кавказе, как противоречащих 12-й статье Парижского трактата о свободе торговли.

После безуспешного дипломатического давления английское правительство само предложило компромисс. Оно готово было примириться с установлением нового таможенного порядка на кавказском побережье, но требовало расширения таможенно-карантинных постов. Не желая обострения отношений с Великобританией, Горчаков уступил. Для приема иностранных судов был открыт еще порт Поти.

В феврале 1858 года к власти в Англии пришло консервативное правительство Дерби, попытавшееся активизировать политику на Кавказе. Министр иностранных дел Мальмсбери обвинил Россию в нарушении свободы торговли в регионе. Он даже стал доказывать, будто Россия незаконно владеет Черкессией. Посол в Лондоне Бруннов, ссылаясь на Парижский трактат, опроверг доводы английского министра. В начале 1858 года между Россией и Великобританией был заключен торговый договор, способствовавший нормализации русско-английских отношений⁴⁰.

В 1857–1858 годах почти вся Чечня уже была занята русскими войсками. Летом 1858 года начались наступательные действия в Дагестане.

Насильственное введение шариата, упразднение местных обычаев, религиозная нетерпимость — все это препятствовало вовлечению в борьбу многих народов Кавказа. Воинствующий мюридизм не смог объединить горские народы и обеспечить победу. Несмотря на поддерж-

ку Турции и Англии, мюридистское движение потерпело поражение. Капитуляция Шамиля (он сдался русской армии 25 августа 1859 г.) явилась предвестником конца борьбы. В ноябре 1859 года сложили оружие мюриды соратника Шамиля Мухаммед-Эмина.

Разгром мюридистского движения вызвал в Англии широкую анти-русскую кампанию. В Лондоне и Константинополе были созданы «черкесские комитеты», которые возобновили агитацию в защиту «независимости» Черкессии. Особенно активную деятельность комитеты вели во время польского восстания 1863 года, когда при содействии английского и французского посольств в Константинополе им удалось переправить на Кавказ вооруженный отряд польских легионеров. Но это не могло, естественно, изменить исхода борьбы. Последний крупный очаг сопротивления горцев — урочище Кбааде — был взят русскими войсками в 1864 году.

Многолетняя война, которую вела Россия с целью покорения Кавказа, была закончена. Одним из ее последствий стало массовое переселение горцев в Турцию, превратившееся для них в национальную трагедию. Причинами этого были как агитация османских эмиссаров, обещавших райскую жизнь на новой родине, так и колонизаторская политика царской администрации. По официальным данным, число переселенцев достигло полумиллиона человек. Турецкое правительство, поощрявшее миграцию, не оказало переселенцам необходимой помощи, в результате десятки тысяч людей погибли от голода и болезней, а большинство попало в кабалу к турецким землевладельцам⁴¹.

На свободных кавказских землях селились казаки Кубанского, Донского, Азовского и Терского войск, солдаты Кавказской армии, мигранты с Украины. Здесь возник также ряд немецких колоний: Северный Кавказ становился важным рынком сбыта и источником сырья для развивающейся вширь русской промышленности. Был ликвидирован очаг и внутренней, и внешней напряженности на юге страны, где сталкивались интересы европейских и азиатских держав — России, Англии, Турции и Ирана. Прекращение войны способствовало повышению международного престижа России. Имея в тылу относительно спокойный Кавказ, Россия могла развивать экспансию в Средней Азии.

4. Польское восстание 1863 года и сближение с Пруссией

Укрепление мировых позиций России не шло гладко. Это был не легкий путь, с зигзагами и отступлениями. Так, национально-освободительное восстание, вспыхнувшее в январе 1863 года в Польше, осложнило международное положение России и повлияло на ее отношения

с Францией. Первое время после начала восстания большинство европейских держав заняло выжидательную позицию. Иной оказалась позиция Пруссии.

Когда по Польше прокатились волнения, глава прусского правительства О. Бисмарк принял энергичные меры, чтобы не допустить распространения восстания на западные польские земли и помешать образованию независимого польского государства. Ведь независимая Польша могла стать союзницей Франции. В случае, если царские войска не сумеют расправиться с повстанцами, Бисмарк предполагал навязать Польше унию. Все же основную ставку он делал на взаимодействие с царским правительством, рассчитывая при этом завоевать признательность Александра II, а заодно расстроить возможный русско-французский альянс. Изолировав Францию и заручившись симпатией царя, Пруссия надеялась укрепить свое положение в Европе. В Петербург был направлен генерал фон Альфенслебен. 27 января (8 февраля) 1863 года там была заключена конвенция двух сторон о сотрудничестве в подавлении восстания. Она позволяла начальникам русских и прусских войск «оказывать взаимное содействие и в случае необходимости переходить границу, дабы преследовать восставших, которые перешли бы из одной страны в другую»⁴².

Горчаков оценивал конвенцию как ненужную и опасную для России. Но он не смог противостоять пруссофильским настроениям царя, воспринявшего документ как проявление монархической солидарности. Хотя конвенция практически не была применена и даже не была ратифицирована, ее подписание имело негативные последствия для России.

Двусторонним соглашением не замедлили воспользоваться западные державы, желавшие придать польскому вопросу международный характер. На самом деле их меньше всего беспокоили судьбы поляков. В Лондоне стремились свести на нет франко-русское сближение, а заодно добиться ослабления России. Такие же надежды питали и в Вене. Но больше всего там опасались, как бы польское восстание не перекинулось на австрийские владения в Галиции. Что касается Франции, то Наполеон III был бы рад добиться пересмотра постановлений Венского трактата 1815 года о Польше, но куда больше стремился осуществить свой замысел о присоединении левого берега Рейна. Поэтому он колебался, выступать ли против России, от позиции которой зависело осуществление его собственных планов.

Поскольку западные державы не смогли договориться о коллективном выступлении, лондонский кабинет решил предпринять сепаратный демарш по польскому вопросу. В марте 1863 года Англия, ссылаясь на Венский трактат, предложила восстановить конституцию 1815 года

и объявить амнистию восставшим. Горчаков, пользуясь отсутствием единства между державами, ограничился словесным возражением.

Летом 1863 года восстание охватило практически всю Польшу, а также часть Литвы, Белоруссии и Украины. В России не прекращалось движение крестьян. Тревожное положение в стране усугублялось угрозой осложнений в Европе.

В это время Наполеон III неожиданно выступил с проектом создания независимой Польши, надеясь, что это явится поводом к перекройке карты Европы и даст возможность ему реализовать собственные захватнические планы.

Предложение императора французов не встретило одобрения ни в Лондоне, ни в Вене, но нанесло тяжелый удар по отношениям с Россией. Даже Горчаков был вынужден отступить от своего «французского друга». Царское правительство решило наряду с применением карательных мер в Польше прибегнуть и к уступкам. Так появились два манифеста — об амнистии повстанцам и о предстоящем проведении в Польше административных реформ. Эти акты, однако, запоздали и уже не могли предотвратить коллективного вмешательства западных держав.

5(17) апреля 1863 года Англия, Франция и Австрия направили России ноты, в которых настаивали на принятии мер «для предотвращения кровопролития в Польше». Самой резкой по тону была британская нота, а наиболее умеренной — австрийская⁴³.

Вскоре примеру трех держав последовали многие другие страны Европы. Пруссия и более мелкие германские государства воздержались от вмешательства. Уклончивую позицию заняли Бельгия и Швейцария. Соединенные Штаты, принимая во внимание нейтралитет России в гражданской войне в Америке, также отказались от присоединения к коллективному демаршу. Все же царское правительство было встревожено международной реакцией на польские события. В дальнейшем непримиримая позиция польских лидеров в вопросе о границах (они требовали включения в состав Польши западных белорусских и украинских земель) восстановила против них даже сторонников компромисса в правящих кругах России. Горчаков старался выиграть время. Выждав несколько дней, он ответил каждой державе отдельно, пытаясь убедить их в том, что российское правительство само осуществит необходимые реформы. В ноте, направленной в Лондон, он заявил, что Россия не нарушала Венского трактата. Французское правительство он упрекнул в том, что оно допустило на своей территории подготовку заговора, приведшего к восстанию в Польше⁴⁴.

17(29) июня 1863 года Англия, Франция и Австрия снова предприняли коллективный демарш в защиту поляков. Они настаивали на проведении реформ и выдвигали требование созвать европейскую конференцию в составе участников Венского конгресса для рассмотрения польского

вопроса. На этот раз Горчаков заявил в ответ, что польский вопрос является внутренним делом России и может обсуждаться только с участниками раздела Польши — Австрией и Пруссией.

Третий и окончательный ответ Горчакова на обращение западных держав в середине августа был краток и сух. Он обещал сделать все зависящее от России для восстановления порядка в Польше.

Таким образом, «защита» поляков западными державами свелась к демонстрации недовольства и благим пожеланиям. Воевать за их интересы никто не хотел. Репрессивные меры царского правительства и аграрная реформа предопределили неудачу восстания.

После восстания в Европе наметилась новая расстановка сил. Франция опять превращалась для России в соперника. Это означало не только конец сотрудничества двух держав на Балканах, но и крушение надежд на поддержку Наполеона III в пересмотре Парижского трактата. Интересы России по-прежнему сталкивались с австрийскими на Балканах, а с британскими — преимущественно на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Возникли предпосылки для сближения России с Пруссией. Последняя оказалась в выигрыше. В результате обострения отношений между Россией и западными державами стало трудным, если не невозможным, их совместное противостояние планам Бисмарка. И тот поспешил воспользоваться этим для объединения Германии под главенством Пруссии.

Бисмарк был ревностным поборником интересов обуржуазившейся части юнкерства. Он любил называть себя «простым прусским солдатом», но, конечно, лукавил. В действительности это был умный и беззастенчивый политик. Для осуществления поставленной цели он не останавливался ни перед чем. Объединение Германии было прогрессивным актом, но оно было совершено «сверху», под эгидой прусской монархии, — «железом и кровью», а его исполнитель вошел в историю под именем «железного канцлера».

Первой жертвой Пруссии стали герцогства Шлезвиг и Гольштейн, занимавшие важное стратегическое положение у берегов Северного и Балтийского морей и бывшие владениями Дании (Гольштейн на условиях автономии). Предпринятая Пруссией еще в конце 40-х годов попытка захватить герцогства потерпела неудачу: против этого выступили европейские державы, в том числе и Россия. Шлезвиг-Гольштейнский вопрос затрагивал политическое равновесие в Европе. Усиление Пруссии не отвечало и российским интересам.

Теперь обстоятельства более благоприятствовали прусскому замыслу. В ноябре 1863 года в Дании была принята новая конституция, провозглашавшая полное присоединение Шлезвига к Дании. Это вызвало подъем движения немецкого населения герцогств за отделение от Дании, чем и воспользовалась Пруссия. Для Бисмарка выдался удобный повод начать

военные действия против Дании. Чтобы не вызвать преждевременных осложнений с Австрией, он предложил ей совместно совершить интервенцию в Данию. Датскому королю был предъявлен ультиматум с требованием отменить конституцию. Англия и Франция уклонились от поддержки Дании, которой пришлось вступить в войну с сильнейшими противниками.

Россия могла бы здесь сказать свое веское слово. Бисмарк даже заявил Горчакову: «Все зависит от того, бросит ли Россия свою гирю на чашу весов»⁴⁵. Но у царского правительства были связаны руки: в это время Россия перешла к активным действиям в Средней Азии. Сохранять осторожность в европейской политике вынуждало и внутреннее положение: еще давали себя знать отзвуки восстания в Польше, в самой России продолжались крестьянские выступления.

Во вступительной статье к публикации «Россия и Пруссия в Шлезвиг-Голштинском вопросе» советский историк С. Лесник категорически заявляет, что политика России привела к захвату Пруссией герцогств⁴⁶. Подобная же точка зрения была высказана французскими историками. Так, А. Дебидур утверждает, будто бы царское правительство «действовало в угоду Бисмарку»⁴⁷.

В действительности Горчаков пытался найти компромиссное решение, но Бисмарк оказал энергичное сопротивление его маневрам. Чрезмерное давление на Пруссию могло подтолкнуть ее к антирусскому союзу с Францией. Прусский министр-президент неоднократно давал понять российскому послу П.П. Убри, что если Россия не поддержит Бисмарка, то «он вынужден будет пойти на союз с Францией, и тогда неизбежно встанет польский вопрос»⁴⁸. Такой союз мог кончиться и увечием Парижского трактата. В конечном счете царское правительство не выступило против прусско-австрийской интервенции.

После окончания войны в 1864 году Шлезвиг и Гольштейн оказались в совместном владении Пруссии и Австрии. Подобное решение не могло удовлетворить Бисмарка, и он начал подготовку к войне против Австрии.

Горчаков не питал иллюзий относительно намерений Бисмарка. Глава российского МИД хорошо понимал, какой умный и коварный политик скрывается под маской «простого солдата». Он опасался чрезмерного усиления Пруссии и не одобрял методов политики Бисмарка, не бывшего слишком разборчивым в средствах для достижения цели. Горчакову не хотелось расставаться с мыслью о Франции как о «естественной союзнице». И хотя позиция Наполеона III относительно пересмотра Парижского трактата оставалась прежней, вице-канцлер считал разумным держать двери для сближения с Францией открытыми⁴⁹. Однако он должен был учитывать и мнение царя, отдававшего предпочтение Пруссии.

1866 год принес новые международные осложнения. Конфликт между Пруссией и Австрией из-за гегемонии в Германском союзе вылился в вой-

ну. В Петербурге были заинтересованы как в существовании Германского союза, так и в сохранении «австро-прусского дуализма». Казалось, это соответствовало и интересам Франции. Но Наполеон III предпочел сложную игру, вступив в переговоры и с Пруссией, и с Россией и добиваясь их согласия на территориальные приращения Франции за счет австрийских владений. В такой ситуации российское правительство заняло позицию нейтралитета. В Петербурге ожидали затяжной Австро-прусской войны или ничейного исхода. На деле военные действия продолжались меньше месяца и окончились полным разгромом австрийской армии.

В России не без тревоги следили за усилением Пруссии. Создание агрессивного милитаристского прусского государства вблизи ее границ могло представить в будущем большую угрозу для безопасности страны. В то же время сильная Пруссия могла превратиться в серьезный противовес западным державам — участницам крымской коалиции. После победы прусской армии в июле 1866 года у Садовой Александр II направил в Берлин поздравительную телеграмму, где заявлял о желании поддерживать согласие с Пруссией, видеть ее «сильной, могучей, преуспевающей», но одновременно советовал победительнице проявить умеренность⁵⁰.

Победа Пруссии над Австрией обострила вопрос о том, на кого ориентироваться России. Часть правительственных кругов и русских дипломатов продолжала оставаться сторонниками сближения с Францией. Но Наполеон III воздерживался от конкретных обещаний в пересмотре Парижского трактата и стремился использовать переговоры с Россией лишь для давления на Пруссию, чтобы выторговать у нее компенсацию за свой нейтралитет во время войны. В правительственных кругах Петербурга росло недовольство внешнеполитическим курсом Горчакова с его профранцузскими симпатиями. Под нажимом оппонентов министр был вынужден признать, что «серьезное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная»⁵¹.

Летом и осенью 1866 года состоялись визиты в Петербург генерал-адъютанта прусского короля Э. Мантейфеля и прусского кронпринца. Была достигнута договоренность о том, что Пруссия окажет поддержку России в отмене статей Парижского трактата о нейтрализации Черного моря, а российское правительство не будет препятствовать созданию Северо-Германского союза во главе с Пруссией. Это соглашение имело далеко идущие последствия.

5. Отмена нейтрализации Черного моря и Союз трех императоров

Во внешнеполитических планах России большое место по-прежнему отводилось Балканам. Правда, занятое проведением внутренних реформ

правительство Александра II еще не было готово перейти к активной политике в регионе, но поддерживало те меры, которые вели к ослаблению Османской империи. Так, когда в феврале 1866 года в Бухаресте был свергнут князь Александр Куза и новым правителем избран Карл Гогенцоллерн, племянник прусского короля, петербургский кабинет признал нового румынского князя.

В августе 1866 года вспыхнуло антиосманское восстание на острове Крит, население которого потребовало присоединения к Греции. Последняя обратилась к Англии, Франции и России с просьбой принять меры в защиту критян. Царское правительство пыталось предотвратить разрастание освободительного движения, могущего перерасти в новый балканский кризис. Оно призвало лондонский и парижский кабинеты к совместному демаршу перед Портой в пользу передачи Крита Греции. Российскому посланнику в Константинополе было предписано добиваться осуществления чаяний критян⁵². Однако западные державы отклонили предложение России. В 1869 году Турция сумела подавить волнения на острове.

Критское восстание побудило балканские государства начать подготовку совместного выступления против Турции. Инициатором выступила Сербия, заключившая в течение 1866–1868 годов договоры о союзе с Черногорией, Грецией и Румынией. Балканские страны надеялись на помощь России, сочувственно отнесшейся к созданию Балканского союза.

В правящих кругах России и среди ее дипломатов не было единого мнения относительно направления балканской политики. Сторонником активных действий выступал посол в Константинополе Н.П. Игнатьев, считавший, что общее восстание в регионе превратит Парижский трактат в клочок бумаги. Он руководил работой русских офицеров, командированных для проведения топографических работ и сбора сведений о положении на Балканах. Русский дипломат «подогревал воинственный пыл» сербов, давал советы белградскому правительству по вопросам военной подготовки⁵³. Он считал, что Россия должна поддерживать страны Балканского союза в случае их войны с Османской империей.

После поражения Австрии Игнатьев в специальном меморандуме довел до сведения Горчакова, что «брожение» христианских народов на Балканах настолько сильно, что «они не хотят ждать срока, удобного России». Он заключал, что «Россия не должна сопротивляться этому движению, а согласиться и поддержать его»⁵⁴.

Близкую позицию занимали директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов и российский консул в Янине А.С. Ионин. Последний подал в Азиатский департамент докладную записку, где преувеличивалась боевая готовность Сербии⁵⁵. Хотя в Петербурге поддерживали идею Балканского союза, Александр II и Горчаков действовали с величайшей

осторожностью. Петербургский кабинет призывал Сербию, Черногорию и Грецию к сдержанности. В то же время Россия содействовала вооружению сербской армии.

Россия предприняла еще одну попытку улучшить положение христианских народов Османской империи. 6 апреля 1867 года Горчаков выступил с меморандумом, в котором намечалась программа реформ в европейских провинциях Турции⁵⁶. Предлагалось дать ряду провинций автономию и учредить в них местное самоуправление. Но и этот акт не дал положительных результатов, так как западные державы усмотрели в нем попытку ослабить Османскую империю.

Единственное, на что соглашались западные державы, — на ликвидацию оставшихся на территории Сербии четырех турецких крепостей. Сербское требование об этом, поддержанное Россией, не встретило возражений Англии, Австро-Венгрии и Франции, которые рассчитывали таким путем не допустить общевосточного выступления и ослабить влияние России в Сербии. Под нажимом европейской дипломатии Порты согласилась ликвидировать крепости, чтобы не доводить дело до вооруженного конфликта.

Западные правительства опасались, что подъем национально-освободительного движения на Балканах приведет к образованию там независимых славянских государств и укреплению влияния России. Они стали добиваться роспуска Балканского союза. Франция выступала за сохранение целостности Османской империи, укрепление ее финансов и армии. Поэтому позиция Австрии, также не желавшей распада Османской империи, оказалась ей ближе, чем стремление России к освобождению христиан из-под власти султана. В августе 1867 года в Зальцбурге Наполеон III подписал соглашение с Францем Иосифом о сохранении статус-кво Османской империи.

Между тем царское правительство по-прежнему стремилось избегать вооруженного конфликта в регионе. В 1868 году А.М. Горчаков следующим образом обосновывал такую линию: «Когда ни Россия, ни христианское население Турции не готовы к решительной борьбе, всякое движение на Востоке будет несвоевременным и опасным»⁵⁷, Видя враждебное отношение западных держав к российским инициативам, петербургский кабинет решил добиваться хотя бы невмешательства в случае, если освободительное движение на полуострове примет широкий размах. Этого желали и сами балканские народы. Сербский премьер Йован Ристич заявлял, что «от России Сербия ожидает только продолжения нравственной поддержки и стараний к достижению общего невмешательства»⁵⁸.

В 1868 году Балканский союз распался. Его вдохновитель сербский князь Михаил после уступки Портой крепостей решил не искушать судьбу и отказался от плана антиосманского выступления. Он польстился на

подкинутую австро-венгерской дипломатией мысль получить от Порты в управление Боснию и Герцеговину. В обмен на содействие в этом предприятии венский кабинет потребовал отказа Сербии от совместных действий с другими балканскими странами. Внезапная смерть князя Михаила (он был убит в мае 1868 г.) явилась последним толчком к распаду Балканского союза. Противодействие на Балканах Австро-Венгрии и Франции косвенно содействовало сближению России с Пруссией.

Между тем в Европе назревало столкновение, которое могло привести к коренным переменам в расстановке международных сил, Пруссия готовилась бросить вызов французской гегемонии, и России предстояло определить свою позицию в зависимости от того, какой исход конфликта она считала наиболее выгодным для себя самой. Победа Франции закрепила бы ведущее положение Наполеона III на континенте и могла дать новый импульс крымской системе, по крайней мере в ее франко-австрийском звене. Это, по-видимому, не позволяло рассчитывать на отмену ограничительных статей Парижского трактата, но не таило непосредственной угрозы безопасности России. Победа же Пруссии создавала на границе страны нового мощного соперника, то есть прямую угрозу, которую в Петербурге были склонны недооценивать. Сказывались симпатии к Пруссии влиятельных кругов сановного дворянства. Кроме того, прусские политики готовы были уплатить ту цену, которой российское правительство придавало весьма важное значение, поддерживать отмену нейтрализации Черного моря. Объективно интересам России, видимо, наиболее соответствовало бы сохранение франко-германского противостояния, то есть ничейный исход военного конфликта.

В 1866 году австрийский министр иностранных дел граф Ф. Бейст предложил России поддержать ее в борьбе за ревизию Парижского мира, если та согласится на присоединение к Австрии Герцеговины и Албании. Правительство Александра II отклонило этот вариант, так как не желало усиления своей балканской соперницы, да и поддержка Австрии представлялась весьма проблематичной: ее голос здесь отнюдь не был решающим.

В апреле 1867 года Горчаков вновь прозондировал позицию Пруссии относительно пересмотра Парижского договора. Министр указал на готовность России в случае, если австро-французский союз станет реальностью, создать «серьезные затруднения» для Австрии. Бисмарк ответил, что «Пруссия могла бы поддержать желание России»⁹⁹. В следующем месяце Александр II и Горчаков посетили всемирную выставку в Париже, надеясь использовать эту поездку для переговоров с Наполеоном III. Но свидание не дало благоприятного для них результата.

После проведенного зондажа царь и его канцлер стали действовать более решительно. В феврале 1868 года Александр II в письме к Виль-

гельму I выразил желание «продлить согласие», начатое еще при Александре I и Фридрихе Вильгельме III. Переговоры о согласованных действиях на случай Франко-прусской войны велись через российского посла в Берлине П.П. Убри и прусского посла в Петербурге Г. Рейса. Конечно, российская дипломатия считала главным для себя содействие Пруссии в отмене нейтрализации Черного моря. Горчаков также поставил Бисмарка в известность о том, что Россия не может допустить оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Бисмарк обещал поддержать главное требование России в обмен на ее благожелательный нейтралитет во время войны с Францией и обязательство сковывать силы Австрии.

В результате в 1868 году было достигнуто устное соглашение, по которому в случае Франко-прусской войны Россия обязывалась не только соблюдать нейтралитет, но и демонстративно направить к границе Австро-Венгрии 100-тысячную армию. Пруссия официально подтвердила свое обещание оказать поддержку России при пересмотре Парижского трактата. Это соглашение фактически имело силу договора. В случае вступления Австро-Венгрии в войну Россия не исключала возможности занятия Галиции⁶⁰. Тыл Пруссии был таким образом обеспечен.

В июле 1870 года, переоценивая свою боеготовность, Франция объявила войну Пруссии. Три дня спустя Россия выступила с заявлением о нейтралитете. При этом Вена и Париж были поставлены в известность, что, если Австро-Венгрия вступит в войну, Россия может последовать ее примеру. В результате венский кабинет стал выжидать. Нейтральную позицию заняли также Англия и Италия.

Пруссия имела мощную боеспособную армию. Немецких солдат воодушевляла идея национального объединения. Французская армия значительно уступала прусской. Первые же поражения деморализовали ее. После катастрофы 1 сентября 1870 года под Седаном, когда вместе с войсками сдался в плен сам император, Франция фактически прекратила сопротивление.

В Петербурге не ожидали столь скорого поражения Франции и были неприятно удивлены притязаниями Пруссии на французские провинции Эльзас и Лотарингию. Но заинтересованность в поддержке Берлина не позволяла царю выступить против Пруссии.

После Седана Горчаков решил, что наступил момент «смыть пятно», оставшееся от крымского поражения. Франция — один из главных гарантов Парижского трактата — была повержена. Без нее Австро-Венгрия не рискнула бы оказать России решительное сопротивление. Маловероятным было также выступление Турции. Оставалась Англия, но та находилась в известной изоляции. Необходимо было действовать быстро, пока Пруссия еще нуждалась в поддержке России.

При петербургском дворе оказалось немало деятелей, полагавших намерение Горчакова объявить об отмене ограничительных статей Парижского трактата делом рискованным и несвоевременным. Элемент риска действительно присутствовал. Кроме того, на практике Россия не могла сразу воспользоваться восстановлением прав на Черном море, так как не имела там военного флота. При обсуждении этого вопроса в Совете министров некоторые главы ведомств были настроены весьма скептически. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев прямо назвал этот шаг «мальчишеским бахвальством». Однако царь и Горчаков сочли возражения несостоятельными. Канцлер был уверен, что дело кончится лишь «войной на бумаге»⁶¹. Правда, когда военный министр Д.А. Милютин предложил ограничиться заявлением об отмене нейтрализации Черного моря и не касаться вопроса о Южной Бессарабии, Александр II и Совет министров согласились. Вопрос о демилитаризации Аландских островов не ставился. Таким образом, все свелось к одному главному требованию, отвечавшему интересам безопасности и восстановления ущемленного национального престижа России.

19(31) октября 1870 года Горчаков направил циркуляр российским послам при правительствах держав — участниц Парижского трактата⁶². В документе констатировалось, что Россия точно соблюдала статьи договора 1856 года, в то время как другие державы — и это подтверждалось конкретными фактами — его неоднократно нарушали. Далее следовало заявление, что Россия «не может допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многих существенных и общих статьях, оставались обязательными по тем статьям, которые касаются прямых интересов империи». Поэтому российское правительство не считает себя более связанным обязательствами, ограничивающими его суверенные права на Черном море. Турецкому султану сообщалось также об аннулировании дополнительной конвенции о количестве и размерах военных судов, которые две державы могли иметь на Черном море. В заключение послам предписывалось разъяснить правительствам, что демарш имеет целью только оградить безопасность России, оказавшейся в неравном положении, и что все остальные статьи Парижского договора будут ею неуклонно соблюдаться.

Решительный шаг российского правительства был встречен с одобрением русским обществом. Правомерность отказа России от нейтрализации Черного моря признавала как официозная, так и либеральная пресса⁶³. Некоторые газеты призывали не ограничиваться публикацией ноты, а приступить к строительству черноморского флота. «Русские ведомости» писали: «Без этих последствий она (нота. — Н. Х.) осталась бы исписанным листом бумаги». Влиятельный либеральный журнал «Вестник Европы» также призывал «обеспечить наши берега и нашу торговлю на Черном море»⁶⁴.

После публикации циркуляра на имя Александра II стали поступать приветственные телеграммы и адреса от дворянских и земских собраний, городских дум, организаций и частных лиц. Особенно широкую поддержку встретило решение правительства среди населения южных областей страны — Новороссии и Бессарабии.

Однако в обществе возникли и опасения, как бы державы — участницы Парижского трактата не начали войну против России. «Все страшатся войны»⁶⁵, — писала в своем дневнике А.Ф. Тютчева. Либеральные круги испытывали тревогу, как бы нарушение мира не затормозило или не сорвало проведение реформ. Демократы также считали, что для осуществления внутренних преобразований прежде всего необходим мир.

В Западной Европе циркуляр Горчакова произвел впечатление разорвавшейся бомбы. С наиболее резким осуждением выступила Англия. В ответе Форин офис говорилось, что российскому правительству следовало не выступать с односторонними заявлениями, а обратиться к другим державам — участницам договора 1856 года и предложить сообща рассмотреть вопрос с учетом интересов Турции. Заявила протест и Австро-Венгрия. Франция и Италия заняли уклончивую позицию. Теперь слово было за Пруссией. Бисмарк, хотя и недовольный, по его мнению, «несвоевременным» выступлением Горчакова, все же выполнил обещание, данное России. Пруссия предложила созвать конференцию держав, подписавших Парижский мир, с целью рассмотрения вопроса, поднятого в циркуляре Горчакова. На это Англия и Австро-Венгрия дали согласие при условии, что результаты конференции не будут предreshены заранее. Правительство Александра II также согласилось, рассчитывая на поддержку Пруссии и общую благоприятную конъюнктуру.

Конференция проходила в январе–марте 1871 года в Лондоне. Англию представлял министр иностранных дел Дж. Гренвилл, а другие державы — их послы в британской столице. От России — посол Ф.И. Брунов. Конференция началась с заявления лорда Гренвилла о том, что ее участники сохраняют полную свободу мнений. В приложении к протоколу первого заседания был сформулирован важный принцип международного права: никакое государство не может уклониться от обязательств по международному договору или изменить его условия, кроме как с добровольного дружественного согласия всех заинтересованных сторон. Затем последовала острая дискуссия об условиях урегулирования. Англия, Австро-Венгрия и сочувствовавшие им западные державы соглашались признать отмену нейтрализации Черного моря и Русско-турецкой конвенции о сохранении там ограниченного числа малых судов. Но за это они требовали, под предлогом обеспечения безопасности Турции, изменить в свою пользу режим проливов и предоставить им в пользование военно-морские базы в Османской империи. Такие пре-

тензии противоречили интересам не только России, но и Турции. В конце концов от планов приобретения морских баз английскому и австро-венгерскому правительствам пришлось отказаться. Что касается режима проливов, то он претерпел некоторые не вполне благоприятные для России изменения: султану предоставлялось право открывать их в мирное время для военных судов «дружественных и союзных держав» в случае, если Порта найдет это необходимым, дабы обеспечить выполнение постановлений Парижского трактата⁶⁶. Эта статья ухудшала положение России в оборонительном плане по сравнению с конвенцией 1841 года*, но в то же время открывала для нее некоторые новые возможности на путях сближения с Турцией. Установленный Лондонской конвенцией 1871 года режим проливов действовал вплоть до первой мировой войны.

Международное признание права России держать в Черном море военный флот вызвало восторженные отклики в русской печати. Общественность справедливо связывала это достижение с именем Горчакова, выражала ему признательность. Близкий к славянофильским кругам Ф.И. Тютчев отозвался на это событие стихами:

Да, Вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной⁶⁷.

Однако некоторые газеты предупреждали от переоценки достигнутых успехов. Так, «Московские ведомости» писали, что «наш будущий черноморский флот заперт в Черном море», между тем не исключена возможность появления там английских броненосцев⁶⁸. Подобные же оценки появились на страницах «Русских ведомостей» и «С.-Петербургских ведомостей»⁶⁹.

Отмена нейтрализации Черного моря — яркий дипломатический успех Горчакова, сумевшего использовать международную обстановку для осуществления «заветной мечты» — избавления России от самого тяжелого из условий Парижского трактата 1856 года. Страна полностью восстановила свои суверенные права на Черном море. Это позволяло упрочить безопасность южных пределов и тем способствовало их быстрому развитию. Не менее, если не более важным для правящих кру-

* Конвенция постановяла, что в мирное время проливы будут закрыты для военных судов всех держав, но за султаном сохранялось право пропускать легкие военные корабли дружественных Турции держав, находившиеся в распоряжении их посольств и миссий.

гов было восстановление поколебленного в результате Крымской войны престижа России как великой державы.

Поражение Франции и образование Германской империи привело к новой расстановке сил на континенте. Теперь России предстояло иметь дело с могущественным соседом, армия которого показала свою силу в недавних войнах. Дальнейшее ослабление Франции было не в интересах России.

В русском обществе стали крепнуть настроения в пользу сближения с Францией. Они разделялись значительной частью придворных кругов во главе с наследником престола. Горчаков также признавал значение Франции в качестве противовеса объединенной Германии. Он неоднократно заявлял: «Нам нужна сильная Франция». Для возникшей на развалинах империи Наполеона III Французской Республики сближение с Россией также представлялось выгодным. Но Франция была еще слаба и не могла играть роль заслона против распространения германского влияния в Европе.

В 60–70-х годах Россия активизировала свою политику в Средней Азии. Это грозило обострением отношений с Англией, которая, в свою очередь, энергично развивала экспансию на Ближнем и Среднем Востоке. В такой обстановке Россия была заинтересована в благожелательной позиции Германии. Царское правительство рассчитывало также с помощью Германии преградить путь австрийской экспансии на Балканах, куда после поражения в 1866 году обратил взоры венский кабинет. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши видел основного противника в регионе в лице России, не исключал возможности войны и, со своей стороны, искал поддержки Германии.

Бисмарк поощрял активность Австро-Венгрии на Балканах, считая необходимым отвлечь ее внимание от Центральной Европы. В планируемой Германией дальнейшей экспансии в Европе Габсбургской монархии отводилась роль союзника. Но Бисмарк был готов пойти и на соглашение с Россией, чтобы предотвратить русско-французское сближение.

Правительство Александра II внимательно следило за развитием австро-германских отношений. Рассматривая Германию в качестве желательного партнера, Горчаков в то же время опасался, как бы она не стала поддерживать политику Австро-Венгрии на Балканах. Министр хотел, чтобы Германия играла роль доброжелательного России посредника при разрешении спорных вопросов с венским кабинетом.

Известие о предстоящей поездке австрийского императора Франца Иосифа в Берлин в сентябре 1872 года породило беспокойство в Петербурге. Александр II дал понять Вильгельму I о своем желании принять участие во встрече двух монархов. По совету Бисмарка кайзер дал согласие на приезд царя.

В Берлине русского и австрийского императоров ожидал торжественный прием. Монархи присутствовали на военных смотрах, парадных обедах, театральных представлениях. Тем временем сопровождавшие их министры иностранных дел вели деловые переговоры. Встречи происходили с глазу на глаз. Важную роль предстояло сыграть беседам Горчакова с Андраши, во время которых особое внимание уделялось Балканам. Результатом стала устная договоренность о поддержании статус-кво на полуострове. Обе стороны заявили, что не будут вмешиваться во внутренние дела Османской империи.

Во время встречи с Горчаковым Бисмарк обещал поддерживать только те акции на Балканах, которые будут согласованы между Петербургом и Веной. В то же время при личном свидании германского и австро-венгерского канцлеров была достигнута договоренность о содействии со стороны Германии политике Австро-Венгрии в регионе⁷⁰.

Но в целом в Берлине не было подписано никакого договора. Произошел только обмен мнениями и нотами, определявшими дальнейшую программу действий.

В марте 1873 года Вильгельм I в сопровождении Бисмарка и фельдмаршала Х.К. Мольтке прибыл с ответным визитом в Петербург. И там была заключена военная конвенция. Горчаков не принимал непосредственного участия в переговорах, но постарался убедить царя подчеркнуть сугубо оборонительный характер соглашения. В результате в документе было зафиксировано, что если какая-либо европейская держава нападет на одну из двух империй, то последняя «в возможно кратчайший срок получит помощь в виде армии из двухсот тысяч человек наличного состава». Указывалось также, что эта военная конвенция не содержит враждебных намерений против какой-либо нации или правительства⁷¹. Одновременно Бисмарк принял меры, чтобы не допустить ухудшения отношений с Австро-Венгрией. Он сказал, что конвенция «не будет иметь силы, если к ней не примкнет Австрия». Документ подписали два военачальника: российский фельдмаршал граф Ф.Ф. Берг и Х.К. Мольтке. Ни Бисмарк, ни Горчаков не скрепили его своими подписями⁷².

В июне 1873 года Александр II в сопровождении Горчакова посетил Вену. Это была первая после Крымской войны поездка царя в австрийскую столицу. Она означала, в частности, что российский монарх предавал забвению проявленную тогда «неблагодарность» Австрии. Александр II и Горчаков предприняли попытку склонить Франца Иосифа присоединиться к русско-германской конвенции. Австро-Венгрия предпочла менее обязывающее политическое соглашение, имеющее цель «упрочить мир» и «отдалить возможность войны». Стороны условились в случае угрозы европейскому миру сговариваться между собой «относительно образа действий, какого следует держаться сообща». Лишь по

признании необходимости прибегнуть к военной, силе они собирались конкретизировать обязательства взаимной поддержки. Конвенция была подписана в июле 1873 года в Шенбрунне, подменой⁷³.

В октябре к конвенции присоединилась Пруссия. Фактически это был консультативный пакт, хотя и получивший громкое название «Союз трех императоров». Каждый из его участников преследовал собственные, отнюдь не совпадавшие, внешнеполитические цели. Россию и Австро-Венгрию особо интересовал Восточный вопрос. Обе стремились не допустить преобладания другой стороны на Балканах, и каждая рассчитывала на поддержку Германии. Последняя использовала соперничество России и Австро-Венгрии в своих целях, надеясь развязать себе руки в Западной Европе. Она намеревалась стать властелином континента, окончательно подавив Францию. Лишь в одном участники союза были действительно единомышленны — в борьбе против революционного движения.

На протяжении 70-х годов Союз трех императоров оказывал большое влияние на международные события. Договор с соседними державами обеспечивал России относительную безопасность западной границы и облегчал проведение активной политики в Средней Азии. Однако надежды Бисмарка, что Россия, занятая восточными делами, позволит Германии беспрепятственно распоряжаться в Европе, не оправдались. Царское правительство прекрасно сознавало опасность установления германской гегемонии на континенте. Еще в начале 1872 года, когда Бисмарк стал провоцировать конфликт с Францией, используя в качестве предлога подготовлявшийся там закон о всеобщей воинской обязанности, российская дипломатия дала понять, что не поддержит Германию⁷⁴.

В начале 1874 года произошло новое резкое обострение германо-французских отношений. Посол Французской республики в Петербурге Лефло обратил внимание Горчакова на опасность, угрожавшую Франции. Канцлер успокоил его, заявив, что «представления в защиту Франции уже сделаны либо будут сделаны». Александр II также заверил посла, что Россия не допустит вооруженного конфликта⁷⁵. Во время ответного визита Франца Иосифа царское правительство договорилось о совместном демарше в поддержку Франции. Горчаков и Андраши посетили французского посла и заверили его, что осуждают действия Бисмарка⁷⁶.

В начале 1875 года над Францией опять нависла угроза войны. Бисмарк рассчитывал, что на этот раз соперничество между Россией и Англией в Азии развяжет ему руки. В феврале через доверенное лицо за дипломатическую поддержку или дружественный нейтралитет во время войны с Францией он предложил российскому правительству содействие на Востоке. Но Александр II не поддался на эту уловку. Царь решительно заявил французскому послу, что если Германия вздумает вы-

ступить без причины или под вымышленным предлогом, то она сделает это «на свой риск и страх». Будучи проездом в Берлине (по пути в Эмс), царь недвусмысленно высказался против германской авантюры в отношении Франции. Бисмарк вынужден был ретироваться. Царю ответили, что «никакие агрессивные действия против Франции не замышляются». Всю ответственность взвалили на воинственно настроенных генералов, «ничего не смыслящих в политике». Через несколько дней Горчаков телеграфировал российским дипломатическим представителям за рубежом: «Отныне мир обеспечен». 10(22) мая 1875 года в письме Александру II президент Французской Республики маршал Мак-Магон выразил признательность «за то благородное и высокое влияние», которое было оказано императором на ход европейских дел⁷⁷.

«Военная тревога» 1875 года охладила русско-германские отношения. Однако до разрыва Союза трех императоров дело не дошло. Партнеры еще были заинтересованы в сохранении соглашения.

Российское правительство добивалось коллективных действий трех держав в поддержку христианских народов Балкан. Андраши был вынужден согласиться с этой линией, хотя и являлся яростным противником создания на полуострове независимых славянских государств и автономий. Втайне он вел подготовку оккупации Боснии и Герцеговины. В январе 1875 года в Вене состоялось секретное заседание коронного совета под председательством Франца Иосифа, на котором обсуждался план оккупации боснийско-герцеговинских земель. Австрийские замыслы пользовались поддержкой Германии. Вскоре новый восточный кризис обнаружил всю глубину противоречий в Союзе трех императоров.

* * *

В первое десятилетие после Крымской войны Россия, несмотря на сложную, во многом неблагоприятную обстановку, добилась заметных внешнеполитических успехов. На главных — европейском и ближневосточном — направлениях удалось обеспечить передышку, позволившую сосредоточить силы на проведении внутренних реформ. Дипломатическими средствами была отменена нейтрализация Черного моря, что имело важное значение как для обороны, так и престижа государства. При поддержке России укрепилось положение балканских государств — Сербии, Черногории, Румынии, и ее авторитет там снова возрос. Завершение Кавказской войны позволило активизировать политику в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Эти успехи выглядят еще более впечатляющими, если учесть, что в начале рассматриваемого периода России противостояла крымская система государств-победителей. Понадобилось большое дипломатическое искусство, использование противоречий между европейскими

державами, чтобы постепенно выйти из изоляции, сначала сблизившись с Францией, а затем с Пруссией и, наконец, вступив в союз с Германией и Австро-Венгрией.

Отмена нейтрализации Черного моря была куплена дорогой ценой содействия бисмарковской политике объединения Германии под верховенством Пруссии. Появление на западной границе сильного воинственного соседа значительно осложняло международное положение России. Союз трех императоров хотя и упрочил до некоторой степени ее позиции в Европе, но в силу противоречий между участниками был обречен. Россия не могла допустить ни гегемонии Германии на континенте, ни расширения австрийской экспансии на Балканах. Вырисовывалась перспектива союза монархий Гогенцоллернов и Габсбургов, направленного против интересов России и Франции в Европе и на Ближнем Востоке.

Глава III. Средняя Азия во внешней политике России

Сношения России с государствами Средней Азии имеют многовековую историю. Однако сводились они преимущественно к торговле и носили спорадический характер. Попытки сделать их более регулярными, предпринимавшиеся при Иване Грозном и Петре I, успеха не имели¹.

К середине XIX века в Средней Азии² существовали три самостоятельных государства — Кокандское, Хивинское ханства и Бухарский эмират. Эти земли населяли узбеки, таджики, туркмены, кыргызы, каракалпаки. По характеру общественных отношений государства были феодальными с достаточно сильными патриархально-родовыми и рабовладельческими чертами. Одну из особенностей их экономического развития составляло отсутствие частной собственности на землю, в значительной степени связанное с природно-климатическими условиями региона. Засушливый климат требовал искусственного орошения; ирригационную систему легче было сохранить коллективными усилиями, что затрудняло ведение индивидуального хозяйства.

Верховным собственником земли был хан, который предоставлял ее дехканам (крестьянам) в пользование на жестких условиях: подати нередко доходили до половины урожая.

Путешественники, ученые, дипломаты и военные, посещавшие Среднюю Азию, отмечали контрастность ее природы и хозяйства. В оазисах — Зеравшанской, Ферганской, Ташкентской долинах — были достаточно высокий уровень земледельческой культуры и большая плотность населения. В степных районах и пустынях, как правило, население вело кочевой образ жизни, главным занятием его было скотоводство. Общинное владение пастбищем составляло одно из условий существования кочевых племен.

В городах существовала промышленность, по преимуществу в форме ремесла; там производились шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные ткани и металлические изделия, часть которых направлялась на внешний рынок — в соседние страны Востока и в Россию. При однотипности экономического склада ханства имели и свои специфические особенности. Кокандское ханство сложилось как военно-феодальное государство с сильной военной знатью, служившей главной опорой хану; Бухарское — как духовный центр Средней Азии³.

Развитию экономики края мешали непрекращавшиеся войны между Бухарой и Кокандом, Хивой и Бухарой, земледельческими и кочевыми племенами, столкновения среднеазиатских ханств с соседними государ-

ствами — Ираном и Афганистаном. Конфликты приводили к разрушению ирригационных систем, гибели и пленению людей, уничтожению селений. В результате, как подчеркивает советский востоковед-международник Г.А. Хидояттов, с XVII–XVIII веков Средняя Азия сравнительно со Средневековьем, когда она была одним из центров цивилизации Востока, переживает упадок экономики и культуры⁴.

В политическом отношении ханства были феодальными деспотиями: их правители имели единоличную власть, подбирая для административного управления преданных себе чиновников; законов, охранявших жизнь и имущество населения, не существовало. При взимании налогов, распределении воды, формировании армии господствовал произвол. Здесь и в XIX веке продолжало существовать рабство.

В политической и общественной жизни ханств важную роль играло мусульманское духовенство. Клановость, существовавшая в Средней Азии, а также оторванность от мирового рынка замедляли экономический и социальный прогресс региона.

В этих условиях экономические связи с Россией, вступившей на капиталистический путь развития, приобретали особую значимость. Важны были азиатские рынки и для России.

1. Отношения с Кокандом, Хивой и Бухарой в середине века

Среднеазиатское направление во внешней политике России в XIX веке, как и ранее, не было центральным. Но во второй половине столетия значение его заметно возрастает, о чем свидетельствует рост внимания правительства и российских предпринимателей к Средней Азии. В 20–50-х годах петербургский кабинет продолжал неспешные поиски путей по налаживанию торгово-экономических связей со среднеазиатскими государствами. В расширении русско-азиатской торговли он видел один из методов утверждения России как промышленной державы. В отчете Министерства иностранных дел за 1838 год прямо указывалось: «Торговля есть основной клапан всей нашей политики в Средней Азии»⁵. Протяженность русско-среднеазиатских границ составляла 6 тыс. верст. «Уже поэтому, — замечал востоковед Н.В. Ханыков, посетивший Среднюю Азию в 1840 году, — она заслуживает вполне внимания правительства. Средняя Азия представляет обширный рынок для развития коммерческой деятельности России»⁶. Однако российская буржуазия, экономически заинтересованная в торговых связях с Азией, была еще слаба и пассивна. Инициативу в развитии этих отношений взяло на себя правительство, которое через периодическую печать, коммерческие и промышленные издания («Журнал мануфактур и тор-

говли», «Коммерческую газету», «Экономический указатель» и др.) пыталось пробудить интерес купечества и дворянства к рынкам Азии. Еще в 30-х годах известный экономист Г. Небольсин писал о «важных выгодах», которые приобретет Россия «через азиатскую торговлю, ибо успехи оной необходимы для процветания многих отраслей мануфактурной промышленности»⁷. Купцы, рискнувшие отправиться с товарами в Азию, в своих записках также отмечали большие возможности среднеазиатского рынка для России⁸. Но оборот русско-среднеазиатской торговли оставался незначительным, что было обусловлено рядом причин: экономическим состоянием России в середине века, ее достаточно широким внутренним рынком, нестабильностью положения в среднеазиатских государствах, опасностью пути — грабежами и набегами со стороны местного населения, низкой покупательной способностью жителей региона. Имели значение и невыгодные для русских купцов условия торговли, когда их товары облагались двойной, а иногда и четверной — против мусульманских — пошлиной⁹. Обращения российского правительства к кланам с предложениями об уравнивании торговых прав русских и мусульманских купцов и обеспечении безопасности торговых путей оставались без ответа. Примерно до 90-х годов, когда Средняя Азия вошла в состав России, торговля с ней не была прибыльной в финансовом отношении: вывоз из Средней Азии превышал ввоз товаров из России. Так, в 1851 году из России в Бухару, Ташкент, Хиву было ввезено товаров на сумму 839 тыс. руб., а в том же году объем ввоза в Россию оценивался в 1238 тыс. руб. В 1852-м вывоз из России составил 710 тыс., а ввоз — 1400 тыс. руб.¹⁰ Усугубляло это положение и то обстоятельство, что азиатские купцы предпочитали закупать не российские изделия, а золото, что обедняло казну.

В 30–40-х годах заметно возрастает ввоз английских товаров в Среднюю Азию, о чем сообщали в Петербург посетившие ханства купцы и оренбургское начальство¹¹. Однако правительство в эти годы не придавало большого значения таким донесениям. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде полагал, что возможности индийского рынка и опасность пути в Среднюю Азию воспрепятствуют широкому экономическому вторжению туда Англии. Российское правительство, особенно после Англо-афганской войны 1838–1842 годов, больше беспокоило военное и политическое проникновение Англии на Средний Восток и в Среднюю Азию. Петербургский кабинет не разрабатывал в то время планов военного наступления в Среднюю Азию¹². Предложение оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского предпринять после его неудачного Хивинского похода 1839–1840 годов новое наступление на Хиву было отвергнуто правительством. Позже сторонники активных действий России в Средней Азии порицали Петербург за чрезмерную осторожность,

полагая, что было бы благоразумнее принять вызов англичан на просторах Азии, а не на бастионах Севастополя¹³.

В начале 50-х годов отношения России со среднеазиатскими ханствами осложнились. На построенные Россией в предыдущее десятилетие укрепления и сторожевые посты в казахских степях совершались нападения хивинцев и кокандцев, требовавших скрыть эти укрепления и передать земли казахов, подданных России, Коканду. В.А. Перовский воспользовался этими намерениями и повел военное наступление против Коканда. Летом 1853 года русские войска овладели крепостью Ак-Мечеть (Жылы-Орда). Одновременно Россия начала продвигаться в Заилийский край (Большой жуз), на земли которого претендовал Коканд. В 1854 году на реке Алма-Ата был построен город Верный (ныне Алма-Ата), ставший центром Большого жуза. Дальнейшее движение царских войск было приостановлено Крымской войной.

Крымская война вскрыла внутреннюю слабость российской государственной власти, кризисное состояние экономики, в международном плане — глубину русско-английского соперничества. Ослабление влияния Англии на мировую политику стало одной из важных внешнеполитических задач России. На русско-английское противостояние обращала внимание и российская общественность. В годы войны появилось немало статей, авторы которых пытались доказать масштабность внешнеполитических планов Англии и целесообразность активизации действий России в Средне-Азиатском регионе. «Британская политика, — замечал экономист И. Вернадский, — проникает даже в Среднюю Азию». Он считал, что Англия, призывавшая другие государства к поддержанию равновесия, «первая его нарушает, распространяя по всему миру свои владения»¹⁴. Часть российского генералитета настаивала на принятии радикальных мер против Англии. «Война с Англией за Азию неизбежна»¹⁵, — считал генерал Хрулев.

Но российское правительство не разделяло эти воинственные призывы. Россия нуждалась в серьезных внутренних преобразованиях и стабилизации обстановки в мире. Новый министр иностранных дел А.М. Горчаков видел главную задачу России в подчинении внешней политики целям внутреннего переустройства¹⁶. В течение своего 25-летнего руководства Министерством иностранных дел он ставил во главу угла дипломатические средства разрешения международных конфликтов.

Утрата Россией ведущей роли в Европе после Крымской войны усилила внимание правительства и общественности к Средней Азии.

К концу 50 — началу 60-х годов относятся многочисленные проекты, публицистические работы, доказывавшие необходимость расширения связей России с азиатскими странами. «России нужен значительный ры-

нок из-за возрастания нашей производительности, — писал в записке, адресованной правительству, генерал-майор И.Ф. Бларамберг. — Европа, так сказать, закрыта для нас вследствие соперничества других держав»¹⁷.

В декабре 1856 года наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией А.И. Барятинский писал Александру II о планах утверждения России в Средней Азии. Он предлагал весной следующего года направить экспедицию для определения возможности строительства железной дороги между Каспийским и Аральским морями. Железная дорога, рассуждал Барятинский, расширила бы приток российских товаров, укрепила бы политическое влияние России на Востоке, ослабила бы конкуренцию Англии. Он предлагал усилить флот на Каспийском море, открыть путь к Аральскому морю, освоив в дальнейшем плавание по Сырдарье. Александр II, признавая это «весьма важным и полезным», предложил министру иностранных дел, военному министру, управляющему путями сообщения, оренбургскому генерал-губернатору обсудить вопрос и решение сообщить ему. В январе 1857 года Особый комитет, рассматривавший записку Барятинского, поддержал соображения наместника Кавказа, но посчитал несвоевременным практическую реализацию его предложений «после минувшей войны». Экспедиция, полагали члены комитета, «могла бы весьма вредно повлиять на азиатские племена... послужила бы к совершенному упадку нашего на них политического влияния и вообще имела бы пагубные последствия». И с согласия Александра II экспедиция была отложена «до более благоприятных обстоятельств»¹⁸.

В этом решении проявилась общая линия внешней политики России после Крымской войны — отказ от военных действий в Европе и в Азии, стремление улаживать международные споры мирными средствами. А.М. Горчаков предписывал командующему Оренбургской линией* «вести себя осторожно и наблюдать за всем, что может касаться военных, политических и торговых интересов России вообще и безопасности линии в особенности», не доводя дело до военных осложнений¹⁹. Военному министерству было предложено пересмотреть сметы для «изыскания в них новых крупных сокращений»²⁰. В периодической печати, в том числе и в «Военном сборнике», доказывалась необходимость сокращения численности армии, поскольку большая армия не предотвращает, а вызывает войну. Автор одной публикации, видный военный и политический деятель Н.Н. Обручев, утверждал, что армия нужна не для завоеваний, разоряющих государство, а для обеспечения его внутренней и внешней безопасности²¹.

* Линия — ряд крепостей, составлявших условную границу.

В этот период российское правительство вновь обратилось к изучению политико-экономической обстановки в Средней Азии.

Обсуждение записок и предложений Блаرامберга и Барятинского лишний раз убеждало петербургский кабинет и российское купечество в слабом знании внутреннего положения среднеазиатских государств и приграничных с ними стран. Поэтому правительство направило в 1858 году три миссии: научную экспедицию под руководством Н.В. Ханыкова в Восточный Иран (Хорасан) и Герат, дипломатическое посольство Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару, миссию Ч.Ч. Валиханова в Восточный Туркестан (Кашгар). Руководил и направлял эти экспедиции Азиатский департамент МИД, в ведении которого находились дела по Ближнему, Среднему, Дальнему Востоку и Средней Азии. С 1856 по 1861 год департаментом руководил Е.П. Ковалевский, высокообразованный и дальновидный политик. М.И. Венюков, ученый и публицист, много занимавшийся делами Востока, писал о нем: «Лучшего направителя азиатской политики России, как Егор Ковалевский, не было во все время существования Министерства иностранных дел»²².

В подготовке миссий участвовали Военное министерство, Русское географическое общество, предприниматели²³. Правительство тщательно продумало время и маршрут экспедиций. Они были организованы вскоре после окончания Англо-иранской войны 1856–1857 годов, укрепившей позиции Великобритании на Среднем Востоке, и во время восстания против англичан в Индии. Это свидетельствовало прежде всего о политических задачах миссий. Экспедиции должны были помочь Петербургу выработать «меры дальнейшего противоборства влиянию Англии... в регионе»²⁴. Таким образом, политический характер миссий несомненен, о нем писали и зарубежные историки²⁵. Кроме того, миссии имели и торгово-экономическое значение²⁶. Так, Н.В. Ханыков пытался освоить торговый путь в Среднюю Азию через Каспийское море, создать союз ханств, «чтобы поставить оплот завоевательным стремлениям Англии»²⁷. Иными словами, царское правительство в конце 50-х годов не исключало возможности использовать среднеазиатские государства в качестве союзников на случай столкновения с Великобританией.

Руководитель экспедиции в Хорасан Н.В. Ханыков отлично знал Восток и восточные языки, служил в Азиатском департаменте МИД; в начале 50-х годов был помощником председателя Кавказского отделения Русского географического общества, а в 1853–1857 годах — генеральным консулом в Тебризе²⁸. В состав миссии входили географы, биологи, этнографы, историки, которые должны были изучить флору и фауну региона, пути сообщения в Хорасане, условия русско-иранской торговли.

Особое значение в утверждении русского влияния на Среднем Востоке отводилось Афганистану, находившемуся под сильным воздей-

ствием Англии. Ханыкову предписывалось посетить Кабул и убедить афганского эмира Дост-Мохаммед-хана в целесообразности сотрудничества с Россией. Другой целью экспедиции было знакомство с политикой и внутренним положением Ирана, правительство которого после поражения в англо-иранской войне было заинтересовано в сближении с Россией.

В начале 1858 года экспедиция из Баку направилась в Астрабад, затем по приглашению иранского шаха в Тегеран, где Ханыков вел переговоры о возможности расширения русско-иранской торговли и политических контактов двух стран. Шах высказал предложение заключить русско-иранский союз, направленный против Англии и Афганистана. Но Ханыков не поддержал это предложение: подписание договора могло бы вовлечь Россию в войну на Среднем Востоке, что противоречило планам Петербурга. А.М. Горчаков через российского посланника в Тегеране Н.А. Аничкова просил Ханыкова придерживаться осторожной тактики, способной разрядить обстановку на Среднем Востоке и в Средней Азии²⁹. Представляется справедливым утверждение американского историка Рибера, заметившего, что главной задачей России в конце 50 — начале 60-х годов прошлого столетия было не ослабление, а укрепление среднеазиатских ханств путем создания тесного союза между ними, призванного противостоять Англии³⁰.

Благожелательный прием встретила экспедиция и в Герате: Ханыков был принят султаном княжества, получил возможность осмотреть крепость, познакомиться с жизнью населения³¹.

Неудача поджидала дипломата при выполнении предписаний Петербурга в отношении Афганистана. Афганский эмир отказался принять членов экспедиции, ссылаясь на возможную негативную реакцию Англии. Давая Петербургу разъяснения, Ханыков писал: «Владелец Афганистана, храбрый и предприимчивый Дост-Мохаммед-хан, издавна пользуется покровительством англичан... Английское правительство в усилении могущества и власти афганского эмира видит надежнейшее средство к обеспечению северной границы индийских владений от внешних нападений, поэтому старается по возможности содействовать ему»³².

Ханыков, хотя и не настаивал на военных захватах в Средней Азии (как это делал Н.П. Игнатьев), считал, однако, что российское Министерство иностранных дел ведет себя здесь излишне пассивно. Он предлагал правительству установить контакты с армянами, живущими в Иране, «сделать более последовательными сношения наши с епископом, посредством которого мы узнаем нужды персидских армян, способствовать отправлению их детей в Закавказский учебный округ»³³.

Но Ханыкову не удалось полностью выполнить поручения Петербурга, однако предложенные им конкретные меры способствовали бо-

лее широкому знакомству России с народами Среднего Востока и не только намечали пути развития торгово-политических связей, но и ставили просветительские задачи, которые, к сожалению, не были учтены правительством.

Одновременно с миссией Н.В. Ханыкова в 1858 году из Оренбурга в Хиву и Бухару отправилась экспедиция, возглавляемая флигель-адъютантом Н.П. Игнатьевым, служившим ранее военным представителем в Лондоне и внимательно следившим за деятельностью английских агентов в Азии³⁴. Позднее, в 1861 году, он сменил на посту директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского, а с 1864 по 1877 год был послом в Константинополе.

Цель экспедиции Игнатьева сводилась к знакомству с внутренней обстановкой в Средней Азии, а также к «укреплению торгового и политического влияния России в ханствах; уничтожению вредного вмешательства англичан, которые стараются проникнуть в соседние нам ханства и привлечь их на свою сторону»³⁵. Экономические задачи миссии состояли в получении согласия ханов на присутствие в Хиве и Бухаре постоянных торговых агентов от России, отмене двойных пошлин на товары с купцов-христиан; установлении единого пошлинного сбора (5 % от цены товара)³⁶. Однако решение торгово-экономических вопросов подчинялось политико-стратегическим целям³⁷.

Положение в Средней Азии к моменту прибытия Игнатьева в Хиву не располагало к мирным переговорам. Голод и эпидемии ослабили ханство. Но бедствия страны не привели к отказу хана от войн с туркменскими племенами. Бухарский эмир воевал с Кокандом и Афганистаном. Зная о междоусобных распрях в Средней Азии, русское правительство предписывало Игнатьеву не вмешиваться в эти конфликты. Такая позиция Петербурга не совпадала с мнением оренбургского генерал-губернатора А.А. Катенина и самого Н.П. Игнатьева, настроенных воинственно³⁸.

Хивинский хан с недоверием отнесся к русской миссии. Членов экспедиции, прибывших в Хиву, не ждал дружелюбный прием. Под угрозой смертной казни жителям города было запрещено разговаривать с русскими. Игнатьев в течение десяти дней добивался встречи с ханом³⁹. Переговоры были тяжелыми и безрезультатными. Не дав Игнатьеву прощальной аудиенции, хан уехал в загородный дворец.

Посольство покинуло Хиву и направилось в Бухару, где встретило доброжелательный прием. Эмира Насруллы в столице не было (он воевал с Кокандом), однако его наместник предложил Игнатьеву начать переговоры о торговле и судоходстве по Амударье. Эмир поддержал предложение Игнатьева о разрешении плавания русских судов по Амударье, а в случае противодействия хивинцев (река протекала по обоим

ханствам) эмир соглашался действовать вместе с русскими. Несмотря на внешнюю лояльность эмира по отношению к России, от Игнатьева не ускользнули подтверждения прочности торгово-политических позиций Англии в эмирате. Поэтому в беседе с правительственными чиновниками Бухары он пытался раскрыть суть политики Англии, напомнив о ее последствиях для индийцев, о поставках англо-индийскими властями оружия Коканду, о кокандо-хивинском сближении, противостоящем Бухаре, о войнах Англии с Китаем и Ираном. Все эти факты, заключал Игнатьев, противоречат словесным заявлениям Лондона о его миролюбивой и оборонительной политике в Азии⁴⁰. Особую тревогу у эмира вызвало сообщение Игнатьева о кокандо-хивинском сближении, представлявшем непосредственную угрозу для Бухары. Неудивительно, что он принял все предложения русского посла, рассчитывая с помощью России противостоять своим противникам. Переговоры завершились согласием эмира направить в Петербург с ответным визитом бухарского посла, который выразил желание возвратиться в эмират через Аральское море и Амударью на русском пароходе, еще раз засвидетельствовав прочность русско-бухарских отношений⁴¹.

В декабре 1858 года посольство Игнатьева возвратилось в Оренбург. Цель миссии была достигнута. «Сведения, добытые нашей экспедицией, — писал Игнатьев, — ...способствовали установлению более правильного взгляда на значение и основу власти... и в особенности на то положение, которое мы должны и можем занимать в Средней Азии»⁴². Но он не верил в прочность подписанного русско-бухарского соглашения. Нестабильность обстановки в Средней Азии убеждала Игнатьева в необходимости перехода здесь от дипломатических методов к военным. Он считал, что экспедиции в Среднюю Азию — «напрасная трата денег, которые могут быть употреблены для достижения той же цели, но иным образом»⁴³.

Однако в конце 50-х годов российское правительство не поддерживало тактику Игнатьева. Оно продолжало поиски путей политико-экономического проникновения в Среднюю Азию.

Третья миссия под руководством поручика русской службы, казака по национальности, Ч.Ч. Валиханова была направлена в 1858 году в Кашгар (Западный Китай или Восточный Туркестан). Валиханов, выходец из ханского рода Аблая, окончил Омский кадетский корпус и служил в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, бывал в экспедициях в Джунгрии и в районе озера Иссык-куль. Он хорошо знал историю, географию, обычаи Западного Китая, владел восточными языками. Дельные предложения Валиханова в ходе предыдущих экспедиций привлекли к нему внимание известного ученого и путешественника П.П. Семёнова, который рекомендовал его на должность руководителя делегации

в Кашгар. Ч. Валиханов должен был выяснить обстановку в регионе, пути и средства восстановления торговых и политических связей России с этой китайской провинцией, прерванных междоусобными войнами в Кашгаре. Он поехал под видом кокандского купца с товарами (полученными от казахских купцов) на сумму 20 тыс. руб. серебром, выгодно проданными им на рынках провинции⁴⁴. За полгода пребывания в Кашгаре Валиханову удалось ознакомиться с краем, выяснить позиции, занимаемые там Кокандом и Англией, состояние его армии. «Китайские гарнизоны в Восточном Туркестане дурно дисциплинированы, — сообщал он в Петербург, — курят опиум и к серьезной обороне не способны»⁴⁵. Валиханов убедился в возможности восстановления непосредственных торговых связей России с Западным Китаем, выгодных обеим сторонам⁴⁶. Контакты, установленные членами миссии с учеными, позволили приобрести уникальные рукописи, коллекции горных пород и денежных знаков.

К весне 1859 года в Кашгаре возобновилась междоусобная борьба, распространялись слухи о пребывании в провинции переодетого русского офицера, что ускорило отъезд Валиханова. В марте он покинул Кашгар и летом прибыл в Семипалатинск.

Материалы экспедиции и личные наблюдения Валиханова имели важное значение для политики и науки. Его отчет, озаглавленный «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухары)»⁴⁷, был первым российским научным сочинением, посвященным истории, географии и социальному строю Западного Китая. А.М. Горчаков считал самым важным событием 1859 года «достижение Кашгара русским караваном и пребывание нашего русского агента в Кашгаре»⁴⁸.

Экспедиции 1858–1859 годов помогли российскому правительству более детально познакомиться с обстановкой в Средней Азии и пограничных с нею государствах, подтвердили сильное влияние Англии на правителей этих стран. Однако тактика Петербурга в отношении Средне-Азиатского региона не изменилась.

В начале 60-х годов российское правительство продолжало попытки проникновения в Среднюю Азию дипломатическими путями⁴⁹.

Экспедиции Игнатьева в Хиву и Бухару способствовали временному оживлению русско-бухарской торговли. «Московские дома с успехом вели свои дела, — отмечалось в отчете МИД, — и с некоторого времени стали отправлять русские товары в Бухару, где они весьма выгодно сбывались»⁵⁰. В свою очередь, бухарские купцы приезжали с товарами на Нижегородскую ярмарку и в другие города России. Иначе складывались отношения с Кокандским ханством, с территории которого усилились набеги на пограничные земли России, нападения на русские караваны,

шедшие в Среднюю Азию. Оренбургский генерал-губернатор А.А. Ка-
тенин в своих донесениях в Петербург порицал пассивность царско-
го правительства. «Поражает то вековое забвение, которому преданы
были интересы наши в Средней Азии... — писал он А.М. Горчакову, —
совершенное отсутствие определенных государственных видов и всякой
системы в действиях наших относительно владений этой части Азии»⁵¹.
Он предлагал перейти к военному наступлению в Средней Азии. Его
поддерживали Н.П. Игнатьев и генерал-губернатор Западной Сиби-
ри Г.Х. Гасфорд.

В 1859–1861 годах в Петербурге состоялось несколько межведомст-
венных совещаний по среднеазиатской политике. Наиболее аргумен-
тированно в пользу решительных действий в Средней Азии высказы-
вался директор Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатьев, авторитет
которого в правительственных кругах после успешной миссии в Китай
и подписания русско-китайского договора 1860 года необычайно воз-
рос. «Он, — по словам военного министра Д.А. Милютин, — сделался
героем дня»⁵². Игнатьев мотивировал необходимость наступательной
политики в Средней Азии неизбежностью борьбы с Англией. «Для со-
хранения хороших отношений с Англией, — замечал Игнатьев, — нуж-
но ей доказать, хотя бы однажды, что мы можем выйти из пассивного
положения и причинить ей, в случае разрыва, чувствительный ущерб»⁵³.
При этом он считал, что Россия может угрожать сухопутным владениям
Англии только в Средней Азии, а нанести удар ее морской торговле —
в Приморском крае и на берегах Тихого океана.

Для выполнения своей программы Игнатьев в записке Горчакову
предлагал действовать одновременно со стороны Кавказа, Оренбурга,
Западной Сибири, используя в качестве союзников Иран и Турцию. Он
замечал, что, хотя у России нет притязаний на Индию, в Англии надо
поддерживать страх за судьбу этой колонии. Ибо страх заставит ее пой-
ти на материальные траты, в то время как Россия «не издерживает ни
одной копейки на военные приготовления, не пускает ни одного русско-
го солдата в дело». Эти соображения Игнатьева, переданные Горчакову,
служат еще одним свидетельством отсутствия у России реальных планов
завоевания Индии. «Угрозу» Индии, по Игнатьеву, следовало исполь-
зовать лишь как демонстрацию, способную побудить Англию сделать
уступки России в делах Европы и Ближнего Востока»⁵⁴.

В современной зарубежной историографии старая версия о наличии
реальной угрозы Индии со стороны России претерпела определенные
изменения. В отличие от работ британских исследователей Раулинсона,
Макгрегора и др., где прямо говорилось о существовании конкретных
планов России в отношении Индии⁵⁵, в некоторых книгах, вышедших
в 70–80-х годах нашего столетия, содержатся более спокойные оценки

этой версии. Так, английский историк Джиллард видит причины продвижения России в Среднюю Азию в создании потенциальной угрозы Индии, чтобы отвлечь англичан заботой о безопасности их колоний от событий в Европе⁵⁶.

Министерство иностранных дел России и на этот раз отвергло план активных действий в Средней Азии, считая, что они могут привести к войне с Англией, а этого следовало избегать. Аргументацию Горчакова поддержал министр финансов М.Х. Рейтерн, справедливо полагавший, что для экономических реформ внутри страны нужны немалые деньги, а наступательные действия в Средней Азии отвлекут капиталы из Центральной России⁵⁷. Учитывалось и то обстоятельство, что Англия поставляла России рельсы, подвижной состав, машины; английские банкиры были крупными кредиторами русского казначейства⁵⁸. Однако оренбургская администрация не соглашалась с доводами столичных политиков.

В ноябре 1861 года новый генерал-губернатор Оренбурга А.П. Безак, сменивший Катенина и продолжавший его политику, в рапорте военному министру Д.А. Милютину вновь пытался убедить петербургское правительство отказаться от пассивной политики в Средней Азии и перейти в наступление. Он настаивал на соединении Оренбургской и Западносибирской линий, в результате чего Россия могла бы получить большие выгоды: надежную государственную границу, дешевое продовольственное снабжение населения русских фортов на Сырдарье, прекращение междоусобий, а также земли, богатые свинцовыми рудами⁵⁹.

В марте 1862 года Особый комитет* в Петербурге вновь рассматривал соображения оренбургского генерал-губернатора и признал соединение Оренбургской и Западносибирской линий несвоевременным. Военный министр Д.А. Милютин предписал оренбургскому и западносибирскому генерал-губернаторам «в нынешнем году никаких приготовлений по экспедиции не предпринимать»⁶⁰. Тем не менее он считал, что среднеазиатский вопрос нуждается в решении. «В среднеазиатских окраинах, — замечал Милютин, — положение наше представлялось в каком-то неопределенном виде; не было у нас даже определенной государственной границы. Старый путь караванов из Бухары и Хивы в Оренбург был небезопасен»⁶¹.

Итак, в 1859–1862 годах Министерство иностранных дел, Военное министерство и Министерство финансов по разным соображениям отвергали предложения Игнатьева и военного начальства Оренбургского края о наступательных действиях в Средней Азии. На решения Петер-

* Особый комитет, или Особое совещание, созывался для обсуждения наиболее важных внутренних или международных вопросов. В заседаниях участвовали царь и министры разных ведомств.

бурга оказывала влияние и продолжавшаяся Кавказская война, имевшая, по словам Милютина, «общеевропейское значение»⁶².

Новый всплеск внимания к среднеазиатским делам был ускорен событиями в Европе. В январе 1863 года началось польское восстание, вызвавшее сочувственное отношение в демократических и либеральных кругах европейского общества и противоречивые оценки правительств. Если Пруссия открыто встала на сторону царизма, то Франция и Англия на словах поддерживали восставших. Особенно активно вела себя Англия, которую Горчаков считал «главной организующей силой в антирусской деятельности европейских правительств»⁶³. В это время директор Азиатского департамента Н.П. Игнатьев писал: «Нужно, чтобы наша восточная и западная политика согласовывались между собой и шли к одной и той же цели»⁶⁴. Д.А. Милютин, еще в 1861–1862 годах отвергавший необходимость военных действий в Средней Азии, в 1863-м согласился с доводами оренбургского начальства, считая, что «путем демонстрации в Средней Азии внимание Англии будет отвлечено от Польши»⁶⁵.

В феврале 1863 года на заседании Особого комитета под председательством военного министра с участием оренбургского и западно-сибирского губернаторов было решено перейти к военным действиям в Средней Азии, которые планировалось начать соединением Оренбургской и Западносибирской линий.

В марте Александр II утвердил решение Особого комитета, выполнение операции было назначено на 1864 год⁶⁶. К этому времени, что также учитывалось русским правительством, закончилась Кавказская война, и это высвободило значительные силы⁶⁷.

А.М. Горчаков согласился с мнением Игнатьева и оренбургского начальства. Однако он по-прежнему считал, что действовать надо «с крайней осторожностью, избегать излишней огласки, могущей возбудить в Европе толки, неблагоприятные для общей политики нашей»⁶⁸. Враждебные действия Англии во время Крымской войны, создание крымской системы — союза Англии, Франции и Австрии, направленного против России, вынуждали Горчакова внимательно следить за политикой Лондона и не давать Англии повода для новых столкновений с Россией.

Военный министр, хотя и не отрицал справедливости опасений Горчакова, обвинял его в излишней осторожности. Он полагал, что Горчаков не понимает специфики русско-английских отношений в Средней Азии, а это пагубно сказывается на русских интересах в регионе. «Наше Министерство иностранных дел, — замечал он, — с давних времен держалось в азиатской политике системы пассивного консерватизма. Заботясь более всего о поддержании дружбы с Англией, оно противилось всякому нашему успеху в Средней Азии, дабы не возбуждать дипломатиче-

ских запросов лондонского кабинета, ревностно следившего за каждым нашим шагом в степях. Сам вице-канцлер А.М. Горчаков, — продолжал Милютин, — почти не занимавшийся азиатскими делами и чуждый самых поверхностных сведений об Азии, не хотел даже вникать в обстоятельства, вынуждавшие нас по времени принимать военные меры на азиатских наших окраинах»⁶⁹. Критику Д.А. Милютиным действий А.М. Горчакова разделял офицер Генерального штаба М.И. Венюков, также считавший, что в среднеазиатском вопросе министра иностранных дел интересовала только Англия⁷⁰.

Известная доля истины в утверждениях российского генералитета была. Действительно, А.М. Горчаков несравненно больше внимания уделял европейским и ближневосточным делам, нежели среднеазиатским. Но следует также отдать должное и здравому смыслу министра, отставившего дипломатические решения среднеазиатских вопросов, что сократило бы материальные затраты и помогло бы избежать осложнений с европейскими государствами, прежде всего с Англией.

С назначением в 1861 году директором Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатьева, находившегося «в самых лучших, товарищеских отношениях» с Д.А. Милютиным, а также с изменением тактики правительства в среднеазиатском вопросе расхождение двух министерств несколько сгладились.

С 1864 года начинается новый этап в среднеазиатской политике России, особенностью которого стало военное наступление в регионе.

Причины перехода российского правительства от мирных, торгово-дипломатических методов к военным до сих пор вызывают споры у историков. Одни ученые — Н.А. Халфин, Ю.А. Соколов, Б. Маннанов, А.Я. Соколов — видят их прежде всего в экономических факторах, в потребностях русской буржуазии в рынках сбыта и источниках сырья. Политические мотивы — действия Англии, по мнению Н.А. Халфина, лишь ускоряли продвижение России в Среднюю Азию⁷¹. Другие историки — М.К. Рожкова, А.М. Аминов, А.Х. Бабаходжаев, Г.А. Хидоятов, Н.С. Киняпина — считают определяющим мотивом для этого периода политический — русско-английское противостояние.

В последние годы взгляды историков заметно сблизились. Это связано как с отказом от прежней категоричности суждений, так и со стремлением к комплексному подходу к проблеме с учетом экономических, социальных, политических факторов. В исследованиях выделяются различные этапы русско-среднеазиатских отношений, когда на первый план выдвигались то одни, то другие факторы. Для первой половины XIX века главными мотивами развития отношений были торгово-экономические, для 60–80-х годов, времени завоевания Средней Азии Россией, первостепенное значение приобрели политические при-

чины — борьба с Англией за господство над государствами Средней Азии и Среднего Востока. Победы России в этом регионе не могли не сказаться также на ее позициях в Европе и на Ближнем Востоке. Ведущая роль политических целей доказывается правительственными документами, статистическими материалами по оборотам русско-среднеазиатской торговли, выбором момента для начала военных действий в Средней Азии, когда произошло осложнение обстановки в Европе в связи с польским восстанием, завершилась Кавказская война. Но признание ведущей роли политических факторов в 60–80-х годах не снижает экономического значения Средней Азии для России. Многочисленные правительственные экспедиции, направляемые в Среднюю Азию в XIX веке, выступления в прессе, в которых доказывалась необходимость расширения русско-азиатской торговли и ее перспективность, подтверждают такой вывод.

В зарубежной историографии также существуют различные оценки причин завоевания Средней Азии Россией. Так, американский историк Р. Пирс считает экономические причины главными, которым подчинялись военно-стратегические интересы России⁷²; другой американский исследователь, Ф. Каземзаде, выделяет в качестве первопричины стимул политический — англо-русское противоборство⁷³. Американскому историку Р. Рамазани этот вопрос не представляется принципиальным. Главное, по его мнению, заключалось в «серьезной угрозе», созданной для Англии и Ирана экспансией России в Средней Азии⁷⁴. Английский историк Д. Морган считает, что существовали объективные причины для углубления русско-английских противоречий в Азии — разрастание Российской и Британской империй на Востоке до их соседства при отсутствии четких границ между ними. Субъективным моментом, по мнению Моргана, был взаимный страх держав. Историк отвергает существование реальных планов как у России — по захвату Индии, так и у Англии — в отношении завоевания Средней Азии⁷⁵.

2. Завоевание Средней Азии

Выполнение выработанного в Петербурге конкретного плана по соединению Оренбургской и Западносибирской линий послужило началом масштабного завоевания Средней Азии Россией. Реализация программы возлагалась на оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов. Главный удар направлялся против Кокандского ханства, столкновения России с которым были особенно частыми.

В мае 1864 года командующий Сырдарьинской линией, полковник Н.А. Верёвкин, пользовавшийся, по словам Д.А. Милютина, «репутацией отличного офицера, разумного и энергичного»⁷⁶, наступал на город Туркестан. Со стороны Западной Сибири к городу Аулие-Ата двигался

отряд полковника М.Г. Черняева, осуществлявшего общее командование. В июне 1864 года эти города были взяты. В следующем месяце Черняев начал наступление на Чимкент, но, встретив сильное противодействие кокандцев, вынужден был отступить. Лишь в сентябре царские войска овладели Чимкентом. В результате взятия этих трех городов Оренбургская (Сырдарьинская) и Западносибирская линии сомкнулись⁷⁷. Власть Кокандского ханства над Южным Казахстаном была потеряна. Затем встал вопрос о дальнейших действиях в Средней Азии.

Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский и командующий объединенными армиями М. Черняев считали необходимым продолжать наступление. Министерство иностранных дел и Военное министерство предлагали остановиться и закрепиться на занятых рубежах. Милютин аргументировал свою позицию «малочисленностью наших войск» в Средней Азии⁷⁸. Но Черняев решил действовать самостоятельно. В конце сентября 1864 года он с небольшим отрядом (в тысячу человек) начал наступление на Ташкент, самый крупный город Средней Азии со 100-тысячным населением. Черняев оправдывал свои действия благоприятной обстановкой: ростом недовольства ташкентцев притеснениями со стороны кокандцев и сочувствием их к России. Но город оказался хорошо укрепленным; атаки отряда Черняева были отбиты, и русским войскам пришлось отойти к Чимкенту. Милютин оценил эту неудачу как «прискорбную для России, поскольку в Азии мы должны держаться не столько материальной силой при малочисленности наших войск, сколько нравственным авторитетом»⁷⁹.

Продолжавшиеся разногласия между центральным правительством и местным командованием, а также реакция Европы, прежде всего Англии⁸⁰, требовали выработки единого курса. В октябре 1864 года А.М. Горчаков в докладе Александру II изложил свою программу по среднеазиатскому вопросу и вместе с Д.А. Милутиным разработал конкретный план действий, утвержденный императором 21 ноября. По этому плану дальнейшее распространение российских владений в Средней Азии считалось нецелесообразным, поскольку оно «ведет только к раздроблению и ослаблению ее (России. — *Авт.*) сил. Нам необходимо, — говорилось в документе, — установить на вновь приобретенном пространстве земли прочную, неподвижную границу и придать оной значение настоящего государственного рубежа»⁸¹. Одновременно предполагалось не вмешиваться во внутренние дела ханств, оказывая на них лишь «нравственное влияние»⁸².

Этот документ был направлен в российские миссии за границей для передачи главам государств. По мнению английского историка Стамма, таким образом российское правительство хотело успокоить государства Запада, в первую очередь Англию⁸³.

Полагаю, правительственная программа 1864 года прежде всего отражала взгляды А.М. Горчакова, считавшего, что в условиях международной изоляции и широких внутренних реформ нет нужды в больших территориальных захватах, которые могут привести к столкновению с Англией. Военный министр, поддерживая основные положения программы, считал слишком обязывающим утверждение Горчакова, что «дальнейшего расширения границ со стороны России не будет». «Этим заявлением, — писал Милютин, — Министерство иностранных дел связало себе руки в дальнейших действиях и позволило нашим противникам... укорять нашу политику в коварстве и вероломстве»⁸⁴, хотя в реальной политике царизма в Средней Азии присутствовало и то и другое. Следует учитывать, что в правительственной программе 1864 года были намечены лишь общие цели России в регионе: утверждение имперской власти на «занятых рубежах», невмешательство во внутренние дела ханств. Решения по конкретным вопросам не были разработаны, что объяснялось как слабым знанием петербургским двором внутренней обстановки в Средней Азии, так и разногласиями между российским правительством и местным командованием. Декларативностью правительственной программы воспользовался честолюбивый и самоуверенный командующий Черняев. Он решил захватить Ташкент. Междоусобная борьба ханств помогла ему реализовать свой план.

Кокандский хан Адимкул, ранее владевший городами Аулие-Ата, Туркестаном, Чимкентом, стремился вернуть утраченные земли. В ноябре 1864 года он начал наступление на Туркестан. Но путь к городу ему преградил казачий отряд, заставивший ханское войско возвратиться в Ташкент. Эта неудача обострила обстановку в городе, где начались выступления против Алимкула. Брожение использовал бухарский эмир и овладел городом. Сами ташкентцы не были едины в своей ориентации. Торгово-ремесленные слои, разоренные непрерывными войнами, были заинтересованы в поддержке России; мусульманское духовенство выступало на стороне бухарского эмира. Кокандского хана, по существу, поддерживала лишь армия. Алимкул, возвратившись в город, жестоко расправился с непокорным населением. События в Ташкенте представлялись Черняеву удобным поводом для захвата города. С этим предложением он обратился в Военное министерство, отрицательный ответ которого не удовлетворил генерала.

В Петербурге считали, что малочисленность войск, которыми располагал Черняев, может привести к вторичному поражению, поэтому рекомендовали ограничиться наблюдением за обстановкой в городе, пока не прибудут дополнительные силы⁸⁵.

Министерство иностранных дел, поддерживая мнение военного министра, еще более решительно выступило против дальнейшего наступле-

ния российских войск. В инструкции А.М. Горчакова оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому, утвержденной царем 23 февраля 1865 года, вновь повторялась мысль, что применение военной силы допустимо лишь в случае вторжения кокандских войск на территорию, вошедшую в состав России.

Горчаков считал целесообразным добиваться для Ташкента самостоятельности, утраченной в начале XIX века. В этом случае Россия могла бы использовать Ташкент и для отпора нападений Коканда и Бухары, и для давления на них⁸⁶.

Расширение границ государства потребовало принятия административных мер в крае. По решению Особого комитета по Средней Азии, куда вошли представители Военного министерства. Министерства иностранных дел, военного командования в Средней Азии, генерал-губернаторы Оренбурга, Западной и Восточной Сибири, на территории Ново-Кокандской и Сырдарьинской линий (от западной оконечности озера Иссык-куль до Аральского моря) создавалась одна — Туркестанская — область, куда военным губернатором с особыми полномочиями был назначен генерал-майор М.Г. Черняев.

Тем временем борьба за Ташкент между кокандским и бухарским ханами продолжалась; население города, тяготившееся войной, обратилось за помощью к России. Это послужило поводом для наступления русской армии на Ташкент. В апреле 1865 года без приказа из Петербурга Черняев двинулся к городу. На его подступах русские отряды встретились с кокандскими войсками. В ходе сражения был смертельно ранен хан Алимкул, что внесло растерянность в ряды кокандцев. Несмотря на большое численное превосходство противника (15 тыс. кокандцев против отряда менее чем в 2 тыс. русских), Черняеву удалось ворваться в город и после двухдневных уличных боев овладеть им.

Взятие Черняевым Ташкента сделало его героем дня. Жители города в знак покорности называли Черняева «ташкентским львом»⁸⁷. Стремясь нормализовать обстановку в городе, генерал в обращении к жителям обещал сохранить в неприкосновенности их веру, обычаи, гарантировать от постоя и мобилизации в солдаты. На год население города освобождено от податей и налогов⁸⁸.

Взятие Ташкента вызвало новые споры в российском правительстве и обществе. На этом этапе Военное министерство и Министерство иностранных дел поддерживали Черняева, объясняя его действия враждебными выступлениями против Ташкента бухарского эмира и обращением его жителей за помощью к России. Другой член правительства, министр внутренних дел П.А. Валуев, недоумевал: «Ташкент взят ген. Черняевым. Никто не знает, почему и для чего»⁸⁹. «Русский вестник» М.Н. Каткова, славянофильская газета «Москва» выступали против новых тер-

риториальных завоеваний в Средней Азии, считая, что расходы на них, как писал известный востоковед В.В. Григорьев, «истощают средства коренных провинций государства»⁹⁰. Разумеется, эти разногласия носили тактический характер. Спорящие стороны исходили из интересов Российской империи, мало считаясь с запросами населения региона.

На протяжении года после взятия Ташкента дебатировался вопрос о статусе города. Первоначально российское правительство по соображениям политическим и экономическим (управление городом было связано с большими материальными затратами) не соглашалось с предложением Черняева включить Ташкент в состав России. Петербург склонялся к мысли о превращении его с прилегавшими землями в отдельное ханство под контролем России. Н.П. Стремоухов, сменивший в 1864 году Н.П. Игнатьева на посту директора Азиатского департамента, был осторожен и полностью следовал линии А.М. Горчакова. В своих инструкциях в Оренбург Крыжановскому и Черняеву он предупреждал обоих военачальников о неизбежных политических и торговых затруднениях для России в случае дальнейшего продвижения ее войск в Среднюю Азию. Как и прежде, речь шла о возможном столкновении с Англией. Крыжановский на этот раз поддержал доводы Петербурга. Он доносил в столицу, что для России выгоднее соседство слабого в военном отношении, но достаточно сильного в торговой сфере государства, чем включение его в состав России; последнее потребует введения там русской администрации и удорожит содержание города⁹¹.

В сентябре 1865 года Крыжановский прибыл в Ташкент, «встретив торжественный прием населения», просившего принять город в российское подданство, а не избирать нового хана⁹². Эти настроения ташкентцев придали силу аргументам Черняева о включении города в российские владения. Он утверждал, что создание самостоятельного ташкентского ханства лишит Россию «того важного политического значения, которое приобрели мы с занятием этого города, стоящего во главе Средней Азии»⁹³.

Действия Черняева встретили поддержку у части российского общества, считавшего, что успехи России в Средней Азии важны для ее престижа в Европе. «Опасаясь за потерю Индии, — писал знаток Средней Азии М.И. Венюков, — англичане станут гораздо сговорчивее, чем теперь, по всем вопросам европейской политики»⁹⁴. Значение Ташкента как стабилизирующего центра Средней Азии отмечал и полковник В.Н. Троцкий: «Ташкент — богатый и многолюдный город. От его отношений с Россией зависело многое: явится ли он базисом для новых враждебных нам действий кокандцев или в силу мирных его торговых интересов займет независимое от Коканда положение и поторопится восстановить старые торговые связи с Россией»⁹⁵. С целью расширения

русско-среднеазиатской торговли оренбургский генерал-губернатор Крыжановский просил министра финансов Рейтерна послать в Ташкент группу «предприимчивых лиц» для изучения на месте условий торговли, учреждения там ярмарки для всей Средней Азии⁹⁶.

Между тем в Петербурге по-прежнему не было ясности и в вопросе об общей политике в Средней Азии, и относительно статуса Ташкента. «Сведения, имевшиеся в Министерстве иностранных дел, — признавался Горчаков, — были сбивчивы и отрывочны»⁹⁷. Для окончательного решения вопроса в Петербург были вызваны Крыжановский и Черняев. Излагая ситуацию в регионе, оба отметили притязания бухарского эмира на Ташкент и желание горожан принять подданство России. Эти доводы показали петербургскому кабинету убедительными, и в августе 1866 года Ташкент вошел в состав России, а его жители приняли русское подданство⁹⁸.

3. Русско-бухарские отношения и образование Туркестанского генерал-губернаторства

Победа М.Г. Черняева в споре с правительством по поводу Ташкента сделала своевольного и властного генерала неуправляемым). «Увлеченный неутолимой жадой военной славы, — считал Милютин, — Черняев не соразмерял своих предприятий со средствами и, действуя вопреки получаемым инструкциям, очутился с горстью войск лицом к лицу перед двумя противниками: Бухарой и Кокандом»⁹⁹.

Осенью 1865 года продолжавшаяся борьба бухарского эмира с кокандским ханом привела к захвату Коканда бухарцами. Черняев без согласования с Петербургом направил в Бухару для переговоров с эмиром малочисленное русское посольство, которое было там арестовано. Это и другие самовольные действия генерала (в частности, неудачная операция в районе Джизака) вызвали недовольствие российского правительства. В Петербург стали поступать донесения о «полном хаосе» в административной и финансовой части Туркестанской области, о непродуманности военных действий Черняева, которые «пробудили снова в Англии опасения о наших завоевательных замыслах»¹⁰⁰. Специально созданная комиссия, занимавшаяся инспектированием Туркестанской области, признала необходимым отозвать Черняева.

В 1866 году военным губернатором Туркестанской области был назначен генерал-майор Генерального штаба Д.И. Романовский, получивший широкие полномочия. Он продолжил наступательную тактику Черняева и видел свою задачу в ослаблении позиций бухарского эмира, стремившегося подчинить своему влиянию не только территорию Коканда, но и всю Среднюю Азию. В военном отношении Бухарский эмират,

как и другие ханства, не был сильным государством. Неудивительно, что столкновения между российскими и бухарскими отрядами закончились поражением последних. Особенно большое значение имело взятие Ходжента (май 1866 г.), за что Романовский получил орден Св. Анны 1-й степени¹⁰¹. После этой операции русские войска вошли на территорию Бухарского эмирата, остановившись недалеко от Самарканда. Романовскому удалось возвратить в Россию посольство, арестованное эмиром Музаффаром еще при управлении Туркестанской областью Черняевым, и получить согласие эмира на включение в состав России земель, завоеванных русской армией.

Расширение границ Российского государства и экономическое освоение новых территорий требовали решения вопроса об административном устройстве края.

До середины 60-х годов XIX века дела, связанные со Средней Азией, находились в ведении оренбургского генерал-губернатора (в меньшей степени — западносибирского). С созданием в 1865 году Туркестанской области положение мало изменилось: область находилась в подчинении оренбургского генерал-губернатора. Отношения между двумя руководителями были не всегда корректными, а их решения нередко противоречили друг другу. Все это усугубляло и без того нестройную систему управления краем, для укрепления которого предлагалось отделить Туркестанскую область от Оренбургского генерал-губернаторства¹⁰². В 1866 году по инициативе Д.А. Милютина с целью изучения положения в Туркестанской области и деятельности ее администрации туда была направлена особая комиссия, в состав которой вошли представители центральных министерств, оренбургский генерал-губернатор, начальник Туркестанской области, члены Степной комиссии, созданной для подготовки реформ в крае, а также непосредственные участники военных событий в регионе. Члены комиссии (кроме оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского) пришли к заключению о целесообразности отделения Туркестанской области от Оренбургского генерал-губернаторства и создания самостоятельного управления этой областью. Особый комитет, обсуждавший в Петербурге предложения комиссии, согласился с ее доводами в пользу выделения Туркестанской области и введения одного ответственного перед правительством лица, соединявшего в своих руках власть гражданскую и военную. Необходимость единоличного управления помимо внутренней торгово-административной ситуации диктовалась особенностью международного положения России в Азии¹⁰³.

В апреле 1867 года Александр II утвердил предложение Особого комитета, а в июле был опубликован закон об образовании Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего две области — Сырдарьинскую

и Семиреченскую. Генерал-губернатором края был назначен генерал-адъютант К.П. Кауфман, один из способных царских администраторов. Ранее он служил на Кавказе, был Виленским, ковенским, гродненским генерал-губернатором, пользовался доверием и расположением царя. Кандидатуру К.П. Кауфмана предложил Александру II Д.А. Милютин, знавший его по службе в канцелярии Военного министерства и поддерживавший с ним почти дружеские отношения. Милютин считал нового генерал-губернатора «человеком деловым, работающим, благонадежным». Вместе с тем Милютин отмечал его недостатки, он писал: «Кауфман был падок на внешние почести, хотел разыгрывать роль царька»¹⁰⁴.

К.П. Кауфман получил широкие полномочия в решении политических и торговых дел в Средней Азии. Туркестанский край выходил из-под власти Оренбурга, и вся среднеазиатская политика сосредоточивалась в руках начальника края, находившегося в Ташкенте. Для эффективного управления краем Кауфман образовал несколько комиссий, члены которых направлялись в города и селения Средней Азии с целью сбора необходимых сведений. В донесениях в Петербург Кауфман сообщал о прочности позиций России в Средней Азии и о нецелесообразности дальнейших военных действий при условии, если население Бухарского и Кокандского ханств не будет выступать против России¹⁰⁵. Он пытался выполнить предписание правительства — установить добрые отношения с соседними ханствами, открыть путь отечественной торговли и промышленности в глубь Средней Азии.

О важности расширения русско-среднеазиатских торговых связей в то время говорилось и в прессе. Так, «Вестник Европы» настаивал на хозяйственном освоении присоединенных территорий. Иначе, отмечал журнал, «это будет лагерь в степи». «Пионерами русской культуры» называл публицист Р.В. Гагемейстер русское купечество, торгующее со Средней Азией, хотя и полагал, что в ближайшее время выгоды от этой торговли будут незначительными¹⁰⁶.

В ноябре 1867 года Кауфман направил посольство в Коканд для заключения торгового договора, который и был подписан в марте 1868 года. По его условиям устанавливалась постоянная — в 2,5 % — пошлина на ввозимые с обеих сторон товары. Русским купцам в ханстве и кокандским купцам в России обеспечивались свободное пребывание и организация караван-сараев. При внешне равноправном характере договора Кокандское ханство, окруженное царскими войсками, практически попадало под контроль России.

Еще ранее, до образования Туркестанского генерал-губернаторства, Крыжановский договорился с бухарским послом, прибывшим в Оренбург, о подписании русско-бухарского договора. В сентябре 1867 года он направил проект договора с Бухарой Кауфману в Ташкент. По про-

екту Бухара сохраняла свою самостоятельность во внутренних делах. Эмир обязывался «не посылать войска и шайки грабителей в русские пределы», а царские власти, со своей стороны, не должны были позволять «киргизам и другим народам, живущим в пределах России, делать набеги на Бухару»¹⁰⁷.

Одобрив проект, Кауфман внес в него поправки, которые должны были способствовать скорейшему подписанию договора эмиром. Кауфман соглашался вернуть Бухаре крепость Яны-Курган, отверг предложение Крыжановского потребовать обязательства эмира не проводить самостоятельного внешнеполитического курса, полагая, что российская администрация еще не в состоянии контролировать политику ханства. С этими поправками Кауфман подписал договор и отправил его в Бухару.

Пять месяцев в России безуспешно ждали ответа эмира. В марте 1868 года эмир Музаффар заявил об отказе подписать договор и объявил «священную войну» России. В апреле 1868 года бухарские войска вышли на реку Зеравшан в районе Самарканда, куда подошла русская армия во главе с Кауфманом. Сражение закончилось отступлением бухарцев. В Самарканде обострилась борьба между духовенством, поддерживавшим непримиримость эмира, и торгово-ремесленными кругами, стоявшими за присоединение к России. Когда в начале мая 1868 года российские отряды подошли к городу, ворота Самарканда оказались открытыми.

В июне бухарский эмир был вынужден заключить с Россией договор, по которому к России отошли города Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак; русские подданные получили право свободной торговли и учреждения торговых агентств в эмирате. Кроме того, Музаффар обязался выплатить 500 тыс. руб. контрибуции. На занятой российскими войсками территории был образован Зеравшанский округ, включавший Самаркандский и Катта-Курганский отделы. Во главе округа был поставлен генерал-майор А.К. Абрамов, единомышленник Кауфмана. За военные успехи в Средней Азии Кауфман был награжден Георгиевским крестом¹⁰⁸.

Победы России в Средней Азии отразились на русско-английских отношениях. Для противодействия успехам России Англия сделала ставку на Афганистан, находившийся под ее влиянием. Одновременно Лондон выступал инициатором переговоров с Петербургом по афганскому вопросу.

В марте 1869 года министр иностранных дел Англии У. Кларендон в беседе с русским послом в Лондоне Ф.И. Брунновым предложил, чтобы оба государства признали между своими владениями в Средней Азии некую нейтральную территорию, каковой, по согласованию сторон, была названа территория Афганистана. При этом Бруннов отметил, что вмешательство в дела Афганистана не входит в планы России. Англия,

в свою очередь, предложила расширить нейтральную территорию на север от афганской границы, включив в нее спорные между Афганистаном и Бухарой земли (Балх, Бадах-шан, Кундуз). Россия отвергла эти условия, справедливо посчитав, что их реализация еще более осложнит обстановку в Средней Азии, усилит афгано-бухарские территориальные споры. Решение о признании границ нейтральной территории на этом этапе переговоров не было принято¹⁰⁹.

Новое обсуждение вопроса состоялось в октябре 1869 года при личной встрече А.М. Горчакова с членом индийской администрации Д. Форсайтом. Представитель англо-индийского правительства вновь настаивал на расширении границ «нейтрального» Афганистана, рассчитывая таким путем усилить позиции Англии в Центральной Азии. Российская сторона и на этот раз отклонила условия Великобритании. Тем не менее обе державы посчитали необходимым продолжить переговоры. Подготовка конкретных решений по афганскому вопросу была возложена на туркестанского генерал-губернатора и вице-короля Индии¹¹⁰.

Хотя ход переговоров показал откровенное намерение Англии превратить Афганистан в зависимое от нее государство, МИД России, стремясь к нейтрализации Лондона, обратился с просьбой к Александру II перенести намеченный правительством поход русской армии к Красноводскому заливу Каспийского моря с 1869 на 1870 год, когда, возможно, будут завершены русско-английские переговоры по Афганистану¹¹¹. Однако генерал-губернатор Туркестана Кауфман и наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич убедили царя не откладывать поход, ссылаясь на «смуты в Киргизской степи», подстрекательства Хивы, а также слухи о возможном союзе азиатских правителей против России¹¹². Кауфман полагал целесообразным не только высадку войск у Крйсноводского залива, но и взятие Хивы¹¹³.

Официальная цель экспедиции к Красноводскому заливу сводилась к обеспечению безопасности среднеазиатских окраин России и к открытию для русской торговли новых путей в Среднюю Азию через Каспийское море¹¹⁴. По мнению американского историка Р. Пирса, важной стратегической задачей этой операции было обеспечение контроля за восточным побережьем Каспия для поддержки русской армии на Кавказе¹¹⁵. В ноябре 1869 года войска под командованием Н.Г. Столетова, хорошо осведомленного в делах Востока, выступили из Баку к Красноводскому заливу. Конницей командовал М.Д. Скобелев, сторонник наступательной тактики в Средней Азии. У залива был заложен город Красноводск, ставший центром нового округа.

Высадка российских войск в районе Красноводского залива ухудшила отношения с Хивой, пытавшейся объединить под своей властью недовольное политикой России население региона. Хан поощрял туркмен

и казахов, населявших эти земли, к нападению на русские укрепления, вел переговоры с турецким посланником о совместных действиях против России. Туркмены и казахи после нескольких неудачных набегов на российские отряды прекратили борьбу. Однако это не остановило хивинского хана. Местная российская администрация предлагала Петербургу предпринять наступление на Хиву «для пресечения ее происков». МИД воспрепятствовал этим действиям, предписывая избегать военной экспедиции в Хиву до тех пор, «пока [она] не сделается совершенно неизбежной». Туркестанскому генерал-губернатору указывалось на необходимость «покровительствовать туркменам»¹¹⁶.

Новое обострение ситуации вокруг Бухарского эмирата на короткое время отвлекло внимание России от Хивы. Договор с Россией, подписанный в 1868 году, был воспринят духовенством и феодальной верхушкой как измена эмира. Но ремесленники и торговцы не поддерживали призывы духовенства. Распри в государстве усиливали напряженность в Средней Азии. Рассчитывая улучшить обстановку и укрепить прорусскую группировку в Бухарском эмирате, царское правительство предложило местной администрации возратить эмиру Самарканд¹¹⁷. В предписании Кауфману Горчаков и Милютин вновь повторяли мысль о нежелательности дальнейших территориальных захватов в Средней Азии. «Занятие Бухарского ханства, со включением его навсегда в пределы России, не входит в цели правительства, — писали они. — Такое расширение наших владений привело бы немедленно к необходимости усилить число наших войск в этой части края, к увеличению издержек военных и административных и, не доставив притом особенно важных выгод, могло бы весьма усложнить общее наше положение». Петербургское правительство предлагало туркестанскому генерал-губернатору «очистить временно занятый край»¹¹⁸ (т. е. Бухарский эмират). Свою позицию Петербург объяснял двумя мотивами — нежеланием «распылять» и без того немногочисленные военные силы, находившиеся здесь, и опасениями осложнений с Англией¹¹⁹.

Зарубежные историки, анализируя англо-русские отношения в Средней Азии в годы завоевания последней Россией, также отмечают стремление Петербурга избегать столкновений с Лондоном¹²⁰.

Но российская администрация в Средней Азии и на этот раз не согласилась с доводами петербургского кабинета. Кауфман, пользуясь своим авторитетом и хорошим знанием местной обстановки, при личной встрече с Александром II убедил императора в том, что возвращение Самарканда бухарскому эмиру подорвет позиции России и будет расцениваться как свидетельство ее слабости.

Александр II, глубоко не вникавший в среднеазиатские проблемы, согласился с Кауфманом. Самарканд остался за Россией; российская армия готовилась к походу на Бухару. Члены Военного совета, обсуж-

давшие этот вопрос, обращали внимание на политическое значение акций, на связь положения России в Средней Азии с решением восточного вопроса и характером русско-английских отношений. «С занятием Бухары Россия приобрела бы больше веса в решении Восточного вопроса», а Англия «умерила бы свою гордыню с приближением русских войск к ее владениям в Индии»¹²¹, — говорили выступавшие. Разделял эту мысль и Кауфман. «Англия нигде так не уязвима, как в Азии, — считал он. — Это узда, которой мы всегда можем ее сдерживать»¹²².

Осложнившаяся в связи с неурожаями и голодом 1870 года обстановка в Бухарском эмирате заставила военную администрацию отложить на время продвижение к Бухаре.

В начале 70-х годов среднеазиатский вопрос был поставлен правительством в широком плане. В декабре 1870 года на Особом совещании с обстоятельным докладом о «Положении политических дел» в Средней Азии и о политике России в регионе выступил генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман. Одним из главных результатов отношений со среднеазиатскими государствами он считал заключение с Кокандом и Бухарой торговых договоров, уравнивавших в правах русских и среднеазиатских купцов как в Средней Азии, так и в России. Другим следствием политики России, полагал Кауфман, была стабилизация обстановки в Средней Азии, в частности в Кокандском ханстве, где «водворился порядок внутри, наладилась торговля, началось строительство базаров, караван-сараев, большого канала для орошения безводных степей». Кауфман предложил признать кокандского хана законным государем, поскольку он первым из среднеазиатских правителей понял «политический смысл программы России». Генерал-губернатор Туркестана отметил улучшение отношений России с Бухарским эмиратом, вызванное, по его мнению, возвращением Бухаре города Карши, но главное — сохранением за Россией верхней долины Зеравшана с Самаркандом. Последнее обстоятельство ослабляло власть эмира и давало России возможность «немедленно наказать его за нарушение мирных соседских отношений». Кауфман ставил вопрос об окончательном присоединении к России Зеравшанского округа¹²³, но возражал против включения в состав империи всего Бухарского эмирата. Он считал, что России экономически и политически выгоднее сохранить автономию Бухары, а не управлять этой страной и быть вынужденной «содержать там значительное войско для ограждения наших интересов и нашего там управления»¹²⁴.

Другим вопросом, затронутым в докладе, были отношения России с Афганистаном и Англией. В отличие от своих ранних выступлений, когда Кауфман доказывал уязвимость позиции Англии именно в Азии и критиковал МИД России за нерешительность, теперь генерал-губернатор предлагал придерживаться примирительной политики в отношении

Афганистана и Англии. Для предотвращения афгано-бухарских и кандо-афганских конфликтов по территориальным вопросам Кауфман советовал оказывать «предупредительность и широкое гостеприимство» Абдуррахман-хану, правителю Афганистана. Такая тактика была обусловлена географическим положением Афганистана и его зависимостью от Англии.

Иными, по мнению генерал-губернатора, должны были быть отношения с Хивой. «Выжидательная политика России, — утверждал он, — оказалась неприемлемой для этой страны... Хива не признает власти России, продолжает выступать против нее, [что] влияет самым невыгодным образом на развитие нашей среднеазиатской торговли... Неприязненное отношение к нам Хивы усложняет вообще все наше положение в Средней Азии и мешает делу устройства наших степных областей»¹²⁵. Кауфман предлагал нанести «решительный удар по Хиве, но не присоединять ханство к российским владениям».

Доклад Кауфмана в известном смысле подвел итог предшествовавшему периоду политики России по завоеванию Средней Азии. Он был призван доказать Петербургу правомерность военных и административных действий генерал-губернатора. В докладе отсутствовали малейшие упоминания о собственных и правительственных просчетах в среднеазиатской политике. Обращает на себя внимание и тот факт, что в докладе прослеживаются различия в подходах генерал-губернатора (согласованных с Петербургом) к Афганистану и Англии, с одной стороны, и к Хиве — с другой. В отношении первых двух стран предлагается мирная политика, в отношении Хивы — наступательная. Петербург стремился завоевать Среднюю Азию с минимальными материальными (финансовыми и военными) затратами, не вступая в конфликт с другими государствами и даже идя на компромисс с ними.

Кроме того, были и конъюнктурные обстоятельства, повлиявшие на тональность выступления генерал-губернатора. Доклад Кауфмана совпал с возобновившимися в 1872 году русско-английскими переговорами по афганскому разграничению, и Россия не желала давать ни малейшего повода Англии для затягивания переговоров.

Соображения Кауфмана в целом были одобрены царским правительством. В принятом решении говорилось о включении Зеравшанского края в состав России. Для примирения с Бухарой накануне похода на Хиву намечалось заключить с эмиром дополнительное к договору 1868 года соглашение, уточнявшее русско-бухарскую границу. Кауфману поручалось выработать правила торговли и порядок решения споров между подданными России и Бухары.

В сентябре 1873 года в Шахрисябзе был подписан новый русско-бухарский договор, закрепивший большую, чем по договору 1868 года,

подчиненность Бухары России. Теперь русская администрация в Туркестане гарантировала эмиру территориальную целостность его владений и свою помощь в борьбе с противниками; взамен она получила право вмешательства в решение вопросов о наследнике бухарского престола и о выборе первого министра. Остальные вопросы внутреннего управления оставались в компетенции эмира¹²⁶.

Подписание нового договора подвело определенные итоги в истории русско-бухарских отношений второй половины XIX века. После его заключения Бухарский эмират, сохраняя внутреннюю автономию и прежнюю (с небольшими изменениями) административную систему управления, утратил право на самостоятельную внешнюю политику.

4. Царская администрация в Туркестанском крае

Параллельно с завоеванием Средней Азии российское правительство приступило к разработке административных мер по управлению Туркестанским краем. Составление проекта было поручено местным чиновникам, знавшим все особенности региона. Затем их предложения должны были утверждаться центральным правительством. Предполагалось ввести такой порядок управления, который позволил бы жителям края видеть в российской администрации защитника от произвола ханов и не оттолкнул бы от новой власти прежних правителей. Последние, по словам Кауфмана, заняли «враждебно-выжидательную позицию»¹²⁷.

При подготовке проекта была установлена поэтапность мер по организации управления. «Всякая крутая мера в этом отношении принесет больше вреда, чем пользы, и вызовет фанатизм и упорство народа»¹²⁸. Эту особенность российских административных законов на окраинах империи отмечают и зарубежные авторы¹²⁹. Другой особенностью было стремление не к обособлению, а к возможно полному слиянию края с остальной Россией¹³⁰.

При составлении проекта реформ учитывался также международный аспект проблемы. Отношения России со странами Центральной Азии во второй половине XIX века, по мнению правительства, выходили «из их прежнего, как бы домашнего, круга на почву европейской политики». Новая система управления в Средней Азии должна была поднять авторитет России не только в регионе, но и в Европе. При введении ее немаловажное значение придавалось и материальным затратам государства, которые предполагалось свести до минимума¹³¹.

Для подготовки нового «положения» в 1865 году была создана так называемая Степная комиссия, в обязанности которой входило составление единого дня кочевого и оседлого населения законодательства. При разработке проекта активную роль играло Военное министерство, которому принадлежала и инициатива создания этой комиссии¹³². Чле-

ны комиссии прежде всего должны были руководствоваться интересами империи, подготавливая новыми узаконениями переход российской администрации от «чисто наблюдательной роли» к «учредительной и организующей»¹³³, то есть к установлению контроля над жизнью населения региона. После многократного обсуждения проекта в различных ведомствах он поступил на рассмотрение Комитета министров и был утвержден царем в 1867 году как «Временное положение» на три года.

Генерал-губернатор располагал всей полнотой власти — военной и административной. Он был и командующим войсками. В его обязанности входила «организация высшего управления края», которая должна была «по возможности» ближе подойти к «существующей в прочих частях империи».

Местному населению по «Временному положению» 1867 года предоставлялось внутреннее управление всеми делами, «не имеющими политического характера»¹³⁴. Однако в состав местной администрации избирались, как правило, представители богатой верхушки; взяточничество при выборах было обычным явлением.

Во главе областей были поставлены военные губернаторы, назначавшиеся царем по представлению военного министра. В их подчинении находились уездное начальство и войска. Хотя членам Степной комиссии предписывалось Составление единого для оседлого и кочевого населения управления, во «Временном положении» содержались различия. Кочевое население уезда делилось на волости, а те, в свою очередь, — на аулы. Волостное управление, избираемое на три года, сосредоточивало власть административную и полицейскую. В пределах аула она была предоставлена аульному старшине.

Для оседлого населения волостей административные и полицейские полномочия находились в руках аксакалов, которые избирались населением и утверждались военным губернатором области. Для ослабления власти феодальной верхушки волости аулы создавались не по родовому принципу, а по территориальному. Учреждалось два вида судов — местные и общие. Последние действовали по общеимперским законам. Местные суды (казиев и биев) рассматривали мелкие уголовные и гражданские дела. «Особенно опасные преступления» местного и русского населения разбирали военно-судебные комиссии, а также полевые суды, создаваемые по распоряжению генерал-губернатора.

«Временное положение» вводило новую систему взимания налогов, при которой опирались на род занятий населения и его доходы. Для кочевников вводился единый «кибиточный» сбор (2 руб. 75 коп. с кибитки), подсчет кибиток производился раз в три года.

Оседлое население платило харадж (поземельный налог) — одну десятую часть урожая. При ханской власти налог доходил до половины

и трети урожая. Кроме того, были еще закят (налог с торговли), а также налоги на содержание оросительных каналов, дорог, мостов, базаров и др. Распределение налогов между сельскими обществами осуществлял съезд волостных выборных. Основную сумму налогов платили бедные. Правители волостей и сельские сборщики фактически были освобождены от налогов, хотя это не было оговорено в документе и освободить от налогов мог только сельский сход в награду за службу.

Даже Кауфман признавал вводимую Россией податную систему «не-совершенной со всех сторон: тягостной для народа, который она стесняет в праве распоряжаться имуществом, маловыгодной для казны, которую она заставляет нести большие расходы по издержкам взимания». Тем не менее он считал, что «Временное положение» возвысило авторитет царской администрации: «Он (народ. — *Авт.*) увидел русскую силу не только на поле битвы, но и в участии к его быту и в управлении»¹³⁵.

По мере расширения завоеваний России в Средней Азии в Туркестанское генерал-губернаторство включались новые территории, на которые распространялось «Временное положение». Но оно не случайно было названо временным. Подготовленный в ходе военных действий документ нуждался в дальнейшем уточнении. Поэтому петербургский кабинет сразу же предложил местным учреждениям вносить в него изменения и дополнения. В «Положении», в частности, обращалось внимание на необходимость отделения суда от администрации, улучшения материального положения управленческого аппарата, ликвидации параллелизма и многое другое.

После введения «Временного положения» 1867 года царская администрация уделяла особое внимание решению земельного вопроса. В конце 1869 года была создана специальная комиссия с целью выяснить «юридические права здешнего населения на занимаемые им земли и практическое применение письменного мусульманского права к бытовым условиям населения»¹³⁶. Кауфман предлагал членам комиссии прежде всего изучить такие типы земельных отношений, «кои, соответствуя нуждам народа и по возможности не насилуя исконных народных воззрений на поземельное право, приближались бы к порядку, существующему по сему предмету в прочих частях империи». Таким образом, в решении земельного вопроса, как и прочих, генерал-губернатор руководствовался поисками путей для поэтапного сближения окраин с центром. Кауфман констатировал, что существовавшее в крае положение не позволяло России «воспользоваться ни пашней, ни степью... везде вырастал неведомый собственник, опиравшийся на свидетельства и обычаи»¹³⁷.

Действительно, в мусульманских документах было обозначено лишь государственное право собственности на землю. Все прочие виды отношений не фиксировались, что приводило к беспрерывным столкнове-

ниям и спорам. «Понятия «крестьянин-собственник», — отмечал Кауфман, — в Средней Азии нет. Оно заменяется понятием “постоянного пользователя землей”». Генерал-губернатор по этой причине возражал против предложения министра финансов России Рейтерна ввести подворное землевладение в Средней Азии¹³⁸.

К 1873 году был подготовлен проект нового «Положения», усилившего контроль губернаторов над местной властью в волостях, аулах и селах. В проекте содержались статьи по решению земельного вопроса, отсутствовавшие во «Временном положении». Обсуждение нового проекта вскрыло его недостатки, касавшиеся в первую очередь земельного законодательства. Была создана новая комиссия, теперь уже при Министерстве внутренних дел, которая приступила к работе в 1885 году и завершила ее через год.

Новое «Положение об управлении Туркестанским краем», принятое в 1886 году¹³⁹, практически просуществовало до Октябрьской революции.

Сравнение «Положения» 1886 года с временным 1867 года свидетельствует о сохранении в силе главного направления политики самодержавия: тенденции к постепенному слиянию края с Центральной Россией. Более жесткая регламентация генерал-губернатора была установлена над областным управлением. Система местного управления оседлого и кочевого населения практически не изменилась. Выборное начало волостных властей и сельских старшин со всеми ограничениями, свойственными правилам 1867 года, сохранялось. В Туркестанском крае создавались мировые (уездные) и областные суды, в которых «дела разбирались гласно и публично». У коренного населения (кочевого и оседлого) для решения мелких дел сохранялись народные суды¹⁴⁰. Но практика показала, что российские и местные судьи, как правило, не имели юридического образования, неквалифицированно вели дела, допускали самоуправство по отношению к тяжущимся, что обесценивало само «Положение». О невежестве, произволе, высокомерии и чванстве российского чиновничества всех рангов поведал в памфлете «Господа ташкентцы» М.Е. Салтыков-Щедрин.

Как уже отмечалось, при завоевании Средней Азии царизм ставил перед собой решение как военно-стратегических, так и экономических задач. Он стремился создать относительно благоприятные для торгово-промышленных кругов России условия эксплуатации местных рынков и их приспособления к потребностям центра. В первую очередь это касалось развития хлопководства: качество произраставшего здесь хлопка было весьма низким. Короткое и грубое волокно, малая крепость и эластичность нити не удовлетворяли российских предпринимателей¹⁴¹. С 60-х годов в крае появились опытные плантации, засеваемые американскими и египетскими сортами. Кауфман направил в Северную

Америку специалистов для изучения способов выращивания высококачественного хлопка, что дало положительные результаты. К концу 80-х годов большая часть площади в Туркестане засеивалась американскими семенами хлопчатника. За пять лет (с 1886 по 1890 г.) посевные площади под хлопчатником увеличились почти в 5 раз¹⁴². К 90-м годам Средняя Азия стала основным поставщиком хлопка для России. Вместе с тем расширение посевов хлопчатника вело к сокращению площадей, занятых продовольственными культурами, что вызывало рост цен на хлеб и отрицательно сказывалось на материальном положении местного населения. Однако российские чиновники в Средней Азии, хотя и указывали Петербургу на этот перекося в экономике края, сами не принимали мер к его сглаживанию. Особенно сильно негативные последствия монокультурного развития региона проявились уже в XX веке.

Параллельно с завоеванием Средней Азии царская администрация осуществляла ее колонизацию и руссификацию. Так, с 1867 по 1880 год население Туркестанского края возросло с 1 млн до 3 млн человек. Это было связано как с расширением территории края, так и с достаточно стабильной сравнительно с другими областями обстановкой, наличием земель, более мягкими налоговыми условиями. В Туркестанский край направлялись жители Китая, Сибири, Хивы, Бухары, Центральной России. Особенно поощрялась русская миграция. Она, по мысли Кауфмана, помогала решать «политические цели государства»¹⁴³. В лице русских переселенцев правительство надеялось получить социальную опору в Средней Азии. При конфликтах с коренным населением из-за земли и воды генерал-губернатор с санкции Александра II занимал сторону переселенцев. Для поощрения миграции из России Кауфман считал целесообразным освободить русских переселенцев от налогов на 15 лет¹⁴⁴.

Однако эти меры лишь в какой-то степени решали задачи, поставленные правительством. Не все русские переселенцы поддерживали политику центра; многие из них совместными усилиями с коренным населением отстаивали свои права. Кроме того, столкновения между коренными жителями и переселенцами нередко чрезвычайно обостряли обстановку в регионе, к стабилизации которой стремилось правительство.

Кауфман требовал, чтобы подчиненные ему российские чиновники проявляли терпимость по отношению к рядовым верующим мусульманам и одновременно прилагали усилия к ослаблению влияния в крае высшего мусульманского духовенства с его «фанатической пропагандой ислама». Одним из путей реализации такой политики было создание светских «русско-туземных школ», которые, помимо подготовки местных кадров администрации, были призваны противостоять достаточно широкой сети начальных (мектебе) и высших (медресе) мусульманских школ.

В феврале 1860 года Комитет министров издал положение «Об учреждении школ в Области зауральских киргизов»¹⁴⁵. В нем отмечалась необходимость не только в подготовке чиновников, но и в распространении русской и национальной грамоты. В 60–70-х годах в ряде городов были открыты начальные школы, а в Ташкенте и Верном (Алма-Ата) — прогимназии для подготовки учителей¹⁴⁶, Созданное в 1876 году управление учебными заведениями Туркестанского края осуществляло контроль над «русско-туземными школами». Но они не решали задачи образования народа. Школ было мало, и обучавшиеся в них дети баев, казиев, купцов в дальнейшем занимали административные посты на местах.

Население Средней Азии, как и Центральной России, было в массе своей неграмотным. Только 1% из туркестанского бюджета шел на просвещение. Поданным переписи 1897 года, среди узбеков неграмотных было 98,4%, таджиков — 88,5, киргизов — 99,4, туркмен — 99,3, казахов — 97,9%¹⁴⁷.

5. Последний этап присоединения Средней Азии

Утрата Бухарой и Кокандом независимости осложнила положение Хивы. Отношения с этим государством имели для России большое военно-стратегическое значение. Хива контролировала нижнее течение Амударьи, она управляла и туркменскими племенами, за верховенство над которыми вел с Хивой спор Иран.

МИД до Особого совещания в Петербурге в 1872 году возражал против захвата Хивы, «пока не испытаны все средства к поддержанию спокойствия»¹⁴⁸.

В феврале 1872 года К.П. Кауфман в донесении в Петербург сообщал о безуспешности дипломатических переговоров с ханом и неизбежности военного столкновения с Хивой. В качестве одного из аргументов в подкрепление такого развития событий он приводил пленение русских подданных и отказ хана их освободить. Но российское правительство и на этот раз требовало отложить поход на Хиву. Помимо боязни осложнений с Англией такое решение было связано с европейской политикой России, ее отношениями с Германией и Австро-Венгрией.

Напомним, что в сентябре 1872 года в Берлине состоялась встреча трех императоров, закончившаяся в октябре 1873 года подписанием соглашения между ними. Как отмечает американский историк Елавич, этот союз помимо решения европейских проблем был важен для России на случай ее возможных столкновений с Англией в Средней Азии¹⁴⁹, когда поддержка Германии и Австро-Венгрии, не заинтересованных в среднеазиатском вопросе, была бы для России весьма существенна. Новый конфликт в Средней Азии мог отрицательно сказаться на переговорах с этими странами. Лишь после того как договоренность с Берлином и Ве-

ной по основным вопросам европейской политики была достигнута, русское правительство дало согласие на поход против Хивы.

Одновременно с переговорами в Европе Россия попыталась обезопасить себя и в Азии. Она приняла предложение Лондона в вопросе о границах Афганистана, не решенном во время русско-английских переговоров конца 60-х годов.

В январе 1872 года для переговоров с Англией в Лондон был направлен П.А. Шувалов, дипломат, близкий к императору. Он вез письмо Александра II английскому правительству, где содержались основные условия возможного русско-английского соглашения. Российский император выражал уверенность, что вопрос о границах Афганистана (Англия настаивала на расширении его северных границ за счет включения княжеств, расположенных в верховьях Амударьи, на которые претендовала Бухара) не будет препятствовать достижению договоренности. Учитывая напряженный интерес Лондона к событиям в Средней Азии, царь обещал не включать Хиву в состав России и не возражал против официального заявления об этом в английском парламенте.

Послание Александра II, особенно в части, касавшейся Хивы, успокаивающе подействовало на лондонское правительство и английскую общественность. Английская печать расценивала миссию Шувалова как начало нового этапа в русско-английских отношениях. «Таймс» считала, что от выполнения предписаний царя о Хиве будет зависеть доверие Англии к России¹⁵⁰. В результате лондонских переговоров в Петербург была направлена нота английского правительства, в которой содержались конкретные предложения относительно границ Афганистана. Они были приняты Россией. А.М. Горчаков в инструкции Ф.И. Бруннову от 19(31) января 1873 года советовал послу «не преувеличивать значение этого частного вопроса (о северных границах Афганистана. — *Авт.*) и доказать Англии нашу предупредительность»¹⁵¹. Уступая Англии в афганском вопросе, российское правительство просило Лондон передать афганскому эмиру, чтобы он не предпринимал наступательных действий в Средней Азии.

Итогом русско-английских переговоров 1872–1873 годов по афганскому вопросу явилось соглашение о «буферном поясе» в Средней Азии (хотя официально оно не было оформлено, но ссылки на него содержались в правительственных документах). По его условиям Россия обязывалась не вмешиваться во внутренние дела Афганистана и соглашалась на расширение его территории в сторону среднеазиатских государств. Оба правительства признавали независимость Афганистана.

Российский МИД видел положительный смысл соглашения прежде всего в превращении Афганистана в нейтральную зону, статус которой обе стороны не должны были нарушать. Это соглашение, подписанное

накануне выступления русской армии к Хиве, должно было также сдерживать Англию от провоцирования Афганистана на нападки против Бухары (с которой у России после подписания русско-бухарского договора 1868 г. установились лояльные отношения).

Уступки, сделанные Англии в азиатском вопросе, позволили царизму приступить к покорению Хивы, что готовилось с большой основательностью.

Наступление русских войск, начатое в феврале 1873 года, велось со стороны Красноводска, Оренбурга и Ташкента. Командующим общими силами численностью в 12 тыс. человек был К.П. Кауфман. В качестве официальной задачи похода выдвигалось освобождение русских пленных из хивинского рабства.

Эти лозунги правительства подхватила и русская периодическая печать. Так, «Вестник Европы» убеждал читателей в «вынужденности военных действий, вызванных нежеланием хивинцев возвратить России захваченных ими пленных»¹⁵².

Продвижение российских отрядов к Хиве, несмотря на подписанное русско-английское соглашение, вызвало негативную реакцию Великобритании. В Лондонском географическом обществе открылись чтения, в которых приняли участие известные историки и путешественники. Задача их выступлений сводилась к «разжиганию страстей англичан против России»¹⁵³. Лондон пытался восстановить против России мусульманские государства. С этой целью посылались эмиссары в Турцию, Иран, Афганистан¹⁵⁴. Но добиться единства мусульманских стран Англии не удалось.

Хивинское войско, плохо вооруженное и малочисленное, не смогло оказать серьезного сопротивления, и в мае 1873 года русские войска вошли в Хиву. В августе между Кауфманом и ханом Мухаммедом-Рахимом был подписан мирный договор, по условиям которого хан признавал вассальную зависимость от России и отказывался от самостоятельности во внешней политике. Границей владений двух государств становилась Амурарья. Русские купцы освобождались от уплаты пошлин и имели право торговать во всех городах и селениях ханства. Хива облагалась военной контрибуцией в 2200 тыс. руб. с выплатой в течение 20 лет¹⁵⁵. Условия договора «приводили к одному знаменателю Хиву с Бухарой и Кокандом»¹⁵⁶, — писал Кауфман Милютину. Эти три государства к 1873 году стали вассальными владениями России при сохранении за правителями свободы действий в вопросах внутренней политики.

Первыми мероприятиями российского правительства в Хивинском ханстве были ликвидация рабства и работорговли: были освобождены до 40 тыс. невольников, из них 10 тыс. иранцев, которых под контролем российской администрации доставили к иранской границе. Эти меры получили широкий отклик за границей. Англия, с особым пристрастием следив-

шая за действиями Петербурга, была вынуждена признать освобождение Россией пленных разных национальностей «актом гуманным»¹⁵⁷.

Но до «замирения» Средней Азии было еще далеко. Не существовало внутренней стабильности в Кокандском и Бухарском ханствах. Бухарский эмир продолжал настаивать на возвращении ему территорий, перешедших к России; духовенство Бухары, недовольное зависимостью от «белого царя», призывало население к сопротивлению России. Правда, эти призывы, как и предложение эмира Афганистана о совместной борьбе против России, не встретили поддержки ни у большинства населения Бухары, ни у ее эмира.

Не было стабильности и в Кокандском ханстве. Рост налогов и произвол ханской власти усиливали недовольство населения. «Для проведения дорог, постройки ханских домов, для работы на его пашнях и в его садах, а также для проведения арыков и каналов рабочие сгоняются со всех концов ханства, — писал в донесении Кауфману в 1874 году статский советник Вайнберг. — Причем они трудятся безвозмездно и в случае неявки на работу наказываются палками (случается, что их избивают до смерти), иногда ослушников живыми зарывали в землю»¹⁵⁸. Хотя царская администрация старалась не вмешиваться во внутренние дела ханства, феодальная верхушка и духовенство использовали недовольство населения политикой Худояр-хана для борьбы против России. В росте налогов и произволе местной власти они обвиняли «белого царя».

В 1875 году в Кокандском ханстве началось восстание. Центром восстания против хана и России стала самая цветущая Ферганская долина. Худояр-хан, потеряв опору среди своих приближенных, был вынужден бежать из Коканда. Феодально-клерикальные круги, передав власть в руки сына Худояр-хана Насреддина, потребовали от России восставления территории ханства в прежних границах. Туркестанский генерал-губернатор согласился признать нового хана, но при условии сохранения границ государства, установленных договором 1868 года. Однако предложение Кауфмана осталось без ответа. Между тем восстание набирало силу. Оно охватило не только Ферганскую долину, но и земли, близкие к Ташкенту.

Говоря о причинах, вызвавших восстание, историки называют как действия хана, так и политику России, пишут об антицарской и антифеодальной его направленности¹⁵⁹. Для всестороннего изучения национальных движений в Средней Азии необходимы дальнейшие исследования внутренней жизни среднеазиатских государств в условиях российского управления Туркестанским краем¹⁶⁰.

Восстание в Кокандском ханстве вызвало немедленную реакцию российского командования. В августе 1875 года царские войска вошли на территорию ханства и возле крепости Махрам одержали победу над

кокандцами, после чего без сопротивления заняли их столицу. В сентябре в городе Маргилане хан Насреддин и туркестанский генерал-губернатор Кауфман подписали новый русско-кокандский договор, по условиям которого территория Кокандского ханства сокращалась за счет присоединения к Туркестанскому генерал-губернаторству Наманганского бекства. Затем Насреддин возвратился в Коканд, а царские войска покинули ханство.

Однако русско-кокандский договор не принес умиротворения. Уступчивость хана по отношению к России расценивалась частью населения как слабоволие и предательство интересов ханства. Местом сосредоточения недовольных стал город Андижан. Хан Насреддин, как ранее его отец, был вынужден бежать из Коканда и просить покровительства России. Духовенство, возглавлявшее восстание, призывало к газавату. Его посланцы появлялись в Бухаре, Хиве, Афганистане с призывами к совместной борьбе с Россией. Кауфман настаивал на решительных действиях. Царские войска вновь овладели городами Наманганом, Андижаном, Маргиланом и Кокандом. 19 февраля 1876 года был издан царский указ о включении территории Кокандского ханства под названием «Ферганская область» в состав Туркестанского края. Военным губернатором области был назначен генерал-майор М.Д. Скобелев, который в Средней Азии, в отличие от Балкан, оставил по себе недобрую славу: он был жесток и высокомерен с местным населением.

Итак, к середине 70-х годов большая часть территории Средней Азии оказалась в разных формах зависимости от России. Кокандское ханство вошло в состав Российского государства как его составная часть. Бухарский эмират и Хивинское ханство сохранили автономию в решении внутренних вопросов, но утратили самостоятельность во внешней политике. Независимой от России оставалась часть туркменских племен, не имевших своей государственности.

Новые территориальные захваты России, движение царских войск в районы расселения туркмен, на земли которых претендовали Иран и Хива, вызвали там междоусобицы. Английские эмиссары, используя обстановку, устанавливали связи со среднеазиатскими правителями, туркменскими племенами, Ираном, Афганистаном и Турцией в целях противодействия русской экспансии. В английской прессе раздавались призывы к утверждению Англии в Иране, к завоеванию Кветты — транспортного узла на пути в Афганистан.

Ближневосточный кризис 70-х годов, поглотивший внимание России, позволил Англии активнее включиться в борьбу за влияние в Средней Азии. Тревога Лондона по поводу действий России в этом регионе была сопряжена с обстановкой в Индии. Победы России в Средней Азии порождали у индийцев надежду на освобождение от власти Англии с по-

мощью России. Колониальный характер российской политики в Средней Азии в те годы еще не проявил себя в полной мере. Индийские посланцы побывали в крупных городах Средней Азии — Самарканде, Ташкенте, а также в столице — Петербурге. Они предлагали заключить союз с Россией для совместной борьбы против Англии, установить переписку с туркестанским генерал-губернатором. По их мнению, оказав помощь Индии, Россия только выиграла бы в глазах мировой общественности¹⁶¹.

Однако Англия, не добившись создания в Средней Азии мусульманского блока государств, направленного против России, достигла немалых успехов в агитации среди туркменских племен. Так, племя теке прекратило прежние дружеские контакты с русскими и создало вооруженные отряды на случай столкновения с царскими войсками. Текинцы считали, что русские никогда не решатся овладеть их территорией — «англичане не позволят»¹⁶². Россия, со своей стороны, предприняла ответные действия: она увеличила численный состав войск Туркестанского округа и Закавказского отдела, предложила местному начальству «выдвинуть возможно больший отряд к Амударье... с целью лучше обеспечить безопасность наших пределов от возможных внешних покушений»¹⁶³.

В апреле 1878 года в Петербурге было созвано Особое совещание по обсуждению тактики России на случай разрыва с Англией. Участники совещания, проводившегося под председательством Александра II, были едины в решении: «оставаться нам совершенно пассивными на среднеазиатских границах решительно неудобно, напротив, для предупреждения возможных выступлений английского правительства относительно нас в Средней Азии и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии следует нам принять ныне надлежащие меры как со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря». Вместе с тем правительство отвергло предложение оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского о демонстративном движении российских войск к Индии¹⁶⁴. Товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс, заметил по этому поводу: «Мы не имеем видов на Индию»¹⁶⁵. Позиция российского правительства по этому вопросу находила отражение в печати. Так, «Русский вестник» назвал «фантастичными» предположения о «планах России по захвату Индии»¹⁶⁶.

Тем не менее в 70–80-х годах, как и ранее, английское правительство вновь прибегло к оценке российской политики как «угрозы Индии». В ноябре 1878 года англо-индийская армия вторглась в Афганистан¹⁶⁷. Плохо подготовленная к войне афганская армия терпела поражения; англичане овладели городами Кандагаром и Желалабадом. В мае 1879 года был подписан англо-афганский договор, по которому афганский эмир фактически терял самостоятельность. 13 октября английские войска вступили в Кабул. Английский резидент, прибывший в Кабул,

стал полновластным правителем страны. Действия англичан вызвали народное восстание против оккупантов, которое было жестоко подавлено.

Одновременно Англия усилила давление на Иран, установив через его северные провинции связь с туркменским населением: продавала ему оружие, подстрекала к выступлению против России. Нажим Англии на Иран заставил шаха обратиться через российского посланника в Тегеране за помощью к Петербургу¹⁶⁸.

Но Лондон действовал против России не только через пограничные со Средней Азией территории, он пытался угрожать ей непосредственно, заявляя, что продвижение российских войск к району Мерва «будет рассматриваться как первый шаг к Герату, который является ключом к Индии»¹⁶⁹. Открыто враждебные акции Англии в Средней Азии помогли российскому командованию в этих регионах добиться согласия Петербурга на занятие Ахалтекинского оазиса, населенного туркменскими племенами.

На Особом совещании в январе 1879 года было решено сформировать весной в крепости Чат (на правом берегу реки Атрек) отряд для похода к Ахалтекинскому оазису. При этом действия российских войск предполагалось ограничить только территорией оазиса, им запрещалось движение к Мерву и иранской границе¹⁷⁰. Этими предписаниями российское правительство надеялось ослабить противодействие Англии и Ирана.

Возглавил операцию генерал-майор Н.П. Ломакин, который в августе 1879 года из крепости Чат направился к центру оазиса, крепости Геок-Тепе. Но встретив сильное сопротивление текинцев, русский отряд отступил. Эта неудача была болезненно встречена в Петербурге, где опасались, что Англия, захватив Афганистан, начнет наступление на Среднюю Азию.

С началом англо-афганской войны заметно возрос интерес к среднеазиатской проблеме и в русской прессе. Многие авторы, особенно из военных, считали необходимым дальнейшее наступление русской армии, включая занятие Мерва, «без всяких соображений о том, понравится ли это кому-либо или нет»¹⁷¹. Иначе реагировал на обострение русско-английских отношений «Вестник Европы». Один из его авторов, известный государственный деятель А. Половцов, считал войну с Англией за Среднюю Азию ненужной, полагая, что России «в первую очередь необходимы внутренние улучшения»¹⁷².

В январе–феврале 1880 года в столице было проведено несколько совещаний по поводу «закаспийской политики». Правительство склонилось к принятию серьезных мер в Азии ввиду агрессивной политики англичан¹⁷³. Военный министр Д.А. Милютин, ранее считавший опасения А.М. Горчакова по поводу действий Англии преувеличенными, теперь признавал, что ее наступательная тактика в Азии «с каждым годом по-

лучает дальнейшее развитие... Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами, усиливаясь также склонить на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать Каспийской области»¹⁷⁴, — констатировал Д.А. Милютин. По этим соображениям русской армии предлагалось занять крепость Геок-Тепе и установить связь Кавказа с Туркестаном, что помешало бы Англии оказывать влияние на политику в Закаспии¹⁷⁵.

Командующим войсками Закаспийского военного отдела был назначен генерал М.Д. Скобелев, напутствуя которого Александр II заметил: «Никаким неприятелем пренебрегать не следует. Я всегда был того мнения, что среднеазиатский неприятель вовсе не так ничтожен, как некоторые полагают. Судя же по тому, что мне докладывали о текинцах, полагаю, что это должен быть особенно воинственный народ»¹⁷⁶.

План операции по захвату Геок-Тепе готовился с большой тщательностью, начиная от комплектования войск и кончая запасами продовольствия, воды, средств передвижения.

В мае 1880 года Скобелев прибыл в Красноводск и возглавил российские войска, выступившие по направлению к Ахалтекинскому оазису. Зная о враждебном к России отношении части туркменских племен, Скобелев стремился заручиться поддержкой Ирана и получить от него продовольственную помощь. При содействии российского посланника в Тегеране И.А. Зиновьева удалось ослабить давление Англии и убедить шаха, что покорение Ахалтекинського оазиса не затрагивает интересов Ирана, а, напротив, помогает укрепить его власть в северных провинциях страны, где особенное беспокойство доставляли набеги туркменских племен. Умелая тактика Зиновьева позволила добиться согласия шаха на продажу армии Скобелева муки, ячменя, масла¹⁷⁷. Одновременно царское правительство выразило готовность пойти на уступки Ирану и пересмотреть условия коммерческой конвенции Туркманчайского договора 1828 года, в частности согласившись на повышение пошлин на русские товары, ввозимые в Иран¹⁷⁸.

Однако лояльные отношения с Ираном лишь частично смягчили условия похода, российских войск в Геок-Тепе, который оказался самым тяжелым из всех среднеазиатских операций. Местное население оказывало царским войскам ожесточенное сопротивление. Выступления туркмен подавлялись с большой жестокостью: сжигались селения непокорных, уводился скот с пастбищ. В течение трех недель шли бои за крепость Геок-Тепе. Мусульманское духовенство поддерживало воинственные настроения населения, уверяя в скорой помощи извне¹⁷⁹. Скобелев сообщил в Тифлис: «Взятие Геок-Тепе есть дело серьезное. Неприятель решил драться упорно и все подготовил»¹⁸⁰. Только в январе 1881 года крепость была взята.

Для умиротворения местного населения военное командование объявило амнистию всем воевавшим против России, им возвращались земля, уцелевшие дома, оказывалась медицинская помощь¹⁸¹. В мае 1881 года Ахалтекинский оазис был включен в Закаспийский военный отдел, преобразованный в Закаспийскую область с центром в Ашхабаде.

Взятие Геок-Тепе и утверждение России в Ахалтекинском оазисе не было событием региональным. Оно имело международное значение. Именно на это обращал внимание Д.А. Милютин. Он полагал, что успех Скобелева поднимет положение России не только «в Азии, но и в Европе, тем более что он (успех. — *Авт.*) последовал вслед за неудачами, понесенными англичанами в Афганистане, и совпал с их поражением в Южной Африке»¹⁸².

Туркменские племена Тедженского, Мервского и Пендинского оазисов еще сохраняли независимость. Часть этих земель, прежде всего оазисы Пецце и Мерв, иранский шах считал своей территорией¹⁸³. Претензии Ирана на туркменские земли поддерживала Англия¹⁸⁴. Но после падения Геок-Тепе влияние англичан в регионе было ослаблено.

Захватив Геок-Тепе, Скобелев, ссылаясь на благоприятную для России обстановку в Мерве, предлагал занять остальную территорию Туркмении. Как сообщал в Петербург в 1881 году российский посланник в Тегеране Зиновьев, мервские ханы различных племен ходатайствовали о принятии мервского населения под покровительство России¹⁸⁵. Милютин, единомышленник Скобелева во многих вопросах, на этот раз по дипломатическим соображениям не поддержал его просьбу: в Тегеране начинались переговоры о разграничении владений России и Ирана в Туркмении, в Европе возобновлялся Союз трех императоров. Отношения между союзниками были сложными и требовали продуманной тактики по всем вопросам.

В целях смягчения англо-русских противоречий, к чему склонялось и либеральное правительство Гладстона, Россия согласилась на английское посредничество в своих переговорах с Ираном по пограничным делам. Россию на переговорах представлял И.А. Зиновьев, Иран — шах. Переговоры были секретными: английский представитель мало знал об их содержании¹⁸⁶. По окончании переговоров 9 декабря 1881 года была подписана конвенция о разграничении между Россией и Ираном к востоку от Каспийского моря. По ее условиям Иран отказывался от вмешательства в дела туркмен, населяющих территорию Мерва и Теджена, не разрешал провоз оружия и военного снаряжения через свои северные провинции. Россия, в свою очередь, лишалась права продавать оружие туркменам, жившим на территории Ирана, но получила право проводить свои войска через иранскую границу¹⁸⁷. Эта секретная статья не была известна Лондону. Для контроля за выполнением условий конвенции

и действиями туркмен Россия могла послать своих представителей в пограничные пункты Ирана¹⁸⁸.

Соглашение о границах между Россией и Ираном фактически стало русско-иранским союзом, ослабившим наступательный порыв Англии в регионе.

Англия увидела в соглашении опасность быть оттесненной в делах Среднего Востока на вторые роли. Пытаясь поправить положение, Лондон в 1882 году предложил Петербургу вступить в переговоры по вопросу о Центральной Азии, конкретно — об установлении пограничной линии между Ираном и Туркестанской областью. Английское правительство объясняло свое предложение «заботой» о судьбе Ирана, Афганистана, а также озабоченностью действиями России со стороны индийского правительства. Новый российский министр иностранных дел Н.К. Гирс, умный и осторожный дипломат, заметил по поводу опасений Англии за судьбу Индии: «Мы не имели никакого недоброжелательного или враждебного намерения по отношению к английским владениям в Индии»¹⁸⁹.

Русское правительство не отказывалось от предложенных Англией переговоров. Оно рекомендовало своему послу в Великобритании А.Б. Лобанову руководствоваться соглашением 1872–1873 годов и передать английскому статс-секретарю, что Россия «не может допустить постороннего вмешательства» в русско-иранские отношения. После этого переговоры были фактически прерваны, и до 1884 года обе стороны не возвращались к этому вопросу, Англия усилила прямой нажим на туркменские племена, несколько ослабленный после взятия русскими Геок-Тепе. Английские офицеры составляли подробные карты Ахалтекинского оазиса, через Иран и Афганистан возбуждали у туркмен неприязнь к России. В английской прессе вновь замелькали статьи о роли Мерва как заслона на пути к Индии, овладение которым откроет туда дорогу России.

Российское командование также готовилось к наступлению. Но в этих условиях требовалась достаточная осторожность, чтобы удерживать пограничные со Средней Азией государства — Афганистан и Иран, а также Англию от открытых действий. «Наши интересы настоятельно требуют сохранения спокойствия в Мерве и поддержания там партии мира. Партия войны, поддерживаемая внешними интригами, рассчитывает получить для борьбы с нами усовершенствованное оружие, — говорилось в официальном документе российского МИД, — ...а потому вся цель наших будущих сношений с Мервом должна состоять в недопущении провоза туда скорострельного орудия и в предупреждении происков тайных агентов Англии»¹⁹⁰. Население Мерва, как и других крупных городов Средней Азии, не было едино в своих политических симпатиях.

Ремесленники, трудовая часть города, уставшая от разорительных набегов, стремились к сближению с Россией и к объединению с туркменами, находившимися в Геок-Тепе. Другая группа, по преимуществу родо-племенная верхушка и мусульманское духовенство, противилась ориентации на Россию. На эту часть населения и опиралась Англия. Современный английский историк Д. Джиллард, касаясь расстановки сил в Мерве, отмечает влияние в городе прорусской «партии», способствовавшей присоединению его к России¹⁹¹.

На «собрании народных представителей» 1 января 1884 года было принято решение о добровольном присоединении Мерва к России. 31 января делегация Мерва в Ашхабаде дала присягу на верность царю Александру III¹⁹². Вошедшему в состав России городу предоставлялось внутреннее самоуправление, сохранялись мусульманское вероисповедание и обычаи, запрещалась работоторговля. Были освобождены и доставлены на родину 400 пленных. В марте Мервский оазис включается в состав Российского государства.

Новые победы России в Средней Азии опять осложнили русско-английские отношения. Но действовать непосредственно против России Англия не решалась. После неудачных попыток использовать Иран она обратилась к Афганистану. Под предлогом защиты его интересов, якобы ущемленных изменением статуса Мерва, англичане от имени афганского эмира Абдуррахман-хана предъявили России претензии на туркменские земли, прежде всего оазис Пенде, позволявший контролировать путь из Герата в Мерв. Воспользовавшись тем, что во время англо-русских переговоров 1869–1873 годов часть пограничной черты между Афганистаном и среднеазиатскими владениями России — примерно на 450–500 км по Амударье — не была официально установлена, афганский эмир, подталкиваемый Англией, в июне 1884 года занял оазис и провозгласил там свою власть. Действия афганского эмира вызвали протест туркменских племен, населявших Пендинский оазис, — сарыков и салоров, которые, особенно после занятия русскими войсками Мерва, выразили желание принять подданство России и через своего представителя просили об этом русские власти¹⁹³.

Это привело к изменению тактики англичан. Лондон предложил возобновить русско-английские переговоры о северных границах Афганистана. Была создана Объединенная комиссия по разграничению, которая, по мнению России, должна была опираться на соглашение 1872–1873 годов, по нему северная граница Афганистана проходила южнее оазиса Пенде. Однако английское правительство толковало, пограничный вопрос весьма расширительно, полагая, что северная и северо-западная границы Афганистана должны проходить там, где кончается фактический контроль эмира над населением области. Такой подход предпола-

гал участие в работе комиссии афганских представителей с их очевидными претензиями на оазис Пенде. Различен был подход России и Англии и к компетенции комиссии. Россия считала, что комиссия прежде всего должна заниматься съемкой и описанием местности разграничения, а окончательное решение должно быть принято на правительственном уровне Россией и Англией¹⁹⁴. В Лондоне полагали, что члены комиссии должны подготовить проект соглашения о разграничении, по которому оазис Пенде включался бы в состав Афганистана. Россия предложила компромиссное решение: установить нейтральную зону между афганской и российской территориями. Британское правительство отвергло этот вариант¹⁹⁵. Тогда петербургский кабинет предложил отложить официальное заседание комиссии до 1885 года, продолжив в дальнейшем переговоры¹⁹⁶.

К этому времени неудачи в Судане и в Египте поколебали авторитет либерального правительства Гладстона. Лондон решил переключить внимание английского общества с Африканского континента на Центральную Азию. В конце 1884 года английские вооруженные отряды с согласия эмира были направлены из Кветты к границе в район Мерва. Это должно было продемонстрировать афганцам и приграничным жителям мощь англо-индийской армии, способной защитить их независимость в случае столкновения с Россией. Сосредоточение крупных отрядов английских войск вблизи Мерва привело к продвижению русских отрядов к городам Гериуду и Мургабу, где проживали туркестанские племена, находившиеся под русским управлением. Одновременно с этим на Кавказе началась организация военных формирований, которые сосредоточивались в районе Красноводска. Афганцы, со своей стороны, подтянув к Герату вооруженные силы, заняли оборонительные рубежи в районе Пенде, где находились и англо-индийские части¹⁹⁷.

Соотношение англо-индийских сил вместе с афганскими, с одной стороны, и русских — с другой, оказалось не в пользу России. Английское правительство убеждало афганского эмира, что окажет ему поддержку на случай столкновения с Россией; английская пресса вновь заговорила о «русской угрозе» Индии; Лондон отдал приказ о приведении в полную боевую готовность 50 тыс. солдат, находившихся в Индии; был объявлен призыв около 15 тыс. резервистов в Британии¹⁹⁸. Одновременно с этим Лондон для устрашения России и решения собственных задач готовился направить войска в Судан, Египет, Южную Африку, Гибралтар.

В Европе опасались движения английских войск к проливам, и Россия как наиболее заинтересованная держава обратилась к Германии и Австрии с просьбой не допустить открытия Турцией проливов для английских судов. Эта просьба опиралась на условия Союза трех императоров¹⁹⁹. Берлин, затем Вена через своих послов в Константинополе предложили

Порте не менять режим проливов, угрожая в противном случае русско-турецкой войной²⁰⁰. Военного столкновения между Россией и Англией не произошло: Англия, оставшись без союзников, отступила, а Россия не стремилась к войне (показательно обращение к Александру III государственного секретаря А.А. Половцова, предлагавшего проявить благоразумие и избежать дальнейшего обострения отношений с Англией²⁰¹). Российская общественность также не верила в возможность англо-русского конфликта в Азии²⁰². Подкрепляли эту веру осложнения Англии в Судане и Египте, куда проникали Германия и США.

Между тем афганская армия, пользуясь поддержкой английских офицеров, перешла на левый берег реки Кушки, где располагались русские войска. На предложение русского командования вернуть афганский отряд за реку Кушку, афганская сторона ответила отказом. Столкновение русских и афганских войск становилось неизбежным. Сражение произошло 31 марта 1885 года и закончилось отступлением афганских частей к Герату.

Поражение афганской армии не только остудило воинственный пыл эмира, но и способствовало падению авторитета Англии, войска которой не вмешались в конфликт (как было обещано), а оставались лишь сторонними наблюдателями.

Несмотря на одержанную победу, петербургский кабинет не хотел дальнейших осложнений с Афганистаном и Англией. Его внимание было переключено на Балканы.

В русской прессе по поводу события в Средней Азии и на Среднем Востоке высказывалось мнение о целесообразности установления там лояльных отношений между Россией и Англией²⁰³. Изолированная русско-австро-германским союзом в Европе и испытывавшая затруднения в Африке, Великобритания также не стремилась к войне с Россией. В этой обстановке афганский эмир после консультаций с Лондоном предложил возобновить переговоры о разграничении и получил согласие России. Переговоры проводились в Лондоне. В сентябре 1885 года был подписан протокол, определивший северо-западную границу Афганистана. По его условиям Пендинский оазис переходил к России, а важные в стратегическом отношении Зульфугарские проходы передавались афганцам²⁰⁴. В июле 1887 года в Петербурге было подписано соглашение, которым устанавливалась русско-афганская граница от реки Герируд на западе до Амударьи на востоке. Российский МИД выражал уверенность, что подписанное соглашение будет способствовать ослаблению русско-английских противоречий в Центральной Азии и «откроет эру мирных отношений»²⁰⁵. В том же духе высказался лондонский премьер-министр Солсбери, заметив, что в Азии достаточно места и для русских, и для англичан²⁰⁶.

В 90-е и 1900-е годы наступает некоторое смягчение русско-английского противостояния, вызванное ростом англо-германских противоречий в колониях и стабилизацией обстановки в Средней Азии.

* * *

В 80-е годы XIX века завершился целый этап политики России, связанный с завоеванием Средней Азии. Этому предшествовали длительные торгово-политические отношения России со среднеазиатскими государствами, конфликты, многочисленные правительственные экспедиции, поездки ученых и путешественников, обращения некоторых среднеазиатских народов к России с просьбой о подданстве.

Сам характер российской экспансии не был однозначным. Наряду с тяжелыми военными сражениями, такими как взятие крепости Геок-Тепе, бои за Ходжент, было и добровольное присоединение к России туркмен Мервского оазиса, кыргызов Кокандского ханства, жителей Ташкента. Длительность отношений, разнообразие их форм позволяют, думается, применить к политике России в Средней Азии на протяжении всего XIX века термин «присоединение». Однако политику периода 60–80-х годов XIX века следует оценить как завоевание.

Еще в ходе экспансии российское правительство приступило к разработке административных и социальных реформ, одним из принципов которых была постепенность мер по организации нового управления в крае. Оно было подчинено решению задач царизма «ввести внешний порядок и спокойствие, обеспечить необходимые государству средства от взимания податей, установить мир с соседями и постепенно ввести население в состав Российской империи»²⁰⁷.

Отсутствие границ, отделявших метрополию от окраин, служило фактором не столько географическим, сколько политическим. Это побуждало российское правительство считаться с местными особенностями: процессы, происходящие в центре и на окраинах, получали непосредственную связь. Важное значение имели также трудовые контакты местного и российского населения, отсутствовавшие, например, в английских владениях Индии, где индийский крестьянин знал лишь английского солдата и колониального чиновника.

Мотивы, вызвавшие наступательные действия России в Средней Азии, носили политико-стратегический и экономический характер. Развивавшийся капитализм нуждался в расширении экономических связей с государствами Азии, где Россия могла заявить о себе как промышленная держава. Завоевание среднеазиатских рынков должно было содействовать ее политическому влиянию в регионе. Однако отдаленность Средней Азии, опасности торговых путей, низкая покупательная способность среднеазиатского населения, достаточно емкий собственный

внутренний российский рынок препятствовали сколько-нибудь широкому торговому обмену со среднеазиатскими странами. В России, в отличие от Англии, не флаг шел за купцом, а купец за флагом.

В 60–80-е годы XIX века англо-русское противостояние, усилившееся после Крымской войны, поощряло российскую экспансию в Среднюю Азию.

Межведомственные споры по среднеазиатскому вопросу, разногласия между Петербургом и местной администрацией, не утихавшие на протяжении всего века, носили тактический характер. Центральное правительство, учитывая опыт Крымской войны и международную ситуацию, сложившуюся после ее окончания, стремилось избегать столкновений с Англией, самым крупным противником России в Азии и на Ближнем Востоке, решать конфликты дипломатическими средствами. Осторожная тактика российского МИД обуславливалась также удаленностью Средней Азии от центра и слабой информированностью Петербурга о местной обстановке.

Оренбургское и западносибирское начальство, предлагая правительству активизировать действия в Средней Азии, руководствовалось региональными задачами, не учитывая всего комплекса обстоятельств, связанных с внутрироссийской и международной конъюнктурой. Однако спорящие стороны легко достигали договоренности, когда речь шла о реализации имперских задач в регионе.

В экономическом отношении присоединение Средней Азии было для России убыточным. За 12 лет управления (1868–1880 гг.) государственные затраты почти в 3 раза превышали сумму поступлений²⁰⁸. Положение несколько меняется к 90-м годам, со стабилизацией обстановки в Средней Азии и на Среднем Востоке.

Российское правительство по политическим и финансовым соображениям установило разную форму зависимости среднеазиатских стран и племен от России. Кокандское ханство вошло в состав империи под названием Ферганская область. Бухарский эмират и Хивинское ханство сохраняли свою внутреннюю автономию и систему управления.

Положительные последствия присоединения Средней Азии к России проявились в прекращении междоусобных разорительных войн и феодальной раздробленности, ликвидации рабства и работорговли, в упорядочении налоговой системы, в политике веротерпимости. С 80-х годов началось строительство железных дорог, связавших Центральную Россию со Средней Азией, происходил рост городского населения, возникали новые города, росло влияние старых торговокультурных и промышленных центров, таких как Ташкент, Самарканд, Бухара, Коканд. Средняя Азия, подобно Кавказу, втягивалась в мировые экономические связи, разрушавшие прежнюю замкнутость общества.

Одновременно самодержавная власть, распространяясь как на центральные губернии, так и на окраины, вызывала протест народа. Общность интересов трудящихся различных национальностей России способствовала их единению в борьбе с царизмом.

К XX веку Средняя Азия становится типичной национальной окраиной Российской империй, обслуживавшей метрополию.

Глава IV. На Дальнем Востоке и Тихом океане

1. Присоединение Приамурья и Приморья

Ослабление своих позиций в Европе в результате Крымской войны Россия стремилась компенсировать активизацией внешней политики не только в Среднеазиатском, но и Дальневосточном регионе.

Китай длительное время оставался мирным соседом России, и сохранение его в качестве такового было одной из настоятельных задач российской внешней политики. «Императорское министерство не может не видеть, — говорилось в отчете МИД России за 1856 год, — что, несмотря на несогласие по некоторым вопросам, мы сохранили с соседним нам Срединным государством вековую приязнь, которая, принося важные выгоды Китайской империи, тем не менее весьма полезна и для нас в Некоторых отношениях, позволяя нам оставаться покойными за наши границы на пространстве пяти тысяч верст и не обязывая содержать войск для охраны их»¹.

В середине XIX века Китай оставался отсталой феодальной страной. Власть в нем принадлежала маньчжурской династии Цин, которая управляла государством с помощью огромной армии чиновников. Процветали казнокрадство и взяточничество. Помещики беспощадно эксплуатировали крестьян-арендаторов. Временами Китай сотрясали мощные взрывы крестьянских восстаний. Наиболее организованным и длительным было восстание тайпинов, начавшееся в 1850 году. Тайпины выдвинули лозунг свержения цинской династии и создания «Небесного государства великого благоденствия» (по-китайски — Тайпин) на началах справедливости и равенства. Тайпинская крестьянская война с переменным успехом продолжалась до конца 60-х годов. Восстание подорвало господство цинской династии и одновременно ослабило страну.

Мощным разрушительным фактором для Китая стало проникновение иностранных, главным образом английских, колонизаторов.

Торговля с Китаем обогащала английских капиталистов, особенно за счет контрабандного ввоза опиума из Индии. Попытки китайских властей пресечь эту торговлю вызвали «опиумные» войны Англии, а затем Франции против Китая в 1841–1842 и 1856–1860 годах, Россия запретила торговлю опиумом с Китаем и отрицательно отнеслась к первой «опиумной» войне.

Усиление экспансии европейских держав в 40–50-х годах XIX века в Китае внушало царскому правительству беспокойство за безопасность

границ Российской империи на Дальнем Востоке. Огромная территория на востоке страны отличалась малой плотностью населения, что в совокупности с трудностями сухопутного передвижения через Сибирь делало дальневосточные владения России чрезвычайно уязвимыми.

Владения России и Китая на Дальнем Востоке не были разграничены. Об огромных пространствах в Нижнем Приамурье и Приморье ни цинское, ни даже российское правительства не имели ясного представления².

На этой территории проживало немногочисленное коренное население (нивхи, нанайцы, эвенки и др.), занимавшееся охотой и рыболовством. Побережье вблизи Амура и остров Сахалин легко могли быть захвачены Англией или США. Правящие круги России опасались также, что Китай, попав под господство Англии и Франции, может повести враждебную России политику и помешать присоединению к ней Приамурья.

Внешняя политика России на Дальнем Востоке к середине 50-х годов определялась рядом факторов политического, стратегического и экономического характера. Прежде всего предстояло зафиксировать свою границу с Китаем, причем царское правительство рассчитывало включить Приамурье и Приморье в состав России. Это давало бы ей выход к Тихому океану, способствовало бы развитию морской торговли со странами Дальнего Востока и США, наконец, укрепляло бы безопасность российских дальневосточных земель. Кроме того, тогда России проще было бы противостоять усилению английского и французского влияния в Пекине. Важной задачей являлось также усиление сухопутной торговли с Китаем через Кяхту, ведь Китай оставался основным поставщиком чая в Россию, вывозил же из нее меха, кожу, сукно. Открытие китайских портов для английских и американских купцов неблагоприятно сказывалось на объемах русско-китайской торговли. Наконец, следовало положить предел хищнической добыче в российских водах китов и рыбы, осуществляв- шейся сотнями американских судов.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев уделял большое внимание присоединению Приамурья и Приморья, считая это главной задачей дальневосточной политики страны. Находясь в Восточной Сибири с 1847 года, он хорошо знал богатства этого края и понимал важность выхода к Тихому океану для его развития; Муравьев обладал несокрушимой энергией и независимым характером. Он принадлежал к тем патриотически настроенным деятелям, которые превыше всего ставили служение интересам России. В его окружении были люди, находившиеся в оппозиции к правящему режиму, в том числе ссыльные декабристы. Он покровительствовал сосланному в Иркутск М.А. Бакунину. Все это вызывало раздражение чиновного Петербурга. Муравьев начал поощрять заселение и освоение края, на что негативно реагировало Министерство

иностранных дел, которое опасалось обострения отношений с Китаем и Англией.

Весной 1853 года во время своего пребывания в Петербурге Муравьев подал Николаю I записку, где предлагал начать переговоры о разграничении с Китаем, поручив их местным властям, то есть практически ему самому³. Он полагал, что Россия должна утвердиться на Тихоокеанском берегу и предотвратить появление там баз Англии. С этой целью следовало, по его мнению, укрепиться в устье Амура и на Сахалине, а также подготовить оборону своих опорных постов на побережье. Последнее было особенно актуальным в связи с началом Крымской войны.

Особый комитет, рассмотрев в январе 1854 года предложение Муравьева, признал опасным усиление в Китае позиций англичан и принял решение начать переговоры с Китаем о разграничении, а также послать войска для защиты Охотского побережья, переправив их по Амуру, и сосредоточить в его устье эскадру вице-адмирала Е.В. Путятина. Вести дело рекомендовалось с осторожностью, дабы не вызвать недовольства Китая. Николай I, утверждая это постановление, подчеркнул: «Чтобы при этом не пахло пороховым дымом»⁴.

Организованные Муравьевым в 1854–1856 годах «сплавы» войск и снаряжения по Амуру значительно упрочили позиции России и сыграли решающую роль в обороне ее владений от нападения англичан Летом 1854 года. Все это способствовало в дальнейшем успешному ходу переговоров о границах в этом районе. Сами переговоры удалось начать только в сентябре 1855 года в Мариинске по окончании военных действий на Дальнем Востоке.

Уполномоченный от России Н.Н. Муравьев встретился с представителями китайских пограничных властей и, указывая на необходимость защиты дальневосточных земель от агрессии со стороны европейских держав, заявил, что «все места, для этой цели занятые нами там, и весь Приморский край должны окончательно остаться во владении России». Другим условием безопасности он назвал устройство поселений на левом берегу Амура «для необходимого и непрерывного летом и зимой сообщения войск и крепостей наших, на устье Амура находящихся со внутренними областями нашими»⁵.

В ожидании ответа от китайского правительства Муравьев развил энергичную деятельность по заселению левобережья Амура. Китайское правительство, необоснованно считая его своей территорией, с запозданием, но все же заявило решительный протест против действий Муравьева. Неоднозначной была и реакция Петербурга. Если военные поддерживали энергичного генерал-губернатора, то дипломаты требовали соблюдения осторожности, дабы не раздражать соседнюю державу.

Война Англии и Франции с Китаем, начавшаяся в конце 1856 года, еще больше осложнила положение. Правящие круги Англии стремились узаконить ввоз в Китай опиума, установить постоянное дипломатическое представительство в Пекине и расширить число китайских портов, открытых для иностранной торговли. Лондон намеревался добиться подчинения Пекина своему влиянию и использовать в дальнейшем Китай против России. Вскоре к английским войскам в Китае присоединились и французские. Наполеон III затеял очередную военную авантюру в надежде поднять свой престиж и отвлечь внимание народных масс от социально-экономических проблем. Французский капитал намеревался расширить торговлю с Китаем, а правительство рассчитывало на захват военно-морских баз.

Начиная войну с Китаем, Англия и Франция стремились вовлечь в нее и Россию, но встретили отказ. Россия была заинтересована в сохранении мирных отношений с соседней державой. А.М. Горчаков ответил английскому посланнику в Петербурге Дж. Вудхаузу, что Россия может поддерживать только те требования Англии, которые «относятся до интересов, общих всем просвещенным нациям»: установление правильных дипломатических сношений с пекинским двором, отмена ограничений для торговли иностранцев и обеспечение свободы вероисповедания для христиан⁶. Директор Азиатского департамента МИД России Е.П. Ковалевский писал во всеподданнейшей записке 22 января 1857 года: «Что должны мы предпринять? Соединиться ли с другими европейскими державами и воспользоваться выгодами, которые приобретут они? Но интересы наши слишком отличны от интересов других европейских держав, и, конечно, мы не можем рассчитывать на их содействие при определении наших границ на Амуре; кроме того, соединиться с врагами Китая нам, не имеющим никакого повода к вражде и скорее подавшим повод к неудовольствию на нас со стороны Китая, было бы даже и в политическом отношении несовместно. Остается мирными переговорами разрешить возникшие вопросы с Китаем»⁷.

Начатый Англией новый раунд захватов в Китае вызвал тревогу Петербурга. Было признано необходимым активно добиваться разграничения и покончить с этим вопросом прежде, чем английский и французский посланники прибудут в Пекин для переговоров и предъявления своих требований к Китаю. Российское правительство решило направить в Пекин своего представителя для переговоров непосредственно в китайской столице и для наблюдения за действиями союзников. Выбор пал на вице-адмирала Евфимия Васильевича Путятина, кандидатура которого была выдвинута братом царя вел. кн. Константином Николаевичем, главой морского ведомства, и поддержана МИД.

Е.В. Путятин был видным моряком школы адмирала М.П. Лазарева, с которым совершил в 1822–1825 годах кругосветное плавание. Он уча-

ствовал в Наварринском сражении 1827 года и других морских баталиях, выполнял ответственные дипломатические поручения, в частности в Японии, слыл сторонником сближения России с Японией и Китаем. Задачи, поставленные правительством перед Путятиным, были связаны с новой политической ситуацией в Китае. В утвержденной 19 февраля 1857 года инструкции отмечалось, что действия Англии в Китае требуют скорейшего решения спорных дел между Россией и Китаем, в первую очередь установления границы по Амуру и на западном участке. Напоминалось, что Амур и лежащие по нему земли остаются по русско-китайским договорам до сих пор не разграниченными, а англичане намереваются потребовать от пинского правительства права плавания по всем рекам империи, в том числе и по Амуру. Это «может повлечь за собой самые неблагоприятные столкновения». Путятину, как и ранее Муравьеву, предписывалось заключить договор, по которому России Отходило бы левобережье Амура с морским побережьем к югу от нижнего течения этой реки. Путятину поручалось также уточнить русско-китайскую границу на западном ее участке, приняв в качестве исходных данных линию китайских караулов на момент заключения русско-китайского Кульджинского договора 1851 года.

В инструкции также ставилась задача дальнейшего развития русско-китайской торговли — сухопутной и морской, в частности открыть русскую факторию в Кашгаре (Синьцзян), получить разрешение для захода русских торговых судов в открытые порты Китая и добиться предоставления России режима наибольшего благоприятствования.

Важной функцией посланника был также сбор информации о внутреннем положении в Китае и о действиях союзников. Подчеркивалось, что интересы России и западных держав в Китае «так различны, что трудно рассчитывать, чтобы совокупное действие с ними могло способствовать к достижению желаемой цели». Эта же мысль проводилась и в более поздних письмах Горчакова Путятину и дополнительных инструкциях. Во внутренние дела Китая Путятину рекомендовалось не вмешиваться⁸. С целью оказания помощи Китаю в войне против Англии и Франции Путятину предписывалось предложить китайцам безвозмездно 10 тыс. ружей и помощь русских офицеров-инструкторов. Так Петербург хотел продемонстрировать Пекину свою позицию благожелательного нейтралитета в англо-франко-китайском конфликте.

В феврале 1857 года Путятин выехал в Кяхту, но здесь его остановили китайские власти. Пекин утверждал, что между Россией и Китаем «нет важных и секретных дел для обсуждения». Тогда Путятин на пароходе спустился по Амуру и прибыл в китайский порт Тяньцзинь, морские ворота Пекина. В китайскую столицу он так и не попал: цинское правительство не желало допустить туда российского представителя.

Оно рассматривало Россию наравне с Англией и Францией как враждебную державу, претендующую на захват части китайской территории.

Несколько месяцев Путятину пришлось провести на борту русского корабля в Шанхае и Тяньцзине, где он наблюдал за ходом военных действий. Взяв в декабре 1857 года Кантон и разгромив его, войска союзников двинулись на север Китая. Вскоре были захвачены укрепления близ Тяньцзиня, и английский и французский посланники — лорд Эльджин и барон Гро — приступили к переговорам с цинским правительством. По просьбе последнего Е.В. Путятин и посланник США У. Рид выступали в этих переговорах посредниками.

Военные неудачи смягчили позицию цинского правительства в вопросе русско-китайского разграничения, скорейшее разрешение которого было необходимо как для России, так и для Китая. Пользуясь этим, Н.Н. Муравьев добился возобновления переговоров в Айгуне. Позиции России были подкреплены его усиленными действиями по заселению левобережья Амура и устройству там казачьих постов и станиц, а также почтового сообщения. Фактически левобережье стало уже русским. В переговорах с китайским уполномоченным, амурским главнокомандующим Ишанем Муравьев делал упор также на то, что англичане «могут обнаружить желание завладеть устьем Амура и местами, от него к югу вдоль морского берега лежащими; что мы можем им в том воспрепятствовать только в случае, если — на основании заключенного договора — можем показать означенные места нам принадлежащими»⁹.

16(28) мая 1858 года Н.Н. Муравьевым и Ишанем был подписан Айгунский договор, провозглашавший левобережье Амура владением России, а правый берег этой реки до впадения в нее реки Уссури — принадлежащим Китаю. Земли к востоку от Уссури до моря оставались неразграниченными и признавались находящимися «в общем владении» обоих государств впредь до определения границ. Маньчжурское население, проживавшее на левом берегу, оставалось «под ведением маньчжурского правительства с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали».

Договор устанавливал, что по рекам Амур, Уссури и Сунгари могут плавать только русские и китайские суда. Там также дозволялась взаимная торговля русских и китайских подданных¹⁰. Айгунский договор был ратифицирован в Пекине императорским указом от 2(14) июня 1858 года, а 8(20) июня того же года его ратифицировали и в Петербурге.

Айгунский договор имел большое значение для России. Он свидетельствовал об укреплении ее позиций на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана, а также о провале попыток Англии и Франции столкнуть Китай с Россией. Он закрыл доступ английским, французским и американским судам в Амур. Была заложена основа и для урегулиро-

вания спорных пограничных вопросов, что содействовало укреплению отношений между Россией и Китаем.

Независимо от Муравьева в Тяньцзине действовал Путятин, выступая посредником в переговорах Пекина с союзниками. В его задачи входило не допустить окончательного разгрома Китая и навязывания ему кабальных условий мира. России важно было сохранить суверенитет своего соседа. Российский представитель советовал китайской стороне отклонять чрезмерные требования союзников, а последних убеждал пойти на уступки китайцам. Следуя инструкции, Путятин предложил китайцам военную помощь — более современное оружие и военных инструкторов, но получил отказ¹¹.

Посреднические усилия Путятина и благожелательные намерения России были все же оценены Пекином. 1(13) июня 1858 года в Тяньцзине был подписан русско-китайский договор. В нем подтверждались мир и дружба между сторонами и гарантировалась личная безопасность русских и их собственности в Китае и китайцев в России. Подтверждалось также право России направлять своих посланников в Пекин (временно) и назначать консулов в открытых для нее портах. Для поддержания престижа власти консулов разрешалось посылать в эти порты военные суда.

Российские подданные получили в Китае право консульской юрисдикции и экстерриториальности, уже предоставленное подданным других европейских держав. Были существенно расширены возможности русско-китайской торговли: разрешалась сухопутная торговля без ограничения числа торговцев, количества товаров и капитала и морская торговля в ряде китайских портов (Шанхай, Цюньчжоу, Тайваньфу и др.), а также в открытых ранее портах. Специальные статьи договора говорили о покровительстве китайского правительства христианству и подтверждали право России содержать в Пекине русскую духовную миссию. Статья 9 договора гласила: «Не определенные части границ между Китаем и Россией будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату»¹².

Если Айгуньский договор касался только разграничения в Приамурье, то Тяньцзиньский трактат охватывал широкий круг вопросов русско-китайских взаимоотношений, а пограничные вопросы были отражены в нем лишь в общей форме. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что ко времени его подписания цинское правительство уже знало о заключении Айгуньского договора, а с другой — тем, что пекинские власти не хотели связывать себя признанием конкретных обозначений границы, рассчитывая на возможные изменения в будущем. Муравьев добился большего, ибо пользовался непререкаемым авторитетом у по-

граничных китайских властей и прекрасно знал обстановку на границе, в то время как ни Путятин, ни пекинские власти не были достаточно хорошо знакомы с положением дел на местах. Еще при отправке Путятина в Пекин Муравьев писал Горчакову о том, что посланнику не следует решать в Пекине вопрос о границе, так как при переговорах с местными китайскими властями можно достигнуть гораздо большего: «Власти страшно боятся и верят каждому слову моему, им от меня сказанному, как закону»¹³. Он оказался прав.

Одновременно в Тяньцзине были подписаны договоры Китая с Англией, Францией и США. Они открывали дополнительные порты для торговли этих стран в Китае, предоставляли право миссионерской деятельности. Англия и Франция получали существенную военную контрибуцию, а США — режим наибольшего благоприятствования. Существенным для Англии стало согласие Китая на учреждение постоянного посольства в Пекине (в то время как послам остальных держав разрешалось только временное пребывание в столице). Тяньцзиньские договоры с западными державами и США носили неравноправный в отношении Китая характер и были заключены Китаем под угрозой силы: англо-французский флот стоял у Тяньцзиня, а пекинское правительство желало развязать себе руки для подавления тайпинского восстания и получить в этом помощь от других держав.

В отличие от западных стран Россия не прибегала к военному давлению, хотя и использовала тяжелое положение Китая. Заключение русско-китайских договоров в Айгуне и Тяньцзине дало ей возможность принять решительные меры по заселению Приамурья. Уже 4 июня 1858 года был основан город Благовещенск; по Амуру возникли новые военные посты, положившие начало селениям и городам.

Чтобы закрепить обладание Приамурьем, желательно было включить в состав России Уссурийский край с его гаванями. Это позволило бы держать русский флот в Тихом океане и обеспечить безопасность русских владений на Дальнем Востоке. На очередь дня вставала задача установления границы от реки Уссури до моря, то есть там, где территория оставалась «в общем владении» России и Китая.

Эта местность была мало исследована. Действовать надлежало быстро и энергично: как полагал Муравьев, с прибытием в Пекин английского и французского посланников «неминуемо возбуждены будут ими всевозможные препятствия к окончательному утверждению за нами приморского берега, находящегося ныне в общем нашем владении с Китаем»¹⁴. Муравьев опасался даже, что англо-французский флот может занять незамерзающие гавани и заливы на неразграниченной территории.

В том же 1858 году он распорядился начать исследования правого берега Уссури, ее верховьев и пути от них через хребет Сихотэ-Алинь

к морскому побережью, к новым найденным там русскими морями гаваням. Эту задачу выполнил в июне–июле М.И. Венюков, впервые давший описание реки Уссури¹⁵. Был разработан дальнейший план изучения Уссурийского края и побережья Японского моря. Уже в следующем году сюда направились крупные сухопутные и морские экспедиции¹⁶. Экспедиция К.Ф. Будогосского в 1859 году самостоятельно провела изыскательские работы по установлению сухопутной границы от реки Уссури до моря, так как китайская сторона отказалась участвовать в этих работах. Составленную Будогосским подробную карту границы Муравьев направил чрезвычайному российскому посланнику в Китае Н.П. Игнатьеву с тем, чтобы получить утверждение ее китайским правительством. В препроводительном письме генерал-губернатор предлагал установить русско-китайскую границу от верховьев реки Уссури по горному хребту и реке Тюмень-Ула (Тумыньцзян*) до впадения ее в море примерно в 15 км южнее бухты Посьета. Он указывал, что на этой территории «нет коренного населения Китайского государства, но есть только беглые и кочующие жители бессемейные, чем и доказывается, что китайское правительство места эти признавало вне своих владений»¹⁷. Далее Муравьев рекомендовал Игнатьеву воздействовать на пекинское правительство и писал: «Признание за нами всего приморского берега до р. Тюмень-Ула, за которою уже находятся корейские владения, совершенно необходимо для обоюдных польз обоих государств, ибо не подлежит никакому сомнению, что при первом новом разрыве между Китаем и Англиею сия последняя непременно безвозвратно займет бухту Посьета, если место это не будет положительно принадлежать нам, и оттуда будет иметь прямое влияние на Манджурию, ...а также на Уссури и, следовательно, на самый Амур»¹⁸.

После заключения договоров с Англией и Францией и ухода войск союзников цинское правительство усилило оборону морского побережья, что создало у него иллюзию безопасности собственных границ. Избавившись от угрозы оккупации столицы союзными войсками, оно решило добиться отмены некоторых статей заключенных с союзниками договоров, в частности предусматривающих право пребывания иностранных послов в Пекине. Пекин стремился также ревизовать русско-китайский Айгуньский договор или, во всяком случае, отсрочить его выполнение. Пограничным чиновникам было предписано бойкотировать какое-либо разграничение в Уссурийском крае, но не доводя при этом дела до обострения отношений с Россией.

Российским представителям в Пекине цинское правительство заявляло, что утверждение императором Айгуньского договора было оши-

* Ныне река Туманган.

бочным, Китай якобы соглашался только на признание за Россией левого берега Амура и портов морского побережья. Затем стали утверждать, что «уступка» русским земель и по левому берегу Амура вообще является временной.

В связи с попытками китайского правительства ревизовать Тяньцзиньские договоры с Англией и Францией вновь обострились отношения Китая с этими государствами. Возникла опасность нового наступления англо-французских войск на столицу. Это побуждало российские власти на всякий случай принять меры к обороне приобретенных владений. 18 октября 1859 года Муравьев испрашивал разрешения Александра II на устройство русских постов в прибрежных бухтах вплоть до границы с Кореей. Такие же посты он предполагал выставить по намеченной им сухопутной границе от Уссури через озеро Ханка до моря. Разрешение царя было получено¹⁹.

Одновременно предпринимались шаги для укрепления побережья. 15 ноября 1859 года Муравьев писал военному губернатору Приморской области П.П. Казакевичу: «Значительные приготовления, делаемые в Англии и Франции к новой войне с Китаем, поставляют и нас в необходимость иметь в готовности все суда вверенной вам флотилии к выступлению в море немедленно по вскрытии льда в лимане... Эскадра наша должна будет выступить в море под личным вашим начальством и исполнить нижеследующие главнейшие предположения: 1) занять и укрепить два пункта для небольших команд в гаванях Новгородской и Владивосток, в заливе Петра Великого; 2) занять и укрепить для двух рот место в заливе Анива на острове Сахалине и 3) крейсировать вдоль залива Петра Великого и описать все берега одного от границы Кореи с юга (устья реки Тюмень-Ула) до бухты Ольги к северу с всевозможною точностию и подробию остию»²⁰. Во исполнение этой директивы был основан город Владивосток.

С 1858 года начало создаваться Амурское казачье войско. К 1860 году по Амуру возникло около 100 населенных пунктов. В верхнем течении Амура расположилось 39 казачьих станиц с почти 5 тыс. жителей, в среднем течении — 36 станиц с 2500 жителей, в низовьях — 5 русских селений с около 1000 жителей, в Уссурийском крае — 5 казачьих станиц. Кроме того, существовали военные посты во Владивостоке и в Новгородской гавани. Мариинск, Софийск, Хабаровка также были военными постами. В Николаевске на Амуре проживало около 2500, в Благовещенске — 3225 человек. Всего на Амуре находилось более 15 тыс. жителей²¹.

После подписания русско-китайского договора в Тяньцзине Е.В. Путьин вновь предложил Пекину помощь со стороны России — оружием и посылкой военных инструкторов. На этот раз Пекин благожелательно отнесся к предложению, и началась подготовка к отправке оружия

и офицеров всех родов войск в Китай. Возглавил эту миссию 27-летний генерал-майор Н.П. Игнатьев. Он только что вернулся из поездки в Хиву и Бухару, где ему удалось заключить выгодный для России договор с Бухарским ханством.

Игнатьев был блестяще образован, энергичен и настойчив, он обладал необходимыми для дипломата качествами — находчивостью, ловкостью, умением использовать обстоятельства в своих целях. Он как никто другой подходил для реализации сложных задач, стоявших перед русской дипломатией в Китае.

Было очевидно, что цинское правительство не торопится выполнять русско-китайские договоры, а ведь открытым оставался еще вопрос о разграничении в Приморье. Проведение переговоров по всем этим вопросам было поручено Игнатьеву. Кроме того, требовалось урегулировать порядок караванных сношений, почтовых сообщений и др. Инструкция МИД предписывала Игнатьеву не защищать интересы династии Цинов «вооруженной рукой» и в случае ее падения взаимодействовать с новыми правителями. В отношении союзников предлагалось держаться независимо и избегать всякого вмешательства в вооруженный конфликт, за исключением того случая, когда последует просьба воюющих сторон о посредничестве.

В июне 1859 года Игнатьев прибыл в Пекин, где встретил холодный и недружелюбный прием. Китайцы напрочь отказались обсуждать спорные и нерешенные вопросы и вновь отвергли военную помощь. Десятимесячное пребывание посланника в китайской столице оказалось безрезультатным. Ему заявили, что подписание Айгуньского договора амурским главнокомандующим Ишанем было незаконным, так как отошедшие к России по договору земли находились в ведении другого военного наместника — гиринского. Попытка Пекина исказить обстоятельства заключения договора встретила отпор Игнатьева, который возразил, что договор утвержден и отменить его нельзя, а на Амуре и правом берегу Уссури уже воздвигнуты русские военные поселения.

Вынужденный покинуть Пекин, Игнатьев уехал в Шанхай, где находилось командование англо-французских войск. Союзники вновь готовились наступать на Пекин. Заняв позицию наблюдателя, российский дипломат постарался установить доверительные отношения с союзными посланниками Эльджином и Гро. Он убедил их, что задачей его миссии является не вмешательство в военный конфликт в Китае, а только определение русско-китайской границы и обеспечение спокойствия на ней. Позднее в отчете Азиатскому департаменту МИД Игнатьев указывал, что, приобретя доверие обоих посланников, он старался использовать его для углубления существовавших между ними разногласий с тем, чтобы помешать им сорвать русско-китайские переговоры. Другой его целью

являлось посредническое участие в переговорах китайцев с союзниками с намерением предотвратить возможный ущерб интересам России²².

Интенсивные военные приготовления Англии и Франции к продолжению войны с Китаем, а затем нападение союзных войск на форт Дагу близ Тяньцзиня внушали Петербургу опасения и побудили его принять меры для сдерживания агрессоров. Игнатьеву была направлена инструкция с предложением «пригласить» союзников «к совместному с нами миролюбивому действию». Ему предписывалось также быть наблюдателем в переговорах Китая с союзниками и «следить, чтобы державы, ведущие переговоры, не коснулись условий, противных нашим интересам»²³.

В середине июня 1860 года войска союзников захватили Тяньцзинь и разграбили его, а затем двинулись на Пекин. Цинский двор бежал из столицы. 1(13) октября 1860 года власти Пекина открыли северо-восточные ворота города. Союзники направили орудия на город. Под дулами пушек был предъявлен ультиматум немедленно принять все требования Англии и Франции. Перед Игнатьевым стояла весьма сложная задача. России было невыгодно падение правительства Цинов, что означало бы усиление в Китае влияния Англии. Поэтому она призвала союзников отказаться от занятия Пекина. Игнатьев хотел также добиться предотвращения его разгрома союзными войсками, которые уже разграбили и сожгли летний дворец цинских императоров.

В лагере союзников обострились разногласия. Наметившееся к этому времени франко-русское сближение способствовало смягчению позиции Франции, которая, откликаясь на призыв России, стала склоняться к ограничению предъявляемых Китаю требований и урегулированию возникшей ситуации путем переговоров.

4(16) октября 1860 г. Игнатьев прибыл в Пекин. К этому времени он приобрел высокий авторитет как у представителей союзных войск, так и у высших сановников Цинской империи. Популярности Игнатьева у китайского населения способствовало также влияние русской духовной миссии в Пекине. Все это побудило обе стороны прибегнуть к услугам российского посланника, который выступил посредником. При этом он проявил исключительное знание обстоятельств, замечательную выдержку и настойчивость.

Сознавая военную слабость Китая, Игнатьев советовал цинскому правительству идти на уступки союзникам, а в своих контактах с Гро и Эльджином настаивал, чтобы они умерили требования к Китаю. Действиям Игнатьева благоприятствовало различное понимание союзными представителями дальнейшей судьбы Китая. Эльджин полагал, что цинская династия будет вскоре свергнута тайпинами и столица, перенесенная в Нанкин, окажется в сфере влияния Англии. Поэтому он готов был нанести Цинам сокрушительный удар, разрушив до основания столицу империи.

Франция выступала за сохранение в Китае Цинов, ее не устраивало развитие событий по английскому сценарию, так как она сама претендовала на ведущую роль в Китае. Барон Гро в беседах с Игнатьевым открыто заявлял о своем несогласии с английским коллегой. Накануне истечения предъявленного китайцам ультиматума (8 октября) он просил Игнатьева склонить цинское правительство к положительному ответу, который позволил бы сохранить на престоле маньчжурскую династию Цинов.

В условиях столь неблагоприятного хода войны цинское правительство наконец поняло, что нельзя обострять отношения с Россией. Китайцы пришли к выводу, что Россия и США могли бы быть использованы в качестве противовеса западным державам. Группа высоких цинских сановников во главе с великим князем Гуном обратилась к Игнатьеву с просьбой о посредничестве и примирении с западными державами.

Российский посланник обусловил свое согласие получением письменной просьбы цинской стороны о посредничестве, а также ее обязательством: признать Айгуньский договор; провести разграничение от устья реки Уссури до Кореи, а на западной границе — по линии китайских караулов; разрешить движение торговых караванов через Монголию на Пекин и сухопутную торговлю на всем протяжении границы; открыть русские консульства в Кашгаре (Синьцзян), Урге (Монголия) и Цицикаре (Маньчжурия); урегулировать порядок отношений между начальниками пограничных областей. Игнатьев фактически перечислил все вопросы, решения которых он должен был добиваться согласно полученной из Петербурга инструкции. Требуемое официальное письмо было китайской стороной представлено. Она обязалась также «завершить все дела с Россией тотчас по заключении мира» с Англией и Францией. На рассвете 8 октября Игнатьев сообщил Гро о принятии Гуном ультиматума и его согласии на условия держав.

Игнатьеву принадлежит таким образом огромная заслуга в предотвращении штурма Пекина англо-французскими войсками и в спасении города с его императорским дворцом и древними историческими памятниками от разрушения. Игнатьев активно содействовал цинским сановникам на переговорах по заключению Пекинских англо-китайского и франко-китайского договоров. Представители цинского правительства обращались к нему за советами. Как писал он Горчакову, они «не предпринимали ничего, не спрося предварительного моего мнения и указания, как поступить»²⁴.

30 октября была закончена подготовка текста русско-китайского договора, который был подписан 2(14) ноября 1860 года в Пекине. Пекинский договор с Россией формально считался дополнительным, так как его статьи подтверждали и поясняли Айгуньский и Тяньцзиньский договоры. Но фактически он имел самостоятельное значение.

Согласно ему, при разделе ранее остававшихся неразграниченными территорий по реке Уссури правый берег признавался принадлежащим России, а левый — Китаю. Таким образом, договор окончательно утверждал Уссурийский край как русское владение. Россия приобрела территории, частично освоенные ею еще в XVII веке. Линия границы, обозначенная на приложенной к договору карте, проходила по рекам Амуру, Уссури, Сунгача, озеру Ханка, рекам Беленхэ и Тумыньцзян, где Россия приобретала нового соседа на Дальнем Востоке — Корею. Граница на западе устанавливалась приблизительно — по «направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов»²⁵. Вдоль всей границы разрешалась сухопутная торговля. Стороны получили право обмениваться консульскими представителями, российские консульства учреждались в Кашгаре и Урге. В Кашгаре допускалось открытие русской торговли и устройство факторий.

Пекинский договор устанавливал свободную торговлю русских подданных в Китае и китайских — в России, а также подтвердил привилегию русских подданных пользоваться консульской юрисдикцией и неподсудностью китайским законам. Утверждалось право россиян иметь в Китае особую русскую почту.

Роль договора в расширении русско-китайской торговли первыми оценили сибирские купцы. При обратном проезде Игнатьева через Кяхту ему был преподнесен адрес, подписанный более чем 100 купцами Сибири, где была выражена горячая благодарность за попечение об интересах русской торговли²⁶. Высоко оценило действия Игнатьева и правительство. Он получил чин генерал-адъютанта и назначение на ответственный пост директора Азиатского департамента МИД взамен ушедшего в отставку Е.П. Ковалевского. С восторгом встретил заключение Пекинского договора Н.Н. Муравьев, видевший в нем реализацию своих начинаний. 27 ноября 1860 года он писал А.М. Горчакову: «Теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, и приобрели право сухопутной торговли из Кяхты и учреждения консульств в Урге и Кашгаре. Все это без пролития русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего»²⁷.

Включение Приамурья и Южно-Уссурийского края в состав России явилось главным результатом ее дальневосточной политики в XIX веке. Оно упрочило положение России на Тихом океане и способствовало экономическому освоению богатейшего дальневосточного региона. Великодержавные интересы цинской монархии пострадали, но не столько под давлением России, сколько в результате вооруженной агрессии со стороны Англии и Франции. Договоры России с Китаем создали условия

для более интенсивного развития взаимовыгодной торговли и укрепления связей.

2. Уход из Америки и обретение союзника

После Крымской войны перед Россией по-новому встала проблема Русской Америки. Русские колонии в Северной Америке (Аляска, Алеуты, Западное побережье до 55° с. ш.) находились в управлении Российско-американской компании (РАК), созданной еще в 1799 году. В ее задачи входили главным образом добыча и торговля пушниной. Компания имела широкие привилегии и монопольные права на промыслы, торговлю и мореходство в северной части Тихого океана. Добытые меха — шкуры бобров, песцов, лис, котиков и др. — сбывались в основном в Китай. К середине XIX века на территориях, находящихся под управлением РАК, было 14 поселений, в которых проживало русского населения до 600 человек (из них 200 человек гарнизона), алеутов — около 10 тыс. и индейцев — до 40 тыс.²⁸ Алеуты считались зависимым населением и работали на компанию.

Разрешая создание компании и предоставляя ей значительные привилегии и дотации, царское правительство рассчитывало на дальнейшее продвижение в Западном полушарии и закрепление своих позиций на севере Тихого океана. Однако уже в 20-х годах XIX века этому региону не уделялось должного внимания. На своем пути Россия встретила сильных соперников — Англию и США, также стремившихся к господству в этом районе. Да и сама компания не проявляла достаточной энергии и настойчивости. Пушным промыслом она мало занималась, предпочитая выменивать меха у населения. Обработка шкур велась примитивным способом, поэтому они значительно уступали в качестве канадским мехам и продавались в Китае по низким ценам, европейский же и американский рынок был для них закрыт. Разработку рудных богатств РАК вообще не вела.

Истощение пушного промысла в середине XIX века и сокращение китайского рынка сбыта из-за падения спроса на меха нанесли серьезный урон финансам компании. Появление в северной части Тихого океана к этому времени множества американских судов, которые хищнически ловили рыбу и скупали за бесценок меха во владениях РАК, привело ее дела в еще большее расстройство. Компания не имела достаточных сил для охраны своих территорий и промыслов. Министр государственных имуществ в конце 1862 года вынужден был констатировать: «Главный промысел колоний — бобровый — постоянно упадает. Вообще пушной промысел начинает уступать первенство Канаде и Англии, откуда меха стали получаться в Европе в огромном количестве и несравненно дешевле. Китоловный промысел в колониях перешел в руки американцев.

Рыбный промысел едва удовлетворяет потребности колоний, несмотря на чрезвычайное обилие различных и хороших пород рыбы в морях и реках колоний. В отношении земледелия и скотоводства ничего не сделано. К минеральным богатствам края компания почти не прикасается. Все торговые сношения компании ослабевают и идут к упадку. Ее торговый флот самый ничтожный, и она для собственных надобностей принуждена зафрахтовывать чужие корабли»²⁹. Такая ситуация во многом была связана с монопольным положением РАК и отсутствием конкуренции со стороны других российских предпринимателей.

РАК действовала на вверенной ей территории практически бесконтрольно. Она все время добивалась расширения своих прав и привилегий. Компания жестоко эксплуатировала местное население. Как указывалось в записке великого князя Константина Николаевича министру финансов А.М. Князевичу, «трудно представить себе положение более зависимого того, в каком находятся туземцы к компании, и неудивительно, что ненависть их к русским не уменьшается. Компания имеет право запрещать им переезжать с острова на остров, может не выпускать креол из колоний и назначать произвольную цену, по которой туземцы, не имея других покупателей, вынуждены отдавать ей свою добычу»³⁰.

Монополизировав право добычи и торговли пушниной, компания не допускала присутствия российских частных судов в северной части Тихого океана. Это способствовало тому, что вместо русского флота в российских водах вовсю промышляли американские и английские суда. В результате в середине 60-х годов, когда встал вопрос о реорганизации РАК, она имела около 1,5 млн руб. долга³¹.

Судьба Русской Америки во многом зависела от отношений России с США. Правительство Николая I рассматривало их как второстепенную державу, не представлявшую серьезной угрозы российским владениям на континенте. Его больше беспокоили растущие аппетиты английских торгово-промысловых компаний в Канаде. Однако начавшаяся в 40-х годах и все более расширяющаяся экспансия США на Тихоокеанском побережье также начинала угрожать российским колониям. Русская Америка уже в конце 40-х годов рассматривалась американскими экспансионистами как потенциальное владение США, весьма привлекательная для колонизации территория.

До поры до времени российское правительство не придавало большого значения подобным претензиям. Более существенным для него был рост экономического и политического значения США в мировой политике. Усиливалось соперничество США со странами Западной Европы, в особенности с Англией, интересы обеих держав сталкивались в Латинской Америке, на Гавайях, в Атлантике. Флот США угрожал мировой гегемонии Великобритании, а американские промышленные това-

ры начали теснить английские³². Поскольку Англия являлась основным соперником России в Средней Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке, сближение с США представлялось Петербургу весьма своевременным. Обе державы, имея общего противника, не имели в то же время серьезных разногласий. В обеих странах наряду с существенными различиями было и много сходного, например похожие процессы — освобождение крестьян в России и аболиционистское движение в США. Передовая общественность России и США проявляла громадный интерес к политической и экономической жизни своего партнера, выступая за сближение двух стран и провозглашая общность их исторических судеб.

В 50–60-х годах Россия рассматривала США как полезный противовес торговому и морскому господству Англии во всем мире, в том числе и на Дальнем Востоке, а США намеревались использовать русско-английские противоречия для усиления своих позиций на северо-западе континента. Во время Крымской войны США придерживались благожелательной позиции по отношению к России. Они предупредили Петербург о готовящемся нападении англо-французского флота на российские тихоокеанские владения. При содействии США было заключено соглашение между РАК и Компанией Гудзонова залива, благодаря которому российские территории в Америке были объявлены нейтральными и избежали нападения со стороны англо-французского флота³³. Обе страны подписали также совместную конвенцию о морском нейтралитете, предусматривавшую неприкосновенность в военное время судов нейтральных государств (июнь 1854 г.).

В ходе войны США впервые поставили вопрос о продаже им российских владений в Америке. Это предложение было сделано российскому представителю в Вашингтоне Э.А. Стекло государственному секретарю США У.Л. Марси и сенатором от Калифорнии У.М. Гвином в августе 1854 года. Прецеденты такой практики существовали: США приобретали территории у Франции, Мексики. РАК в 1841 году пришлось продать форт Росс в Калифорнии в частные руки всего за 30 тыс. долл. Через семь лет на этой территории было обнаружено золото. «Впрочем, удерживать ее в своих руках после присоединения Калифорнии к США и открытия богатейших запасов золота вряд ли было реально»³⁴, — справедливо указывает российский историк Н.Н. Болховитинов.

Предложение США встретило отказ, но не осталось без внимания. В России уже сознавали, что удерживать колонии будет чрезвычайно трудно. Поэтому после Крымской войны вновь был поднят вопрос о продаже Русской Америки. Его выдвинул великий князь Константин Николаевич, руководитель Морского ведомства. Расходы на колонии камнем висели на бюджете министерства, а от их продажи казна могла бы получить значительную сумму. Россия в преддверии реформ и после неудачной войны

чрезвычайно нуждалась в деньгах. В письме к вице-канцлеру А.М. Горчакову от 22 марта 1857 года брат царя резонно указывал, что «продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы не будем в состоянии воротить их»³⁵. Была также определена примерная цена — 7,4 млн руб. как минимум и 20 млн как максимум. Однако правительство решило не торопиться и подробнее выяснить вопрос, тем более что еще не истек срок ряда контрактов, заключенных РАК с другими торговыми компаниями, и срок привилегий самой РАК. Он кончался только в 1862 году. Пока Стекло было предписано прозондировать почву и осторожно выяснить мнение вашингтонского кабинета. Горчаков считал также, что инициатива должна исходить от Вашингтона.

Зондаж Стекла в Вашингтоне был встречен благоприятно. Получение территорий на северо-западе материка имело для США не только экономическое, но и политико-стратегическое значение. Аляска и Алеутские острова, протянувшиеся в Тихом океане к берегам Восточной Азии, давали США возможность усилить свое торговое и военное присутствие в северной части Тихого океана, расширить экономическое проникновение в азиатские страны, на русский Дальний Восток. В проведении экспансионистской политики в бассейне Тихого океана были заинтересованы влиятельные круги США, в том числе государственный секретарь США У.Г. Сьюард, сенатор У. Гвин и др.³⁶

Но начавшиеся в конце 1859 года переговоры о продаже Аляски были отложены: в российском правительстве еще не было единого мнения по этому вопросу, США же стояли на пороге гражданской войны. Разразившаяся в апреле 1861 года гражданская война надолго отодвинула решение судьбы Русской Америки. В период этой войны дружественный характер русско-американских отношений упрочился, что имело большое значение для дальнейших переговоров.

В конфликте между Севером и Югом позиция России была непростой. Социальная сущность российского самодержавия, казалось, побуждала его сочувствовать южным конфедератам. Но государственные интересы России настоятельно требовали поддержки вашингтонского правительства³⁷. На стороне северян была, за небольшим исключением, и российская общественность. Содействие, оказываемое южанам Англией и Францией, также заставляло Россию дистанцироваться от поддержки Юга. Ее позицию можно определить как позицию доброжелательного нейтралитета Северу. Рассматривая США как фактор политического равновесия на мировой арене, Россия была заинтересована в сохранении их единства. Российский посланник Э.А. Стекло сообщал

в МИД 12(24) февраля 1862 года: «Дезорганизация Соединенных Штатов как державы, с нашей точки зрения, прискорбное событие. Американская конфедерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле существование ее являлось элементом мирового равновесия»³⁸. Англия и Франция, напротив, были заинтересованы в ослаблении США и их распаде на соперничающие между собой государства. Это позволило бы европейскому капиталу сохранить господствующее положение на мировом рынке.

На протяжении длительного времени, пока не обозначилось явное преимущество северян, российское правительство рекомендовало Вашингтону примириться с конфедератами во имя единства страны. Правда, Стекло одно время полагал, что возможно мирное раздельное существование Севера и Юга с сохранением торгового союза и общностью экономических интересов³⁹. Но Горчаков поддерживал сохранение единства. Раскол США, утверждал он, «вызывает у нас глубокое прискорбие. Мы советуем умеренность и примирение, но мы не признаем другого правительства в Соединенных Штатах, кроме вашингтонского»⁴⁰.

В Петербурге рассчитывали на победу умеренного крыла республиканской партии, склонявшегося к примирению с южанами, и не одобряли непреклонных радикалов. Все попытки последних убедить российских дипломатов в том, что северяне превосходят южан в военной силе и что примирение будет только на руку мятежникам, не достигали цели. Определенное влияние на позицию Петербурга оказывал Стекло. В его донесениях А.М. Горчакову, регулярно читавшихся царем, рисовались мрачные прогнозы раскола страны на две и даже три части (Север, Юг и Запад), проскальзывала скрытая враждебность к республиканцам и особенно к президенту А. Линкольну. Будучи убежденным консерватором, Стекло скептически относился к отмене рабства и вообще радикальной политике Линкольна⁴¹.

Однако Россия, занимая выжидательную позицию, все же действовала в пользу северян. Ряд ее акций способствовал укреплению международного положения Вашингтона. Особо следует отметить подписание в августе 1861 года в Петербурге русско-американской морской конвенции, что рассматривалось в США как дружественный акт. Большую роль сыграли действия России в предотвращении англо-французской интервенции в США. Когда осенью 1862 года Наполеон III предложил России присоединиться к Англии и Франции с целью заставить Вашингтон снять блокаду Атлантического побережья Юга, Горчаков заявил, что Россия находится в дружественных отношениях с США и не будет оказывать на них никакого давления, хотя и является сторонницей примирения⁴².

В феврале 1863 года Россия отказалась от участия в посредничестве, предлагаемом Наполеоном III. Стекло заверил государственного секре-

таря США Сьюарда в том, что «императорское правительство устраняется от всякого вмешательства и не предложит своих добрых услуг иначе, как будучи уверенным, что они будут приняты обеими сторонами»⁴³. Таким образом, несмотря на попытки европейских держав вовлечь Петербург в действия по прекращению конфликта (что было в интересах Юга), Россия твердо держалась позиции невмешательства. Это сыграло свою роль в предотвращении англо-французской интервенции в США.

Конечно, Вашингтон хотел бы иметь более действенную поддержку России. Однако российское правительство, занятое своими проблемами, избегало слишком активных акций. Положение России с зимы 1863 года было существенно осложнено в связи с восстанием в Польше. Провозглашенный ею принцип невмешательства держав в польские дела обязывал Петербург придерживаться этой же позиции и в американском конфликте.

В свою очередь, США оказали поддержку России в польском вопросе. Они отвергли предложение присоединиться к ноте европейских держав в защиту Польши от 17 апреля 1863 года Сьюард сослался на традиционную политику Вашингтона, предусматривавшую неучастие США в союзах европейских держав, и дружественную Вашингтону позицию России в ходе гражданской войны. В ответе государственного секретаря содержалась также высокая оценка либеральных реформ, проводимых в России, что должно было, по его мнению, благотворно отразиться и на положении Польши⁴⁴. Прочитав донесение Стекла об этом ответе, Александр II написал на полях: «Браво!»⁴⁵ Сьюард также одобрил ответ Горчакова на ультиматум держав, заявив, что российское правительство имеет в польском вопросе «свои интересы и неоспоримые права»⁴⁶.

Угрозы Англии и Франции побудили Петербург выяснить позицию Вашингтона в случае европейской войны. Как сообщал Стекло, «американцы сохраняют к нам такое же отношение, какого они придерживались во времена Крымской войны. Дело Польши не находит здесь большой симпатии. С другой же стороны, это чувство заглушается более сильной, чем когда-либо, неприязнью к Англии и недоверием к политике императора Наполеона»⁴⁷.

Возможность войны с Англией и Францией побуждала Россию принять подготовку крейсерства с целью нарушения английских торговых коммуникаций. В качестве базы для российских крейсеров намечались американские порты в Атлантике и Тихом океане. В июле 1863 года к берегам США направились эскадра под командованием контр-адмирала С.С. Лесовского. Как значилось в инструкции Морского министерства Лесовскому, «цель отправления вверяемой вашему начальству эскадры состоит в том, чтобы в случае предвидимой ныне войны с западными державами действовать всеми возможными и доступными вам средст-

вами против ваших противников, нанося посредством отдельных крейсеров наичувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападение всюю эскадрою на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний»⁴⁸. Прибыв в Нью-Йорк, Лесовский должен был ожидать известия о начале войны, после чего вести крейсерские действия, заняв караванные пути и нападая на английские и французские суда. Такое же задание имела Тихоокеанская эскадра во главе с контр-адмиралом А.А. Поповым, направленная в Сан-Франциско. Эскадрам не разрешалось вмешиваться в американский конфликт и действовать против кораблей южан, за исключением случаев нападения южных корсаров на Сан-Франциско⁴⁹. Помимо всего этого эскадрам вменялось в обязанность собрать информацию о торговых путях и колониях западных держав, о портах, где русские корабли могли бы найти убежище в военное время, и др.

Русские эскадры в США вызвали огромный энтузиазм населения, которое было уверено, что российский флот будет помогать северянам. Русским морякам был оказан горячий прием. В течение девятимесячного пребывания в США они посетили ряд городов, общались с населением, в их честь устраивались банкеты и приемы, пресса активно пропагандировала русско-американское сближение и даже утверждала о наличии союза между Россией и США⁵⁰. Яркая демонстрация русско-американской дружбы вызвала недовольство Англии. Напуганный этим посол в Лондоне Ф.И. Бруннов резонно доказывал Горчакову бесперспективность войны в океанах против сильного англо-французского флота: русский флот слишком слаб, корабли — устарелой конструкции⁵¹. Учитывая это, Петербург поспешил опровергнуть слухи о существовании союза с США и рекомендовал своим морякам, находившимся в США, «воздержаться от высказываний угрожающего характера в отношении какой-либо из держав»⁵². Со своей стороны, Сьюард заявил Стеклоу, что «тождество наших интересов создает между нами дружественную связь, более прочную, чем какой-либо договор о союзе»⁵³.

Пребывание российских эскадр в США ярко продемонстрировало дружественные отношения между обеими странами и их намерение оказывать поддержку друг другу в ответ на угрозы европейских держав. Оно укрепило международные позиции как Вашингтона, так и Петербурга. Благожелательный нейтралитет России явился одним из факторов, содействовавших победе Федерального союза. Россия была единственной страной, оказавшей моральную помощь Северу. Но и для России победа северян имела большое значение. За океаном появился потенциальный союзник, что было важно для державы, оказавшейся после Крымской войны в международной изоляции. Конечно, США были далеки от европейских дел, но они являлись противовесом извечному сопернику Рос-

сии — Англии, с которым Россия сталкивалась на Балканах, в Азии и на Дальнем Востоке. «Америка стала крупным фактором в мировой политике, — писал Стекло Горчаков. — Наши отношения с Соединенными Штатами приобретают все большую важность с каждым днем. Мы можем только поздравить себя с позицией, занятой нами с самого начала кризиса, через который они проходят. Горячее, чем когда-либо, желаем, чтобы они скорее вышли на путь воссоединения и даже укрепления их союза. В этом — основа их политической силы, а для нас — незаменимый элемент мирового равновесия»⁵⁴.

После окончания гражданской войны проблема Русской Америки приобрела новое звучание. Продажа российских владений в Америке Соединенным Штатам являлась теперь не только экономической сделкой, но и важнейшим политическим актом.

После войны отношения между обеими странами продолжали оставаться дружественными. В июле 1866 года Петербург с ответным визитом посетила американская эскадра во главе с заместителем морского министра Г.В. Фоксом. Поводом для визита явилось принесение поздравлений царю по случаю счастливого исхода покушения Д.В. Каракозова. Фокс досконально ознакомился с техническим состоянием российского флота. Американские моряки совершили поездку по городам России, встречая везде радушный прием. В это же время группа американских туристов, в составе которой был С.А. Клеменс, будущий великий писатель Америки Марк Твен, побывала в Крыму и была принята в Ливадии императором.

На фоне этого сближения царское правительство все более укреплялось в мнении о целесообразности продажи американцам Аляски и сопредельных владений. Обследование состояния дел в Российско-американской компании показало ее несостоятельность. Компания постоянно требовала дотаций. 16 декабря 1866 года с участием царя... состоялось совещание, на котором присутствовали великий князь Константин Николаевич, А.М. Горчаков, Н.Х. Рейтерн, морской министр Н.К. Краббе, прибывший из Вашингтона Э.А. Стекло. Все они безоговорочно высказались за продажу российских владений США.

В пользу такого шага были выдвинуты следующие основные доводы:

1. Убыточность компании (РАК) и невозможность правительственной поддержки ввиду тяжелого финансового положения страны.

2. Невозможность обеспечения защиты колоний в случае войны от неприятельского флота, а в мирное время — от мародеров и иностранных судов, ведущих хищнический рыбный промысел.

3. Ослабление значения колоний в Америке в связи с утверждением России в Приамурье и Приморье.

4. Стремление избежать столкновений с США из-за колоний и продаж их укрепить дружественные отношения между Россией и США.

На последнее обстоятельство особенно упирал великий князь Константин⁵⁵.

Анализируя приведенную аргументацию, исследователи приходят к выводу, что экономические соображения играли далеко не главную роль. При умелом ведении дел колонии могли бы давать большую прибыль, тем более что к этому времени на Аляске были обнаружены богатейшие месторождения золота. Э.А. Стекло еще в 1865 году полагал, что российские владения в Америке могут приносить значительный доход, если начать разработку золотых-приисков, устранив монополию РАК, в условиях свободной конкуренции⁵⁶. Вопреки расхожему мнению о том, что тогда еще о богатствах Аляски не было ничего известно, царское правительство знало о наличии там золотых россыпей, но именно это таило в себе немалую опасность. «Вслед за армией вооруженных лопатами золотоискателей могла прийти армия вооруженных ружьями солдат»⁵⁷, — пишет отечественный исследователь С.Б. Окунь. Не имея на Дальнем Востоке ни значительной армии, ни сильного флота, сохранить колонии было невозможно.

Основной, решающей причиной продажи Аляски стало стремление избежать в будущем столкновения с США, которые Россия рассматривала как своего возможного союзника, и укрепить с ними отношения. Продажа Аляски американцам наносила удар по английскому могуществу в Северной Америке, устраняла преобладание английского флота в этом регионе, создавая в то же время основания для усиления англо-американских противоречий. Россия же ограничивала свои геополитические задачи и концентрировала внимание на континентальных проблемах.

После принятия принципиального решения о продаже Аляски оставалось только договориться о цене, Э.А. Стекло, приложив большие усилия, добился оценки российских владений в 7,2 млн долл., что в переводе на рубли составляло немногим менее 11 млн руб. Если вычесть из этой суммы 1,1 млн руб., возмещенные компании (РАК), то казна получила менее 10 млн руб.

Договор о продаже Аляски был подписан 18(30) марта 1867 года в Вашингтоне Э.А. Стеклом и У. Сьюардом, в апреле ратифицирован сенатом США, а в мае — Александром II. Согласно этому документу Россия уступила США все свои владения на Американском материке и Алеутские острова, устанавливалась морская граница в Беринговом проливе и Беринговом море. Вся собственность, принадлежащая казне, передавалась США, а частная собственность сохранялась за своими владельцами. Православные храмы оставались в собственности православного населения, проживающего на Аляске и островах. Русскому населению

предоставлялся выбор: возможность в трехгодичный срок вернуться в Россию или остаться, получив права граждан США. Это не касалось «диких туземных племен», которые должны были быть подчинены законам, действовавшим в США для таких категорий жителей.

Все укрепления передавались уполномоченному США, русские войска с уступленных территорий выводились. В течение 10 месяцев после ратификации США обязывались выплатить России 7,2 млн долл. золотом⁵⁸.

Реакция общественности России на продажу Аляски была неоднозначной. На фоне одобрения этого акта официальной и консервативной прессой звучали отдельные протесты, как, например, газеты «Голос», подвергшейся за это выговору со стороны Петербургского цензурного комитета⁵⁹. Русская общественность больше была обеспокоена внутренними проблемами и европейскими внешнеполитическими событиями. Реакция американских газет была в основном благожелательной, исключение составили оппозиционные органы печати. Политические противники президента Э. Джонсона и госсекретаря У. Сьюарда использовали покупку Аляски для очередного выступления с критикой правительства.

6(18) октября 1867 года в Ново-Архангельске, центре колоний, состоялась торжественная передача США Русской Америки. С приходом американцев основное русское население покинуло бывшие колонии, оставшиеся жители в дальнейшем рассеялись по всему Тихоокеанскому побережью США.

Позиция России во время гражданской войны в США и продажа Русской Америки определили дружественные отношения между державами на длительный период. США оказывали дипломатическую поддержку России в ряде международных конфликтов, например, выступая в защиту греков в период восстания на Крите в 1866–1869 годах⁶⁰. Однако голос США в европейских делах был еще очень слаб.

Более существенным стало их согласие предоставить свои порты для организации крейсерства российского флота, как это было в 1863 году. Подготовка к крейсерству предпринималась Россией во время обострения международной обстановки в Европе и возможной войны с Англией — после циркуляра Горчакова от 19(31) октября 1870 года об отмене нейтрализации Черного моря и осенью 1876 года в преддверии русско-турецкой войны. В обоих случаях российские эскадры прибыли в Нью-Йорк и Сан-Франциско. На американских верфях осуществлялось также строительство крейсеров для России.

В 80-х годах XIX века отношения между Россией и США ухудшались. Основные причины этого крылись в англо-американском сближении, конкуренции на европейском рынке русского и американского зерна,

соперничестве на нефтяном рынке, жесткой позиции России в отношении американского промысла в дальневосточных морях, резкой реакции в США на усилившееся ограничение прав евреев в России. Сыграло роль также и негативное отношение Александра III к американской демократии. Да и окрепшая Америка, установив свое господство на континенте, не нуждалась более в поддержке России. В борьбе за передел мира она могла теперь опираться на собственные силы.

3. «Открытие» Японии Россией

Россия еще в XVIII веке настойчиво, но безрезультатно добивалась установления торговых отношений с Японией. Русские суда нуждались в стоянках в японских портах, где они могли бы пополнять запасы и закупать продовольствие для русских территорий на Дальнем Востоке. Но Япония проводила политику изоляции от внешнего мира, которая в течение более двух столетий способствовала консервации феодального строя в этой стране. Усиление экспансии европейских держав и США в Дальневосточном регионе, развитие судоходства в северо-западной части Тихого океана способствовали «открытию» Японии. В 50-е годы между державами развернулась борьба за проникновение в Страну восходящего солнца и преобладание в ней. Россию беспокоили действия европейских держав и США, их стремление подчинить Японию, находящуюся в непосредственной близости от русских дальневосточных земель: японские порты могли быть использованы в качестве баз для действий против России. Однако не только эти обстоятельства диктовали необходимость вступить в сношения с Японией. Отсутствие договорных границ между русскими и японскими владениями на морских островах, постепенное проникновение японцев в южную часть Курил, лов рыбы японскими промысловиками у берегов Сахалина требовали урегулирования русско-японских отношений.

Направление Соединенными Штатами в 1852 году к берегам Японии военной эскадры вновь привлекло внимание русского правительства к ситуации на Дальнем Востоке. В мае 1852 года для обсуждения этой проблемы был создан Особый комитет. В предвидении насильственного «открытия» Японии комитет обсудил возможные ответные действия со стороны России. Было решено без отлагательства приступить к «миролюбивым в отношении Японии мерам». «...Хотя морская торговля наша далеко еще не находится в том положении, чтобы доступ в Японию составлял для нас такой же существенный вопрос, как для американцев, но и в этом деле, кроме будущих интересов нашей торговли, которые во всяком случае полезно заранее обеспечить, являются также интересы американских наших колоний и Камчатки, требующих удобнейших способов доставки туда продовольствия и т. п.»⁶¹, — говорилось в решении комитета.

Комитет предложил направить в Японию «представителя правительства России», который сделал бы японскому правительству «предложение об установлении дружеских и торговых связей с Россией». По мнению комитета, этот русский представитель мог бы также посетить открытые порты Китая «в видах установления со временем торговых сношений с Китаем и со стороны моря».

В качестве такого представителя в Японию и Китай был направлен вице-адмирал Е.В. Путятин.

В инструкции, данной Путятину, предписывалось подчеркнуть в переговорах с японцами отсутствие у России завоевательных намерений относительно японских островов и добиться предоставления России таких же прав в торговле, которые получали другие европейские государства и США.

Экспедиция Путятина отправилась из Кронштадта 7 октября 1852 года на трех кораблях в составе 463 человек. В феврале 1853 года ее главе были посланы дополнительные инструкции, в которых ставилась задача получить разрешение на заход русских судов в японские порты за продовольствием и на торговлю в одном из портов, а также установить границу между русскими и японскими островами.

Главная цель миссии Путятина состояла в подписании торгового договора с Японией. Проект такого договора, утвержденный Николаем I, предусматривал получение Россией права наибольшего благоприятствования и экстерриториальности, а также порядок торговли в открытых портах Японии⁶². Путятин должен был также убедить японское правительство в необходимости разграничения ввиду агрессивных поползновений европейских держав и США в этом регионе. В случае, если бы японцы настаивали на невыгодной для России границе, Путятин не должен был оформлять ее в окончательном виде, а ограничиться постановкой вопроса. Одновременно русское правительство предписало Г.И. Невельскому основать военный пост на южном побережье Сахалина.

Путятин прибыл в Нагасаки 10(22) августа 1853 года и был встречен недружелюбно. За несколько месяцев перед тем в Японии побывала американская эскадра, грубо нарушившая правила высадки иностранцев. Японские власти долго уклонялись от переговоров с Путятиным и приступили к ним только в январе 1854 года. На переговорах с японцами Путятин проявил должную настойчивость и в то же время гибкость. В отличие от других европейцев он с уважением относился к местным нравам и обычаям и этим снискал популярность у населения страны, оставив после себя добрую память*.

* В 1969 году в деревне Хэда, где проходил заключительный этап русско-японских переговоров, был основан музей, посвященный Е.В. Путятину.

Международная обстановка была в это время неблагоприятна для России: уже началась Крымская война, английские и французские суда угрожали русским дальневосточным владениям. Этим воспользовались японские уполномоченные, которые предложили провести границу между южной и северной частью Сахалина по 50° с. ш. и между островами Уруп и Итуруп. Первоначально Путятин добивался проведения границы по проливу Лаперуза и отстаивал принадлежность России острова Сахалина и Курильских островов до острова Итуруп включительно. В письме к Верховному совету — высшему органу японского правительства — от 18 ноября 1853 года Путятин писал: «Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находилась в полном ее заведывании. К этой гряде принадлежит и о. Итуруп, заселенный курильцами и отчасти японцами. Но русские промышленники в давние времена имели поселения на сем острове...»⁶³. Однако Путятин встретил решительное сопротивление японцев. Переговоры были прерваны на несколько месяцев и возобновились только в декабре 1854 года в городе Симода.

За это время США силой навязали Японии договор, предоставлявший им право наибольшего благоприятствования и свободу пребывания в открытых портах. Теперь японцы вынуждены были согласиться предоставить подобные привилегии и русским. В свою очередь, Путятин пошел на уступки в вопросе о границах. Инструкция МИД предписывала ему провести границу на Курилах в соответствии с фактическим положением дел, а японские гарнизоны к этому времени продвинулись до острова Итуруп включительно, в то время как русские торговые базы располагались, начиная только со следующего к северу курильского острова Уруп⁶⁴. Поэтому Е.В. Путятин после длительных споров отказался от претензий на Итуруп. Граница на Сахалине установлена не была. Вместо этого фиксировалась неразделенность острова между Россией и Японией с исключением прав Китая. Русский дипломат добился решения главной задачи своей миссии — заключения трактата о дружбе и торговле.

Договор, подписанный 26 января (7 февраля) 1855 года в Симодэ, устанавливал дипломатические отношения между двумя странами, Япония открывала для русских судов и торговли порты Хакодате, Симода и Нагасаки. В первых двух они получили право пополнять запасы продовольствия и вести торговлю, но в ограниченных размерах и при посредничестве японских властей. Россия могла назначать туда своих консулов. Русские подданные получали права экстерриториальности и наибольшего благоприятствования.

Граница на Курильских островах устанавливалась между островами Уруп и Итуруп. Сахалин, как указывалось, оставался неразделенным⁶⁵.

25 ноября (7 декабря) 1856 года состоялся обмен ратификационными грамотами.

Заключение Симодского договора имело большое значение для дальневосточной политики России. Это был первый договор, открывавший дипломатические и торговые отношения с Японией и заложивший основы добрососедских отношений между обеими странами.

Симодский трактат был заключен вслед за американо-японским и англо-японским договорами. Некоторые исследователи относили его к первой «серии неравноправных, кабальных торговых соглашений» Японии с более сильными державами⁶⁶.

Однако с такой оценкой нельзя полностью согласиться.

Следует иметь в виду, что переговоры Е.В. Путятина об «открытии» Японии были начаты в 1853 году, до заключения японо-американского договора в Канагаве (Иокагама), содержание которого долго скрывалось от русской стороны. В отличие от японо-американских, русско-японские переговоры не сопровождались угрозой применения силы против Японии.

Наиболее характерная черта неравноправных договоров — это одностороннее установление консульской юрисдикции. Между тем по этому договору Россия открывалась для японских подданных так же, как и Япония для русских.

Не ущемлялись права Японии и в области торговли, которая, как уже говорилось, по желанию японской стороны носила ограниченный характер и осуществлялась под контролем японских чиновников. Компромиссный характер имели и положения договора о территориальном размежевании. Правда, принцип наибольшего благоприятствования относился только к России. Но в период заключения договора это не давало ей реальных преимуществ, поскольку торговля осуществлялась в мизерных размерах. Преимущество для русской торговли выявилось значительно позднее.

Русско-японский договор способствовал развитию двусторонних отношений в большей степени, чем договор Японии с США⁶⁷: для русских судов открывалось на один порт больше, чем для американских; товары, приобретаемые в Японии, Россия, в отличие от США, имела право оплачивать своими товарами, а не только золотой или серебряной монетой, что создавало предпосылки к более быстрому развитию торговли. Кроме того, было достигнуто соглашение об установлении границ. Симодский трактат обеспечил нейтралитет Японии в период Крымской войны и не позволял использовать ее территорию против русского Дальнего Востока.

Ограничение объема торговых операций, производимых в японских портах, сохранение, по сути дела, государственной монополии внешней

торговли (контроль японских чиновников над осуществлением торговых сделок) и довольно высокие таможенные тарифы затрудняли России обеспечение продовольствием своих тихоокеанских владений. Это побуждало Петербург продолжать переговоры с Японией.

12 октября 1857 года Е.В. Путятин, исходя из принципа наибольшего благоприятствования, зафиксированного в Симодском договоре, заключил в Нагасаки «Дополнительный трактат» из 28 статей, содержащий правила торговли для русских в открытых портах Японии. По этому договору вместо Симоды для России открывался другой, с точки зрения русских, более удобный порт, снимались ограничения в отношении количества судов, приходящих в Японию, объема товарооборота, отменялось посредничество японских чиновников, но сохранялась высокая 35-процентная таможенная пошлина на русские товары. В случае войны России с третьими странами не допускалось нарушения русскими судами нейтралитета японских портов.

Вскоре последовало открытие российского консульства в Хакодате, а 7(19) августа 1858 года на основе принципа наибольшего благоприятствования был заключен в городе Эдо* русско-японский договор о торговле и мореплавании. Эдоскому договору предшествовало заключение в июле того же года американо-японского торгового договора, в соответствии с которым США могли вести торговлю в пяти японских портах и устанавливалась низкая — 5-процентная — пошлина на основные предметы ввоза (на товары Англии и Франции пошлина составляла 20–35 %)⁶⁸. Но если США заключили этот договор с помощью нажима и шантажа, то русско-японское соглашение было подписано без какого бы то ни было силового давления со стороны России.

Эдоский договор подтверждал статьи Симодского трактата и разрешал обмен дипломатическими представителями. Для русской торговли в 1859–1862 годах кроме Хакодате и Нагасаки открывались еще три новых порта. Во всех этих портах разрешалось пребывание российского консула. Допускались русские купцы и в города Эдо и Осака, но без права постоянного проживания. Договор утверждал взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования. Специальной статьей запрещался ввоз в Японию опиума на русских судах⁶⁹.

В прилагавшемся к договору таможенном тарифе указывался размер пошлин на ввозимые российские товары: 5 % — на основные предметы ввоза — лес, каменный уголь, металлы, оружие, паровые машины, рис и др., 35 — на спиртные напитки и 25 — на остальные товары.

Таким образом, Эдоский договор обеспечивал благоприятные условия для русской торговли в Японии и значительно расширял ее пер-

* С 1869 года — Токио.

спективы. Однако Россия в течение значительного периода не использовала эти возможности, что объяснялось, в частности, неразвитостью экономики ее дальневосточных владений.

Хотя договор, как и другие договоры Японии с европейскими странами и США, носил неравноправный характер, но в отличие от последних он распространял все льготы, предоставляемые русским в Японии, и на японцев в России. Недаром японский историк Х. Вада считает, что в договорах, заключенных с Японией западными державами в середине XIX века, «другого такого примера обоюдного предоставления наибольшего благоприятствования и установления равенства сторон не имеется»⁷⁰.

Такая позиция России объяснялась отнюдь не стремлением ее к равноправию, она диктовалась объективными причинами. Все дело было в слабости позиций России на Дальнем Востоке и отсутствии у нее в этом регионе торгового флота, могущего обеспечить ее экономические интересы, а также неконкурентоспособностью русских товаров на японском рынке с товарами более развитых стран.

Заключение в середине 50-х годов XIX века западными державами и США договоров с Китаем и Японией открыло новый виток западно-европейской и американской экспансии на Тихом океане. Снаряжались крупные военные эскадры для захвата выгодных стратегических позиций в регионе. Россия постепенно вытеснялась из северо-западной части Тихого океана, где она не имела для обороны своих земель ни сухопутной армии, ни боеспособного флота. Западные державы и США стремились также установить контроль за наиболее удобными выходами из внутренних морей в океан — проливами Лаперуза, Корейским, Цусимским и др. Это затруднило бы русским судам плавание в Тихом океане и в случае осложнений грозило отрезать от него Приморье. В связи с этим Сахалин и Курилы приобретали важное стратегическое значение.

После Крымской войны Петербург решил возобновить освоение Сахалина. Российско-американская компания была лишена монопольных прав на острове. В 1856 году на Сахалине были учреждены русские военные посты и началась эксплуатация угольных копей. Но остров по-прежнему оставался неразделенным с Японией.

В соответствии с положением Симодского договора восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев прибыл во главе эскадры в залив Эдо 5(17) августа 1859 года для переговоров о разграничении в районе Сахалина. Он заявил японцам, что Сахалин с давних пор принадлежит России и имеет большое значение для обороны ее дальневосточных земель, и предложил установить русско-японскую границу по проливу Лаперуза, оставив рыболовные промыслы японцев в неприкосновенности. Муравьев писал А.М. Горчакову: «Принимая в соображение, что права

японцев на Сахалин столь же неопределенны, как и наши, что остров этот по обоим названиям своим — Сахалин и Карафто — ничего японского в себе не заключает, я не мог согласиться ни на какое разделение его между Японией и нами, и особенно в тех видах, что по слабости Японии всякое иностранное государство легко может овладеть тою частью, которая признана будет японскою, утвердиться в ней и нанести нам с тем существенный вред на все будущие времена, особенно в отношении Лаперузова пролива, который составляет ближайший и единственный выход для наших судов из Татарского пролива в Восточный океан»⁷¹. Н.Н. Муравьев напоминал, что до появления японских рыбаков Сахалин считался «китайским островом»*, принадлежащим к району реки Амур (по-китайски Сахалян-ула), отошедшему к России по русско-китайскому Айгуньскому договору 1858 года, причем на самом юге Сахалина в заливе Анива в местечке Кусюнкотан еще в 1853 году был основан русский сторожевой пост Муравьевский.

Японская сторона не согласилась с доводами Муравьева и, заручившись поддержкой английского и французского посланников, возобновила свое прежнее предложение о разделе Сахалина по 50° с. ш. Переговоры зашли в тупик и были прерваны. Муравьев, имея в своей эскадре девять кораблей, не стал, однако, прибегать к угрозам, твердо придерживаясь данной ему инструкции решать вопрос мирными средствами. Определение русско-японской границы в районе Сахалина было отложено.

После присоединения к России Приамурья и Приморья стратегическое и экономическое значение Сахалина для нее еще более возросло. Стремление русских осваивать богатства острова (разработка угольных залежей и других естественных ресурсов) стимулировало захват японцами земель в южной его части. Между тем Англия принимала меры для захвата островов Цусима, что закрыло бы для России выход в Тихий океан через Корейский пролив. В 1855–1859 годах английские суда неоднократно посещали эти острова и производили разведку местности, гидрографические работы, а в 1861-м в нарушение действующего договора с Японией даже требовали от местных властей открытия цусимского порта Имосаки и согласия на размещение там своих военных моряков.

Острова Цусима представляли большой интерес и для России, которая стремилась иметь в этом регионе незамерзающий порт. В 1861 году была сделана попытка создать здесь такую базу. Инициатива принадлежала командующему русской эскадрой в Тихом океане капитану первого ранга И.Ф. Лихачеву, который направил соответствующее предложение главе морского ведомства России великому князю Константину Ни-

* По-японски Карафто означает буквально «Остров китайских людей».

колаевичу. Российское правительство, не желая ухудшения отношений с Японией, приняло решение воздержаться от намеченной акции, но великий князь разрешил Лихачёву под личную ответственность заключить частную сделку с владельцем островов князем Цусимы на аренду участка земли для русской станции, если против этого не будут протестовать японское правительство и западные державы. При этом не было учтено, что княжество Цусима уже было поставлено в отличие от ряда других княжеств Южной Японии, пользовавшихся значительной самостоятельностью, под непосредственный контроль центрального правительства⁷², и потому такая сделка не могла быть признана им законной.

По распоряжению И.Ф. Лихачёва 1 марта 1861 года в бухту Осаки на один из островов Цусима для ремонта прибыл корвет «Посадник»⁷³. Его командир капитан-лейтенант Н.А. Бирюлёв добился от местных японских чиновников разрешения на выбор места не только для ремонта корвета, но и для сооружения склада для будущей стоянки русских судов и лазарета для моряков. Началось строительство зданий «военно-морской станции».

Японские крестьяне, недовольные тем, что у них отобрали землю для этих зданий, и поддержанные пограничной стражей, выступили против русских моряков. Во время столкновения один крестьянин погиб и несколько стражников попали в плен⁷⁴. О случившемся сообщили японскому правительству.

9 августа 1861 года под сильным нажимом Бирюлева⁷⁵ князь Цусимы дал письменное согласие сохранить русскую станцию, если этому не воспротивится японское правительство. Но оно, так же как и местный английский консул, выступило с протестом против действий русских на Цусиме. Российский консул И.А. Гошкевич сообщил об этом в Петербург. Состоялось заседание Особого комитета, который принял решение удовлетворить требование японской стороны и отозвать русское судно из Цусимы. С этим в конечном счете согласился и великий князь Константин⁷⁶. В сентябре того же года русские оставили Цусиму, и инцидент был исчерпан. Ответственность за него возложили на И.Ф. Лихачёва, который был заменен контр-адмиралом А.А. Поповым⁷⁷. 20 января 1862 года МИД России в ответ на письмо японского правительства сообщил, что военно-морская станция была заложена Н.А. Бирюлёвым по приказу Лихачёва без санкции правительства, проводящего политику невмешательства в дела Японии.

Сейчас же после отбытия русских на острова Цусима прибыли английские корабли для обследования гаваней. Однако от захвата островов сент-джеймский кабинет воздержался. Существовавшее тогда равновесие между Россией и Англией не позволило ни одной из держав захватить этот важный стратегический пункт в Корейском проливе.

В дальнейшем Россия придерживалась строгого нейтралитета в отношениях с Японией, в то время как конфронтация последней с западными державами и США усиливалась. Япония подверглась наплыву множества зарубежных авантюристов, а ввоз дешевых иностранных товаров разорял ее неокрепшую промышленность. Это стало причиной ряда кровавых столкновений колонизаторов с местным населением и роста движения протеста в стране. В ответ западные державы прибегали к «дипломатии канонерок».

К чести России надо сказать, что она не участвовала в этих акциях. Так, когда в июне 1864 года после выступления против иностранцев в Симоносеки город подвергся обстрелу английских кораблей, а американцы потопили два японских судна, Россия отказалась присоединиться к карательным действиям. Летом 1865 года русская эскадра вообще покинула японские воды, оставив лишь один корабль — корвет «Варяг» — для нужд консульства России в городе Хакодате⁷⁸.

В инструкции МИД России, утвержденной 15 мая 1865 года Александром II, консулу в Хакодате Е.К. Бюцову предписывалось придерживаться, как и прежде, невмешательства во внутренние дела Японии и в ее инциденты с западными державами⁷⁹. Такая политика обеспечила мирный характер русско-японских отношений почти до конца XIX века.

Спорным оставался лишь вопрос о размежевании на Сахалине. Переговоры о его принадлежности были продолжены в 1862 году в Петербурге сначала с японской делегацией, а затем с японским посланником. Однако они тоже не дали результата. Западные державы и США убеждали Японию не соглашаться на «непомерные» требования России. Они сами были заинтересованы в проникновении на богатый естественными ресурсами остров.

Как русская, так и японская сторона предпринимали усилия к освоению южной части Сахалина и направляли туда войска. В марте 1866 года дело дошло до вооруженного столкновения между японским военным отрядом и русским кусюнайским постом. Это заставило японское правительство отправить новую миссию в Петербург, где 18 марта 1867 года была подписана Петербургская конвенция об о. Сахалин, или Карафуто. В этом соглашении Сахалин объявлялся находящимся в «совместном владении» России и Японии с правом подданных обоих государств селиться и возводить постройки в незанятых местах на всей территории острова. Соглашение 1867 года ликвидировало на взаимной основе возможность препятствовать освоению русскими южной части острова.

Русская колонизация острова развивалась более успешно, чем японская. Россия продолжала наращивать там свои военные силы, укреплять посты, прокладывать дороги и в результате значительно упрочила свои позиции. С 1867 года царское правительство приступило к систематиче-

скому заселению Сахалина ссыльнокаторжными. Однако превращение острова в место ссылки привело к сокращению количества свободных поселенцев и в итоге тормозило освоение естественных богатств Сахалина⁸⁰.

60-е годы в Японии прошли под знаком гражданской войны между феодальной реакцией, опорой правителя страны — сёгуна, и дворянско-буржуазной оппозицией, поддерживавшей императорскую власть. В борьбу этих двух группировок беззастенчиво вмешались европейские державы, снабжавшие обе стороны оружием и поставлявшие военных инструкторов. Франция поддерживала сёгуна, а Англия — его противников. Окончательное поражение сёгуна произошло летом 1869 года, после чего в Японии прочно утвердилось английское влияние.

Россия по-прежнему строго придерживалась принципа невмешательства во внутренние дела Японии. Поэтому просьбы сторонников сёгуна оказать им военную помощь в обмен на отказ Японии от претензий на Южный Сахалин были отклонены. Петербург долгое время избегал назначения в Японию посланника, опасаясь, что последний, как считал МИД России, был бы неизбежно вовлечен в «бесперывные коллективные демонстрации и протесты других представителей, нисколько до нас не касающиеся»⁸¹.

Нейтралитет России объяснялся не только ее военной и экономической слабостью на Дальнем Востоке и нежеланием осложнений с Японией. Петербургу было невыгодно усиление влияния западных держав в этой стране, что таило угрозу для дальневосточных владений России и положения ее флота на Тихом океане. Поэтому Россия была заинтересована в стабилизации положения в Японии и создании там сильного правительства, независимого от иностранного влияния. Позиция Петербурга была зафиксирована в инструкции назначенному в 1872 году посланником в Эдо Е.К. Бюцову: «Мы занимаем в отношении Японии совершенно исключительное положение, отличное от того, в котором находятся другие иностранные государства; оно обусловлено, с одной стороны, близким соседством нашим к Японии, с другой — отсутствием, по крайней мере, на некоторое еще время торговых интересов, привлекающих туда другие нации; наше соседство не позволяет нам оставаться равнодушными ко всему, происходящему в Японии; мы должны зорко следить за ее внутренним развитием, отсутствие же торговых интересов дает нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству»⁸².

После окончания гражданской войны Япония возобновила заселение Южного Сахалина. Пришедшие к власти буржуазно-помещичьи круги развернули широкую колониальную экспансию, объектом которой стали также Китай и Корея. На юге Сахалина японцы захватили

почти все реки и перегородили их устья, что лишило коренное население — айнов — возможности заниматься рыбной ловлей. Были захвачены некоторые открытые русскими угольные залежи. Японцы основали ряд поселений. В свою очередь, русские власти укрепили старые военные посты и создали ряд новых, в том числе пост Корсаков, а также отправили на Сахалин новые партии переселенцев и ссыльнокаторжных. Назревавший конфликт умело разжигали американские и английские представители.

Однако колонизаторская политика Японии на Сахалине потерпела неудачу. Японские колонисты не могли приспособиться к тяжелым условиям жизни и вскоре покинули остров. К тому же Япония еще не обладала достаточной военной силой, чтобы закрепиться на нем. Это заставило ее вновь начать переговоры с Россией о Сахалине. Первоначально их вел в Токио Бюцов. Японцы соглашались отказаться от своих притязаний на южную часть острова, но выдвигали взамен неприемлемые для России условия, например, требовали разрешения высаживать свои войска на русской территории для вторжения в Корею. В конечном счете российское правительство, стремясь разрешить затянувшуюся сахалинскую проблему и не обострять отношений с Японией, согласилось уступить группу Курильских островов до Камчатки за южную часть Сахалина.

Договор об этом был подписан 25 апреля (7 мая) 1875 года в Петербурге А.М. Горчаковым и японским посланником в России Эномото Такэаки. По договору весь Сахалин признавался принадлежащим России, а последняя уступала Японии 18 островов, составляющих Курильский архипелаг в его северной и средней части. Границей признавался пролив между мысом Лопаткой (Камчатка) и островом Шумшу. Таким образом, весь Курильский архипелаг переходил во владение Японии.

Японским судам предоставлялось право судоходства и рыбной ловли в водах Сахалина, Охотского моря и Камчатки, торговли на условиях наибольшего благоприятствования, а также право посещения в течение 10 лет сахалинского порта Корсаков без уплаты торговых и таможенных пошлин. В Корсаков мог быть назначен японский консул. Японскому населению предоставлялась возможность остаться на острове (как и русскому на Курилах) с сохранением своего имущества и свободы вероисповедания, но с подчинением законам владеющей островом страны. В случае отъезда с Сахалина японцы получали компенсацию на оставленное имущество⁸³.

7 сентября 1875 года в знак утверждения прав России на весь остров Сахалин в Корсаковском порту был поднят русский флаг⁸⁴.

Петербургский договор на длительный период стабилизировал и укрепил русско-японские отношения. Экономический рост обоих государств и освоение Россией вновь приобретенных земель на Дальнем

Востоке способствовали взаимному расширению торговли. В 1876 году правительство России согласилось на постоянное пребывание в новом порту на Тихом океане — Владивостоке — японского коммерческого агента.

Министерство иностранных дел России высоко оценивало заключение русско-японского договора, полагая, что отношения с Японией будут теперь дружественными, ибо с переходом к России Сахалина, а к Японии — Курил устранялся главный повод к столкновению. В Петербурге недооценивали, однако, экспансионистские тенденции в политике Японии, вступившей на путь быстрого капиталистического развития.

Существенная причина того, что царское правительство пошло на уступки в переговорах с Японией, крылась в осложнении международной обстановки в Европе. «Военная тревога» 1875 года грозила новой европейской войной, а начавшиеся осложнения на Балканах, могущие перерасти в серьезный конфликт, неизбежно повели бы к обострению отношений с Англией и Австро-Венгрией. В этих условиях Россия опасалась дальнейшей конфронтации с Японией.

Решение вопроса о Сахалине имело большое политическое, стратегическое и экономическое значение для России. Однако потеря Курил была таким же политическим, стратегическим и экономическим проигрышем, последствия которого сказались позднее и в середине 70-х годов еще недооценивались Петербургом. Токио же не случайно расценивал заключение договора как свою дипломатическую победу. Получив острова, Япония сделала их в дальнейшем форпостом против России и США (Аляски и Гавайев).

4. Россия и государства Дальнего Востока в 80–90-х годах XIX века

До середины 90-х годов российское правительство, занятое европейскими делами, не активизировало свою дальневосточную политику. Главными задачами было сохранение мирных отношений с дальневосточными государствами, уточнение границ, а также развитие торговли. Однако все усиливавшаяся экспансия европейских государств и США в этом регионе рождала в Петербурге обоснованную тревогу.

Особое беспокойство вызывало положение в Западном Китае, где мусульманское население пограничных с Россией районов неоднократно поднимало восстания против цинских властей. Это дестабилизировало обстановку в прилегающих к границе российских владениях и затрудняло русско-китайскую торговлю через Синьцзян. Кроме того, договоры с Китаем содержали ряд ограничений для русских купцов (размер капитала, количество ввозимого товара и т. д.). Интересы растущей русской

промышленной буржуазии требовали расширения торговли с Китаем, куда вывозились ткани, меха, металлические изделия и откуда поступали чай, серебро в слитках.

В середине 60-х годов в Западном Китае началось новое восстание под руководством местных феодалов. Им воспользовались британские власти Индии, поощрявшие сепаратизм местных правителей и рассчитывавшие создать в Западном Китае зависимое от Англии мусульманское государство, чтобы поставить заслон распространению российского влияния в Азии.

В 1865 году Китай обратился к российскому правительству с просьбой о помощи в подавлении восстания мусульман в Илийском крае и Джунгарии. Первоначально Петербург занял выжидательную позицию, но, когда действия кашгарского правителя Якуб-бека стали опасными для России, интересам которой не отвечало создание вблизи ее границ мусульманского ханства с враждебно настроенным правителем, русские войска заняли Илийский край и его центр Кульджу (1871 г.). Пекину было заявлено, что российская оккупация продлится до тех пор, пока китайские войска сами не смогут оборонять край от Якуб-бека⁸⁵. Царское правительство рассчитывало удержать Кульджу до подавления восстания в Западном Китае, а при ее возвращении договориться об улучшении условий торговли для российских купцов и уточнении границ в свою пользу.

В 1876 году кульджинский вопрос обсуждался на Особом совещании под председательством Д.А. Милютина. Было решено возвратить Кульджу Китаю, потребовав взамен ряд торговых преимуществ и часть территории Илийской долины, а именно долину реки Текес и важный стратегический пункт — Музартский проход из Илийского края в Китайский Туркестан. В 1878 году восстание в Джунгарии было подавлено. Для переговоров о возвращении Кульджи в Россию был направлен специальный посол Чун Хоу, и 20 сентября (2 октября) 1879 года в Ливадии был подписан русско-китайский договор. Условия его практически совпадали с решениями Особого совещания: Кульджа возвращалась Китаю, а Россия получала небольшой западный участок Илийского края, долину реки Текес и Музартский проход; российской торговле предоставлялся ряд льгот в Западном Китае. За расходы по управлению краем и содержанию там русских войск Китай обязался выплатить России 5 млн руб. Кроме того, русские купцы получили право беспошлинной торговли в Монголии и на реке Сунгари в Маньчжурии⁸⁶.

Условия договора вызвали резкое недовольство в Китае, правящие круги которого опасались распространения русского влияния в Западном Китае и Монголии. Чун Хоу был приговорен к смертной казни. Ряд влиятельных политиков Пекина призывали к войне с Россией, и на границе

с ней наращивались контингенты китайских войск. Это заставило Россию принять ответные меры: усилить на границе свои войска и послать военную эскадру на Дальний Восток. Однако ни та, ни другая сторона к войне готовы не были. Война с Россией могла бы вновь вызвать восстание в Джунгарии, а также усилить зависимость Китая от Англии, Франции и США. Россия же, ослабленная только что закончившейся русско-турецкой войной и внутренней нестабильностью, тоже предпочитала не воевать.

На Особом совещании по кульджинскому вопросу в сентябре 1880 года министр финансов А.А. Абаза заявил, что лучше совсем отказаться от торговых преимуществ Ливадийского договора, чем рисковать новой войной на Востоке, которая потребовала бы огромных средств⁸⁷. Мирные переговоры были возобновлены. Вместо Чун Хоу (кстати, помилованного) в Петербург был направлен новый посол — Цзэн Цзицзе, который выдвинул возражения против территориальных притязаний России и предоставления русским купцам права беспошлинной торговли. Царское правительство пошло на компромисс. По Петербургскому договору, подписанному 12(24) февраля 1881 года, Илийский край возвращался Китаю, за исключением незначительной территории в его западной части. Небольшое исправление границы было сделано также в верховьях Черного Иртыша. На присоединяемых территориях предполагалось разместить беженцев из Джунгарии и Восточного Туркестана, оказавшихся в России после подавления там восстания.

Но сумма выплат Китая России была увеличена с 5 млн до 9 млн руб. Договор существенно расширял также льготы русских купцов. В семи пунктах Западного Китая разрешалось учреждение российских консульств, русским купцам предоставлялось право беспошлинной торговли не только в Монголии, но и в Синьцзяне, снижались торговые пошлины на ввоз в Россию чая низкого качества. Определялся порядок русской торговли во внутренних областях Китая.

Повстанцы в Кульдже получали амнистию и право переселиться в Россию⁸⁸. С уходом русских войск Илийский край покинуло до 60 % уйгуров и большинство дунган. Они поселились в русском Семиречье.

В дальнейшем Россия стремилась к сохранению мирных отношений с Китаем. Хунчунским протоколом от 22 июня 1886 года завершалось уточнение русско-китайской границы, что имело большое значение для стабилизации отношений с Цинской империей. В сентябре 1886 года было заключено русско-китайское соглашение по Корее, согласно которому обе стороны обязались не занимать ее территории.

Развитие капиталистических отношений, рост капитализма «вширь» выдвигали задачу освоения сибирских и дальневосточных территорий, интерес к которым со стороны буржуазных кругов России неуклонно повышался. Однако дальневосточные рынки оставались малодоступ-

ными для русских промышленников из-за отсутствия железных дорог. Дальневосточные территории были по-прежнему уязвимы в военном отношении, что при преобладающем влиянии Англии в Китае и острых русско-английских противоречиях могло иметь негативные последствия для России. В 80-е годы ставится вопрос о строительстве сибирской железной дороги.

С другим восточным соседом — Японией — торговый оборот России на протяжении 80 — начала 90-х годов значительно вырос (с 75 тыс. иен в 1878 г. до 2194 тыс. иен в 1894 г.). Однако доля России в общем торговом обороте Японии оставалась по-прежнему весьма незначительной. Основным предметом русского экспорта в Японию был керосин, из Японии ввозились рис, мука и другие продовольственные товары для русского Дальнего Востока. Когда японское правительство поставило вопрос о пересмотре договоров, Россия отнеслась к этому с пониманием. Сыграло свою роль и ее стремление сохранить добрососедские отношения с Японией.

Новый русско-японский торговый договор был подписан 29 июля 1889 года, но должен был вступить в действие после отмены неравноправных договоров с другими странами, что и произошло в 1895 году. Россия отказывалась от консульской юрисдикции взамен на согласие японской стороны издать новые кодексы гражданского права, допустить зарубежных судей к разбору дел об иностранцах и отменить ввозимую пошлину на соленую и сушеную рыбу.

В 80 — начале 90-х годов Япония еще не рассматривалась в Петербурге как потенциальный противник. Ее быстрое экономическое и военное развитие пока не внушало особой тревоги царскому правительству.

Как указывал российский историк А.Л. Нарочницкий, «царские дипломаты, за немногим исключением, проявляли почти полное незнание с внутренней жизнью и внешней политикой Японии и с ироническим пренебрежением относились к агрессивным выступлениям японских политических деятелей и прессы, не понимая надвигающейся с этой стороны угрозы для царизма»⁸⁹.

Между тем агрессивные устремления Японии довольно явно проявились уже в 70-х годах. Ближайшим объектом японской экспансии оказалась Корея, находившаяся формально в вассальной зависимости от Китая.

Несмотря на то что Россия и Корея с 1858 года имели общую границу, отношения между ними фактически отсутствовали из-за изоляционистской политики корейского правительства. Тем не менее тяжелое экономическое положение корейских крестьян выталкивало поток беженцев из Кореи на русскую территорию, который с 60-х годов постоянно увеличивался, и никакие меры корейских и китайских властей не могли его остановить.

Миграция корейцев способствовала усилению русско-корейской торговли. Вывоз из Кореи скота и зерна имел большое значение для русских поселений в Приморье. В Корею же ввозились из России ткани, металлы.

В 60–70-х годах Корея становится объектом повышенного интереса со стороны западных держав и США, которые предприняли ряд военных экспедиций для насильственного открытия корейских портов. Но главную опасность для Кореи представляла Япония, рассматривавшая ее как плацдарм для проникновения в глубь азиатского материка.

Еще в 1873 году министр иностранных дел Японии Т. Созэдзима обратился к российскому посланнику в Японии Е.К. Бюцову с просьбой разрешить высадку японских войск в русском Приморье для дальнейшего следования в Корею, но согласия не получил.

Япония на время отложила задуманную военную акцию, но не отказалась от планов закабаления Корен. В январе 1876 года она организовала военную экспедицию и навязала Корее неравноправный торговый договор. По этому договору и приложенным к нему «торговым правилам» японским подданным предоставлялось право экстерриториальности и консульской юрисдикции, Корея открывала три порта для японской торговли.

Заключение такого договора не насторожило российское правительство, которое в инструкциях своим посланникам А.П. Давыдову в Японии и С.И. Попову в Китае подтвердило прежнюю линию — содействовать «охранению Кореи как страны с нами сопредельной от покушений извне или от захватов».

Только после того, как были подписаны неравноправные торговые договоры США, Англии и Германии с Кореей, 26 июня (7 июля) 1884 года в Сеуле русский уполномоченный К.И. Вебер и президент коллегии иностранных дел Кореи Бёнси заключили русско-корейский договор о дружбе и торговле.

Договор открывал для русской торговли три корейских порта и два города, в том числе Сеул. Русским подданным предоставлялось там право покупать участки земли, дома и фабрики. Они получали свободу передвижения по всей стране. В открытых портах Кореи разрешалось иметь склады для потребностей русского флота. В договоре имелась статья о предоставлении России права наибольшего благоприятствования⁹⁰. В приложенном к этому документу протоколе было, однако, зафиксировано, что Россия откажется от консульской юрисдикции для своих граждан в Корее, если правительство последней изменит законы и судопроизводство таким образом, чтобы Россия могла признать «возможным подчинение своих подданных ведению корейских судов».

8 августа 1888 года представители России в Корее подписали «Правила о пограничных сношениях и торговле на Тумыньцзяне» — конвен-

цию о сухопутной торговле. Документ предусматривал довольно низкую пошлину и открытие для торговли пограничного города Кёнхын, где размещался русский консульский представитель, что способствовало развитию экономических связей между двумя странами. За 1890–1895 годы объем сухопутной торговли между Россией и Кореей, имевшей положительное для России сальдо, вырос с 127 927 до 244 255 руб.

В России действовала неофициальная договоренность сторон о том, что корейцы, переселившиеся в Россию до заключения договора 1884 года и принявшие русское подданство, пользуются всеми правами наравне с другими подданными России. С 1891 года иммигранты стали наделяться землей наравне с другими жителями России, корейцы же, переселившиеся в Россию после заключения русско-корейского договора, должны были в течение двух лет вернуться на родину; наконец, корейцы, прибывшие в Россию для временной работы, могли оставаться на прежних местах только с разрешения русских властей, и право приобретать земельные наделы им не предоставлялось.

В 80-х годах Корея вновь становится объектом агрессивных действий со стороны Англии и Японии. Обострилось японо-китайское соперничество за преобладание в ней. В Корею были введены японские и китайские войска, и возникла угроза войны. Англия готовилась к захвату стратегически важных островов Комундо, принадлежащих Корее. В таких условиях Петербургу уже нельзя было безразлично относиться к тому, что происходило в соседнем государстве, и предстояло сказать свое слово.

Для России самым важным оставалось сохранение независимой Кореи. В декабре 1884 года в Сеул в качестве неофициального российского представителя был направлен секретарь миссии в Японии А.Н. Шпеер. При встрече с ним корейский правитель ван (король) заявил, что желает «самого тесного сближения» с Россией, и выразил благодарность за моральную поддержку Кореи в трудное для нее время⁹¹. Корейские власти поставили вопрос о российском протекторате над Кореей, который оградил бы ее от английской и японской агрессии. Они предложили в качестве вознаграждения предоставить в пользование России один из корейских портов. Россия была серьезно заинтересована в получении незамерзающего порта в Корее и стремилась усилить там свое влияние, но, учитывая слабость своих сил на Дальнем Востоке и опасаясь осложнений с другими державами, от протектората отказалась. Осторожный министр иностранных дел Н.К. Гирс советовал Александру III руководствоваться строгим нейтралитетом, но в случае войны прикрыть русскими военными кораблями часть побережья Кореи, граничащую с Россией⁹². После завершения поездки Шпеера в Корею ван обратился к российским пограничным властям с просьбой, чтобы Россия вынудила Японию «отказаться от угрожающих Корее действий», ибо «просить за-

щиты у китайцев Корея не желает, опасаясь усиления китайских войск и полного порабощения»⁹³. Ему ответили, что в Сеул будет направлен официальный российский уполномоченный, с которым корейская сторона сможет обсудить необходимые меры против «внешних посягательств».

В то время Япония еще не была готова к крупномасштабным военным действиям в Корее, к тому же ей приходилось учитывать позицию России. В апреле 1885 года Япония и Китай заключили конвенцию о выводе своих войск из Кореи с правом их обратного ввода в случае возникновения там «беспорядков»⁹⁴.

Через несколько дней после этого обстановка снова обострилась из-за захвата Англией порта Гамильтон на островах Комундо. Эта акция была предпринята на фоне ухудшения русско-английских отношений, приведшего к «афганскому кризису». Порт Гамильтон служил прекрасной базой для английского флота, откуда можно было осуществлять нападение на дальневосточные владения России, в частности, Владивосток. Англия вела также антирусские военные приготовления на своей базе в Гонконге.

Действия Англии вызвали тревогу правящих кругов и общественного мнения в России. Консервативная пресса требовала незамедлительного занятия незамерзающего порта в Корее. Тогда последовало официальное заявление российского посланника в Пекине, что в случае уступки порта Гамильтон Англии Россия вынуждена будет занять другой порт в Корее⁹⁵.

В мае 1885 года в Корею вновь был направлен Шпеер. Он получил согласие вана на приглашение в Корею русских военных инструкторов, что усилило бы позиции России в Корее и дало бы ей возможность противодействовать влиянию Японии и Китая. Но достигнутая договоренность реализована не была из-за сопротивления прокитайской группировки в правящих кругах Кореи.

Тем не менее под воздействием русского представителя Корея оказалась принять английские требования о продаже островов Комундо, и Великобритания, учитывая позицию других держав, вынуждена была в 1887 году вывести оттуда свои войска.

Считая наиболее опасным для себя влияние в Корее Китая, правительство России недооценивало быстро растущего экономического и политического проникновения Японии в эту страну. О ее экспансионистских устремлениях предупреждали некоторые русские дипломаты, например, посланник в Токио Д.Е. Шевич (1890 г.) и посланник в Сеуле П.И. Дмитриевский (1891 г.).

Политика России на Дальнем Востоке во второй половине 80 — начале 90-х годов была направлена на сохранение статус-кво. Основное внимание царизма приковывало решение европейских и ближневосточ-

ных проблем. Однако уже в этот период создавались предпосылки для перехода к внешнеполитической экспансии в дальневосточном регионе. Экономическое развитие страны по капиталистическому пути, промышленный подъем начала 90-х годов, укрепление финансовой системы служили основой для активизации России на Дальнем Востоке. Этому способствовали и внешнеполитические условия начала 90-х годов, упрочение положения России в Европе, создание франко-русского союза.

Одним из показателей близящейся смены ориентиров в российской политике и переключение внимания на Дальний Восток был усиливающийся интерес правящих верхов к этому региону. Японию все чаще посещали высокопоставленные представители России, а весной 1891 года там побывал сам наследник цесаревич Николай Александрович. Известный инцидент, когда он получил в городе Оцу удар саблей по голове от японского полицейского, не внес существенных осложнений в русско-японские отношения, хотя и стал показателем враждебного отношения к России со стороны части японской общественности.

Инструкция новому посланнику в Токио М.А. Хитрово, назначенному осенью 1892 года, гласила, что главной задачей России остается сохранение мирных и дружелюбных отношений с Японией и Китаем, ибо это должно обеспечить «неприкосновенность и спокойствие наших собственных владений». Утверждалось, что между Японией и Россией не существует «никакой принципиальной противоположности интересов», и даже отмечалась роль японских портов как удобных стоянок для русских военных судов на Дальнем Востоке⁹⁶.

Близорукая политика Петербурга в отношении Японии облегчила развязывание японской агрессии в Корее и нападение Японии на Китай летом 1894 года. Воспользовавшись в качестве предлога крестьянским восстанием в Корее, Япония ввела туда свои войска и 23 июля 1894 года захватила Сеул. 25 июля японцы потопили китайский транспортный корабль с войсками, а 1 августа Япония объявила войну Китаю. К этому времени она убедилась, что Россия, как и другие державы, будет сохранять нейтралитет. Позиция России объяснялась не только ее слабостью на Дальнем Востоке. В Петербурге опасались возможного вступления в войну Англии на стороне Китая. В это время опасность японской агрессии по-прежнему недооценивалась.

* * *

Во второй половине XIX века политика России на дальневосточном направлении приобретает все большую активность. Это было связано и с поражением в Крымской войне, которое сковало внешнеполитическую деятельность России в Европе. Все усиливающаяся экспансия Англии, Франции и США на Дальнем Востоке, угрожая незащищенным

владениям России, беспокоила Петербург. В своей дальневосточной политике Россия преследовала несколько целей: присоединение земель в Приамурье, издавна освоенных российскими землепроходцами, а также побережья Японского моря, исследованного российскими судами; установление фиксированных границ с Китаем и Японией и налаживание дипломатических и торговых отношений с ними; освоение дальневосточных территорий и выход российского флота в Тихий океан. Эти цели были в основном достигнуты, причем не военными, а преимущественно дипломатическими методами. Российская дипломатия умело использовала международную обстановку на Дальнем Востоке. Она сумела учесть затруднительное положение Китая, вынужденного бороться с агрессией западных держав, и отчасти Японии, и заключила с ними выгодные для себя соглашения.

Следует отметить, что ответственные переговоры вели здесь не столько чиновники дипломатического ведомства, сколько военные, моряки и представители администрации — Н.Н. Муравьев, Е.В. Путятин, Н.П. Игнатьев. Хорошо знавшие местные условия, они действовали энергично и без оглядки «на Европу», что нередко вызывало известное недовольство МИД. Однако именно их настойчивость и решительность производили большое впечатление на китайских и японских правителей и способствовали успешному решению поставленных задач.

Осуществляя экспансию на Дальнем Востоке, Россия избегала втягивания в военные конфликты. Не имея здесь больших военных сил, она смело шла на компромиссы, каким, например, стал обмен Курил на южную часть Сахалина. Остро проявилось на Дальнем Востоке и русско-английское противостояние, одним из следствий которого была продажа Соединенным Штатам русских владений в Америке. Последняя акция свидетельствовала также о том, что в Петербурге понимали невозможность сохранения прочных позиций одновременно на западном и восточном побережье северной части Тихого океана. Приходилось сосредоточить усилия на укреплении своего положения как континентальной, а не морской державы. Однако как продажа Аляски, так и передача Японии Курил хотя и способствовали решению конкретных внешнеполитических задач, но в геополитическом плане и в исторической перспективе не во всем отвечали интересам страны.

Центр политики России на Дальнем Востоке во второй половине XIX века в целом смещался к югу. К концу рассматриваемого периода происходит постепенное накапливание сил для более широкого участия в экспансии в Китае и Корее.

Глава V. Восточный кризис 70-х годов XIX века

1. Начальный этап восточного кризиса

Восточный кризис 70-х годов XIX века явился важнейшим событием международной жизни Европы второй половины столетия. Он был порожден усилением процесса внутреннего разложения Османской империи, широким развитием национально-освободительной борьбы южнославянских народов, находящихся под властью Порты, наконец, обострением противоречий между великими державами в их соперничестве за политическое и экономическое влияние на Балканах. Кризис прошел несколько этапов. Начавшись восстанием в Герцеговине и Боснии летом 1875 года, кризис вступил в новую фазу в июне 1876 года, когда войну Турции объявили Сербия и Черногория. Это повлекло за собой дальнейшее углубление противоречий между европейскими державами, стремившимися использовать события на Балканах в своих интересах. Следующий этап кризиса был связан с началом в апреле 1877 года русско-турецкой войны, окончившейся подписанием 19 февраля (3 марта) 1878 года Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией. Завершением кризиса явился Берлинский конгресс (июнь 1878 г.), изменивший карту Балкан.

Восточный кризис 70-х годов отличался от предшествующих кризисов 20-х и 50-х годов рядом особенностей. Главной из них являлась определяющая роль национально-освободительного движения балканских народов, объединившего различные земли. Второй особенностью кризиса было резко выраженное стремление европейских держав к проникновению на Балканы. Экономическая и политическая слабость Турции побуждала их к овладению проходившими здесь торговыми путями между Востоком и Западом, к установлению своего контроля над Османской империей.

Завершение к 70-м годам национально-объединительных движений в Европе обусловило новую расстановку сил. Стремясь избежать дальнейших потрясений, европейские державы были заинтересованы в локализации конфликта на Балканах и сохранении там владений Османской империи. Однако, поддерживая империю, Англия и Австро-Венгрия намерены были извлечь для себя максимальную выгоду, рассчитывая в том числе и на территориальные приобретения в этом регионе. Франция, не игравшая в этот период активной роли в Европе, следовала в фарватере английской политики. Двойственную позицию занимала Германия. С од-

ной стороны, она подталкивала Россию к войне с Турцией, обещая свою помощь, с другой — поддерживала агрессивные планы Австро-Венгрии на Балканах.

Главной стратегической целью восточной политики России в этот период по-прежнему оставалось решение проблемы проливов: она стремилась не допустить установления контроля над ними какой-либо европейской державы (Англии или Австро-Венгрии) и изменить их режим в свою пользу. Россия была заперта в Черном море, а ее берега оказывались уязвимыми в случае европейской войны. Поскольку захват проливов осуществить было невозможно, она видела путь к своей цели в укреплении политического влияния на Балканах путем поддержки борьбы балканских народов за освобождение и создание национальных государств.

Восточный кризис разразился в неблагоприятных для России условиях. Незавершенность буржуазных реформ, в особенности военной, истощенные финансы, не оправившаяся от экономического кризиса промышленность, тяжелые последствия неурожая и голода 1874 года дополнялись нестабильной внутриполитической ситуацией — в стране развивалось революционное движение. В такой обстановке для официальной России известие о восстании в Герцеговине и Боснии было неприятной неожиданностью. С одной стороны, она поддерживала национально-освободительные движения на Балканах, как ослаблявшие Османскую империю и позволявшие оказывать на нее известное давление, с другой — боялась их масштабов, поскольку они могли привести к международному конфликту и поставить Россию на грань войны.

Российские представители на Балканах верно определили, что начавшееся восстание перерастет рамки локального, в конфликт могут быть втянуты Сербия и Черногория, население которых горячо сочувствовало повстанцам, да и правящие круги княжеств стремились использовать восстание в своих целях. Такая перспектива не устраивала Россию: восстанием могла воспользоваться Австро-Венгрия, уже давно вынашивающая планы оккупации Боснии и Герцеговины.

Кроме того, на первых порах у русского правительства существовало опасение, что восстание примет революционный характер, а это могло вызвать нежелательную реакцию в России, где развивалось революционное движение. Некоторые российские дипломаты отмечали в своих донесениях, что восстание на Балканах имеет поддержку со стороны европейской демократии. Особенно активен в этом плане был посол в Вене Е.П. Новиков, находившийся под влиянием австро-венгерского канцлера Д. Андраши. Он сообщал об участии в восстании гарибальдийцев, о связях повстанцев с сербской Омладиной, «радикальной, социалистической и атеистической организацией». Посол настаивал на

согласовании действий России с союзными державами — Австро-Венгрией и Германией, ибо только тройственное согласие «должно противостоять проискам социалистического и революционного духа в Европе»¹.

Восстание в Герцеговине и Боснии с первых же дней привлекло внимание всей Европы. Особенное беспокойство высказывала Австро-Венгрия. Канцлер Андраши разделял страх венгерских магнатов и опасался, что в результате восстания Босния и Герцеговина могут быть присоединены к Сербии и Черногории. Австро-Венгрии не устраивала перспектива иметь соседом большое славянское государство, тем более находящееся под покровительством России. Она сама вынашивала планы территориальной экспансии в этом регионе. Резко враждебную позицию по отношению к восстанию заняла Англия. Доктрина сохранения целостности и неприкосновенности Османской империи, декларируемая правящими кругами Англии, нашла теперь подкрепление в тезисе о значении Турции как стража британских морских коммуникаций и владений.

Обеспокоенный событиями на Балканах, Александр II 30 августа 1875 года обратился к своему дяде германскому императору Вильгельму I, призывая его как можно скорее положить конец восстанию, в котором участвуют «революционеры худшего пошиба всех стран и даже гарибальдийцы»². В действительности такие оценки были преувеличенными. Император обрисовал трудное положение России: с одной стороны, она сочувствовала подвергавшимся притеснениям христианам, с другой — распад Османской империи был для нее нежелателен. Выход Александр II видел в оказании давления на Порту и на восставших с тем, чтобы примирить их на базе определенных уступок со стороны властей в пользу христиан. Он призывал германского императора к совместным действиям и предлагал, чтобы инициативу взял на себя Д. Андраши (мысль, несомненно, внушенная самим Андраши Новикову, который в этом убедил царя). Как видим, правительство было далеко от идеи о военном вмешательстве в балканские события. Оставить славян в составе Турции при условии реального улучшения их положения на этом этапе восстания было предпочтительнее. Недаром Александр II убеждал Вильгельма I предотвратить распад Османской империи, ибо не знал, «кем и чем ее заменить». Совместное же выступление участников Союза трех императоров, да еще при инициативе Австро-Венгрии, давало возможность контролировать действия последней и обуздать ее аппетиты, как надеялись русские дипломаты.

Этот план был разработан российской дипломатией в самом начале восстания. 12 июля 1875 года управляющий МИД А.Г. Жомини писал поверенному в делах в Константинополе А.И. Нелидову: «Наш государь далек от желания вызвать кризис на Востоке. Наоборот, его величество направляет всю свою политику ко всеобщему умиротворению в Тур-

ции... Главное — во что бы то ни стало продемонстрировать единство 3-х держав в роли умиротворителей»³.

В своих действиях на Балканах русское правительство было связано обязательством невмешательства в конфликты между Портой и ее христианскими подданными, если таковые произойдут, о чем А.М. Горчаков и Д. Андраши договорились еще во время свидания в Вене в 1873 году. Однако признав принцип невмешательства, русская дипломатия предусматривала разные тактические действия в случае победы или поражения христиан. Принцип невмешательства в случае победы должен был предотвратить австрийские посябления на освобожденные земли, а в случае поражения и широких турецких репрессий его проведение в жизнь признавалось невозможным⁴.

Первая задача русской дипломатии состояла в организации совместных действий держав. Новиков приложил немало усилий, чтобы достигнуть согласия с Австро-Венгрией о выступлении трех держав — «не коллективном, но однородном». К идее о таком посредничестве держав присоединились Италия, Франция, а позднее и Англия. В задачу держав входило не допустить расширения конфликта. Со стороны Австро-Венгрии и России было оказано давление на Сербию и Черногорию, где уже велись военные приготовления. Княжества вынуждены были заявить о своем нейтралитете. В августе 1875 года в Вене был создан «центр соглашения» трех дворов, в задачи которого входила выработка мер по умиротворению Боснии и Герцеговины. На место была направлена международная комиссия из консулов шести держав, от России в нее входил консул в Шкодре И.С. Ястребов. Помимо инструкций «центра» Ястребов получил особое напутствие от российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева, который рекомендовал близко сойтись с французским представителем в комиссии⁵. Франция же дала распоряжение своим дипломатам на Востоке поддерживать все русские акции⁶. Русская дипломатия стремилась обеспечить поддержку Франции и нейтрализовать влияние на нее Англии. Ответные шаги Франции в этом направлении были следствием позиции России во время «военной тревоги» 1875 года. Однако голос Франции в балканских делах был еще слишком слаб, и сохранялась ее зависимость от Англии в европейской политике. Поэтому существенной поддержки России она дать не могла.

Миссия консулов в Герцеговине оказалась безуспешной, они не имели полномочий гарантировать выполнение главного требования повстанцев — проведения реформ в провинциях.

В первые недели восстания Россия не имела четкой программы в боснийско-герцеговинском вопросе. Имеющееся в советской литературе указание, что с самого начала событий Россия высказывалась за автономию провинций⁷, не подтверждается документами. В конце августа

Горчаков, находившийся на одном из швейцарских курортов, в беседе с австрийским дипломатом высказался за предоставление Боснии и Герцеговине самоуправления на манер Румынии или Сербии, что повергло в ужас Андраши⁸. Официальные же документы свидетельствуют, что Петербург рассчитывал лишь на проведение реформ в области налогообложения, финансов и земельных отношений и был далек «от желания стремиться к радикальным решениям, несовместимым с правами султана, положениями договоров и практической реальностью»⁹. Так как было принято решение действовать совместно с Австро-Венгрией, то об идее Горчакова никто уже не вспоминал, тем более он сам. Поэтому когда в английских и германских газетах появились суждения о необходимости предоставления автономии восставшим провинциям, российский МИД счел это за провокацию с целью нарушения российско-австрийского согласия.

Стремление правительства действовать в рамках Союза трех императоров встретило протесты со стороны ряда государственных деятелей и дипломатов в самой России. Наследник престола великий князь Константин Николаевич, военный министр Д.А. Милютин, дипломаты Н.П. Игнатьев, А.И. Нелидов, А.С. Ионин требовали самостоятельных действий России на международной арене. Они представляли группировку в правящих кругах, объединявшую сторонников активной внешней политики с целью укрепления международного престижа России и авторитета самодержавия внутри страны. Ярым проводником этой политики был российский посол в Константинополе (1864–1877 гг.) Н.П. Игнатьев, энергичный, решительный и чрезвычайно ловкий дипломат.

Игнатьев имел свою программу решения балканского вопроса. Он считал, что только Россия является защитницей славян и нельзя допускать влияния на Балканах какой-либо другой державы, в особенности Австро-Венгрии. «Я считал, — писал он впоследствии, — что сносить иго турецкое легче и выгоднее для сербского племени, нежели попасть в цепкие руки австро-венгерской бюрократии»¹⁰. По мнению Игнатьева, умиротворение Боснии и Герцеговины можно было осуществить путем прямых русско-турецких переговоров без вмешательства других держав. При этом он рассчитывал на свое влияние в Порте и дружеские отношения с султаном Абдул-Азизом и великим визирем Махмуд-пашой, настроенным благожелательно к России. Поддерживавший Игнатьева А.И. Нелидов сообщал в МИД, что Махмуд-паша сделает «все возможное ради нашего удовлетворения, но для этого нужно, чтобы мы обеспечили его сохранение у власти»¹¹.

Чтобы нейтрализовать австрийские инициативы, Игнатьев сделал попытку заменить венский «центр» конференцией послов великих держав в Константинополе, но не встретил одобрения МИД. Тогда он начал

непосредственные переговоры с султаном, убеждая его провести широкие реформы в христианских провинциях и отдать восставшие округа Герцеговины под управление Черногории¹². В результате появились два султанских указа о реформах, правда весьма абстрактные и не содержащие гарантий реализации объявленных преобразований.

Опасаясь, что Игнатьев перехватит инициативу в решении балканских дел, Андраши принял энергичные контрмеры, убеждая через Новикова Петербург сохранить общность действий трех монархий. В результате противоборства Андраши и Игнатьева родились два плана умиротворения Боснии и Герцеговины: план Андраши, предусматривавший ограниченные реформы, так называемый «улучшенный статус-кво», и план Игнатьева, предоставлявший провинциям широкую автономию (внутреннее самоуправление, христианская милиция, уменьшение податей и др.). План Игнатьева встретил отрицательное отношение сторонника русско-австрийского сближения Новикова и прямой протест Андраши. В австрийской прессе он был расценен как отступление России от Союза трех императоров и возвращение к прежней роли единственной покровительницы славян¹³. Андраши даже заявил, что реализация плана Игнатьева чревата развязыванием европейского военного конфликта. Австро-Венгрия опасалась отстранения ее от решения балканских дел. План Игнатьева негативно был встречен и в Англии. Посол в Лондоне П.А. Шувалов сообщал в МИД, что Англия, как и Австро-Венгрия, не желает предоставления автономии Боснии и Герцеговине¹⁴.

Русское правительство колебалось. Разногласия были и в самом МИД. Энергия Игнатьева и давление сторонников активных действий в правящих кругах заставляли царя медлить с принятием предложений Андраши, но последний, заручившись поддержкой германской дипломатии, одержал победу. В конце ноября 1875 года А.Г. Жomini сообщил Игнатьеву, что Александр II не берет на себя единоличную ответственность за реализацию плана Игнатьева¹⁵. В этом решении были и определенные резоны, поскольку Россия уже не раз становилась свидетельницей того, как благие намерения Порты не выполнялись в силу самой османской системы управления, противодействия местных властей и фанатизма мусульманского населения. Российская дипломатия согласилась на план Андраши, заключая, как говорил Горчаков, «брак по расчету». Главным для России в данной ситуации было стремление избежать военного конфликта, к которому могли привести ее самостоятельные действия.

Андраши предлагал, чтобы державы посоветовали Порте провести в христианских провинциях следующие реформы:

- 1) введение свободы вероисповедания;
- 2) ликвидацию откупной системы;

- 3) улучшение аграрных отношений;
- 4) использование взимаемых с провинций налогов только на их нужды;
- 5) создание комиссии из христиан и мусульман для наблюдения за реализацией указанных реформ.

Этот план не предусматривал автономии провинций и самоуправления на местах, а касался только улучшения положения христиан в некоторых областях их жизни. При этом он не содержал серьезных гарантий реализации этих преобразований. Однако план все же свидетельствовал об отходе Андраши от его первоначальных позиций, что объяснялось как боязнью самостоятельных действий России, так и усилением самого освободительного движения на Балканах. Кроме того, Андраши рассчитывал укрепить свой авторитет внутри страны, ослабив нападки политических соперников.

Ознакомившись с предложениями Андраши, Игнатъев указал на их уязвимые стороны — отсутствие гарантий и ограниченность реформ, которые «не способны даже в теории удовлетворить желания восставших и заставить их сложить оружие»¹⁶. Игнатъев считал, что демарш Европы, напротив, подтолкнет их к активному сопротивлению, тем более что за спиной повстанцев уже вплотную стояли Сербия и Черногория, готовившиеся к войне с Турцией. Направляя свои замечания Горчакову, Игнатъев сетовал, что принятие Петербургом предложений Андраши «противоречит вековым традициям нашей политики», и выражал надежду, что правительство сможет найти «комбинацию, которая соединит общие требования нашей европейской политики с особыми интересами, заключенными для нас в Восточном вопросе». Однако канцлер и Александр II твердо решили держаться линии на согласие с Австро-Венгрией. В ответ на свои соображения Игнатъев получил от Горчакова уведомление о том, что император «придерживается демарша 3-х держав», так как «этот путь предлагает больше гарантий сохранения мира и решения Восточного вопроса»¹⁷. Игнатъеву было предписано всеми мерами содействовать принятию Портой плана Андраши. Петербург рассчитывал получить от Порты письменные обязательства, после чего реформы предполагалось реализовать под контролем посольств и консульств европейских держав¹⁸.

18(30) декабря 1875 года нота Андраши была обнародована и 19(31) января 1876 года представлена Порте, которая согласилась принять все пункты, кроме третьего. Большинство европейских политиков было убеждено в бесплодности этого акта. «Стоят ли обещанные Турцией реформы той бумаги, на которой они пишутся?»¹⁹ — спрашивал Бисмарк. Для всех было очевидно, что, выдвигая свои пункты, Андраши руководствовался не интересами христиан, а стремлением обеспечить особые права Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине и не допустить здесь соперничества с Россией. Что касается повстанцев, то предло-

жения Андраши вызвали у них разочарование. Как сообщал Игнатьеву И.С. Ястребов, они ожидали больших результатов, надеясь получить если не полную свободу, то, по крайней мере, гарантии Европы. Увидев, что нота Андраши не содержит таких гарантий, они возобновили прерванные на время военные действия против турок.

Если официальный Петербург отнесся к восстанию в Боснии и Герцеговине с большой осторожностью, то иной была реакция русской общественности, горячо сочувствовавшей повстанцам и стремившейся оказать им помощь. Мотивы, двигавшие при этом различными общественными группировками, были неодинаковыми. Передовая Россия видела в борьбе на Балканах прежде всего социальное, аграрное, крестьянское движение, борьбу против феодального угнетения и рассматривала его как прообраз крестьянского восстания в самой России. Ряд русских революционеров, участников «хождения в народ», отправились на Балканы, с тем чтобы принять участие в восстании, получить боевой опыт, наладить пропаганду социалистических идей в среде повстанцев. Некоторым горячим головам представлялось даже, что участие в восстании социалистов поможет придать ему социалистический характер²⁰.

Трудовое население — крестьяне, рабочие, ремесленники — воодушевлялось призывами церкви помочь братьям по крови и вере. Проповеди священников, кружечные сборы в церквях и общественных местах приобрели массовый характер. В конце августа 1875 года, славянскими комитетами была открыта подписка (сбор денег). Собирались деньги и по распоряжению царя, но не в пользу повстанцев, а для «жертв восстания», то есть семей боснийцев и герцеговинцев, бежавших в пределы Черногории, Сербии и Австро-Венгрии²¹. Подписку объявили и некоторые редакции русских газет.

Славянофильские круги, руководившие славянскими комитетами, хотя официально должны были ограничиваться благотворительностью, на деле зачастую вели политическую деятельность, направленную на укрепление влияния России в различных регионах Балкан. Они закупали оружие для повстанцев и даже посылали в их среду своих агентов.

Характерен следующий инцидент: 12 октября 1875 года на заседании Петербургского славянского комитета было принято постановление «обратиться ко всем земствам империи с воззванием подать помощь борющимся за независимость». Разгневанный этим Александр II, опасавшийся обвинений России в подстрекательстве восставших, повелел принять меры «к обузданию незаконных и неуместных действий комитета»²². Однако славянские комитеты продолжали действовать в том же духе, полагая, что в их работе «нуждается и самое русское правительство для успехов своей дипломатии» и что оно может использовать общественное движение сочувствия славянам для оказания давления на Порту²³.

Собранные в стране средства и вещевые пожертвования распределялись российскими консулами и агентами славянских комитетов между беженцами. Некоторые из агентов комитетов как с ведома правительства, так и по собственному почину принимали участие в политических акциях повстанцев. Одним из них был Г.С. Веселитский-Божидарович, серб из обрусевшей семьи, направленный в Черногорию для раздачи пособий герцеговинским беженцам. Он не ограничился Черногорией, а организовал Международный комитет помощи герцеговинцам в Париже. Его связи с повстанцами и авторитет среди них решил использовать Горчаков, чтобы добиться умиротворения Герцеговины. По поручению Горчакова Божидарович в качестве неофициального российского представителя присутствовал при переговорах повстанцев с генерал-губернатором Далмации Г. Родичем в марте 1876 года в Суторине и поддержал требования повстанцев (предоставление автономии, передача $\frac{1}{3}$ земель в собственность крестьянам, освобождение на три года от налогов и др.), которые были австрийцами отвергнуты.

Весной 1876 года Горчаков, видя неудачу плана Андраши, стал склоняться к автономному устройству Боснии и Герцеговины. Канцлер опасался осложнения обстановки на Балканах. Сербия и Черногория усиленно готовились к войне с Турцией. Неспособность Порты справиться с восстанием давала правящим кругам княжеств надежду, что война может привести если не к окончательному разгрому турок, то к существенному их ослаблению. Они усилили помощь повстанцам и вели активные переговоры о совместных действиях, которые закончились подписанием в начале июня 1876 года секретного договора и военной конвенции. Приготовления княжеств не ускользнули от внимания Турции, которая начала готовить упредительный удар против Черногории. И лишь нота протеста России от 10(22) апреля 1876 года, адресованная Турции, отвела нависшую опасность.

По инициативе Горчакова в начале мая в Берлине состоялась встреча трех канцлеров. Горчаков представил проект меморандума, где предусматривались более радикальные меры решения восточного вопроса, в том числе идея автономии Боснии и Герцеговины. Канцлер рассчитывал на поддержку Бисмарка, который в частных разговорах не возражал против автономии²⁴. Однако Бисмарк поддержал не Горчакова, а Андраши, настаивавшего на реализации своего прежнего плана. Появившийся в результате встречи меморандум провозглашал намерение держав оказать давление на Порту с целью проведения реформ на основе плана Андраши, но содержал и некоторые гарантии держав²⁵. России, таким образом, вновь пришлось уступить во имя согласия союзников, ее расчет на поддержку Бисмарка не оправдался.

Берлинский меморандум поддержали Франция и Италия, но Англия отказалась к нему присоединиться, заявив, что он затрагивает престиж

султана. Это знаменовало окончательный провал попыток российской дипломатии ликвидировать конфликт на Балканах с помощью Союза трех императоров.

Между тем тучи на Балканах сгущались. В конце апреля 1876 года началось восстание в Болгарии. Русское правительство в течение весны получало многочисленные известия о готовящемся восстании. Возникновение нового опасного очага конфликта было для него нежелательным, российские дипломаты предостерегали болгар от выступления. Славянские же комитеты, напротив, развернули активную деятельность, снабжая болгар оружием, отправляя туда из России офицеров болгарского происхождения²⁶.

Восстание в Болгарии было быстро подавлено. Оно, как справедливо замечал Игнатъев, оказалось «недостаточно хорошо подготовлено и разразилось раньше срока»²⁷. В ходе подавления восстания погибло более 30 тыс. человек, было сожжено 80 и полностью разгромлено более 200 населенных пунктов²⁸. Многие участники восстания были брошены в тюрьмы и отправлены на каторгу.

Болгары обращались к России с просьбами о помощи. Игнатъев почти ежедневно делал представления великому визирю, настаивая на прекращении репрессий. Однако его авторитет в Константинополе пошатнулся. В мае в турецкой столице произошел государственный переворот, султан был смещен, а затем убит, к власти пришли младотурки, враждебно относившиеся к России и выступавшие за решительное подавление национально-освободительных движений подвластных Порте народов. Игнатъев констатировал, что Порта не принимает никаких реальных мер против террора в Болгарии²⁹. Ничего не могли сделать и российские консулы на местах. Консул в Адрианополе А.Н. Церетелев сообщал в МИД о том, что они «бессильны выполнить свой священный долг», ибо «турки делают положение консулов все более невыносимым и доводят фактически иностранных подданных, особенно славянского происхождения, до положения райи»³⁰. Европейские правительства, включая российское, хранили молчание по поводу болгарских событий. Но общественность России и европейских стран протестовала против бесчинств и жестокостей карателей. В защиту болгарского народа выступали Дж. Гарibaldi, В. Пого, Ч. Дарвин, И.С. Тургенев, У. Гладстон и другие политические и общественные деятели.

Известия о жестоком подавлении восстания в Болгарии вызвали бурю возмущения в русском обществе. 5 мая 1876 года Московский славянский комитет выступил с призывом о сборе пожертвований. Для связи с болгарской эмиграцией в Румынии и Сербии на Балканы был направлен член Петербургского славянского комитета В.С. Ионин, брат российского консула в Дубровнике А.С. Ионина. Он хорошо знал Балканы — служил ранее в Боснии, обладал кипучей энергией и был буквально сдержим идеей сла-

вянской независимости. В задачи Ионина входило сплотить болгарскую эмиграцию и создать добровольческие отряды из болгар, находившихся в Румынии и Сербии, для помощи сербской армии. Прибыв в Бухарест, Ионин приложил неимоверные усилия для воссоздания Болгарского революционного центрального комитета, органа, руководившего освободительным движением болгар и разгромленного после подавления Апрельского восстания. Первоначально Ионин хотел создать комитет на основе соглашения между двумя болгарскими политическими группировками — консервативной партией «старых» и либерально-радикальной партией «молодых», но примирить их оказалось невозможно. Тогда Ионин стал ориентироваться на «молодых». В начале июля 1876 года в Бухаресте состоялось учредительное собрание Болгарского центрального благотворительного общества (БЦБО), почетным председателем которого был избран В. Ионин³¹. Под видом благотворительной организации, собирающей средства для пострадавшего болгарского населения, была создана политическая организация, основной задачей которой стала подготовка свержения османского ига. БЦБО формировало отряды болгарских добровольцев, которые сражались в составе сербской армии против турок, вело агитационную работу. Значительные средства оно получало от славянских комитетов из России. Московский славянский комитет субсидировал издание газет БЦБО.

В ноябре 1876 года БЦБО выступило с политической программой, где от имени болгарского народа выдвигалось требование создания независимой Болгарии (включая Македонию), конституционной по своему статусу. Первым поставил свою подпись под этой программой В. Ионин³². В день объявления Россией войны Турции — 12(24) апреля 1877 года — БЦБО обратилось к болгарскому народу с призывом оказать помощь русской армии³³. Таким образом, в то время как правительство соблюдало осторожность, стремясь не навлечь на себя обвинений со стороны союзников в разжигании освободительного движения балканских народов, славянские комитеты проявили особую активность в этом плане. Деятельность агентов, подобных В. Ионину, не была инспирирована правительством, но оно и ничего не делало, чтобы ее прекратить.

2. На путях к войне

Жестокое подавление Турцией Апрельского восстания в Болгарии, международный резонанс балканских событий повлияли на решение Черногории и Сербии начать войну с Турцией. Нейтралитет княжеств давно уже был фикцией, общественность требовала войны. Однако правящие круги выжидали, каково будет решение Петербурга. Между тем и в русском правительстве, и среди дипломатов не было единства в этом вопросе. Александр II до последнего момента стремился удер-

жать Сербию от войны. Буквально накануне объявления Сербией войны российский консул в Белграде А.Н. Карцов заявил князю Милану, чтобы тот не рассчитывал на помощь России. Князь возразил, что он уже не в силах противиться народу и не может больше содержать беженцев из Боснии и Герцеговины³⁴. В конце мая 1876 года царь отдал распоряжение отозвать из Сербии русского генерала М.Г. Черняева, который самочинно уехал туда, чтобы возглавить сербскую армию в предстоящей войне с турками³⁵. Однако Черняев не подчинился требованию царя и был назначен князем Миланом главнокомандующим сербскими войсками.

Под влиянием донесений Н.П. Игнатьева, А.С. Ионина, А.Н. Карпова, указывавших на воинственные настроения в княжествах, Горчаков все более убеждался в том, что войны не избежать. За войну выступал и наследник российского престола, что было известно Карпову. Таким образом, некоторые факторы давали Сербии основание надеяться на помощь России, и это сыграло свою роль в сербском решении начать войну. Сербское правительство понимало, что отказ от войны вызовет резкое падение его престижа на Балканах, надолго отодвинет решение вопроса о независимости страны и об освобождении и объединении югославянских земель.

18(30) июня 1876 года Сербия объявила войну Турции, еще ранее — 15(27) июня — начала войну Черногория. Оба княжества с помощью войны пытались решить свои национальные задачи — достижение независимости. Правящие круги, кроме того, преследовали цель территориального расширения княжеств: Сербия претендовала на Боснию, а Черногория — на Герцеговину и часть Адриатического побережья.

Объявление войны Турции поддержало абсолютное большинство населения княжеств. В России движение сочувствия славянам вспыхнуло с новой силой. Собирались денежные пожертвования, формировались санитарные отряды, которые ехали в Сербию и Черногорию; на Балканы отправилось несколько тысяч добровольцев, среди них значительное количество участников революционного движения. Генерал Черняев приобрел огромную популярность в России, со всех концов которой направлялись деньги в адрес славянских комитетов с надписью «для Черняева». Среди добровольцев были представители буквально всех социальных слоев страны, в том числе рабочие и крестьяне. Но сербской армии были нужны кадровые военные, необученных крестьян хватало и своих. Поэтому Александр II 27 июля объявил о разрешении русским офицерам уходить в отставку и ехать на Балканы. Так правительство фактически солидаризировалось с Сербией и отступило от политики строгого нейтралитета. Дневниковые записи Д.А. Милютина показывают, что на этот шаг правительство решилось после долгих колебаний³⁶.

У славянских комитетов не хватало средств на отправку добровольцев, и многие ехали за свой счет, а некоторые состоятельные люди формировали целые отряды. О положении в Сербии писали все газеты, в Сербию бежали гимназисты. Налицо был национальный подъем народа, осознавшего свои живые связи с братскими славянскими народами и стремившегося оказать им помощь в неравной борьбе с угнетателями. И хотя впоследствии печать и современники, анализируя истоки этого единого порыва, пытались объяснить его безысходностью русской жизни, угнетенным положением самого русского народа и др., представляется, что главным все-таки были лучшие, гуманные чувства, присущие русскому человеку, всегда так живо отзывавшемуся на чужую боль и горе.

Прогрессивные круги русского общества, с радостным чувством наблюдая за воодушевлением населения, надеялись, что возрожденное национальное самосознание послужит в дальнейшем делу демократического преобразования общественно-политического строя самой России. Однако движение скоро было введено правительством в ограниченные рамки и поставлено под контроль славянских комитетов. Да и сама возможность превращения его в освободительное революционное движение в России была весьма проблематична, так как политическое сознание масс было еще незрелым.

Русское правительство все более осознавало, что войны с Турцией не избежать. В противном случае оно рисковало потерять престиж и среди балканских народов, и внутри страны. Но для того чтобы вести войну, нужно было обезопасить тыл — принять меры к нейтрализации Австро-Венгрии и не допустить создания антирусского блока, как это произошло в Крымскую войну. Особенно велика была опасность создания австро-английского блока. Австро-Венгрия являлась самым опасным соперником России на континенте и в то же время потенциальным союзником Англии. Чтобы предотвратить перерастание войны в общеевропейскую, Петербургу пришлось пойти на соглашение с Веной ценой тяжелых жертв за счет балканских народов. В конце июня 1876 года состоялись переговоры с Австро-Венгрией в Рейхштадте, с русской стороны в них участвовали Александр II, Горчаков и Новиков, а с австрийской — Франц Иосиф и Андраши. Отчет МИД за 1876 год квалифицировал рейхштадтские переговоры как «поиски согласия с Австрией, чтобы избежать превращения конфликта в общеевропейскую войну»³⁷. Вена пошла на переговоры, опасаясь, как бы Петербург не приступил к решению Восточного вопроса единолично и не поддержал требования Сербии и Черногории, а также и части повстанцев о присоединении к первой — Боснии, а ко второй — Герцеговины. Во время переговоров не было заключено письменного соглашения, а достигнута только устная договоренность. Позднее обе стороны зафиксировали свои вари-

анты этой договоренности, между которыми оказались значительные расхождения. Предусматривались две возможности исхода сербо-черногорско-турецкой войны — победа славян или их поражение. В первом случае в обоих вариантах — австрийском и русском — подчеркивалось, что державы не будут содействовать образованию на Балканах большого славянского государства. Таково было главное требование Австро-Венгрии. Россия согласилась с ним, полагая, что оно направлено лишь против объединительных тенденций Сербии и Черногории. Однако неопределенность предложенной Андраши формулировки — «славянское государство» — позволила ему впоследствии выступить против создания Большой Болгарии. Принятие такой формулировки, безусловно, являлось просчетом Горчакова.

В отношении боснийско-герцеговинского вопроса в русской записи соглашения значилось, что Герцеговина присоединяется к Черногории; согласно австрийской — к Черногории присоединялись только пограничные с ней округа Герцеговины и порт на Адриатике. По обоим вариантам Сербия получала часть Боснии и Новипазарского санджака. Что касается Австро-Венгрии, то по австрийской записи она присоединяла основные части Боснии и Герцеговины (за исключением округов, пограничных с Сербией и Черногорией), а по русской — только Северную Боснию — Боснийскую Крайну³⁸.

В русской записи говорилось, что в случае полного крушения Османской империи в Европе Болгария и Румелия могли бы образовать независимые княжества в их естественных границах, в австрийской — для Боснии, Румелии и Албании предусматривалась лишь автономия³⁹. Таким образом, разночтения вариантов давали возможность различных толкований соглашения. Андраши умышленно не представил Горчакову карту с детальным описанием территориальных изменений по австрийскому варианту записи, хотя и обещал это сделать. Это обеспечило ему в дальнейшем возможность толковать соглашение в пользу своей страны.

В случае поражения славян обе стороны должны были потребовать от Порты проведения в Боснии и Герцеговине реформ согласно ноте Андраши от 18(30) декабря 1875 года и Берлинскому меморандуму.

С точки зрения царского правительства, основным политическим итогом рейхштадтской встречи явилось обязательство нейтралитета Австро-Венгрии в случае войны России с Турцией. Ради этого России пришлось согласиться с территориальными претензиями Австро-Венгрии в западном регионе Балкан. С этого момента интересы России сосредоточились преимущественно в восточной части Балканского полуострова.

Рейхштадтское соглашение держалось в строгом секрете, о нем не знали даже заинтересованные лица, в частности Н.П. Игнатьев. Исключение было сделано для Сербии, которой сообщили, что она не может

рассчитывать на Боснию⁴⁰. Сербская армия после первоначальных незначительных успехов стала терпеть поражение за поражением. Ее основу составляла плохо обученная и плохо вооруженная милиция. Общебалканского восстания, на которое надеялись сербы, не произошло. Сказывались ошибочные представления о слабости турецкой армии. Много промахов было сделано главнокомандующим М.Г. Черняевым. В результате Турция стянула к Сербии крупные силы и заняла часть ее территории.

По инициативе Горчакова были начаты консультации держав о сербско-турецком перемирии, но они затягивались, а сербская армия продолжала отступать. Не помогали и финансовые инъекции славянских комитетов, высылавших Черняеву крупные суммы денег. 17(29) октября 1876 года турецкая армия прорвала фронт у Джуниса, путь на Белград был открыт. От окончательного разгрома Сербии спас только русский ультиматум Порте, направленный 18(30) октября 1876 года Портой согласившаяся на двухмесячное перемирие на основе статус-кво.

Все это еще больше приближало Россию к войне с Турцией. Неизбежность войны была ясна некоторым политическим деятелям еще весной 1876 года, когда стал ясен провал предложений Андраши. Милютин в дневнике несколько раз отмечал, что с царем велись разговоры по поводу необходимости военных приготовлений. Ему была даже представлена записка Н.Н. Обручева с планом мобилизации армии на случай войны, но Александр II отказался ее рассмотреть, он еще рассчитывал на мирный исход событий⁴¹. Однако европейские державы отнюдь не были в этом заинтересованы. Англия открыто демонстрировала свою солидарность с Портой и вела дело к тому, чтобы вернуть под ее власть восставшие провинции⁴². Бисмарк прямо подстрекал Россию на войну, рассчитывая, что, увязнув в Восточном вопросе, она даст ему гарантии относительно Эльзаса и Лотарингии⁴³. Он даже обещал России военную помощь и финансовый заем в случае войны, а также намекал на ее права в проливах. Одновременно германский посол в Константинополе подогревал воинственные настроения в правящих кругах Турции.

Петербург, однако, не поддавался на эти провокации. Наоборот, Горчаков так опасался войны, что готов был предоставить Сербии и Черногорию «на произвол судьбы: пусть оружие решит, которая сторона одолеет и которая погибнет»⁴⁴.

К осени положение изменилось. Сербия терпела поражения, русская общественность все громче выступала в защиту славян. Различные общественные деятели подавали царю записки с требованием начать войну. Об этом же писалось в революционных листовках. В одной из распространявшихся в Петербурге прокламаций содержалась резкая критика правительства за бездействие в славянском вопросе и звучал

призыв создать народную армию и идти на защиту славян, а в случае сопротивления правительства «сорвать маски с предателей и, прежде чем двинуться на защиту наших братьев, поразить врагов их в самой России»⁴⁵. В поданной царю записке III отделения 3 августа 1876 года указывало, что среди учащейся молодежи, «которая в последнее время выказала наибольшую склонность к революционной пропаганде», циркулирует мнение, что «правительство, не приняв деятельного участия в устройстве судьбы славян, тем самым облегчит дело революции, могущей впредь опираться не только на социальные идеи, но также и на идею общеславянского освобождения путем славянской революции»⁴⁶.

Сторонники войны были и в правительстве, и даже в самой царской семье. Они понимали, что дальнейшее промедление уронит престиж России в глазах балканских народов.

В сентябре 1876 года Александр II решил приступить к мобилизации армии. Одновременно с мобилизацией была продолжена дипломатическая подготовка войны. В ее задачи входило обеспечить нейтралитет Англии и Австро-Венгрии, между которыми намечался сговор. Возобновились переговоры с Андраши относительно условий австрийского нейтралитета. К этому времени русским политическим деятелям уже было ясно, что австро-венгерский канцлер ведет двуличную политику и что его основной задачей является выторговать у России согласие на присоединение к габсбургской монархии славянских земель. «Игнатьев торжествует: сам канцлер уже сознался, что на прежнего его друга полагаться нельзя»⁴⁷, — записывал в дневнике Милютин. Что касается другого поклонника Андраши — А.Г. Жомини, то он открыто теперь называл австрийского канцлера негодяем. Однако другого выхода не было, приходилось ублажать Австро-Венгрию, тем более что так советовал царю и Бисмарк. «Железный канцлер» рекомендовал уступить Австро-Венгрии Боснию и этим купить ее нейтралитет. Бисмарк оказывал нажим на обе стороны: России он дал понять, что в случае срыва переговоров и австро-русской войны он не допустит разгрома Австро-Венгрии, а Андраши заявил, что ему не следует надеяться на военную поддержку Германии⁴⁸.

В ходе переговоров выяснилось, что Австро-Венгрия претендует не на часть Боснии (как значилось в русской записи соглашения в Рейхштадте), а на всю Боснию и имеет виды на Новипазарский санджак, расположенный между Черногорией и Сербией. России пришлось частично с этим согласиться.

Русско-австрийские переговоры завершились подписанием 3(15) января 1877 года Будапештской конвенции, которая обеспечивала нейтралитет Австро-Венгрии в случае войны России с Турцией и содержала обязательство первой воспрепятствовать вмешательству в конфликт других держав. Взамен Австро-Венгрия оставляла за собой право вы-

бора момента и способа занятия Боснии и Герцеговины. Сербия и Черногория объявлялись нейтральной зоной, куда не могут быть введены русские и австрийские войска, однако допускалось взаимодействие сербской и черногорской армий вне пределов княжеств. Дополнительные пункты конвенции гласили, что территория между Сербией и Черногорией (Новипазарский санджак) не может быть никем аннексирована. Подтверждалось решение, принятое в Рейхштадте, не создавать на Балканах большого славянского государства. Для Болгарии, Албании и Румелии предусматривался статус независимых государств, для Константинополя — возможность стать вольным городом⁴⁹. Конвенция, таким образом, предусматривала распад Европейской Турции. Как видим, нейтралитет Австро-Венгрии был куплен дорогой ценой — ей были отданы Босния и Герцеговина.

Но оставалась еще Англия. Полагая, что ее более всего беспокоит возможность захвата Россией проливов и Константинополя, Александр II, Горчаков и Шувалов приложили немало усилий, чтобы разубедить англичан в таких намерениях России. 21 октября 1876 года царь принял английского посла в Петербурге А. Лофтуса и заявил ему об отсутствии у России притязаний на Константинополь и проливы и вообще всяких посягательств на английские интересы. Но английская пресса подняла шум по поводу желания России «захватить Балканы». Британский премьер-министр Б. Дизраэли, стоявший за спиной этой кампании, требовал принятия энергичных мер против «покушений» России на Константинополь — «ключ к Индии». В случае войны он обещал Порте финансовую помощь и ввод английского флота в Черное море⁵⁰. 9 ноября 1876 года Дизраэли выступил в Лондоне с речью, где объявил о готовности Англии отстаивать целостность Турции вплоть до войны. Через день Александр II произнес ответную речь в Москве, утверждая, что Россия не остановится перед войной во имя защиты южных славян, если не добьется гарантии их прав предстоящей конференцией великих держав в Константинополе⁵¹.

В английских правящих кругах не было единства в восточном вопросе. Донесения Шувалова царю свидетельствовали о разладе между Дизраэли и министром иностранных дел Э. Дерби, проводившим более умеренную политику. Дерби стремился мирными средствами уладить конфликт на Балканах: для европейской войны Англия не имела союзников, руками которых она обычно воевала. Поэтому он предложил провести конференцию держав в Константинополе по восточному вопросу, что устраивало и царское правительство, пытавшееся использовать всякий шанс, дабы избежать войны.

В декабре 1876 года представители держав — гарантов Парижского мира собрались в Константинополе на конференцию по восточному

вопросу. Россию представлял Игнатьев, Англию — министр по делам Индии Р. Солсбери и посол в Константинополе Г. Эллиот. Солсбери принадлежал к консерваторам новой формации, полагавшим, что не следует углублять конфронтацию с Россией. Он видел в ней противовес растущему сопернику Англии в Европе — Германии. Кроме того, Солсбери, в противоположность Дизраэли, считал наиболее перспективным направлением английской экспансии не Азию, а Африку, где не могло быть никаких столкновений с Россией.

По прибытии в Константинополь Солсбери установил контакты с Игнатьевым. Последнему было поручено выработать предложения России по будущей организации Болгарии. Игнатьев подготовил два варианта: проект-«максимум», который написали по его просьбе А.Н. Церетелев и секретарь американской миссии Ю. Скайлер, и проект-«минимум», автором которого был он сам. Упор на решение болгарского вопроса объяснялся тем, что, согласившись с австрийской оккупацией Боснии и Герцеговины, Россия рассматривала Болгарию как основной оплот своего политического влияния на Балканах, тем более что в Сербии в это время усиливалась проавстрийская ориентация.

Проект-«максимум» предусматривал административную автономию Болгарии с христианским губернатором, назначаемым на пять лет. Специальный пункт гласил о создании национальной гвардии. Проект-«минимум» был подготовлен на случай возражений Англии. Согласно ему Болгария делилась на две автономные провинции — западную и восточную. Обе должны были управляться христианскими губернаторами⁵². Оба проекта учитывали пожелания болгарского населения, содержащиеся в передаваемых русским дипломатическим представителям и в адрес конференции многочисленных обращениях о будущем устройстве Болгарии.

На предварительных совещаниях делегатов в Константинополе четко обозначились коренные различия в позициях России и Англии. В задачу первой входило добиться максимально возможного расширения прав христианского населения с помощью автономии; Англия же стремилась сохранить целостность Османской империи на Балканах при минимальных уступках восставшим народам. Англичане и австрийцы выступали против образования единой Болгарии в ее этнографических границах, полагая, что ее создание усилит позиции России на Балканах.

Видя, что проект-«максимум» провести не удастся, Игнатьев проявил большую гибкость и предложил обсудить проект-«минимум». Используя разногласия между Эллиотом и Солсбери, он добился принятия этого проекта с частными изменениями. Это было серьезной победой русского дипломата. Границы предполагаемой Болгарии, хотя и разделенной на две части, включили в себя территории, где прожива-

ло большинство болгарского народа, и одобрение их международной конференцией имело огромное значение для болгар. Игнатьеву также удалось добиться рекомендации о предоставлении автономии Боснии и Герцеговине, а также решения о территориальном расширении Сербии и Черногории. Теперь можно было оказывать давление на Порту от лица европейских держав.

Однако не успела еще конференция завершить свою работу, как последовали непредвиденные события: Турция обнародовала конституцию, содержащую декларацию о политических свободах. Это дало основание турецким уполномоченным заявить на конференции, что теперь все подданные империи равны и нет нужды защищать особые права христиан. Таким образом, работа конференции фактически сводилась к нулю. Представители держав покинули турецкую столицу. Всем было ясно, что за спиной Порты стоит британское правительство Дизраэли, а попытки умеренной группировки в лице Дерби и Солсбери договориться с Россией потерпели неудачу.

Россия тем временем продолжала дипломатическую подготовку к войне. Одновременно с русско-австрийскими переговорами интенсивно шел обмен мнениями с румынскими руководителями.

Если в начале восточного кризиса Петербург полагал сохранение румынского нейтралитета оптимальным вариантом, то теперь, в преддверии войны, стало очевидно важное значение Румынии как союзницы. В силу самого своего географического положения ей сложно было оставаться нейтральной. С осени 1876 года начались переговоры о возможном сотрудничестве двух стран в войне. Они носили затяжной характер, так как правящие круги Румынии сначала хотели сохранить нейтралитет. Но под давлением общественности румынское правительство изменило свою позицию. В конце сентября 1876 года румынская правительственная делегация во главе с премьер-министром Й. Брэтиану прибыла в Ливадию, где была достигнута предварительная договоренность о пропуске русских войск в случае войны с Турцией через территорию Румынии. При успешном исходе войны Россия обязалась признать независимость княжества. После этого визита генералом Н.Н. Обручевым были разработаны основные положения русско-румынской военной конвенции⁵³. В Румынию был командирован полковник Генштаба В.Г. Золотарёв для оказания помощи в подготовке румынской армии к войне.

4(16) апреля 1877 года русско-румынская конвенция была подписана. Согласно ее условиям, русские войска могли пользоваться на территории Румынии железными дорогами, почтовой и телеграфной связью, Румыния оказывала содействие в снабжении русской армии продовольствием и фуражом. Россия возмещала все расходы, обязывалась ува-

жать «политические права Румынского государства» и брала под свою защиту неприкосновенность и целостность княжества⁵⁴. Конвенция обезопасила Румынию от реальной угрозы вторжения турецких войск, планы которого уже вынашивались Портой⁵⁵.

Важной задачей русской дипломатии в этот период стало содействие заключению мирных договоров Сербии и Черногории с Турцией. Русское правительство рассчитывало на княжества как на союзников в войне. Однако состояние сербской армии исключало возможность ее участия в боевых действиях. Сербии нужна была передышка. 16(28) февраля 1877 года она подписала мир с Турцией на основе статус-кво. Для усиления боеспособности армии Сербия получила от России 1 млн руб. Что касается Черногории, то поскольку Порты не соглашалась удовлетворить ее территориальные претензии, то в начале апреля 1877 года мирные переговоры были прерваны.

Готовясь к войне, Россия еще надеялась на возможность мирного исхода дела. Русская дипломатия попыталась в последний раз организовать перед Портой демарш держав — участниц Константинопольской конференции. С этой целью Н.П. Игнатьев под предлогом необходимости консультаций с европейскими окулистами был направлен в Вену, Берлин, Париж и Лондон для выработки общей позиции держав. Проект документа, который он вез, содержал требования к Порте провести под надзором держав реформы в христианских провинциях Османской империи на основе решений Константинопольской конференции и демобилизовать армию.

Война в целом была сочувственно встречена населением, видевшим в ней благородную задачу освобождения угнетенных братских народов. Чтение манифеста об объявлении войны везде проходило при большом стечении народа и встречалось криками «Ура!». Развернулось добровольческое движение. В армию шла молодежь, в том числе студенты. Среди добровольцев были крестьяне и рабочие. Солдаты, расквартированные в тылу частей, также стремились попасть на театр военных действий. Так, когда из полков стоявшей в Риге 29-й пехотной дивизии потребовалось 200 стрелков в действующую армию, то «каждый солдат хотел непременно сам отправиться на войну... Многие со слезами на глазах, доказывая, что они по службе старше выбранных, умоляли отправить их на театр военных действий»⁶².

«Сочувствие всех классов общества к войне громадное»⁶³, — доносил помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления шефу жандармов. Из Царицына сообщали: «В настоящем году настроение народа самое патриотическое, у всех одна цель, одна мысль, одно желание — чтобы государю удалось совершить освобождение славян»⁶⁴. Народные массы проявляли большую политическую ак-

тивность, что выразилось в повсеместном интересе к войне; чрезвычайно выросли тиражи газет. Начальник Симбирского жандармского управления отмечал в своем донесении: «Крестьяне, едва выучившиеся читать по складам, прочитывают все попадающиеся им газетные известия»⁶⁵. Военные события временно отодвинули на второй план так называемые «внутренние вопросы».

Начиная войну, Россия не имела планов территориальных приращений на Балканах. Автор стратегического плана войны генерал Н.Н. Обручев определил ее цель как «безусловное уничтожение владычества турок на Балканском полуострове»⁶⁶. Ведущей задачей войны являлось освобождение Болгарии и создание независимых государств на Балканах (Сербии, Черногории, Румынии). Это была прогрессивная программа. Однако, начиная войну, Россия преследовала и своекорыстные цели: она рассчитывала в скорой победоносной войне упрочить свое идеологическое и политическое влияние на Балканах. Не последнюю роль играло стремление правящих кругов укрепить свой престиж внутри страны и покончить с революционным движением, набиравшим силу.

Хотя правительство и объявило об отсутствии завоевательных планов, европейская печать подняла тревогу, обвиняя Россию в намерении захватить Балканы и овладеть проливами. Особенно яростно выступала английская пресса. Дизраэли грозил занять проливы английским флотом. Английскому послу в Петербурге Лофтусу было поручено довести до сведения русского правительства, что Англия считает объявление Россией войны необоснованным и не верит, что вступление русских войск в пределы Османской империи улучшит положение христианского населения. Россия обвинялась в нарушении Парижского трактата 1856 года⁶⁷. Через посредство Франции русскому правительству было заявлено, что Англия любыми средствами помешает России захватить проливы и постарается сама овладеть ими в случае перехода Дуная русской армией. 24 апреля последовала нота Дерби, где он требовал заверений о нераспространении действий России на проливы, Суэц, Египет и Персидский залив. Деказ советовал Горчакову, во избежание серьезных международных осложнений, сделать официальное заявление о целях войны⁶⁸. После этого 18(30) мая Горчаков направил Шувалову специальную инструкцию, где заявлялось об отсутствии у Петербурга намерений блокировать навигацию по Суэцкому каналу, захватить Константинополь и проливы, угрожать Индии. Давалось понять, что при сохранении английского нейтралитета Россия будет учитывать британские интересы. В инструкции предлагалось урегулировать вопрос о Константинополе и проливах «с общего согласия и на справедливых и действительно гаран-

тированных началах»⁶⁹. В другой инструкции Шувалову от того же числа излагалась программа русского правительства. Подтверждалось отсутствие интереса к Суэцу и Египту, в отношении проливов и Константинополя давалось заверение об отсутствии намерения завладеть ими или длительно оккупировать. Далее Горчаков указывал, что русские войска могут вообще не приближаться к Константинополю, если Англия воздействует на Порту и убедит ее подписать мир до перехода русской армии через Дунай.

Главная цель войны определялась Горчаковым как улучшение положения балканских христиан, особенно Болгарии, при действенной гарантии против злоупотреблений турецкой администрации, что положит конец всяким кризисам на Востоке. Канцлер предлагал заключить соглашение трех дворов — Петербурга, Лондона и Вены — относительно целей войны.

При этом предполагалось два варианта: в случае, если Турция запросит мира до перехода русской армией Балкан, он может быть заключен на следующих условиях: предоставление автономии Северной Болгарии (до Балкан), введение «регулярной» администрации в Южной Болгарии, увеличение территорий Сербии и Черногории, «хорошая администрация» в Боснии и Герцеговине. Сама Россия претендовала на возвращение отторгнутой у нее в 1856 году Южной Бессарабии и присоединение Батума. Делалась оговорка, что Россия не возражает против компенсаций Австро-Венгрии в Боснии и отчасти в Герцеговине. Если же Турция не пойдет на заключение мира на этих условиях, «тогда условия мира зависели бы от обстановки и хода войны, и он был бы заключен по договоренности с державами, если они сохраняют нейтралитет»⁷⁰.

Отметим некоторые особенности этих документов. Готовность русского правительства не переходить линию Балкан показывает, что оно, вступая в войну, действительно не собиралось захватывать Константинополь и проливы. В инструкции ничего не говорилось, в особенности в период, когда во главе стоял А.М. Дондуков-Корсаков, сыграла большую роль в создании государственной организации Болгарии, нормализации экономики, в деле культурных и иных преобразований.

После форсирования Дуная русская армия должна была двинуться к Константинополю. Но на флангах турки имели сильные боевые группировки. Поэтому решено было сначала их разбить и разведать центр противника. Передовой отряд под командованием генерал-лейтенанта И.В. Гурко, в состав которого входило и болгарское ополчение, получил задачу перейти Балканы. При этом командование рассчитывало поднять восстание болгар в тылу турецкой армии⁸². 25 июня 1877 года отряд начал наступление, перешел Балканы через труднодоступный Хаинкиойский перевал и занял города Казанлык, Калофер и Старую За-

гору. Вскоре в руках русских оказался и Шипкинский перевал. Обеспеченное этим турецкое командование перебросило в Болгарию успешно действующий в Черногории корпус Сулейман-паши, что предотвратило разгром черногорской армии. Турки начали наступление, намереваясь возвратить Шипкинский перевал. 19 июля произошло кровопролитное сражение под Старой Загорой, где основные турецкие силы встретили героическое сопротивление небольшого русско-болгарского отряда. Это был первый серьезный бой, в котором участвовало болгарское ополчение, блестяще показавшее свою боеспособность. Основные силы русских отошли к Шипке и заняли оборону.

При отходе русских войск беззащитное болгарское население оказалось в руках турок, которые стали разорять и сжигать болгарские города и деревни, подвергая страшным насилиям жителей. Вслед за отступающими русскими отрядами двинулись в Северную Болгарию болгарские беженцы. Размещением их и снабжением продовольствием занималось русское гражданское управление. Как уже говорилось, беженцам предоставлялись дома, покинутые турками, и право уборки полей из половины урожая. Другая половина предназначалась для нужд русской армии⁸³.

Западный отряд русской армии под командованием генерал-лейтенанта Н.П. Криденера наступал в направлении Никополя, крепости на болгарском берегу Дуная, и занял его 3 июля вместе с румынскими войсками. Главные силы противника на этом направлении были сосредоточены в крепости Плевна, гарнизон которой под командованием Осман-паши насчитывал 16 тыс. человек. Двигаться на Константинополь, имея в тылу такую силу, было опасно. Во второй половине июля русская армия предприняла две неудачные попытки овладеть Плевной, сопровождавшиеся крупными потерями с русской стороны.

Сложным было положение и на Кавказском театре военных действий. Первоначально здесь были достигнуты некоторые успехи, но их не удалось развить и закрепить из-за стратегических просчетов главнокомандующего — брата царя великого князя Михаила Николаевича, а также командира корпуса М.Т. Лорис-Меликова. Кавказская армия вынуждена была оставить занятые позиции и перейти к обороне. Турецкая армия Мухтар-паши вплотную подошла к русской границе.

В этих условиях царскому правительству стало очевидно, что война затягивается и план быстрого похода на Константинополь провалился. Было решено провести зондаж относительно возможного заключения мира с Турцией. Александр II направил через английского военного агента в Петербурге Уэлсли просьбу к Англии о посредничестве, однако получил отказ. Раздражение Лондона вызвали слова царя о том, что английское правительство, поощряя турок, затягивает войну. Дерби

в специальной ноте заявил, что правительство ее величества королевы не намерено отступать от строгого нейтралитета, да и вряд ли Порта согласится на русские условия⁸⁴.

Неудачи русской армии оживили поползновения Австро-Венгрии занять Боснию и Герцеговину, к границам этих провинций и Черногории стягивались австрийские войска⁸⁵. Оттягивала вступление в войну Сербия. После форсирования Дуная русский главнокомандующий рекомендовал сербам послать войска на границу, объявить независимость и войну Турции, как это сделала Румыния, а после двух первых штурмов Плевны командование признало целесообразным, чтобы сербские войска оказали содействие русской армии. Сербии были выданы 500 тыс. руб. в счет миллионной субсидии на военные нужды. Однако Сербия не торопилась. К тому же Англия и Австро-Венгрия выразили протест против ее возможного вступления в войну. Первая заявила, что Сербии тогда нечего рассчитывать на добрые услуги Англии при заключении мира, а вторая пригрозила оккупацией Боснии⁸⁶.

К этому периоду относится попытка славянских комитетов активизировать в тылу у турок действия боснийских повстанцев.

С началом войны Болгарское центральное благотворительное общество в Бухаресте было распущено. Его организатор В.С. Ионин задался теперь мыслью связаться с боснийскими повстанцами, объединить их разрозненные отряды и создать единый центр руководства восстанием в Боснии. Этот план был, видимо, одобрен славянским комитетом, ибо Ионин располагал средствами. Ионин считал, что необходимо создать временное боснийское правительство, что даст «более жизни боснийскому восстанию»⁸⁷. Действительно, мелкие боснийские отряды и соперничавшие между собой их руководители не представляли серьезной угрозы для турок.

В.С. Ионин, как и его брат А.С. Ионин, был ярким противником австрийской оккупации Боснии и Герцеговины и рассчитывал, что объединенные партизанские отряды в случае необходимости могут дать отпор австрийцам. Прибыв в конце июня в повстанческий лагерь Сторожиште, подчинявшийся сербскому офицеру, командовавшему боснийцами, М. Деспотовичу, В.С. Ионин изложил свои идеи.

Однако они встретили сопротивление Деспотовича, не хотевшего делить с кем-либо власть. Не удалась и другая попытка создать временное правительство, предпринятая Иониным позднее. Этому помешали сторонники сербской ориентации из числа вождей повстанцев. Сербия, сама мечтавшая присоединить Боснию, не желала ее самостоятельности. Сербский министр иностранных дел Й. Ристич посоветовал повстанцам порвать с Иониным, как «представителем страны деспотизма»⁸⁸. Но упрямый Ионин не отступал. В сентябре 1877 года в повстанческом ла-

гере Тишковце он добился одобрения своего предложения. На скупщине повстанцев в Тишковце было создано временное боснийское правительство, председателем которого был избран Ионин. Он же подписал первые документы правительства, провозглашавшие свободу и независимость Боснии и призывавшие повстанцев продолжить борьбу. Ионин пытался сплотить повстанцев, но продолжавшиеся против него интриги сербских агентов вынудили его вскоре покинуть Боснию⁸⁹.

Несмотря на кратковременность существования боснийского правительства, его создание имело большое значение в истории боснийского восстания. С этого времени начался период выработки новых политических концепций движения⁹⁰. Идея политической независимости была противопоставлена борющейся Боснией как австрийским, так и сербским планам захвата провинции. Примечательно, что идея независимости Боснии и создания временного правительства вышла из кругов славянских комитетов, а не официальной России, которая даже в Сан-Стефанском мирном договоре намечала для Боснии и Герцеговины всего лишь административную автономию. Это обстоятельство ярко свидетельствует о политическом характере деятельности славянских комитетов, направленной на распространение русского влияния в западном регионе Балкан, их тесной связи с югославянскими повстанцами.

Неудачи под Плевной осложнили внутривнутриполитическое положение в России. Общество начало роптать. Бросались в глаза ошибки командования, крупные недочеты в продовольствовании и вооружении армии, военно-медицинском деле. Общественное мнение было настроено против главнокомандующего и его штаба. В адрес царя и III отделения поступали многочисленные письма с требованием сменить Николая Николаевича⁹¹.

Война усугубила и без того тяжелое экономическое и финансовое положение страны. К этому добавился неурожай, в результате которого вздорожали продукты, увеличилась безработица. В неурожайных губерниях у крестьян уже в октябре–ноябре 1877 года кончился хлеб, они распродавали скот и направлялись в город, но и там вследствие сокращения производства оказывались без работы. Бедственное положение крестьян осложнилось проведением в июле–августе призыва ратников государственного ополчения. Крупные людские потери при штурмах Плевны заставили правительство прибегнуть к этой непопулярной мере. В европейских губерниях подлежало призыву более 200 тыс. человек, причем не делалось исключения для «льготников» по семейному положению и единственных кормильцев. Множество крестьянских семей осталось без средств к существованию. Среди крестьян началось глухое брожение.

Если мы обратимся к такому интересному источнику, как доклады III отделения «О лицах, произнесших дерзкие слова против особ императорской фамилии», то увидим, что в 1877 году было 630 таких докладов и 260 из них, то есть более 40 %, связаны с протестами крестьян против тягот военного времени. В высказываниях отдельных рабочих, зафиксированных в полицейских документах, звучали пораженческие настроения и надежды на падение самодержавия в результате войны, мысли о ненужности территориальных приобретений, достигаемых ценою народной крови, о разорении народа вследствие войны.

Недовольство правительством выражали и другие общественные круги. Консерваторы не могли простить ему военных промахов, либералы стали требовать конституции. Некоторое представление о настроениях общества дает следующее свидетельство Самарского жандармского управления: «Теперь пропаганду более или менее ведут все, все недовольны, каждый по-своему, и все недовольны правительством... Пропагандиста теперь не узнаешь. Он является и в образе мирового судьи, адвоката, члена земской или городской управы, учителя гимназии или сельской школы, чиновника, занимающего значительное место, помещика, судебного следователя, доктора и даже станового пристава»⁹².

В этих условиях правительство стремилось быстрее закончить войну. Однако турецкие войска оказывали стойкое сопротивление. Сведения о слабости турецкой армии оказались преувеличенными. Окончился неудачей третий штурм Плевны, предпринятый при участии румынских войск 30 августа 1877 года. После четырехдневной артиллерийской бомбардировки ценой огромных усилий русские войска овладели турецкими редутами перед Плевной, но вскоре были выбиты из них, не получив подкреплений. Взятию крепости вновь помешали ошибки главного командования. Плевна не давала начать общее стратегическое наступление на юг. По настоянию Милютина командование отказалось от дальнейших штурмов Плевны и приступило к осаде крепости.

Другая часть русской армии, в которую входило и болгарское ополчение, стойко обороняла Шипкинский перевал. Осенью там шли ожесточенные бои, затем наступила зима, перевал закрылся и военные действия приостановились. Голодные и плохо одетые солдаты героически обороняли Шипку. «Шипкинское сидение» вошло в историю как образец великого мужества и героизма русских воинов. Во время зимней обороны Шипки потери боевого состава, погибшего от болезней и обморожения, составили от 40 до 60 %⁹³. Но турецкие войска не смогли проникнуть в Северную Болгарию.

Лучше было положение на Кавказском театре военных действий, куда в августе–сентябре прибыли подкрепления из России. В конце сентября началось наступление, в ходе которого турецкие войска потерпе-

ли серьезное поражение, а 6 ноября штурмом был взят Карс. Несколько ранее — в конце октября — пал Эрзерум. Успехи на Кавказе не дали возможности туркам перебросить на Балканы анатолийскую армию.

28 ноября капитулировала осажденная Плевна, сдалось в плен 43 тыс. турецких солдат и офицеров. Путь в Южную Болгарию для русских войск был открыт. Русская армия перешла Балканы и двинулась к Софии.

Взятие Плевны ускорило вступление в войну Сербии, которая еще раньше начала концентрацию войск на юго-восточной границе. Помимо выделенного Сербии миллиона рублей на военные расходы русское командование обязалось особо платить сербскому правительству за содержание войск вне границ княжества⁹⁴.

Сербия вступила в войну 3 декабря 1877 года. В обращении к народу говорилось, что задача войны — завоевание независимости. Сербские правящие круги преследовали и своекорыстные цели, развернув наступление на территории, присоединения которых они домогались (Ниш и Пирот). Моральное значение вступления Сербии в войну для солдатских масс было ослаблено тем, что оно совершилось уже после падения Плевны. Но все же сербская армия оказала определенную поддержку русским войскам, оттянув на себя силы корпуса Махмед-паши и облегчив тем самым отряду Гурко переход через Балканы.

Успешно развивались и военные действия Черногории, которая овладела городами Никшич, Бар и Улцинь, а также частью Приморья от реки Бояны до Будвы. Судьба кампании была решена.

Русское правительство предприняло шаги к разработке условий мира. Первоначальные проекты были намечены Горчаковым еще летом 1877 года. В зависимости от военной и международной ситуации намечались следующие условия: в случае, если бы Порта запросила мира ранее перехода русскими войсками Балкан или он заключался бы при посредстве европейских держав, предусматривались более умеренные условия — Сербия и Черногория, получая некоторые территориальные приращения, сохраняли статус вассальных автономий, Болгария приобретала либо вассальную, либо административную автономию. В Албании, Эпире, Фессалии и на Крите предполагалось провести реформы, предложенные Константинопольской конференцией.

В случае же, если Турция будет быстро разбита, а державы не вмешаются, предлагался более радикальный путь решения вопроса: Сербия, Черногория и Болгария приобретали независимость, Эпир, Фессалия и Крит присоединялись к Греции. Во всех проектах присутствовало вынужденное условие вознаграждения Австро-Венгрии.

Летние проекты Горчакова отличались от программы, предложенной им в инструкции Шувалову от 18(30) мая 1877 года, в частности появилось требование независимости для балканских государств⁹⁵. Одна-

ко проекты Горчакова уже не отвечали новой ситуации, когда военные успехи России позволяли, по мнению правительства, требовать большего. Осенью 1877 года в правящих кругах усилилось влияние группировки, убеждавшей Александра II отказаться от осторожной тактики. Инициатива разработки новых условий мира перешла в руки Д.А. Милютина и Н.П. Игнатьева.

В связи с тем что Турция начала зондировать почву относительно посредничества держав в заключении мира, важно было предупредить его и выступить с уже готовой собственной программой. По просьбе Милютина А.И. Нелидов, бывший тогда заведующим дипломатической частью при главнокомандующем, срочно составил записку об основах будущего мира, которая была передана царю. Хотя Милютин и настаивал на строгой секретности этого проекта, царь все же счел нужным ознакомить с ним Горчакова. Последний посоветовал Александру II поставить в известность германского и австрийского императоров⁹⁶. 27 ноября царь написал письма Вильгельму I и Францу Иосифу с сообщением условий мира⁹⁷. Согласно им Болгарии предоставлялась политическая (но с сохранением уплаты дани Турции) автономия, а для обеспечения порядка вводилась двухлетняя оккупация Болгарии русскими войсками. Сербия, Черногория и Румыния получали независимость, первые два княжества — большие территориальные приращения. Босния и Герцеговина приобретали административную автономию в соответствии с решениями Константинопольской конференции, а Австро-Венгрия контролировала этот процесс и участвовала в управлении провинциями. Наконец, Россия возвращала себе Южную Бессарабию и получала завоеванные территории в Закавказье. Специальный пункт о проливах допускал в военное время проход лишь отдельных военных судов прибрежных государств с разрешения султана. Предвидя сопротивление западных держав ранее выдвинутому предложению Горчакова, Александр II определил здесь режим проливов более осторожно.

В начале декабря свой проект условий будущего мира составил Игнатьев. От нелидовского он отличался более конкретными и более широкими преобразованиями. Основной упор в проекте был сделан на создании Большой Болгарии с выходом к Черному и Эгейскому морям. Черногории передавалась значительная территория и побережье с городами Котором и Баром, она получала общую с Сербией границу по реке Дрин.

Впоследствии Игнатьев отказался от некоторых пунктов своего проекта, приблизив его к решениям Константинопольской конференции. Проекты Нелидова и Игнатьева базировались на общих принципах и отличались от предложений Горчакова твердой ориентацией на независимость балканских государств и политическую автономию Болгарии. В них содержалась также идея о том, что княжества должны иметь эко-

номическую независимость, чтобы успешно противостоять экспансии Австро-Венгрии. С этой целью предполагалось такое расширение их территории, которое бы включало плодородные земли, порты, важные в экономическом отношении центры и пути сообщения⁹⁸.

Таким образом, программа русского правительства претерпела существенную эволюцию. Ее доминирующим принципом стал принцип независимости, что в наибольшей степени отвечало интересам самих балканских народов. Множество факторов способствовало этому: и небывалый подъем национально-освободительного движения на Балканах, и широкая поддержка этого движения в России, и собственные субъективные цели царизма, рассчитывающего найти опору в освобожденных с его помощью государствах для решения задач своей европейской и балканской политики. Военные успехи вселяли надежду на реализацию проектов преобразования Балкан.

Однако они же вызывали беспокойство западных держав. Бисмарк опасался побед России, так как это было чревато обострением австро-русских отношений. Англия панически боялась русской угрозы Константинополю. Еще в июле английский флот вошел в Безиксхую бухту близ входа в Дарданеллы. После падения Плевны Дизраэли вознамерился даже объявить войну России, и только сопротивление других членов английского кабинета помешало этому. Лондон ограничился направлением Шувалову 1 декабря меморандума с предупреждением против занятия русскими войсками Константинополя, в случае которого Англия угрожала России войной⁹⁹. Одновременно Лондон по просьбе Турции пытался организовать коллективное посредничество держав в заключении мира, но Россия отвергла его, заявив, что согласится только на прямые русско-турецкие переговоры.

Тем временем Александр II получил от Вильгельма I уклончивый ответ. Австрийский же император отнесся к русскому проекту условий мира весьма холодно. Австро-Венгрия возражала против Большой Болгарии, территориальных приращений Черногории и автономии Боснии и Герцеговины. Андраши обвинял Петербург в нарушении соглашений в Рейхштадте и Будапеште, ссылаясь на условие о необразовании большого славянского государства на Балканах. Теперь он утверждал, что это относилось к Болгарии. В начале января 1878 года Австро-Венгрия и Англия выступили с заявлением о том, что договор между Россией и Турцией должен быть одобрен державами — участниками Парижского конгресса 1856 года, так как он затрагивает европейские интересы. Налицо было явное стремление диктовать России свои условия.

Русское правительство приняло решение заключить предварительный (прелиминарный) мир, выразив готовность представить те его ста-

ты, которые касаются интересов европейских держав, на обсуждение конференции государств — участников Парижского конгресса.

Обстановка заставляла спешить с заключением перемирия и мира. 5 января проект мирного договора, подготовленный Игнатьевым, рассматривался на совещании у царя и получил одобрение; даже Горчаков нашел предлагаемые условия умеренными. Игнатьев был отправлен в Адрианополь для ведения переговоров о мире. При этом ему запрещалось вносить в текст договора какие-либо изменения без ведома царя. По дороге он остановился в Бухаресте, где ему пришлось выдержать жаркие баталии во время свидания с румынскими министрами Й. Брэтиану и М. Когольничану. Румыны протестовали против намерения России вернуть Южную Бессарабию, обменяв ее на Добруджу. Однако Игнатьеву удалось преодолеть их сопротивление, пригрозив, что могут быть найдены более покладистые министры.

Тем временем русские войска продолжали стремительно приближаться к Константинополю, что вызывало беспокойство в Англии. Горчаков пытался успокоить Лондон, заверяя в отсутствии у России намерений занимать турецкую столицу. Действительно, русским войскам было предписано продвигаться к ней, пока турки не примут условий мира, но не занимать ни город, ни Галлиполи. Однако англичане не верили обещаниям российского канцлера. Английский флот в Бизике получил приказ двинуться к Константинополю. Англия угрожала России разрывом дипломатических отношений.

19(31) января 1878 года в Адрианополе, занятом к тому времени русскими войсками, было подписано перемирие и «Основания мира». Согласно последнему документу, Сербия, Черногория и Румыния получали независимость и приращение территории, создавалось автономное Болгарское княжество с выходом к Эгейскому морю. Большая часть Балканского полуострова освобождалась от османского владычества. Турецкий уполномоченный Савфет-паша назвал эти условия «смертным приговором Оттоманской империи»¹⁰⁰.

«Основания мира», включавшие максимум русских требований, встретили протесты великих держав Европы, усиливших настояния по поводу созыва европейской конференции. Опасность англо-австрийского союза заставила Россию согласиться на это, но царь и Горчаков все еще надеялись успокоить Австро-Венгрию с помощью Германии. 31 января Горчаков направил российскому послу в Берлине П.П. Убри меморандум, где подвергал подробному разбору возражения Англии и Австро-Венгрии против «Оснований мира». Меморандум отражал взгляды русского правительства по важнейшим международным вопросам и одновременно являлся инструкцией Убри для переговоров с Бисмарком.

Горчаков настаивал на политической автономии Болгарии, отмечая, что после всех жертв, принесенных Россией и русским народом в войне за освобождение Болгарии, решение болгарского вопроса на основе постановлений Константинопольской конференции невозможно¹⁰¹.

Канцлер доказывал, что разделение Болгарии на две части, на чем настаивала Австро-Венгрия, будет означать искусственное расчленение одной нации, которая все равно станет стремиться к объединению, а следовательно, почва для конфликтов на Балканах останется. Одновременно Горчаков сообщал, что Россия не будет возражать против австрийской оккупации Боснии и Герцеговины.

В меморандуме канцлер коснулся вопроса о проливах, успокоив Бисмарка заявлением, что «этот вопрос оставлен европейскому соглашению». Отвергая планы превращения Константинополя в вольный город, Горчаков полагал наиболее целесообразным оставить его в руках турок «в качестве уполномоченных Европы для охраны проливов».

Однако надежды Горчакова на поддержку Бисмарка оказались напрасными. Выступая 7 февраля 1878 года в рейхстаге с ответом на запрос оппозиции о политике Германии в восточном вопросе, германский канцлер заявил, что он ограничится только ролью «честного маклера». Он посоветовал Убри скорее дать согласие на созыв европейской конференции, на которой и решить все вопросы, и «не порывать» с Австро-Венгрией¹⁰².

России оставалось только последовать этому совету. Дав согласие на европейскую конференцию, Горчаков приложил все усилия, чтобы она была созвана не в Вене (где председательствовал бы Андраши), а в Берлине. У него еще оставались какие-то надежды на содействие Бисмарка, «Бисмарк собирается сказать свое слово, его ждет вся Европа. Оно будет решающим»¹⁰³, — писал он Убри.

С Адрианопольским перемирием кончился этап восточного кризиса, в ходе которого Россия пыталась решить свои задачи военным путем. В дело вновь вступила дипломатия.

3. Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат

27 января 1878 года Игнатьев прибыл в Главную квартиру — в Адрианополь. Перемирие было уже подписано. По мнению Игнатьева, это было сделано преждевременно, так как в руках турок оставались территории с преобладающим болгарским населением (Македония)¹⁰⁴. 31 января в Адрианополь прибыл турецкий уполномоченный, министр иностранных дел Порты Савфет-паша, а позднее второй уполномоченный Садуллах-бей. Русскую сторону представляли Игнатьев и Нелидов. Турки нашли требования русского проекта договора чрезмерными. Особое недовольство вызвал у них пункт о создании Большой Болгарии. Они

предлагали в болгарском вопросе ограничиться решениями Константинопольской конференции. Началась дипломатическая дуэль.

Турки были заинтересованы в затягивании переговоров, рассчитывая при поддержке западных держав добиться пересмотра условий перемирия. Турецкие уполномоченные под разными предлогами откладывали решение вопросов. Игнатьев, напротив, стремился как можно быстрее подписать договор. Горчаков ставил перед ним задачу скорейшего заключения мира. Направляя ему инструкцию по переговорам, он подчеркивал, что ввиду опасности сближения Англии и Австро-Венгрии, их откровенно враждебной позиции «трудно полностью придерживаться программы, которую вы наметили для предварительного мира». Поэтому канцлер рекомендовал не настаивать на требованиях, затрагивающих «европейские интересы», но в отношении Болгарии занять твердую позицию: она должна получить политическую автономию¹⁰⁵.

Ускорить переговоры требовал и главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, желавший сделать подарок брату и заключить мир не позднее 19 февраля — дня освобождения в 1861 году крестьян, подчеркнув этим двойную «освободительную» миссию царя. Игнатьев, со своей стороны, считал, что надо «связать Порту самым формальным образом, чтобы лишить ее возможности отречься от своих обязательств на будущей европейской конференции» и поставить Европу перед свершившимся фактом¹⁰⁶. Он надеялся, что если турки согласятся на русские условия и подпишут договор, то европейские державы не станут нарушать волю победителей и согласие побежденных.

Переговоры были очень напряженными, продолжаясь ежедневно по нескольку часов. С целью разведать возможности сопротивления Порты русским условиям Игнатьев через своих старых сотрудников и агентов постарался выяснить настроения в правящих кругах Константинополя и состояние турецкой армии. Согласно полученным сведениям, в султанской столице царил разброд, а турецкая армия была небоеспособной. Часть правящих кругов, настроенная антианглийски, выступала за принятие русских условий мира и даже не возражала против ввода русских войск в Константинополь. Все это существенно помогло Игнатьеву при переговорах.

Особенно ожесточенные споры вызвал вопрос о границах Болгарии. Турецкая сторона решительно возражала против включения в ее состав Македонии. По мнению же Игнатьева, это было необходимо «для благополучного разрешения церковного вопроса, а также чтобы дать выход в Эгейское море, без чего торговая Болгария никогда развиваться не может»¹⁰⁷.

Для предупреждения занятия русскими войсками турецкой столицы 2 февраля 1878 года Англия ввела свою эскадру в Мраморное море. Это

вызвало ответные действия России: русские войска продвинулись к Константинополю и по согласованию с турками заняли местечко Сан-Стефано близ столицы. Туда же была переведена Главная квартира, и там продолжались переговоры о мире.

Давление Игнатьева на турок усилилось. Несколько раз он угрожал прервать переговоры. Перспектива возобновления военных действий заставила Порту смириться: она приняла подавляющее большинство русских требований. Однако и Игнатьеву пришлось кое-чем поступиться, чтобы не затягивать переговоры. Он отказался от требования передать России построенные в Англии турецкие броненосцы (которыми надеялись укрепить русский флот). Был также принят во внимание протест турок против установления общей сербско-черногорской границы. Между княжествами сохранили территорию, находившуюся во владении Порты. Не удалось добиться и всех желаемых приращений к сербской территории, так как турки ссылались на текст Адрианопольского перемирия, где говорилось не об увеличении сербских границ, а только об их исправлении. Это обстоятельство вызвало недовольство Сербии и сыграло впоследствии свою роль в ее сближении с Австро-Венгрией.

На переговорах обсуждался также вопрос о военной контрибуции, определенной русской стороной в 1400 млн руб. Турки согласились на уплату 300 млн руб., предложив остальную сумму компенсировать передачей России городов Ардаган, Карс, Баязет и Батум, а также Добруджи, которую Россия меняла на Южную Бессарабию.

19 февраля (3 марта) 1878 года договор был подписан.

Сан-Стефанский договор существенно изменил карту Балкан. Согласно ему Сербия, Черногория и Румыния получали независимость и значительно расширяли свои границы. Болгария, включавшая Македонию, становилась вассальным княжеством, связанным с Турцией уплатою дани; турецкие войска выводились с ее территории. Князь избирался населением, его власть ограничивалась народным собранием. В течение двух лет в Болгарии оставались русские войска и сохранялось гражданское управление. В христианских провинциях Турции проводились реформы, предложенные Константинопольской конференцией (в Боснии и Герцеговине) или вводился регламент (в Эпире, Фессалии, на Крите). России возвращалась Южная Бессарабия, а на Кавказе она получала города Батум, Карс, Ардаган и Баязет. Пункт об изменении режима проливов в пользу России, присутствовавший в проекте договора, в окончательном тексте был снят по требованию Горчакова, опасавшегося международных осложнений.

Договор, по сути дела, разделил европейские и азиатские владения Турции, что значительно ослабляло политическую и экономическую

власть Порты и способствовало дальнейшему подъему национально-освободительной борьбы оставшихся под ее властью народов. Получившим независимость народам он открывал возможности для национального, экономического и культурного прогресса. Однако включение, согласно договору, в состав Болгарии ряда территорий со значительным по количеству неболгарским населением могло впоследствии привести к возникновению напряженности в отношениях между Болгарией, Сербией и Грецией и к новым осложнениям на Балканах.

Заключение договора было с восторгом встречено в Болгарии, где день 3 марта до сих пор отмечается как национальный праздник. По всей стране собирались подписи под адресом Александру II. Адрес, подписанный более чем 230 тыс. человек, был передан главнокомандующему русской армии 10 апреля 1878 года в Сан-Стефано. В нем выражалась великая благодарность русскому народу за освобождение болгар от пятивекового османского ига¹⁰⁸. С удовлетворением встретили договор и в Черногории. Однако Сербия претендовала на большее расширение территории, а румыны были недовольны передачей России Южной Бессарабии.

Открытые протесты встретил договор со стороны западных держав. Англия и Австро-Венгрия нашли его «неслыханным по своей чрезмерности». К ним присоединилась и Франция. Державы боялись усиления России как на Балканах, так и в Европе в целом. Они сами вынашивали экспансионистские планы в отношении Балкан.

Основные возражения касались создания Большой Болгарии. В Лондоне рассматривали ее как оплот русского влияния на Балканах, угрозу проливам и другим путям сообщения Англии с Востоком. Лондон высказывал недовольство и другими статьями договора: присоединением к России Карской области и Южной Бессарабии, новыми границами Сербии и Черногории, длительным сроком оккупации Болгарии русскими войсками и др. Одновременно Новиков доносил из Вены, что «монархия Габсбургов считает себя задетой созданной нами Болгарией с двух сторон — политической и торговой»¹⁰⁹. Австро-Венгрия боялась потерять важные в стратегическом и экономическом отношениях позиции в Южной Болгарии, где проходила контролируемая ею железная дорога, а также рынки Сербии, Черногории и Болгарии.

Обе державы не ограничились только протестами, но, стремясь оказать давление на Россию, начали военные приготовления. Андрaши потребовал от парламента ассигнований на военные нужды. Еще ранее он обратился в Лондон с просьбой послать флот в Константинополь, обещая взамен сотрудничество Австро-Венгрии на суше¹¹⁰. Английский парламент вотировал военные кредиты и издал указ о созыве резервистов, Лондон намеревался занять проливы и высадить десант на Кавказе. Налицо была угроза создания антирусской англо-австрийской коалиции.

В Петербурге сознавали опасность новой войны, которой ему угрожал теперь уже значительно более сильный противник. Милютин писал в своем дневнике: «Англия лезет в драку и, несмотря на нашу уступчивость, придумывает все новые предлоги для разрыва»¹¹¹. Царь, пожелав было ввести войска в Константинополь, вынужден был отказаться от этого, опасаясь дать повод к войне¹¹². Военно-стратегическая обстановка неоднократно обсуждалась на совещаниях у царя. Принимались срочные меры, чтобы усилить армию, в особенности на западной границе. Армию после войны не сократили, а увеличили на 200 тыс. человек, доведя до 1,5 млн человек. В апреле 1878 года царь утвердил план распределения вооруженных сил на границах, который предусматривал военные действия на Балканах против Англии и Турции, а на западе — против Австро-Венгрии. Выделялся также отряд для военной демонстрации в Средней Азии в сторону Индии¹¹³. В балканскую армию был назначен новый главнокомандующий — Э.И. Тотлебен.

Однако финансовое и внутривластное положение России продолжало оставаться тяжелым. Страна находилась в кризисе. Промышленное производство все еще сокращалось, а безработица усиливалась. Курс рубля упал более чем на 40%. В докладе III отделения царю от 3 марта 1878 года говорилось: «Бедствие народное действительно велико. Массы нищих по городам и селениям ходят толпами. В Калуге нищие открыто начинают ходить по городу целыми массами, несмотря на противодействие полицейских мер. Всякая торговля и сельская промышленность упали. В Орловской губернии за недоимки у крестьян продали даже кур, чему пример можно указать в с. Спасском Волховского уезда. Все элементы для недовольства заявляют себя чуть ли не на каждом шагу»¹¹⁴.

На конец 1877 — начало 1878 года приходится новый подъем рабочего движения, несколько сократившегося в начале войны. Крупные крестьянские волнения начинаются в Поволжье. Набирает силу конституционное движение и, самое главное, усиливаются революционные акции.

В этих условиях новая война могла привести к непредсказуемым для самодержавия последствиям и даже к его падению. Правительство попыталось договориться с противниками порознь, начав с Австро-Венгрии. В марте 1878 года в Вену для переговоров был отправлен Игнатьев. Но он мало подходил для этой роли, будучи непримиримым врагом Андраши. Творец Большой Болгарии, Игнатьев не мог согласиться с австрийскими требованиями ограничить ее территорию с юга Балканами. Неприемлемыми были и другие претензии Андраши. Горчаков писал Новикову: «Взятые в целом предложения австро-венгерского правительства являются чрезмерными. Они низводят сербское и черногорское княжества до вассального состояния и по сути дела отдают Австро-Венгрии всю западную часть Балканского полуострова»¹¹⁵.

Игнатьев вернулся в Петербург ни с чем. Горчаков еще раз попытался оказать давление на Вену с помощью Германии и обратился к Бисмарку, но тот настоятельно советовал договориться с Веной, удовлетворив ее претензии. Бисмарк опасался перспективы англо-русского сепаратного соглашения. В беседе с Шуваловым, состоявшейся в конце апреля 1878 года, он утверждал, что Австрия «продаст себя дешевле» и что договоренность с нею обеспечит России мир. Германский канцлер использовал и внутренние трудности России, чтобы понудить ее пойти на уступки Австро-Венгрии. «Вы полностью заинтересованы в договоренности с Австрией, — говорил он Шувалову, — и поддержке Союза трех императоров. Революционные элементы усиливаются. Процесс Засулич испугал меня как симптом и особенно как проявление вашего общественного мнения»¹¹⁶. Бисмарк намекал на сочувствие общества Вере Засулич, стрелявшей в петербургского полицмейстера Трепова, на ее оправдание судом присяжных и отмечал далее, что Союз трех императоров явился бы оплотом против революции.

Его совет был расценен Милютиным как предательский. 8 апреля военный министр записал в своем дневнике: «Ясно, что на берлинских наших друзей нечего слишком рассчитывать»¹¹⁷. В этих условиях Петербургу ничего не оставалось, как обратиться к Англии, тем более что Шувалов, зондировавший там почву, доносил о возможности сепаратного соглашения с Лондоном.

В середине апреля царское правительство уже смирилось с тем, что единую Болгарию не отстоять. Задача состояла в ограничении австрийского присутствия на Балканах и ограждении независимости балканских государств. В конце апреля Шувалов начал переговоры с министром иностранных дел Великобритании Солсбери. Полученные им из Петербурга инструкции уже предполагали деление Болгарии на две части и отторжение от нее Македонии с выходом в Эгейское море. Для Северной Болгарии намечалась политическая автономия, для Южной — административная. Турецкие войска предполагалось вывести из обеих частей. Петербург соглашался заключить с Англией секретное соглашение о том, что его претензии на Кавказе не простираются далее Карса, Батума и границы, установленной Сан-Стефанским договором¹¹⁸. Английская сторона не возражала, против этих предложений, однако оттягивала заключение соглашения до решения вопроса о Кипре. Договорившись с султаном о занятии Кипра, Солсбери 18(30) мая 1878 года подписал соглашение с Россией. Помимо вышеуказанных условий оно содержало согласие Лондона на возвращение России Южной Бессарабии. Несколько ограничивались приобретения России на Кавказе. В приложенном к договору секретном меморандуме она обязывалась не расширять более свои владения в этом регионе.

Таким образом, России пришлось согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора в полном объеме, а не частично, как полагали в Петербурге вначале. Англия же положила предел дальнейшему русскому проникновению в Малую Азию и на Балканы.

В Петербурге считали, что соглашение обеспечило России прочные позиции на предстоящем конгрессе. Однако Англия вела двойную игру. Одновременно шли переговоры с Андраши, закончившиеся договоренностью о совместном выступлении на конгрессе по болгарскому вопросу. Австро-Венгрии была также обещана поддержка в деле оккупации Боснии и Герцеговины.

Борьба вокруг Сан-Стефанского договора показала, что Россия не имела достаточных сил — экономических, политических, военных — для реализации своих задач на Балканах в полном объеме. Ей пришлось отступить от намеченной в Сан-Стефанском договоре широкой программы преобразований в этом регионе. Это произошло под влиянием требований Англии и Австро-Венгрии, отстаивавших под предлогом защиты решений Парижского конгресса 1856 года и «целостности» Османской империи свои собственные экономические и стратегические интересы.

1(13) июня 1878 года в Берлине начались заседания конгресса, на которых присутствовали представители шести держав и Турции. Правом решающего голоса обладали 20 делегатов. В Берлин прибыли также представители Греции, Румынии, Сербии, Черногории, Ирана и армянской церкви.

Делегация России включала трех человек — А.М. Горчакова, П.А. Шувалова и П.П. Убри. В полученных ими инструкциях определялись «максимум» и «минимум» уступок, на которые могли соглашаться делегаты¹¹⁹.

Русским дипломатам пришлось столкнуться с сильными соперниками. Английскую делегацию возглавляли Б. Дизраэли и Р. Солсбери, австрийскую — Д. Андраши, германскую — О. Бисмарк, председательствующий на конгрессе. Состав же русской делегации не отвечал требованиям момента: Горчаков был стар и болен, Убри являл собою тип безгласного и безынициативного чиновника, Шувалов хотя и был энергичным дипломатом, но имел слабое представление о Балканах и не находил общего языка с Горчаковым. Первоначальное намерение правительства послать на конгресс Игнатьева встретило неодобрение английских, германских и австро-венгерских правительств.

На конгрессе представители европейских держав выступили против ряда важных статей Сан-Стефанского договора, потребовав их пересмотра. Английские и австрийские делегаты не считались даже с ранее заключенными с Россией соглашениями. Так, англичане оказывали грубое давление на русских делегатов, стремясь добиться новых уступок

относительно приобретений России на Кавказе. Бисмарк поддерживал англо-австрийский блок. Греция, Сербия и Румыния выдвигали свои территориальные претензии. Россия опять оказалась в изоляции.

Главным предметом дискуссии явился болгарский вопрос. Английские делегаты вопреки только что заключенному соглашению настаивали на сохранении в Южной Болгарии турецких войск и на возвращении Турции Софийского санджака и Варны, а также всех балканских перевалов под предлогом защиты от агрессии со стороны Северной Болгарии. Русская делегация вынуждена была принять некоторые требования, но добилась того, что Варна и большая часть Софийского санджака оставались в Северной Болгарии. Срок пребывания в Болгарии русских войск был ограничен девятью месяцами.

Во главе Северной Болгарии было решено поставить князя, свободно избиравшегося населением и утверждавшегося султаном, но никто из членов царствующих в Европе династий не мог претендовать на этот престол. Южная Болгария, получившая статус административной автономии и названная Восточной Румелией, управлялась христианским генерал-губернатором, назначаемым султаном на пять лет. Контроль за деятельностью румелийской администрации осуществляла международная комиссия из представителей шести держав.

Таким образом, права болгарского народа по сравнению с решениями Сан-Стефанского договора оказались существенно урезанными. Часть территорий с болгарским населением осталась под властью Турции. Однако тот факт, что обе части Болгарии получили автономию, был значительным достижением.

Конгресс признал независимость Сербии, Черногории и Румынии, но внес изменения в их новые границы. Территория Черногории, переданная ей по Сан-Стефанскому договору, была значительно урезана, хотя княжество и сохранило плодородные земли на севере и востоке с городами Никшич, Подгорица, Колашин и Жабляк. Черногории была оставлена узкая прибрежная полоска с портом Бар. Сербия, наоборот, получила приращения. Присоединение к ней дополнительных территорий на юге и юго-востоке было куплено в обмен на обязательство заключить с Австро-Венгрией торговую или таможенную конвенцию и построить нужную для нее железную дорогу Белград — Ниш. Кроме того, сербы под нажимом Австро-Венгрии отказались от помощи повстанцам Боснии. Таким образом расширение Сербии шло параллельно с усилением ее экономической и политической зависимости от Австро-Венгрии.

Румыния помимо получения независимости приобрела Северную Добруджу. России была возвращена Южная Бессарабия.

Конгресс не посчитался с волей населения Боснии и Герцеговины, подавшего ему меморандум с протестом против намеченной австрий-

ской оккупации провинций. Австро-Венгрия получила право занять Боснию и Герцеговину. Возражала против этого только турецкая делегация, но ее мнение не было принято во внимание. Русская делегация согласилась с решением конгресса. В письме к царю Горчаков указывал, что это обусловило согласие Андраши на возвращение Южной Бессарабии России¹²⁰. В Малой Азии Россия получила Карс, Ардаган и Батум. Конгресс подтвердил постановления Парижского трактата 1856 года и Лондонской конференции 1871 года о режиме проливов.

Хотя Берлинский конгресс значительно урезал постановления Сан-Стефанского договора, он не смог изменить главных итогов войны: предоставления независимости балканским государствам и политической автономии Болгарии. Это хорошо понимали в русских правящих кругах. Д.А. Милютин писал в дневнике, что, несмотря на уступки Европе, «как бы ни были они для нас неприятны, все-таки нельзя никак сказать, что война ведена нами без результата... Огромный шаг будет сделан в историческом ходе Восточного вопроса... Начатое нами дело несомненно довершится самою силою вещей... Автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство»¹²¹.

Вместе с тем русское правительство сделало для себя еще один важный вывод. В конце конгресса Горчаков писал царю: «Общее впечатление, вынесенное мною от конгресса, то, что дальнейший расчет на Союз трех императоров есть иллюзия»¹²². На полях Александр II пометил: «Это также мое мнение».

Берлинский трактат, подписанный в начале июля 1878 года, отразил противостояние европейских держав и России. Четко выявились экспансионистский курс Англии и Австро-Венгрии на Балканах и их стремление ослабить русское влияние в этом регионе. Россия лишь частично реализовала свою программу, добившись предоставления независимости балканским народам. Компромиссный характер этого документа обусловил возникновение в будущем ряда конфликтов и даже вооруженных столкновений на Балканах, поскольку объединение народов по национальному признаку не было завершено.

В целом договор знаменовал собой победу англо-австрийского блока, хотя и неполную. Однако считать его поражением русской дипломатии было бы преувеличением. В отечественной исторической науке достаточно убедительно показано, что Берлинский договор при всех его отступлениях от русской программы решения восточного вопроса, воплощенной в Сан-Стефанском договоре, явился значительным шагом в освобождении Балкан и создавал условия для последующего прогрессивного развития балканских народов.

Для внутривосточного положения России Берлинский трактат имел тяжелые последствия. Русское общество, не знавшее дипломатической подоплеки событий и не ведавшее, какой ценой был куплен нейтралитет Австро-Венгрии и Англии во время войны, с негодованием встретило ревизию Сан-Стефанского мирного договора. Оно видело, что плодами победы, завоеванной русскими солдатами, воспользовались Англия и Австро-Венгрия, не принимавшие участия в войне. Русское общество в подавляющем большинстве резко отрицательно отнеслось к решениям Берлинского конгресса. Особенно неистовствовали славянофилы, обвиняя российскую дипломатию в забвении интересов страны и славянских народов. Негодование вызывали главным образом два обстоятельства: разделение Болгарии на две части и австрийская оккупация Боснии и Герцеговины.

Большое впечатление на современников произвела речь И.С. Аксакова, произнесенная им 22 июня 1878 года на заседании Московского славянского комитета и опубликованная в приложении к еженедельнику «Гражданин». Берлинский трактат расценивался Аксаковым как позорный акт, направленный против России. За эту речь Аксаков был удален из Москвы и провел несколько месяцев в ссылке в имении родственников. Консервативный публицист М.Н. Катков в «Московских ведомостях» протестовал против раздела Болгарии и оставления Восточной Румелии под властью Порты¹²³. Он считал, что решения Берлинского конгресса чрезвычайно усилили позиции Англии на Ближнем Востоке, и призывал к активному продвижению в Средней Азии с целью угрозы английским владениям¹²⁴. В консервативных газетах обсуждались планы войны с Англией. При этом не учитывалось реальное положение России, истощенной войной, ее внутренняя нестабильность. Подобные планы носили явно авантюристический характер.

Либералы стояли на более трезвых позициях. Понимая, что Россия не готова к войне с Англией и Австро-Венгрией и вряд ли выйдет из нее победительницей, они считали берлинский компромисс выходом из положения. Подобный взгляд развивал видный юрист, лидер умеренных либералов Б.Н. Чичерин, который в своей записке «Берлинский мир перед русским общественным мнением» выступил в защиту курса правительства и действий дипломатии, как единственно возможных в сложившейся ситуации¹²⁵. Либералы и консерваторы сходились в одном: они считали решения Берлинского конгресса непрочными и открывающими возможность для дальнейших международных конфликтов.

Демократическая пресса, примыкая к либералам, требовала сохранения мира даже ценой компромисса и терпеливо разъясняла читателям невозможность в настоящее время добиться полного освобождения балканских славян. Она настойчиво проводила мысль о том, что внешне-

политические успехи могут быть обусловлены только внутренними прогрессивными преобразованиями.

Революционные круги использовали решения Берлина в пропагандистских целях, доказывая несостоятельность внешнеполитического курса правительства. Дипломатические неудачи они рассматривали как свидетельство слабости самодержавия. Поставленная в это время революционерами задача дезорганизации правительства путем террора учитывала в том числе и растерянность его вследствие внешнеполитических затруднений.

В целом реакция русского общества на Берлинский трактат свидетельствовала о падении авторитета самодержавия внутри страны. Оппозиционное движение после войны усилилось.

* * *

Основными задачами ближневосточной политики России после отмены нейтрализации Черного моря в 1871 году являлись восстановление и усиление ее политического влияния на Балканах, подорванного Крымской войной, укрепление обороноспособности страны на берегах Черного моря и расширение позиций в Малой Азии.

Россия ставила также целью попытаться изменить в своих интересах режим проливов, осознавая при этом нереальность планов их захвата вооруженным путем. Эти задачи обуславливались как общенациональными, так и классовыми целями правящих кругов, которые в известной степени совпадали. Экономическое развитие промышленного и сельскохозяйственного юга страны, для которого необходим был выход из Черного моря, отвечало в первую очередь потребностям капиталистического развития России, но оно вместе с тем диктовалось и национальными задачами.

В ходе восточного кризиса 70-х годов Россия предприняла попытку реализовать эти цели как дипломатическим, так и военным путем. При этом она опиралась на национально-освободительное движение балканских народов, выдвигая программы предоставления балканским землям автономии и независимости. Правящие круги России рассчитывали на то, что получившие с ее помощью свободу и независимость балканские государства будут ее оплотом на Балканах и усилят ее международный авторитет. Независимо от этих расчетов содействие освобождению угнетенных народов, в котором широкое участие принимали массы трудового населения России, имело прогрессивное значение.

Гнет османов к тому времени угрожал самому существованию христианских народов. Получив освобождение, они получали также и возможность дальнейшего развития по пути прогресса.

Задачи русской политики не были реализованы в полном объеме из-за противодействия Турции и западных держав. Россия вновь оказалась в международной изоляции. Восточный кризис 1875–1878 годов способствовал также осложнению экономического и внутриполитического положения России. В целом итоги войны и Берлинский конгресс показали, что внешняя политика может быть успешной лишь при сильной экономике, значительном военном потенциале и внутренней стабильности.

Глава VI. Европейская система в 80-е годы. Болгарский кризис

1. Старый «союз» в новом обличье

В русском обществе решения Берлинского конгресса вызвали разочарование, а значительная его часть обвинила внешнеполитическое ведомство в непростительной уступчивости западноевропейским державам, в добровольном отказе от успехов, добытых кровью русских солдат на Балканах и Кавказе, в предательстве национальных интересов и общеславянских идей. В правительственных сферах царя растерянность. Там пытались критически пересмотреть прошлые ошибки и вели дискуссии относительно дальнейшего курса внешней политики. Вместе с тем правящие монархические круги России захватили настроения смятения и неослабевающего страха перед будущим, перед стагнацией романовского режима, что особенно усилилось после убийства Александра II 1(13) марта 1881 года.

Подобные чувства, например, находили отражение в обширной корреспонденции обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева и дневниковых записях П.А. Валуева, председателя Совета министров в 1877–1881 годах¹. «Упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный... везде ощущается разлад. Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей роли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы»² — так начинает свою записку «Задачи нового царствования» известный историк, философ, теоретик государства и права Б.Н. Чичерин, передавший ее Победоносцеву в конце апреля 1881 года.

Эти настроения были полной противоположностью всем разговорам о решительной «национальной политике». Истощение страны последней войной с Турцией, кризис доверия правительству убеждали политическое руководство России в необходимости мира, причем длительного. Приходилось отказаться от честолюбивых планов на Балканах, где не представлялось возможным действовать изолированно от других великих держав, как в Средней Азии. Эту точку зрения отстаивали один из авторитетнейших дипломатов Петр Андреевич Шувалов, посол в Константинополе в 1878–1879 годах, затем в Лондоне и с 1882 года в Вене

Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, помощник министра иностранных дел Николай Карлович Гирс.

Положение Гирса в правительственном аппарате долгое время оставалось неопределенным, и это заставляло его заигрывать с влиятельными лицами в правительственных и придворных кругах. После 1878 года стало заметно падение влияния канцлера и главы внешнеполитического ведомства 80-летнего А.М. Горчакова. Управление делами переходило в руки Гирса. С августа по декабрь 1878 года на него были возложены функции временно управляющего МИД. Эти функции он выполнял с июня 1880 года в связи с очередным, на этот раз долговременным, отъездом канцлера за границу на лечение. 8 апреля 1882 года после долгих колебаний Александр III назначил выходца из обедневших прибалтийских дворян, шведа по национальности и протестанта по вероисповеданию Николая Карловича Гирса министром иностранных дел*. Но еще ранее, с декабря 1878 года, на докладах царю рядом с Горчаковым всегда присутствовал Гире, который и располагал всей главной информацией. Во время поездок Александра II в 1878–1880 годах в Крым царя вместе с военным министром Д.А. Милютиным сопровождал Гире, а не Горчаков, как это бывало раньше. Но более важным показателем выдвижения на первый план Гирса и снижения роли самого канцлера явилось признание необходимым держать в тайне от Горчакова начавшиеся осенью 1879 года переговоры с германским канцлером О. Бисмарком о заключении союзного договора. Горчаков узнал о них лишь по прошествии нескольких месяцев, причем от него скрыли детали планируемого союза. Милютин объяснял этот необычный факт профранцузскими настроениями Горчакова, «отсталостью его от дел» и желанием потратить Бисмарку³.

Новый глава дипломатического ведомства Гирс обладал большим практическим опытом, накопленным в течение долгой службы**. Он был политиком достаточно проницательным и гибким. Гирс умел убеждать Александра III в необходимости принятия того или иного решения, не раз удерживал его от скороспелых шагов, смягчал при передаче иностранным дипломатам резкие высказывания царя. Вместе с тем, будучи человеком без связей и без состояния, боясь потерять свое место, Гирс не всегда проводил самостоятельную линию в политике, предпочитая в кризисные моменты отходить в тень, тем самым как бы снимая с себя

* Другим кандидатом на этот пост был бывший посол в Константинополе Н.П. Игнатьев, известный как сторонник активной ближневосточной политики. В 1881–1882 годах он занимал пост министра внутренних дел.

** На дипломатической службе Н.К. Гирс находился с 1850 года; в 1875 году был назначен товарищем министра иностранных дел и одновременно управляющим Азиатским департаментом.

ответственность. Современники событий, прекрасно осведомленные о положении дел в правительственном лагере того времени, единодушно считали, что при Александре II, привыкшем к концу своего царствования считать себя настоящим министром иностранных дел, и при Александре III, сразу же усвоившем этот взгляд, Гирс, пользующийся полным доверием обоих монархов, как никто другой в такой ситуации подходил для того, чтобы стоять во главе внешнеполитического ведомства⁴. Основной идеей Гирса являлось твердое убеждение в том, что Россия должна действовать на международной арене в согласии с берлинским и венским кабинетами. Он особенно стремился постоянно поддерживать тесные дружеские связи с Германией.

После завершения восточного кризиса вопрос о выходе России из состояния политической изоляции и обеспечении ее союзниками со всей остротой встал перед царским правительством. Победа в войне с Турцией не укрепила международные позиции России, а напряженность в русско-английских отношениях еще больше возросла в связи с агрессивной политикой консервативного кабинета Б. Биконсфильда (Дизраэли) (1874–1880 гг.) на всем Востоке: в Турции и на Балканах, в Ираке и Туркмении, в Афганистане и Китае; на грани войны оказались Англия и Россия в Средней Азии. В сложное положение попала русская дипломатия на Балканах, где, согласно статьям Берлинского договора, с августа 1878 года начали действовать европейские дел имитационные комиссии по установлению новых границ Болгарии, Восточной Румелии, Сербии, Черногории, Румынии и Греции. Делегаты царского правительства часто сталкивались с противодействием комиссаров западноевропейских держав. Особенно болезненно воспринималось в Петербурге неблагоприятное для России поведение германских представителей.

Немаловажным источником охлаждения отношений между Россией и Германией явилась протекционистская политика Бисмарка, защищавшая интересы как промышленников, так и аграриев. Германия была важнейшим рынком сбыта русского сырья. Мировой аграрный кризис, начавшийся в 1881 году, чрезвычайно обострил борьбу за рынки продовольственных и сырьевых товаров. В угоду прусским юнкерам, настойчиво требовавшим ограждения отечественного рынка от иностранной конкуренции, в январе 1879 года Бисмарк установил почти полный запрет на ввоз русского скота под предлогом ветеринарных мер предосторожности после сообщения о появлении в нескольких местах в Астраханской губернии случаев чумы. В конце того же года в Германии были введены высокие пошлины на импортируемый из России хлеб. Экономические мероприятия Бисмарка, особенно последнее, ударили по карману русских помещиков, которые начали громко роптать против курса германского правительства. Кроме таможенной «войны» с Россией Бис-

марк нашел новый предлог для нагнетания внешней тревоги, протестуя против возвращения после войны с Турцией русской кавалерии на свои прежние квартиры в прибалтийские губернии.

События 1875–1878 годов ослабили Союз трех императоров и отчетливо показали истинные намерения Германии на Ближнем Востоке, направленные на ослабление России и поддержку Австро-Венгрии. Недовольство политикой Бисмарка ярче всех выразили славянофильские публицисты во главе с И.С. Аксаковым. Они на все лады обсуждали предательское поведение «честного маклера», как называли Бисмарка, на Берлинском конгрессе, оплатившего черной неблагодарностью России за ее благожелательный нейтралитет во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Бисмарк в долгу остался. С его подачи в германской прессе муссировалась версия о «неблагодарности» России, которая якобы именно Бисмарку была обязана всем, что удалось сохранить из условий Сан-Стефанского договора. Газетная война, начавшаяся в конце 1878 года и продолжавшаяся в течение всего следующего года, явилась ярким показателем ухудшения отношений между Россией и Германией. Александр II рассматривал Берлинский конгресс как «европейскую коалицию против России, руководимую Бисмарком»⁵.

В Петербурге усиливались настроения в пользу сближения с Францией. И Горчаков вернулся из Берлина с убеждением, что германская ориентация русской политики себя изжила и необходим поворот в сторону установления более тесных связей с Францией. Однако для конца 70 — начала 80-х годов для реализации этого курса не было условий. На пути к франко-русскому союзу стоял целый ряд серьезных препятствий. Франция, осуществлявшая в это время активную колониальную политику в Африке и Юго-Восточной Азии, опасалась осложнений в отношениях с Англией и стремилась избегать всяческих конфликтов с Германией, а русско-французское сближение могло привести к таковым. Со своей стороны, Россия, соперничая с Англией в Азии, была заинтересована в сохранении мирных отношений с Германией и безопасности своих западных границ.

Конец 70-х годов характеризовался обострением русско-английских отношений. После русско-турецкой войны Англия на время фактически оказалась хозяйкой черноморских проливов, она завладела островом Кипр, а ее военная эскадра стояла в Мраморном море. Британский флот беспрепятственно мог войти в Черное море и угрожать южным берегам России, которая еще не имела там флота. Одновременно Англия развивала экспансию в Афганистане, готовя его захват. Это создавало угрозу владениям России в Средней Азии.

Российское правительство решило принять контрмеры, могущие оказать давление на Англию и заставить ее умерить свои аппетиты. В мае

1878 года войска Туркестанского военного округа были сосредоточены вдоль границы, а в Кабул была направлена миссия во главе с генерал-майором Н.Г. Столетовым. В ее задачу входило побудить афганского эмира оказать сопротивление Англии и не допустить установления ее протектората над Афганистаном.

Приезд Столетова в Афганистан вызвал сильное беспокойство в Лондоне, а выдвижение русских отрядов к границе спровоцировало официальные протесты сент-джеймского кабинета. Петербург не хотел войны с Англией, а стремился только сделать Лондон более сговорчивым в восточном вопросе. Однако этого достичь не удалось. Пребывание русской миссии в Кабуле ускорило нападение Англии на Афганистан. В результате Англо-афганской войны Афганистан был оккупирован британскими войсками и попал под протекторат Англии. Царское правительство ответило продвижением русских войск в Туркмению. Таким образом, русско-английские отношения в Средней Азии обострились.

Правительству Александра II не оставалось ничего другого, как выводить страну из состояния изоляции, используя старые пути Союза трех императоров. Это мнение разделяли ближайшие сотрудники царя по вопросам внешней политики — Гирс, Милютин, Шувалов, министр императорского двора А.В. Адлерберг. Кроме того, хотя экономические мероприятия Бисмарка и ущемляли интересы русских помещиков, Германия оставалась важнейшим рынком сбыта русских сельскохозяйственных товаров и поставщиком машин для российской промышленности. Поэтому интересы помещиков и некоторой части промышленников требовали поддержания дружественных отношений с Германией. Этого же курса придерживались банковские и биржевые круги, в первую очередь петербургские, близкие к ним железнодорожные грюндеры и часть владельцев машиностроительных предприятий, работавших на импортных угле и металле. Русскую аристократию и двор (учитывая, что значительная часть императорского дома была связана родственными узами с Гогенцоллернами) к сближению с Германией влекли, как и раньше, монархическая солидарность и страх перед революцией.

Выбираемый политический курс должен был обеспечить безопасность западной границы России от агрессивных поползновений германских милитаристов и тем самым дать выиграть время для реорганизации армии, а также получить свободу рук для проведения активной политики в Средней Азии, где Россия наталкивалась на постоянное противодействие Англии. Но главное заключалось в том, что русская дипломатия по-прежнему рассчитывала на содействие Бисмарка в ближневосточном вопросе⁶.

Возобновлению русско-германского сближения положили начало письмо Александра II германскому императору Вильгельму I от 3(15) августа 1879 года и последовавшее за этим свидание обоих коронованных

особ 22 августа (3 сентября) на пограничной станции Александрово. Одновременно в Варшаву на маневры русской армии приезжал личный представитель кайзера фельдмаршал Мантейфель.

У петербургского двора появились надежды при поддержке Германии укрепить свои позиции на Балканах и не допустить австрийской экспансии в славянских землях и английской оккупации проливов. Русский дипломат П.А. Сабуров летом 1879 года беседовал об этом с Бисмарком и продолжил переговоры после своего назначения осенью того же года послом в Берлин. Сабурову казалось, что союз с Германией поможет решить в нужном для России направлении проблему проливов и вопрос о нейтрализации Австро-Венгрии на Балканах. Таким образом отодвинулась бы и возможность войны с Англией, так как Германия не допустила бы участия в ней Австро-Венгрии на стороне «владычицы морей». Однако посол глубоко заблуждался.

Бисмарк по обыкновению вел двойную игру. Жалуясь Сабурову на австрийцев, он в то же время энергично готовил заключение австро-германского союза, договор о котором был подписан 7 октября 1879 года. Первоначально Бисмарк добивался от Австро-Венгрии такого соглашения, которое было бы направлено одновременно как против России, так и против Франции. Но общеимперский министр иностранных дел Д. Андраши воспротивился этому, считая, что договор должен быть направлен только против России. Бисмарку пришлось уступить.

Согласно австро-германскому договору в случае нападения России на одну из сторон другая обязана была выступить ей в помощь. В случае же нападения иной державы другая сторона должна была соблюдать благожелательный нейтралитет, если только к нападающему не присоединялась Россия. По форме этот договор имел оборонительный характер, что давало его участникам некоторую свободу маневра. На практике война могла возникнуть, скорее всего, из-за противоречий между Россией и Австро-Венгрией на Балканах. И тогда установить «нападающего» предстояло германской стороне, которая при желании могла придать договору агрессивный характер⁷.

Союзный договор с Австро-Венгрией привязывал ее к Германии и в то же время удерживал Россию от сближения с Францией. Бисмарк использовал хитрые методы. Сабуров, а затем и царь были ознакомлены с основными условиями австро-германского договора. Бисмарк, таким образом, давал понять, что Россия не должна рассчитывать на поддержку Германии в случае русско-австрийского конфликта. Сабуров явно недооценил важности австро-германского сближения. Начатые им переговоры предусматривали заключение двустороннего союза с Германией, последняя же согласилась только на трехсторонний союз с участием Австро-Венгрии.

Переговоры между Россией, Германией и Австро-Венгрией оказались чрезвычайно длительными. При общих политических интересах правительств трех императорских дворов (монархическая солидарность, страх перед революционным движением, взаимная заинтересованность в господстве над польскими землями, желание сохранить статус-кво на Балканах) между ними не раз проявлялись серьезные разногласия. Не сразу в Петербурге согласились на привлечение Австро-Венгрии, на чем настаивал Бисмарк, хотя русская дипломатия желала бы лишить англичан вероятного союзника в лице габсбургской монархии. В конечном счете страх перед Англией и возможность англо-австро-турецкого блока заставили царя принять условие Бисмарка. В свою очередь, Австро-Венгрия долго колебалась, прежде чем встать на путь соглашения с Россией. В правящих кругах габсбургской монархии боролись две точки зрения относительно внешнеполитической ориентации: курс на сотрудничество с Англией в целях совместной борьбы против России и продолжения своей экспансии на Балканах либо курс на достижение соглашения с Россией при том или ином размежевании интересов на Балканском полуострове. При этом немецкая буржуазия Австрии и венгерское дворянство предпочитали антирусский курс, в то время как австрийская земельная аристократия и славянские круги стояли за соглашение с Россией. Пока была надежда на тесное сотрудничество с Англией, Австро-Венгрия не желала искать компромисса с Россией. Приход к власти в Англии либерального кабинета У. Гладстона (1880–1885 гг.) ознаменовал заметное потепление в англо-русских отношениях. Английское правительство отошло от поддержки Порты и заставило ее выполнить ряд условий Берлинского договора (исправление границ Черногории, передача Фессалии Греции и др.). В Вене также скоро почувствовали враждебность Лондона к экспансии габсбургской монархии на Балканах. Усиление последней в этом регионе отнюдь не привлекало Англию. В британских дипломатических кругах даже появились сторонники соглашения с Россией с целью воспрепятствовать распространению влияния Австро-Венгрии до Салоник (до Эгейского моря)⁸.

При всей своей сомнительности перспективы англо-русского сближения напугали венский кабинет. Это и сделало его более сговорчивым. Со своей стороны, Бисмарк, обеспокоенный улучшением русско-английских отношений, стремился быстрее связать Россию союзом и принимал энергичные меры для оказания давления как на Вену, так и на Петербург.

Российское правительство в ходе затянувшихся переговоров с трудом вырабатывало общую линию поведения: каждый из дипломатов, причастных к переговорам, имел свою точку зрения. Для Сабурова главным являлся вопрос о проливах. Он надеялся получить согласие Австро-Венгрии на захват Россией Верхнего Босфора, обещая взамен перера-

спределение сфер влияния на Балканах, при котором западная часть полуострова вошла бы в сферу австрийских интересов (Австро-Венгрия особенно интересовала Салоники), а восточная — с Болгарией — в сферу русских. Гирс и Милютин считали решение проблемы проливов делом отдаленного будущего, а главную задачу видели в ограничении австрийской экспансии на Балканах. Они более трезво оценивали ситуацию и справедливо полагали, что решение проблемы проливов зависит не только от Германии и Австро-Венгрии. Наиболее приемлемым было, по их мнению, сохранение принципа закрытия проливов, признания которого следовало добиться от Османской империи. При этом Турцию предлагалось предупредить, что в случае пропуска ею через проливы военного флота какой-либо державы она лишается гарантии территориальной неприкосновенности. Александр II, в свою очередь, указывал, что от Германии надо потребовать поддержки против английской оккупации проливов.

Разброд мнений свидетельствовал, что российские правящие круги не имели четкой программы действий. «Перекрещивающиеся линии различных влияний, взглядов и просто интриг запутывались в сложный клубок бестолковщины, которая позволяла, правда, волочить повседневную политику, политику «от случая к случаю», но зато обрекала ее на безысходное противоречие, едва она касалась принципиальных положений или стояла перед необходимостью дать решения в определяющие исторические моменты»⁹, — писал видный историк С.Д. Сказкин. Дело осложнялось тем, что глава МИД России, сторонник сближения с Францией, дряхлый А.М. Горчаков был фактически отстранен от переговоров, Милютин привлекался лишь эпизодически, Гирс хотя и управлял министерством, но не чувствовал под собой прочной почвы, царь же колебался.

В конце концов победила умеренная линия Гирса—Милютина. Русский проект договора предусматривал благожелательный нейтралитет союзников в случае войны одного из них с четвертой державой, уважение интересов Австро-Венгрии на Балканах и гарантию закрытия проливов, в особенности при вводе в них английского флота. Кроме того, предусматривались согласованные действия сторон во всем, что касается территориальных изменений на Балканах, и возможность объединения Болгарии и Восточной Румелии.

При рассмотрении проекта австро-венгерский министр иностранных дел барон Г. Гаймерле внес поправки, касающиеся главным образом признания права Австро-Венгрии на аннексию Боснии и Герцеговины и занятие Новипазарского санджака. Гаймерле отказывался также признать пункт о предупреждении Турции в случае нарушения ею принципа закрытия проливов. Российская сторона возражала против австрийского требования о занятии Новипазарского санджака, с этим согласил-

ся и Бисмарк. Соппротивление австрийцев было сломлено, и 6(18) июня 1881 года договор был подписан.

Австро-русско-германский договор вошел в историю, подобно консультативному пакту 1873 года, под названием Союза трех императоров. На самом деле он не являлся союзом в подлинном смысле этого слова, а представлял собой соглашение о нейтралитете на случай возможной войны одной из договаривающихся сторон с четвертой великой державой. Это условие должно было выполняться «и в случае войны одной из трех держав с Турцией, но только, если предварительно между тремя державами будет заключено соглашение, касательно результатов этой войны». Другими словами, Германия гарантировала себе нейтралитет России в войне с Францией, а Россия — нейтралитет Германии и Австро-Венгрии в войне с Англией и Турцией. Желая избежать разногласий между собой, три двора брали обязательства «взаимно считаться с интересами договаривающихся сторон на Балканском полуострове», обещая при этом, что «какие-либо изменения в территориальном статус-кво Европейской Турции могут произойти не иначе, как по взаимному их согласию». Из специального протокола, приложенного к договору, было видно, какие изменения имели в виду державы. Не возражая против аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в подходящий для нее момент, русское правительство добилося от Вены и Берлина согласия не препятствовать возможному в будущем объединению Болгарского княжества с Восточной Румелией в случае, «если бы этот вопрос был выдвинут силой вещей». Протокол предусматривал также, что союзники должны приложить все силы, чтобы не допустить оккупации Восточной Румелии или другой части европейских владений султана турецкими войсками (Порта имела на это право по Берлинскому договору), а их агенты на Востоке должны стараться уладить возможные разногласия.

Что касается самого договора, то в нем имелся еще один чрезвычайно важный для русского правительства пункт (ст. III): «Три двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл» и «будут сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в интересах какого бы то ни было правительства» (подразумевалась, конечно, Англия). В случае нарушения этого условия или в целях предотвращения такового все три правительства обязывались предупредить Порту, что они будут считать ее находящейся в состоянии войны с той державой, в ущерб которой будет нарушен принцип закрытия проливов¹⁰. Договор заключался на три года. Его подписали О. Бисмарк, австро-венгерский посол в Берлине Э. Сечени и П.А. Сабуров.

Возобновление Союза трех императоров давало России определенные выгоды. Оно содействовало поддержанию статус-кво на Балканах,

ограничивало экспансию там Австро-Венгрии. Россия получала также известную гарантию против ввода английского флота в проливы, что имело большое значение в случае ее войны с Англией. Союз знаменовал улучшение отношений с Германией, уменьшая угрозу с запада, и расширял возможности русско-германских торгово-экономических связей. Наконец, предусматривались меры по предотвращению ввода турецких войск в Восточную Румелию и признавалась возможность ее воссоединения с Болгарией.

Союз означал и существенные преимущества для Австро-Венгрии. Он обеспечивал ее интересы в западной половине Балкан — Боснии, Герцеговине и Македонии, через которую пролегал путь на Салоники, и связывал активность России на полуострове. Но главный выигрыш от союза получала Германия. Она приобретала выгодную роль арбитра между Россией и Австро-Венгрией. Предотвращалось франко-русское сближение и в известной мере стимулировалось англо-русское соперничество, что также было выгодно для Германии.

Однако союз имел и уязвимые места, главное из которых заключалось в том, что он не устранял, а лишь смягчал австро-русские противоречия на Балканах и, следовательно, был непрочным. Союз сохранял свою силу лишь до тех пор, пока на Балканах существовало относительное спокойствие.

27 марта 1884 года в Берлине был подписан протокол о продлении Союза трех императоров на очередной трехлетний срок почти без всяких изменений. Свидания трех императоров в Скерневицах (сентябрь 1884 г.) и Александра III с Францем Иосифом в Кремзире (август 1885 г.) подтвердили принятые решения.

Австро-германский договор 1879 года продолжал существовать независимо от Союза трех императоров. В 1882 году к нему присоединилась Италия, недовольная захватом Францией Туниса. Договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией был подписан 20 мая 1882 года и получил название Тройственного союза. Германия и Австро-Венгрия обещали Италии военную поддержку при войне с Францией, соответственно это же требовалось от Италии при нападении Франции на Германию. Бисмарк этим договором усиливал изоляцию Франции, а Австро-Венгрия обеспечивала свой тыл в случае войны с Россией. Теперь Германия находилась в центре трех союзов — австро-германского, австро-германо-итальянского и австро-русско-германского, что позволяло ей оказывать огромное влияние на европейскую, да и мировую политику.

2. Союз трех императоров в действии

В 80-е годы восточный вопрос продолжал оставаться главным во внешней политике России. Ее внешнеполитическая программа основыв-

валась на решениях Берлинского конгресса и сводилась к поддержанию спокойствия в балканском регионе.

Царское правительство, по-прежнему считая «своей исторической миссией» окончательное «освобождение христиан Востока», откладывало его на будущее¹¹. Это объяснялось сложностью внутривосточного положения государства, его военной и финансовой слабостью, расстановкой сил, сложившейся на международной арене Европы. Отказавшись от активной балканской политики, в Петербурге стремились к стабилизации положения, настаивали перед султаном на необходимости успокоить христианское население в европейских владениях Турции путем проведения реформ. Одновременно предпринимались действия, направленные на укрепление независимости Сербии, Румынии, Черногории, а также на расширение прав автономного Болгарского княжества. В Восточной Румелии русская администрация добивалась укрепления ее автономии, что нашло отражение в Органическом статуте для этой области, выработанном представителями России и европейской комиссией. Петербург поддержал протест местного населения против ввода турецких войск на территорию Восточной Румелии. России удалось закрепить и упрочить свое влияние на Балканах, значительно возросшее в ходе восточного кризиса 1875–1878 годов.

Заключая союз с Германией и Австро-Венгрией, Россия рассчитывала с его помощью реализовать свои интересы на Балканах. В первые годы существования союза надежды Петербурга в какой-то мере оправдывались. Но временами проявлялись и серьезные русско-австрийские противоречия, свидетельствовавшие о непрочности союза.

Двуетатная монархия, включавшая значительные славянские области (Чехию, Словакию, Хорватию, Словению, Воеводину, Далмацию, оккупированную Боснию и Герцеговину), чрезвычайно опасалась роста славянского национально-освободительного движения на Балканах, Россия же в определенных рамках поддерживала национально-освободительную борьбу славян, имея в виду укрепление своего влияния в регионе и интересы в проливах.

В первые годы после Русско-турецкой войны авторитет России на Балканах стоял достаточно высоко. В Болгарии была принята либеральная Тырновская конституция, текст которой составлялся в Петербурге и обсуждался самими болгарскими; русское правительство поддерживало идею воссоединения Болгарии и Восточной Румелии, что было зафиксировано в договоре о Союзе трех императоров.

Однако с начала 80-х годов позиции России в балканских странах стали заметно ослабевать. В результате проавстрийского курса сербского князя (с 1882 г. — короля) Милана Обреновича между Россией и Сербией наступил период длительного охлаждения. С неприкрытым

недоверием и враждебностью относились к России правящие круги Румынии во главе с князем Карлом Гогенцоллерном (с 1881 г. — королем). Даже в Болгарии к середине 80-х годов исключительное русское влияние было подорвано, традиции взаимопонимания и тесного сотрудничества, заложенные во время Освобождения, были нарушены. Между тем балканская проблема в конце 70-х и в 80-е годы для России прежде всего сводилась к решению болгарского вопроса. Царское правительство, ранее считавшее Сербию государством, которое явится главным центром сосредоточения славянства и опорой Петербурга, с конца 60 — начала 70-х годов стало видеть гарантом своей политики на Балканах Болгарию. Это объяснялось рядом причин: важным стратегическим положением Болгарии, граничившей с европейскими владениями Османской империи и ближе всего расположенной к Черноморскому проливу; многовековой дружбой и тесными связями двух славянских народов. Лишь в маленькой Черногории позиции России оставались непоколебимыми, черногорский князь Николай Петрович твердо следовал в русле русской политики, однако его политический вес был небольшим.

Причины утраты влияния России носили комплексный характер. Наряду с субъективными (отдельные просчеты и ошибки царского правительства, неумелые, а подчас грубые действия его представителей и эмиссаров, применявших методы диктата, слабый профессионализм некоторых из них) существовали и объективные причины. К ним относились крайне слабые экономические позиции России на Балканах и — как следствие — отсутствие опоры в значительной части местной городской и сельской буржуазии, а также реакционный характер самодержавия, накладывавшийся и на сферу внешней политики, что настраивало против царизма прогрессивные круги балканского населения; наконец, усиление влияния иностранного капитала, захватывающего командные позиции в экономике молодых балканских государств.

При слабом развитии внутренних рынков сельскохозяйственных продуктов чрезвычайно важное для балканских государств значение приобретали внешние рынки. При этом они испытывали острую нужду в промышленных товарах и капиталовложениях в развивающуюся национальную промышленность. Проникновение иностранного капитала (в 80-е гг. почти исключительно французского и австро-германского) шло в виде государственных займов для железнодорожного строительства (Сербия, Румыния), уплаты долгов и расходов, связанных с реорганизацией государственно-административного аппарата (Черногория). Австро-Венгрия являлась главным торговым партнером всех Балканских стран, исключая Грецию. Это определило и внешнеполитическую ориентацию Сербии и Румынии, имевших прочные связи с немецкими государствами.

Князь Милан в тайне от Народной скупщины и правительства в 1881 году заключил конвенцию с Австро-Венгрией, по условиям которой Сербия признавала Боснию, Герцеговину и Новипазарский санджак сферой исключительного влияния австрийцев. Венский кабинет давал, в свою очередь, обещание соблюдать дружеский нейтралитет и оказывать поддержку в отношении территориальных приобретений Белграда в районе Старой Сербии. Конвенция окончательно закрепила оформление проавстрийского направления Сербии и крепко связала Обреновичей с Габсбургами. В 1883 году был подписан австро-румынский союзный договор (о его статьях знали не все члены бухарестского кабинета) с условием обязательной взаимной поддержки в случае нападения третьей стороны. К договору тут же примкнула Германия, а в 1888 году — Италия. Присоединение Румынии к державам Тройственного союза подчинило ее политику интересам австро-германского блока. Конвенция 1881 года, как и договор 1883 года, была направлена против «русской агрессии» на Балканах.

Русская торговля с Балканскими странами была весьма незначительной. Согласно популярному в то время мнению, из-за промышленной отсталости и финансовой слабости России, а также ее хозяйственной структуры, сходной с Болгарией, Сербией, Румынией, она не может создать экономическую базу для сотрудничества с этими странами. Но русские резиденты на Балканах выступили против такой оценки. Они аргументированно доказывали, что у России есть экономические возможности для развития торгового обмена с балканскими странами, горячо апеллировали и к царскому правительству, и к русским деловым кругам, призывая принять необходимые меры с целью расширения и укрепления экономических связей и создания на Балканах соответствующей базы русского влияния¹². Однако их инициатива не встретила понимания ни в Петербурге, ни у российских промышленников. Более того, правительство не оказало достаточной поддержки отдельным попыткам, предпринятым в начале 80-х годов в этом направлении русской торгово-промышленной буржуазией по инициативе славянофильских кругов Москвы. Не имели успеха и проекты отечественных концессионеров, проявивших желание строить железные дороги в Сербии и Болгарии.

Если трудовые массы славянского населения испытывали симпатии к России и связывали с ней решение своих национальных задач, то иначе обстояло дело с господствующими слоями и интеллигенцией Балканских стран, составляющими различные общественно-политические течения, которые в 1879–1881 годах оформились как политические партии в Болгарии, Сербии, Румынии. В свою очередь, царское правительство не устраивало либо внешнеполитическая ориентация этих партий (консервативная — в Болгарии, напредная — прогрессивная — в Сербии, национал-

либеральная и консервативная — в Румынии), либо их социальная база и внутренний курс (либеральный — в Болгарии, радикальный — в Сербии). Те же политические группировки, которые стремились сотрудничать с царизмом (а тот, в свою очередь, готов был их поддерживать), не имели самостоятельного значения в общественно-политической жизни (умеренные консерваторы и умеренные либералы — цанковисты — в Болгарии, либералы — в Сербии, «старые» консерваторы — в Румынии).

Важнейшей задачей балканской политики России по-прежнему оставалось решение в своих интересах проблемы черноморских проливов. Их судьба в случае полного раздела Османской империи, который казался неизбежным и скорым, чрезвычайно беспокоила российское правительство. Со времени Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и Берлинского конгресса западноевропейские державы, декларируя принцип сохранения целостности Османской империи, фактически перешли к ее разделу и захвату. С 1878 по 1885 год султан лишился Крита, Боснии, Герцеговины и части Новипазарского санджака, большей части Фессалии, Туниса, Египта, районов Ассаб, Бейдуля и Массауа на Красном море. Эти территории в основном попали под влияние Англии, Австро-Венгрии и Франции. Английская агрессия в отношении Турции приняла для России угрожающий характер. После ухода английской эскадры из Мраморного моря весной 1879 года военно-морской флот Англии продолжал господствовать в восточной части Средиземного моря. В Петербурге опасались, что в случае нового конфликта с Англией ее эскадра опять появится в проливах и, возможно, войдет в Черное море. Однако поставить проливы под свой контроль русское правительство в 80-х годах, как и в предшествовавшие три десятилетия, не могло, ибо это грозило общеевропейским конфликтом. В сентябре 1881 года на Особом совещании было принято постановление приступить к сооружению Черноморского флота, превосходящего турецкий и способного в случае угрозы войны со стороны Англии доставить к Босфору одним эшеломом 30-тысячный десантный корпус с артиллерией с целью закрыть английской эскадре доступ в Черное море. Но к 1885 году эта программа находилась лишь на начальной стадии осуществления¹³.

В декабре 1882 года российский дипломат А.И. Нелидов представил в МИД записку о возможном занятии Босфора. Причем наряду с вооруженным захватом он предусматривал и мирный путь решения вопроса «в случае близкой связи или союза с Портой, если бы она могла быть побуждена к тому, чтобы самой искать нашего содействия». Против этого пункта Александр III оставил помету: «Конечно, это было бы самое желательное»¹⁴.

Вопрос о проливах вставал обычно в моменты обострения международной обстановки, когда возникала угроза ввода неприятельско-

го флота в Черное море, либо установления другой сильной державой контроля над Босфором и Дарданеллами.

Так, в дни острой конфликтной ситуации на Балканах в 1885 году Александр III в письме начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву высказал мысль о необходимости готовиться к радикальному решению вопроса (занять Константинополь и раз и навсегда утвердиться в проливах). Однако он сам признавал, что время для этого еще не наступило¹⁵.

Пока же российскому правительству приходилось искать иных путей: поддерживать хорошие отношения с Турцией, контролирующей проливы, добиваться усиления своего влияния в балканских государствах, использовать возможности Союза трех императоров.

Петербург взял курс на укрепление своих позиций в Турции и ослабление влияния на Порту Англии. Осуществлению этого замысла во многом способствовал Нелидов, назначенный летом 1883 года послом в Турцию. Оставаясь на этом посту до 1897 года, Нелидов проявил себя как сторонник активной ближневосточной политики. Умный и опытный дипломат, он, обладая большим политическим чутьем, хорошо разбирался в балканских делах. Помимо официальных донесений в МИД Нелидов обращался непосредственно к царю, который прислушивался к его мнению.

Турция искала помощи России против Англии, постепенно прибирающей к рукам африканские провинции Османской империи. Россию и Порту объединяло желание сохранить статус-кво на Балканах и не допустить новой войны. Таким образом создавалась почва для достижения соглашения между двумя державами. Дорогу для нормализации отношений и возможного сближения после войны открыл русско-турецкий мирный договор, подписанный 8 февраля 1879 года. Следующим этапом явились русско-турецкие переговоры о заключении союза в 1882 году, в период английской военной агрессии в Египте. Султан Абдул Хамид II предложил Нелидову обсудить вопрос о заключении союзного соглашения подобно Ункяр-Искелесийскому договору 1833 года. В Петербурге решили, что союз с Турцией мог бы иметь место при определенных условиях: если бы Порта отказалась противодействовать русской политике в славянских провинциях европейских владений султана и гарантировала эффективное закрытие проливов для военных судов европейских держав. Однако от формулировки конкретных предложений Абдул Хамид уклонился, и переговоры были на время прекращены. Нелидов получил указание «держать дверь открытой» для дальнейших турецких шагов и заверить султана в желании царя достигнуть русско-турецкого сближения¹⁶. В 1884 и 1885 годах Порта повторяла свое предложение. Однако теперь Петербург уклонился от подписания союзного договора, мотивируя это тем, что в настоящий момент «никто не угрожает ни столице, ни трону султана», а также неподготовленностью России к во-

енным действиям¹⁷. Царское правительство считало, что союз возложил бы на Россию большие обязательства, в то время как слабая Турция не сможет поддержать интересы России в проливах и на Балканах. Таким образом, русско-турецкий союзный договор не был заключен из-за сомнений и недоверия, проявленных обеими сторонами.

И хотя переговоры о союзе не принесли конкретных результатов, Порты в эти годы не раз проявляла добрую волю по отношению к России и удовлетворила целый ряд пожеланий царского правительства. В 1882 году султан, несмотря на сильное недовольство западных держав, особенно Англии, разрешил проход через проливы двух судов русского Добровольного флота, везших на Дальний Восток ссыльных, которых сопровождали 800 солдат. В следующем году было пропущено четыре таких парохода. В 1884 году, несмотря на протест лондонского кабинета, между русским посольством в Стамбуле и Портой было подписано соглашение об условиях прохода через Босфор и Дарданеллы судов Добровольного флота с солдатами и ссыльными. Весной того же года, уступая настоятельному требованию царского правительства, Абдул Хамид не возобновил полномочия на новый срок генерал-губернатора Восточной Румелии Богориди, вступившего в острый конфликт с русским генеральным консульством в Пловдиве, и назначил на эту должность русского кандидата — Г. Крестовича.

Однако улучшение русско-турецких отношений не компенсировало ухудшения отношений с Австро-Венгрией, которая пользовалась любым поводом, чтобы вбить клин между Россией и славянскими государствами.

Большое недоверие и осложнение в отношениях между Петербургом и Веной внес династический вопрос в Сербии, получивший громкий резонанс в Европе осенью 1883 года. Тяжелое экономическое положение народных масс в Сербии, усиление реакции и полицейского произвола вызвали выступления крестьян на востоке страны (Тимокское восстание). Это оживило надежды на сербский престол Петра Карагеоргиевича, пользовавшегося поддержкой части правящих кругов России. Опасаясь низвержения проавстрийски настроенного сербского князя Милана, Вена пригрозила оккупацией Сербии. Положение казалось настолько серьезным, что Н.К. Гирс прибег к германскому посредничеству, заявив германскому послу в Петербурге Л. Швейницу: австрийская оккупация Сербии взорвет Союз трех императоров. Твердая позиция России заставила Вену пойти на уступки, однако напряженность в русско-австрийских отношениях сохранялась еще некоторое время.

Наиболее острые разногласия между Россией и Австро-Венгрией вызывала их политика в Болгарии. Австрийская дипломатия неукоснительно преследовала цель подорвать русское влияние в княжестве.

В восстановленной Болгарской державе правящие круги габсбургской монархии видели естественного союзника России и олицетворение славянской опасности. Уже первый австрийский дипломатический представитель в княжестве Р. Кевенполлер, играя на самолюбии молодого болгарского князя Александра Баттенберга, настойчиво советовал ему «одним ударом освободиться от этой чумы» (имея в виду русских) и показать свой авторитет, в противном случае он встанет перед угрозой «превращения в марионетку, веревочки которой будут находиться в чужих руках»¹⁸.

Государственный переворот 9 мая 1881 года, приостановивший действие Тырновской конституции и установивший самодержавное правление в Болгарии, австро-венгерское правительство (как и русское) поддержало; кабинеты союзников оказали согласованную помощь Баттенбергу в укреплении его власти в стране. Правда, в Вене руководствовались при этом совершенно иными соображениями, чем в Петербурге: там полагали, что уничтожение Тырновской конституции подорвет авторитет России среди болгар; с другой стороны, пребывание у власти в Болгарии узкой правящей клики во главе с монархом обеспечивало удобство их подкупа для приобретения концессий, заключения займов, расширения торговли, то есть отвечало планам экономической экспансии Австро-Венгрии. Заключение Союза трех императоров ни в малейшей степени не изменило антирусской направленности австрийской политики, хотя ее тактика стала другой: если раньше венский кабинет концентрировал усилия для привлечения на свою сторону князя Александра, а также отдельных болгарских политических деятелей, то теперь Вена умело использовала разногласия между болгарами и русскими представителями в княжестве¹⁹.

Существенно обострил австро-русские отношения инцидент, связанный с речью председателя Совета министров и министра иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки. 28 октября 1883 года в Пеште на сессии венгерской делегации парламента Кальноки охарактеризовал внутреннее положение России как «беспомощное» и намекнул на возможность войны с Россией, прибавив, что в случае нападения на Австро-Венгрию последняя не останется одна. Эта речь вызвала большой резонанс в правительственных и общественных кругах России и обеспокоила Бисмарка, который опасался открытого военного столкновения. Кальноки, получившему информацию, что в Берлине его выступление не встретило одобрения, пришлось объясняться с российским послом в Вене А.Б. Лобановым-Ростовским и направить телеграмму Н.К. Гирсу, где говорилось, что австрийские газеты допустили неправильную редакцию его речи, что он отнюдь не хотел «выразить сомнение в природе полностью дружественных связей с Россией»²⁰. Русское правительство

приняло объяснения Кальноки и в целом проявило выдержанность. Недовольство выразилось лишь в том, что дважды по указанию Александра III Гире отклонил сделанные Кальноки и Францем Иосифом приглашения царю посетить Вену.

Негладко складывались отношения и с другим союзником — Германией. Подозрительность Петербурга вызывала деятельность ее в Турции. Немецкие офицеры в 1884–1885 годах возводили укрепления в Дарданеллах и на Босфоре. Последнее возбудило подозрения Нелидова. На его запросы Порты отвечала, что, укрепляя Босфор одновременно с Дарданеллами, она стремится избежать обвинений в пристрастности к одной стороне. Военный агент в Константинополе В.Н. Филиппов считал, что немцы укрепляют в первую очередь Босфор, потому что опасаются за него больше, чем за Дарданеллы. Нелидов писал Гирсу, что укрепление Босфора связано с планами Германии обеспечить себе со временем руководство военными силами Турции²¹. У царя и Гирса зародилось подозрение, что союзники и не собираются поддерживать интересы России в проливах, как это было обозначено в договоре, а уверения о необходимости сохранения равновесия в проливах между Россией и Англией делаются в интересах лондонского кабинета. «Активность, проявляемая германскими войсками на службе у Порты для укрепления двух сторон проливов, — писал Гире Нелидову 6 июня 1885 года, — показывает, что Бисмарк не расположен благоприятствовать оккупации Босфора Россией, так же как и проходу через Дарданеллы Англии. Это проявление беспристрастия между двумя враждебными сторонами в интересах Англии»²².

Однако в ряде случаев три императорских двора выступали единым фронтом, хотя и тогда различия в подходах и позициях давали о себе знать. Так, известное сотрудничество между Россией и Австро-Венгрией имело место в дунайском вопросе, который приобрел большую актуальность после русско-турецкой войны.

Судоходство по Среднему Дунаю регламентировалось нормами, разработанными Европейской дунайской комиссией (ЕДК). Петербург стремился добиться суверенитета России над Килийским рукавом, возвращенным ей в 1878 году, выведя его из-под юрисдикции комиссии. Это обеспечивало бы каботажное плавание между Одессой и портами, расположенными в Килийском рукаве. 29 января 1883 года Гирс направил венскому кабинету декларацию с соответствующими требованиями²³. Английское правительство тотчас же высказалось против этих требований, грозивших, по его мнению, захватом Россией в свои руки контроля над всем дунайским судоходством. Его аргументация была связана с тем, что Килийский рукав как наиболее полноводный в случае проведения очистительных и углубительных работ мог стать самым удобным для

международной торговли. Англию поддержала Румыния. Но Кальноки, учитывая, что в случае непринятия русского требования возникнут серьезные трудности с продлением срока действия ЕДК, решил согласиться с декларацией Гирса. Русский посол в Германии П.А. Сабуров сообщал, что в Вене «поняли закономерность русских претензий, так как основным соперником Австрии на Дунае является не Россия, а Англия». Бисмарк, добавлял посол, также признает основательность русских претензий на Килийский рукав²⁴. При поддержке Австро-Венгрии Россия добилась положительного решения этого вопроса на Лондонской конференции. В договоре, подписанном 10 марта 1883 года участниками конференции, указывалось, что власть ЕДК не распространяется на ту часть Килийского рукава, оба берега которого принадлежат России, и в этой части рукава она регулирует судоходство и учреждает речную полицию, а также собирает сборы, предназначенные для покрытия расходов по предпринимаемым здесь работам.

Надо указать и на случай реальной помощи (единственной за это время), оказанной России Германией во время афганского кризиса весной 1885 года, когда война между Россией и Англией казалась неизбежной и Петербург очутился перед перспективой заключения англо-турецкого союза и открытия черноморских проливов для английских военных судов. В Лондоне даже существовал план прорыва через проливы и нанесения ударов по Одессе и Севастополю, а также развертывания военных действий на Кавказе с участием турецких войск. 11 апреля 1885 г. Нелидов предпринял энергичный демарш перед великим визирем, заявив, что проход английского флота через проливы будет рассматриваться императорским кабинетом как нарушение нейтралитета Турции. Но русский посол прекрасно понимал, что султанское правительство не может гарантировать закрытия проливов, особенно Дарданелл, которые были слабо укреплены и, по существу, беззащитны. Сообщая в Петербург о своем заявлении, Нелидов высказал мысль, что «если подобный демарш будет рекомендован Берлином, Веной и Парижем, которые осудят намерение открыть проливы, это может остановить англичан». На депеше посла Гирс написал: «Я полагал бы снести по этому поводу с Берлином». Идея была одобрена Александром III²⁵. Возникла острая необходимость напомнить своим союзникам об их обязательствах по договору. Договорившись с берлинским и венским кабинетами о практическом применении соответствующей статьи договора, Гире писал Нелидову 15 апреля 1885 года: «Надеемся, что давление трех императорских дворов, к которому, возможно, присоединится Франция, будет достаточно эффективным, чтобы укрепить упадок сил султана»²⁶. Германское правительство приняло решение выполнить свое договорное обязательство, мобилизовав для давле-

ния на Порту Австро-Венгрию, а также Италию и Францию. Бисмарк предписал своему послу в Константинополе И. Радовицу «употребить все свое влияние, чтобы Порта сохранила нейтралитет», и заявить ей, что «открытие проливов приведет Турцию к войне с Россией». Те же заявления были сделаны турецким послам в Берлине и Вене²⁷. Излагая свою позицию, Бисмарк писал германскому послу в Вене Г. Рейсу: «Наступил момент доказать России и Европе, что Союз трех императоров — это реальность»²⁸. Подвергнувшись нажиму пяти великих держав, султан поспешил уступить России. 20 апреля в Константинополе был опубликован ираде (указ), утверждавший решение совета министров сохранять нейтралитет в случае военного столкновения Англии с Россией.

В министерском отчете за 1885 год Гире делал вывод, что мирное разрешение афганского кризиса было «следствием, покоящимся на солидном фундаменте Союза трех императоров»²⁹. Однако русский министр иностранных дел не питал иллюзий относительно бескорыстия Бисмарка и отчетливо сознавал, что Германия оказала помощь России в силу своей крайней заинтересованности в сохранении статус-кво на Востоке. Участие Турции в войне привело бы к серьезным осложнениям на Балканском полуострове, создало бы трудности для Австро-Венгрии и в конце концов вылилось бы во всеобщую войну³⁰. В течение всей своей политической карьеры Бисмарк старался избежать втягивания Германии в войну на Ближнем Востоке. К этому следует добавить, что отказ от выполнения обязательств по договору трех императоров привел бы к кризису русско-германских отношений, что противоречило задачам политики Бисмарка.

Можно сделать вывод, что на первом этапе существования Союза трех императоров (до августа 1885 г.) русско-германские отношения характеризовались известной стабильностью и оценивались руководством российского МИД как хорошие.

Как уже указывалось, главной задачей Бисмарка было не допустить русско-французского сближения. Он рассчитывал также на нейтралитет России в случае новой Франко-германской войны. С этой целью германский канцлер стремился по мере возможности сглаживать русско-австрийские противоречия, обострение которых могло развалить Союз трех императоров. Бисмарк неоднократно выдвигал идею раздела Балканского полуострова на сферы влияния между Россией и Австро-Венгрией. На протяжении всего существования Союза трех императоров в моменты обострения австро-русских отношений канцлер постоянно возвращался к этой мысли, предлагая Петербургу и Вене различные комбинации, суть которых состояла в том, что Австро-Венгрия признает русской сферой интересов Болгарию, а Россия — сферой австрийских

интересов Сербии и Боснию с Герцеговиной. Активным сторонником разграничения влияния на Балканах показал себя Сабуров.

Однако царское правительство раз за разом отклоняло предложения Бисмарка. Александр III не хотел и думать о добровольной отдаче Сербии в австрийские руки. Правительственные круги в Австрии и особенно в Венгрии, в свою очередь, не допускали и мысли о предоставлении России свободы действий, ибо признание Болгарии зоной русских интересов, по их мнению, явилось бы первым шагом к созданию крупного славянского государства, что могло привести к потере Австро-Венгрией всего Балканского полуострова. Венский кабинет также учитывал все более углубляющуюся материальную заинтересованность Австро-Венгрии в Болгарии. В русско-австрийских отношениях периодически возникали конфликты. Возвратясь в 1884 году из Скерневиц, Гирс был вынужден признать существование глубокого антагонизма между двумя странами. «Об этом не может оставаться никаких иллюзий»³¹, — с горечью сказал он поверенному в делах германского посольства Б. Бюлову. И все же в Петербурге старались поддерживать видимость добрососедских отношений с Австро-Венгрией. Гирс разъяснял это в личном письме к советнику русского посольства в Вене Фонтону: «Для наших двух стран, для всего Балканского полуострова важно знать, что Россия и Австрия действуют согласованно и находятся в добрых отношениях. В том случае, если возникнет предположение о том, что согласия не существует, или появится надежда на зарождение враждебности между Россией и Австрией, начнется всеобщее возбуждение, которого оба государства хотят избежать»³².

Но в Европе знали то, чего так опасался русский министр. «Я не представляю, чем эта дружба закончится, — писал в конце 1884 года английский посол в Вене Э. Мале, — но царь и император (Франц Иосиф. — *Авт.*), совершенно очевидно, говорят на разных языках и не столько о Сербии, сколько о все более возрастающей болгарской проблеме»³³. Мале не ошибался в своих предположениях. Очередное обострение восточного вопроса, вызванное событиями в Болгарии 1885–1886 годов, продемонстрировало непрочность Союза трех императоров.

3. Провал российской политики в Болгарии

Освобождая Болгарию, царское правительство рассчитывало на установление там своего долговременного преобладания. В пользу последнего говорили и горячая признательность болгарского народа России, и назначение на важные министерские посты русских генералов (военными министрами были сначала П.Д. Паренсов, затем Г.К. Эрнрот и А.В. Каульбарс; с 1882 года председателем совета министров и министром внутренних дел стал А.Н. Соболев). Однако расчеты Петербурга не оправдались.

Избранный болгарским князем немецкий принц Александр Баттенберг очень скоро стал проявлять абсолютистские замашки, стремился ликвидировать ограничивавшую его власть либеральную конституцию. Его обращения в Петербург с просьбой о поддержке сначала не встретили понимания. Но когда в мае 1881 года князь совершил государственный переворот и приостановил действие конституции, русское правительство не выступило с протестом, фактически признав установление в Болгарии самодержавного правления. Это было связано с усилением реакционных тенденций во внешней политике России после воцарения Александра III. Поддержка Баттенберга оказалась ошибкой. Князь не пользовался популярностью в стране, особенно в либеральных кругах. Поддерживавшие же его консерваторы предпочитали проавстрийскую ориентацию.

Осознав это, петербургский кабинет стал добиваться восстановления Тырновской конституции, ограничивавшей власть князя. В Софию был направлен опытный дипломат А.С. Ионин, четверть века проводивший на Балканах. Проанализировав ситуацию на месте, он пришел к выводу, что России следует опереться на либералов. Ионин писал Гирсу: «Со времени Берлинского трактата Россия не вполне оправдала те ожидания, которые возлагали на нее болгары. Беспрестанная перемена взглядов, людей и систем, переход от Тырновской конституции к едва замаскированному деспотизму смутили умы и поколебали наш нравственный кредит»³⁴. Оказав давление на Баттенберга, Ионин добился его согласия на восстановление конституции, но тем самым сделал князя непримиримым врагом России. Это чувство усугублялось неловкими действиями преемников Ионина и командированных в Болгарию русских генералов, чрезмерно вмешивавшихся во внутренние дела молодого государства. Попытки Баттенберга выйти из-под российской опеки и проявить самостоятельность старательно пресекались. Опасаясь, что князь может заручиться поддержкой противников России — Англии и Австро-Венгрии³⁵, Петербург решил руками болгарских либералов избавиться от него. С 1884 года началась умелая дискредитация князя, для чего в Софию на смену Ионину прибыл дипломатический агент А.И. Кояндер. Баттенбергу были предъявлены обвинения в незаконном расходовании средств и т. п.

Возможно, болгарским либералам при поддержке русских дипломатов и удалось бы свалить князя, но 6(18) сентября 1885 года в Пловдиве (Филиппополе), столице Восточной Румелии, произошло народное восстание. Турецкие власти во главе с генерал-губернатором Г. Крестовичем были изгнаны, и было провозглашено соединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством под скипетром князя Александра Баттенберга. Это укрепило авторитет князя внутри страны. Румелийский перево-

рот, подрывавший положения Берлинского договора, привел к резкому обострению противоречий между великими державами и вызвал острую реакцию Турции и балканских государств, осложнив обстановку в Юго-Восточной Европе. Возник кризис, продолжавшийся с сентября 1885 по апрель 1886 года. В дипломатической переписке и прессе того времени, а позднее в исторической литературе он получил название болгарского, иногда балканского кризиса. Его стержнем стала проблема признания Европой и Турцией провозглашенного объединения Болгарии. Развернулось ожесточенное соперничество держав за преобладающее влияние на Балканах, и прежде всего в Болгарии.

В правительственных кругах России пловдивские события явились неожиданными и вызвали растерянность. Правда, о движении болгар за объединение было известно в Петербурге из донесений русских дипломатов, которые постоянно (особенно с весны 1885 г.) сообщали о народных выступлениях в пользу объединения. Называя лидеров движения «шайкой разбойников» и «анархистами», авторы этих донесений уверяли, что настроения в пользу объединения не имеют широкого распространения в народе и являются исключительно делом борьбы партий за власть в Восточной Румелии. Первой реакцией Петербурга был отзыв русских офицеров, служащих в Болгарском княжестве и Восточной Румелии³⁶. Русские дипломаты и военные в Болгарии получили указания не вступать ни в какие сношения с болгарским князем. Этим императорский кабинет показывал свое отрицательное отношение к румелийскому перевороту и лично к князю Александру, который, по мнению Петербурга, нес основную ответственность за происшедшее. Русское правительство хотело опровергнуть версию о своем участии в болгарских событиях (это обвинение выдвинула против России почти вся европейская печать) и продемонстрировать лояльность по отношению к Турции. Вместе с тем в Петербурге с большой тревогой отнеслись к мобилизации турецких войск и их сосредоточению у румелийской границы. По поручению царя Нелидов решительно заявил султану и великому визирю, что Россия не может допустить вторжения турецких войск в Восточную Румелию³⁷.

Чем же объяснялись эти действия царского правительства? Создание единой Болгарии было главной целью русской дипломатии в Сан-Стефано и в Берлине. Проблема объединения Болгарского княжества с Восточной Румелией оставалась в поле зрения петербургского кабинета и после подписания Берлинского договора. Давая предписания русским представителям в европейской комиссии по разработке Органического статута Восточной Румелии, Гире писал, что они должны помнить задачу русской политики — «объединение этой провинции с Болгарским княжеством»³⁸. Общие условия для этого были подготовлены непосредственным участием России в создании болгарской государственности —

учреждении государственно-административного аппарата и разработке конституций Северной и Южной Болгарии. Была проведена и дипломатическая подготовка, что нашло отражение в австро-русско-германском договоре 1881 года. И в дальнейшем русское правительство в принципе оставалось сторонником единства болгарского народа. В Петербурге рассчитывали, что, когда произойдет объединение, Россия будет формально протестовать, но при этом не допустит вступления турецких войск в Восточную Румелию и державы в конечном счете будут вынуждены признать свершившийся факт. Причем не исключалась возможность решения болгарского вопроса одновременно с утверждением России на Босфоре в Дарданеллах. Но уже к концу 1883 года императорский кабинет пришел к убеждению о несвоевременности объединения. К этому времени в официальном Петербурге разочаровались в князе Александре и убедились в его враждебной России линии поведения. На Баттенберга Александр III возлагал главную вину за ослабление русского влияния в Болгарии. К осени 1885 года царь уже считал Баттенберга своим главным врагом. Поддержка Россией провозглашенного объединения укрепила бы власть князя и его премьер-министра П. Каравелова. В Петербурге опасались, что единая Болгария во главе с Баттенбергом может стать не оплотом царизма на Балканах, а враждебной силой.

Таким образом, политика защиты интересов болгарского народа вступила в противоречие с амбициями самодержца, с его нежеланием в данный момент содействовать объединению Болгарии.

При созвучии внешнеполитических интересов России и Болгарии совсем не было необходимости связывать укрепление русского влияния с низложением Баттенберга и с антидемократическими изменениями в государственном устройстве княжества. Отношение на берегах Невы к объединению Болгарии хотя под влиянием событий и подверглось известной корректировке, имело самые негативные результаты для русской политики и стало иллюстрацией отрицательного влияния внутренней реакции на внешнеполитический курс.

Многочисленные документы неопровержимо свидетельствуют, что русская дипломатия понимала невозможность возвращения Восточной Румелии Турции. Одним из первых эту мысль высказал Нелидов, проявив в очередной раз политическую дальновидность. 20 сентября 1885 года он телеграфировал в Петербург, что после совершившегося разъединить Северную и Южную Болгарию невозможно. Более подробно он развивал ту же идею спустя десять дней, уверяя, что настаивать на возвращении к статус-кво — дело безнадежное, ибо «в объединении двух частей Болгарии был бы прогресс нашей политики на Балканском полуострове, проводившейся в течение веков, и временная неблагодарность болгар и их князя не должна изменять ее направления». На этом

донесении царь сделал пометку: «Много верных мыслей, но трудно еще остановиться на чем-нибудь окончательно. Вопрос слишком запутан»³⁹. Согласно плану, который в сентябре 1885 года разрабатывался в Петербурге, самым важным было выиграть время и предотвратить вступление турецких войск в Восточную Румелию. Затем русский и турецкий комиссары могли создать в Румелии новую администрацию. В Петербурге рассчитывали также, что тяжелая внутренняя и внешняя обстановка заставит болгар отвернуться от князя Александра и обратиться к России: тогда удастся освободиться от Баттенберга и Каравелова, создать новое болгарское правительство и вслед за этим открыто признать объединение.

Исполнения своего плана российский МИД мыслил добиться дипломатическим путем при поддержке союзников — Германии и Австро-Венгрии. Насколько оправданными были эти расчеты? В Вене по мере падения русского влияния в Болгарии зрела мысль, что объединение болгарского народа не усилит, а ослабит это влияние, что нужно поддерживать антироссийские настроения в Болгарии. Германский канцлер О. Бисмарк имел все основания заявить французскому послу в Берлине в ноябре 1885 года, что как Австро-Венгрия, так и Англия «полагают, что Болгария, объединившись с Румелией, будет сильнее противостоять господству России, и считают более желательным поддерживать единую Болгарию»⁴⁰. Г. Кальноки находил возможной форму личной унии, то есть назначение Баттенберга, остававшегося монархом Болгарского княжества, одновременно генерал-губернатором Восточной Румелии, что формально не нарушало условия Берлинского договора.

Официальной позицией Петербурга стало требование восстановления статус-кво в Болгарии. Уже 25 сентября 1885 года Россия обратилась к великим державам с предложением созвать совещание послов в Константинополе по болгарскому вопросу, рассчитывая при этом, что они потребуют восстановления положений Берлинского трактата. Венский кабинет согласился с мнением царского правительства решить румелийский вопрос дипломатическим путем и присутствовать на совещании послов. Вена стремилась локализовать болгарское национальное движение и не допустить его распространения на новые территории, особенно на Македонию. Кроме того, австрийцы вынуждены были учитывать крайне враждебную реакцию на переворот сербского короля Милана, опасавшегося появления рядом с Сербией другого крупного славянского государства. Подобная реакция наблюдалась и в правительственных кругах Греции. В Белграде потребовали территориальную компенсацию за счет нескольких западных болгарских округов и взяли курс на развязывание войны с Болгарией. И хотя австрийцы солидаризировались с англичанами в вопросе укрепления позиций князя Александра, но открыто проявлять к нему симпатии не могли.

Тактика Бисмарка во время болгарского кризиса диктовалась желанием смягчить австро-русские противоречия и поддерживать дружеские связи с Россией. Канцлер заявил российскому поверенному в делах в Берлине М.Н. Муравьеву, что если царское правительство захочет признать объединение, то оно должно предварительно договориться с Австро-Венгрией⁴¹. В Петербурге поняли, что Бисмарк предлагает компенсировать австрийцам объединение Болгарии аннексией Боснии и Герцеговины.

По мере углубления кризиса и обострения противоречий между державами германские дипломаты все настойчивее предлагали царскому правительству проявить инициативу и сказать решающее слово в урегулировании болгарской проблемы. Эти «дружеские» советы преследовали цель вызвать военный конфликт России с Англией, что являлось главной задачей политики Бисмарка. Лишь только в этом случае он мог допустить выступление Австро-Венгрии против России и развязать тем самым себе руки для разгрома Франции. 31 октября 1885 года германский канцлер заявил своему сыну Г. Бисмарку*: «Задача австрийской политики — создать у Англии впечатление, что захват Россией Константинополя для Австрии дело совершенно безразличное и она легко может прийти к взаимопониманию с Россией, тогда Англия будет вынуждена выступить на передний план и начать действовать против России»⁴². Передача Англии инициативы на оппозицию России давала Бисмарку преимущество во взаимоотношениях с Россией и с Австро-Венгрией и позволяла играть роль арбитра.

Лондон, испугавшись вначале, что Россия использует объединение Болгарии для установления своего господства в проливах, затем получил многочисленные подтверждения о непричастности ее к перевороту. Это определило его поддержку болгарского князя с тем, чтобы использовать движение в Болгарии против России. Такой поворот дела вполне устраивал Бисмарка, желавшего столкнуть в болгарском вопросе Россию и Англию.

Позиция остальных великих держав не определяла погоды. Италия шла в фарватере германской и австро-венгерской политики, Франция, занятая своими колониальными проблемами, не желала вмешиваться в болгарские дела. Что касается Турции, то ее реакция на объединение была резко отрицательной, поскольку оно существенно ущемляло ее интересы.

Таким образом, противниками объединения Болгарии выступали лишь Россия и Турция.

* Г. Бисмарк в ноябре 1885 года занял пост помощника государственного секретаря по иностранным делам, а в сентябре 1886 года возглавил МИД.

В начале октября 1885 года в Константинополе состоялось совещание послов великих держав, а через месяц там же открылась конференция по болгарскому вопросу. К этому времени стало очевидно, что болгарский кризис угрожал перерасти в общебалканский. 2(14) ноября сербский князь Милан, желавший получить территориальную компенсацию ввиду расширения Болгарии, объявил ей войну и вторгся на болгарскую территорию. Его тайно поддерживала Австро-Венгрия.

Всеобщий пожар, грозивший разгореться на Балканах, послужил причиной для пересмотра русской дипломатией своей первоначальной позиции по отношению к объединению. Получив одобрение союзников, Гирс направил ноту великим державам, в которой предлагал созвать для решения болгарского вопроса международную конференцию. На Певческом мосту* рассчитывали, что на этой конференции с помощью Порты удастся принять решение об устранении Баттенберга, после чего Россия могла бы признать объединение Болгарии.

С этой целью начались переговоры с султаном, однако тот, сначала обещавший действовать совместно с российским правительством, затем отказался требовать отречения от власти князя Александра.

Главным содержанием открывшейся в Константинополе 5 ноября 1885 года конференции послов была борьба между русской и английской дипломатиями за позицию Порты. Английский посол У. Уайт поддерживал объединение Болгарского княжества с Восточной Румелией и добивался персональной унии для князя Александра, в то время как Нелидов в переговорах с султаном и великим визирем настойчиво требовал, чтобы Порта проявила инициативу в вопросах восстановления статус-кво в Болгарии и отрешения от власти Баттенберга. Уайт, разгадав русские планы, убеждал Абдул Хамида II, что царское правительство, добившись низложения Баттенберга и возведя на болгарский престол своего ставленника, признает объединение и султан потеряет свои права на Болгарию. Послы Германии и Австро-Венгрии в известной степени помогали Нелидову добиться осуществления российского плана. Они совместно оказывали давление на султана, настаивая, чтобы он выступил с требованием восстановления прежнего порядка в Болгарии и проявил твердость в отстаивании предложений трех императорских кабинетов. Это было вызвано тем, что Абдул Хамид под влиянием английской дипломатии начал колебаться, балансируя между Россией и Англией. Послы союзных держав выступили против Уайта, который всячески затягивал работу конференции, саботируя предложения, вносимые Россией и другими державами. Однако в то же время Берлин и Вена за спи-

* У Певческого моста на берегу р. Мойки в Санкт-Петербурге находилось здание российского МИД.

ной России вели переговоры с Лондоном с целью сепаратного решения болгарского вопроса.

В итоге длительных обсуждений 25 ноября все участники конференции, кроме английского представителя, подписали резолюцию, которая предусматривала: направление в Восточную Румелию турецкого комиссара в качестве временного правителя, пока там не будет восстановлено положение, существовавшее до переворота; создание смешанной комиссии (из европейских и турецких представителей) для опроса населения Восточной Румелии с целью улучшения Органического статута; предполагалось, что после восстановления власти султана в Восточной Румелии Порты назначит туда генерал-губернатора. Таким образом, русская дипломатия настояла на принятии резолюции о восстановлении статуса в Болгарии, но добиться от султана, чтобы он отрешил от власти князя Александра, ей так и не удалось.

Однако восстановить прежнее положение в Восточной Румелии оказалось невозможным. Обстановка на Балканах изменилась. Ход сербско-болгарской войны перечеркнул все предположения европейской дипломатии, уверенной в победе Сербии. Блестящие успехи болгарских войск под Сливницей и Царибродом, изгнание сербских войск с территории княжества и занятие болгарскими частями сербского города Пирота привели к открытому вмешательству в события венского кабинета. Угроза полного разгрома сербской армии и возможность падения короля Милана вызвали настоящую панику в Вене. Угрожая вступлением в войну на стороне Сербии и ее оккупацией, Австро-Венгрия заставила болгар прекратить наступление.

Петербург, как и другие европейские правительства, первоначально был уверен в победе сербских войск и полагал, что это поведет к падению Баттенберга и восстановлению российского влияния в Болгарии. В то же время, следуя своей традиционной балканской политике и учитывая реакцию русского общества (его симпатии были всецело на стороне болгар), правительство взяло на себя инициативу решительно содействовать прекращению сербско-болгарской войны. Вскоре после начала военных действий Александр III обратился к Вильгельму I и Францу Иосифу с просьбой предложить королю Милану остановить свои войска. По настоянию Петербурга представители великих держав в Белграде и Софии сделали заявления, в которых указывалось на необходимость прекратить кровопролитие и заключить перемирие между двумя враждующими сторонами.

Угроза Вены оккупировать Сербию вызвала негодование на берегах Невы. Российский МИД выразил протест по поводу этого демарша. Кроме того, вмешательство Австро-Венгрии по условиям союзного договора 1881 года могло иметь место только при согласовании с Росси-

ей. Напряженность русско-австрийских отношений усиливалась еще и в связи с тем, что в Австро-Венгрии начались военные приготовления и распространялись слухи о мобилизации армии. В начале декабря 1885 года Гирс объявил Кальноки, что действия Вены ставят Союз трех императоров под угрозу разрыва⁴³, Австрийцы вынуждены были отступить. Немаловажную роль в этом сыграла позиция Бисмарка, резко критиковавшего австрийцев за их демонстративную враждебность в отношении России. Германский канцлер рассчитывал, что царизм втянется в болгарские дела и тем самым вынудит к выступлению Англию⁴⁴. В Петербурге же, не зная о подлинных мотивах поведения Бисмарка, с удовлетворением отметили его воздействие на Вену. Русско-австрийский конфликт в конце ноября — начале декабря 1885 года был первым крупным проявлением противоречий в Союзе трех императоров с начала болгарских событий.

Одержанная болгарским народом победа в войне с Сербией, укреплявшая внешнеполитическое положение Болгарии, а также бесплодная попытка держав решить болгарский вопрос в рамках европейского концерта заставили русское правительство пересмотреть свое отношение к объединению Болгарии. Нелидов и на этот раз первым из русских дипломатов проявил понимание политической обстановки. Еще 30 ноября 1885 года он высказал твердое убеждение, что в сложившейся ситуации нео⁴⁵. Зная, что султан договаривается с князем Александром о признании Портой объединения, петербургский кабинет сообщил Абдул Хамиду о своем аналогичном намерении, но при непременном условии отставки нынешнего софийского кабинета. Отречения Баттенберга требовать было уже невозможно. Теперь в российском МИД желали, чтобы султан заключил с болгарским правительством такое соглашение, которое максимально принизило бы князя Александра и открыло возможность для устранения его в будущем.

С конца декабря 1885 года между султанским и болгарским правительствами начались переговоры, закончившиеся 1 февраля 1886 года подписанием двустороннего договора, представленного на утверждение великим державам. Основными его положениями явились передача управления Восточной Румелией (оставшейся составной частью Османской империи) князю Александру, который каждые пять лет султанским фирманом должен назначаться ее генерал-губернатором, и заключение военного союза между султаном и князем. Царское правительство, не выступая против самого соглашения между Турцией и Болгарией, потребовало изменить договор, исключив из него статьи о военном союзе и обязательном утверждении великими державами болгарского князя (без упоминания имени Александра Баттенберга) генерал-губернатором Восточной Румелии. Русские предложения исходи-

ли из интересов не только России, но и Болгарии, так как были направлены на укрепление ее независимости. Правительство Австро-Венгрии совместно с правительствами Англии и Италии настаивало на том, чтобы имя князя было упомянуто в соглашении. Поддерживала Баттенберга и сама Турция. Абдул Хамид неоднократно через Нелидова обращался в Петербург с просьбой не препятствовать упоминанию имени князя и отказаться от требования утверждения генерал-губернатора великими державами. Порта боялась срыва болгаро-турецкого договора, что крайне скомпрометировало бы ее и в своей стране, и в Европе. Но, видя решительность царского правительства в отстаивании своих предложений, с одной стороны, и достигнув главного — признания персональной унии — с другой, западные державы приняли требования России.

5 апреля 1886 года в султанском дворце Топхане послы шести великих держав и представитель Турции подписали акт, представлявший собой измененный согласно требованиям России болгаро-турецкий договор⁴⁶. Подписание Топханейского акта означало международное признание объединения двух частей Болгарии.

Российская дипломатия была поставлена теперь перед необходимостью разрабатывать новый курс болгарской политики. Он складывался под влиянием ряда факторов, и в первую очередь внешнеполитического положения России. Доверие Петербурга к своим союзникам в значительной степени было утрачено. Но здесь также ясно видели, что Англия по-прежнему остается главным противником России на Ближнем Востоке. Российский МИД поэтому считал необходимым вести на Балканах осторожную политику в рамках европейского концерта, продолжая искать содействия Германии и Австро-Венгрии. В самой Болгарии позиции России были недостаточно прочными как среди интеллигенции, так и среди большей части буржуазии, поддерживавшей торговлю с западноевропейскими странами. Отношения императорского кабинета с политическим руководством княжества были более чем прохладными. Поэтому Петербург взял курс на сохранение мира на Балканах и невмешательство во внутренние дела Болгарии. Стремясь к улучшению отношений с Турцией, Россия возобновила секретные переговоры с султаном, недовольным активизацией Англии в Средиземном море. В Константинополе упорно циркулировали слухи о намерении англичан захватить один из эгейских островов возле Дарданелл, Абдул Хамид II, считавший неизбежным столкновение в скором времени между Англией и Россией, опасался за судьбу проливов и искал поддержки царского правительства для их защиты. В июле доверенное лицо султана заявило Нелидову, что Абдул Хамид II хочет заключить союз с российским императором на основе общности интересов — защиты черноморских проливов. Не проявив большого доверия к этому предложению, Александр III дал указа-

ние поддерживать стремление султана к сближению, считая, что союз с Турцией может быть заключен на основе закрытия проливов. В августе царь и султан обменялись любезными письмами и ценными подарками⁴⁷. Однако произошедшие в это время события в Болгарии отодвинули на второй план переговоры о союзе, оставив дверь открытой для русско-турецкого сотрудничества в болгарском вопросе.

В ночь с 8(20) на 9(21) августа 1886 года заговорщики из числа болгарских офицеров низложили Баттенберга. Этот акт и последовавшие за ним события положили начало новому болгарскому кризису, также носившему международный характер. Забегая вперед, укажем, что этот продолжительный кризис стал затухать лишь в начале 1888 года и закончился в марте того же года после безуспешной попытки правительства России добиться дипломатическим путем решения династического вопроса в Болгарии в свою пользу.

О подготовке заговора болгарских офицеров в Петербурге были информированы с июля 1886 года. Документы свидетельствуют, что в готовившейся детронизации царское правительство, как и его представители в княжестве, участия не принимали и даже относились с недоверием к известиям о нем. Исходя из принятого курса, петербургский кабинет относился к этому движению недоверчиво и весьма сдержанно. Царь даже полагал, что «это не серьезный заговор, а скорее ловушка, сочиненная для нас»⁴⁸. Российские дипломаты получили инструкцию не вступать ни в какие переговоры с заговорщиками и держаться от них в стороне. О своей непричастности к событиям в Болгарии Петербург сообщил Берлину, Вене и Константинополю. Это было весьма предусмотрительно: через несколько дней сторонники Баттенберга совершили новый переворот и вернули болгарский престол князю.

Главной задачей петербургского кабинета после низложения князя было заручиться поддержкой Германии. 26 и 27 августа в Франценсбаде, а затем 2 и 4 сентября в Берлине Гирс обсуждал с Бисмарком болгарские события, и тогда была подтверждена необходимость согласованных действий трех императорских дворов и высказано желание предотвратить развитие кризиса на Балканах. Германский канцлер обещал помочь русскому правительству не допустить реставрации власти Баттенберга. Не менее важно было договориться по этому вопросу с Портой и не дать турецким войскам войти в Восточную Румелию, так как подобная опасность возникла вновь. После низложения Баттенберга управляющий генеральным консульством в Софии П.М. Богданов получил инструкции «быть крайне сдержанным, не вмешиваться в раздор партий, стараясь по возможности сплотить их», заверять болгар, что Россия и не думает об оккупации княжества. В ответ на обращение софийских властей с просьбой о покровительстве и помощи, Александр III отвечал, что «все влия-

ние России направлено к тому, чтобы оградить Болгарию от внешних опасностей»⁴⁹. Учитывая крайне напряженную обстановку, сложившуюся в Болгарии, в Петербурге сочли целесообразным признать и поддерживать кабинет П. Каравелова, выразивший желание сотрудничать с Россией. Специальный посланец царя генерал Н.С. Долгоруков должен был передать болгарскому правительству советы, которые предусматривали скорейший созыв Великого народного собрания на основе свободных выборов, объявление полной амнистии офицерам, оставшимся преданными Баттенбергу, избрание регентского совета и образование нового министерства из представителей всех партий, а также избрание нового князя. Все мероприятия рекомендовалось проводить строго в соответствии с Тырновской конституцией⁵⁰. Однако миссия Долгорукова не была осуществлена в связи с возвращением 17(29) августа Баттенберга в Болгарию.

Понимая, что без поддержки России ему не сохранить престол, Баттенберг обратился к царю с просьбой о признании. Телеграмма на имя Александра III заканчивалась словами: «Россия даровала мне свою корону, и эту корону я готов вернуть моему монарху». Ответ гласил: «Не могу одобрить возвращения вашего, предвидя злополучные последствия для страны, уже подвергшейся столь тяжким испытаниям»⁵¹.

После этого Баттенбергу ничего не оставалось, как вторично уехать из Болгарии, на этот раз навсегда. Но Россия от этого не выиграла. Назначенное князем перед его отъездом правительство (регентство) со С. Стамболовым во главе было враждебно ей. Внутренняя политика Стамболова характеризовалась реакцией, жестоким подавлением инакомыслия, преследованием русофилов, внешняя — откровенно проавстрийским курсом, что не соответствовало и национальным интересам Болгарии.

Между петербургским и софийским кабинетами сразу же стали возникать конфликты. Царское правительство отрицательно относилось к регентству, как противнику российской ориентации, и не признавало его законным правительством. Стамболов платил ярой неприязнью.

Петербург безуспешно добивался прекращения гонений на участников низложения Баттенберга и прорусски настроенных лиц. России грозила перспектива окончательной утраты позиций в Болгарии. К тому же в правящих кругах не было единодушия в вопросе о методах политики. Осторожный Гирс советовал царю налаживать отношения с новым болгарским правительством при содействии Германии и Австро-Венгрии. Министр был решительным противником применения военной силы в Болгарии, как того требовали некоторые дипломаты и консервативные общественные круги России. Александр III, признавая опасность применения здесь военной силы, считал все-таки нужным действовать

в Болгарии решительно, оказывая прямой нажим на софийские власти. Он отверг предложение Гирса относительно возможности контактов с регентами и кабинетом министров. На одной из телеграмм из Софии царь начертил: «Нам следует им приказывать, а никак не входить в переговоры»⁵². В определении российского курса в Болгарии Гирс был вынужден подчиниться Александру III и настроениям, господствующим при дворе, хотя сам, по словам германского посла в Петербурге Швейница, «не одобрял почти все то, что происходило (в русской политике. — *Авт.*) после 21 августа»⁵³. В результате царское правительство отказалось признать софийские власти и стремилось к их дискредитации в глазах болгар, чтобы вызвать широкое проявление недовольства регентами и министрами. По его расчетам, это должно было бы привести к падению Стамболова, образованию русофильского правительства и избранию такого князя, которого желали в Петербурге.

Для претворения плана в жизнь в Болгарию решили направить военного агента в Вене генерала Н.В. Каульбарса. Он должен был служить посредником при передаче регентству, которое рассматривалось как фактическое, но незаконное правительство, царских требований (прекращение суда над участниками низложения князя, отмена военного положения, отсрочка выборов в народное собрание и др.). Выдвижение большинства из них было продиктовано опасением перед возможным повторным избранием Баттенберга болгарским князем. Миссия Каульбарса означала прямое вмешательство царизма во внутренние дела Болгарии. Сам же Александр III и его окружение рассматривали ее как осуществление мирной программы восстановления спокойствия в Болгарии и нормализации русско-болгарских отношений. Деятельность Каульбарса в Болгарии (он прибыл в Софию 25 сентября 1886 г.) привела к результатам, прямо противоположным ожидавшимся. Его «твердая позиция» встретила не менее твердый отпор со стороны софийского правительства, не желавшего поступиться своей властью. 6(18) ноября генерал направил болгарскому правительству декларацию о разрыве официальных отношений с ним императорского кабинета, а спустя два дня выехал из Софии. Страну покинул и весь русский дипломатический корпус.

В Россию Каульбарс возвращался через Константинополь. Султан устроил в его честь торжественный смотр войск, в котором участвовало 10 тыс. человек — внимание, оказываемое Абдул Хамидом II очень редко и только членам царствующих династий. Несмотря на то что в турецкой столице продолжали опасаться Англии и маневрировать между противоречивыми интересами держав в Болгарии, осенью и зимой 1886 года Абдул Хамид II проявлял свое согласие с русской политикой и желание сотрудничать с царским правительством. Порты не раз высказывались против возвращения Баттенберга в Болгарию, прорусскую позицию она

заняла и в вопросе о судьбе арестованных офицеров — участников переворота 9(21) августа. Султанское правительство признало необходимость миссии Каульбарса и советовало Софии проявлять уступчивость требованиям царского правительства. Чрезвычайно важным для последнего была официальная поддержка Абдул Хамидом II русского кандидата на болгарский престол мингрельского князя Николая Дадияни.

Совсем иначе повело себя австро-венгерское правительство. Хотя Кальноки заверил Петербург, что его программа действий по-прежнему будет состоять в поддержке согласия трех императорских кабинетов и невмешательства во внутренние дела Болгарии, но австрийские агенты в княжестве продолжали получать указания поощрять приверженцев бывшего князя и совместно с англичанами раздувать антирусские настроения. В господствующих кругах Австро-Венгрии были с самого начала недовольны планируемой Александром III миссией Каульбарса, и только после нажима Бисмарка Кальноки 25 сентября передал в Берлин декларацию, в которой говорилось, что венский кабинет не будет возражать и предоставит полную свободу действий России. Однако Вена признала законными регентство и выборы в III Великое народное собрание, а также подвергла резкому осуждению поведение Каульбарса в Болгарии. В отличие от Бисмарка, Кальноки не поддерживал русскую кандидатуру на болгарский престол, отнесясь к ней весьма холодно.

Осенью 1886 года с особой силой проявились лицемерие и двуличие политики Бисмарка, его коварство по отношению к России. Канцлер афишировал свое «расположение» к курсу царского правительства в Болгарии, встав, в частности, на его сторону в вопросе о болгарском князе. Прикрываясь заботой об интересах России и постоянно подчеркивая свою дружбу с ней, Бисмарк одновременно делал все возможное, чтобы спровоцировать русско-английский конфликт. Еще в сентябре—ноябре 1885 года и в мае 1886 года германский канцлер и его сын Герберт через русского посла в Берлине П.А. Шувалова внушали царскому правительству идею о необходимости для выполнения его задач прибегнуть к оккупации Болгарии. В сентябре—октябре 1886 года Г. Бисмарк, только что ставший государственным секретарем по иностранным делам и продолживший политику своего отца, не раз говорил Шувалову и М.Н. Муравьеву, что ввиду сопротивления болгарских правителей Россия может прибегнуть к военной силе, и берлинский кабинет сочтет этот шаг законным. Теперь молодой Бисмарк не предлагал даже, как прежде, договориться с Австро-Венгрией, убеждая, что ее протест будет чисто формальным. В конце ноября 1886 года канцлер пошел еще дальше. Он дал ясно понять Александру III, что, если в случае оккупации Болгарии Россией Австро-Венгрия решится на войну, последняя не будет поддержана

Германией. Но Петербург всякий раз отвергал провокационные советы, понимая, что оккупация Болгарии чревата европейской войной.

Крайне обострившиеся противоречия между державами осенью 1886 года поставили на практическую почву замысел Бисмарка развязать войну. Германская дипломатия предпринимала усилия, дабы натравить Англию на Россию, и одновременно способствовала установлению тесных англо-австрийских связей в целях противодействия русской политике. В переговоры была вовлечена и Италия. Маневры канцлера прекрасно разгадал английский премьер-министр Р. Солсбери, писавший в письме королеве Виктории, что Бисмарк даже хотел, чтобы Россия заняла Константинополь, а когда Австро-Венгрия, Англия и Турция будут с ней воевать, Германия «сохранит благоприятный нейтралитет и, если подвернется случай, нанесет новый удар Франции»⁵⁴.

В начале ноября 1886 года противоречия между Россией и ее противниками достигли чрезвычайного накала. В Западной Европе поднялась очередная волна слухов, что Россия готовит оккупацию Болгарии. 9 ноября в своей речи в английском парламенте Солсбери дал понять, что если Австро-Венгрия объявит войну России, Англия последует за ней. Ободренный поддержкой Англии, Кальноки выступил в парламенте, заявив, что в случае русской оккупации Австро-Венгрия прибегнет к решительным мерам. В правительственных и общественных кругах России эти выступления вызвали глубокое возмущение. С особым негодованием была воспринята речь Кальноки — все же монархия Габсбургов оставалась союзницей России. При встрече с германским послом Швейницем Гирс сказал: «Вся ненависть направлена сейчас против Австрии. Забыты Солсбери, Англия и сама Болгария». Сообщая об этом Бисмарку 23 февраля, Швейниц писал, что в настоящий момент все русское общество, особенно военные круги, одержимы мыслью о необходимости сосредоточить силы против Австрии. Испуганный реакцией, которую вызвала его речь в России, Кальноки через своего посла Волькенштейна заверял Гирса, что он должен был успокоить общественное мнение своей страны, а в целом «его речь была в высшей степени миролюбива» и он «ищет возможности общих действий с Россией»⁵⁵. Оправданиям Кальноки (так же как и Солсбери) в Петербурге не поверили. Больше того, российский МИД справедливо усмотрел в совпадении их речей угрозу создания антирусской коалиции. Спустя неделю после выступления главы австро-венгерского правительства Гирс писал послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому, что Кальноки «разрушил доверие в эффективность и в само существование тройственного соглашения... Тройственный союз не существует больше, даже если он еще не заменен другой комбинацией»⁵⁶. Тот же факт отмечался и иностранными дипломатами. «Союз трех императоров, над которым я работал с 1882 г., порван, Россия и Австрия

противостоят друг другу, как враги, и будет очень трудно предотвратить столкновение или хотя бы дотянуть до следующего лета (когда, должно было состояться продление Союза трех императоров, — *Авт.*)»⁵⁷, — писал Швейниц жене 18 декабря 1886 года. В правящих кругах России росло возмущение и политикой Бисмарка, здесь все яснее начинали понимать, что германский канцлер пренебрегает русскими интересами.

Военные угрозы, прозвучавшие в Лондоне и Вене, чрезвычайно взволновали европейское общественное мнение. Несмотря на то что английское и австро-венгерское правительства подталкивали друг друга на решительные меры, война не разразилась, ибо ни та ни другая сторона не хотела первой начинать военные действия. Выступления Солсбери и Кальноки преследовали цель лишь запугать Россию и принудить ее отказаться от активной политики в Болгарии. Царское правительство, со своей стороны, по-прежнему проявляло крайнюю заинтересованность в мирном решении болгарской проблемы. 23 ноября Гирс разослал послам при дворах великих держав циркуляр МИД с оправданием действий Н.В. Каульбарса. В нем подчеркивалось, что императорский кабинет не отказался от выполнения своей задачи в Болгарии и будет ее добиваться мирным путем, не нарушая международных договоров. Это несколько успокоило политические страсти в Европе. Да и разрыв русско-болгарских межправительственных отношений вполне удовлетворил противников России.

Крах миссии Каульбарса и разрыв отношений с Болгарией был расценен русским обществом как провал болгарской, а отчасти и всей балканской политики России после Берлинского конгресса. Начало 1887 года нанесло ей новый удар. Выдвинутая Россией кандидатура князя мингрельского на болгарский престол встретила энергичное противодействие западноевропейских держав. Александр III одно время делал ставку на свержение режима Стамболова путем всенародного антиправительственного восстания. Такие планы разрабатывались болгарскими офицерами-эмигрантами, создавшими в Бухаресте свою организацию. На донесении из Бухареста, полученном в Петербурге в последних числах января 1887 года, царь оставил помету: «Все это убеждает меня все более и более, что нам нужно поддержать военное движение материально и деньгами, и только это средство поможет. Все прочие соглашения и переговоры с партиями — вздор и чепуха и ничего не изменят»⁵⁸. Общее руководство движением болгарских офицеров было поручено директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву.

Назначенный на этот пост в 1883 году после 20-летней дипломатической службы в Иране умный и энергичный Зиновьев стал вместе с Гирсом осуществлять руководство ближневосточной политикой. Он пользовался большой популярностью в военной и бюрократической сферах. Этому

в немалой степени способствовал влиятельный публицист М.Н. Катков, который до конца 1886 года считал Зиновьева возможным исполнителем своих идей во внешней политике. Зиновьев заигрывал с чрезвычайно авторитетным в правящих кругах Катковым, регулярно сообщая ему дипломатическую информацию. Вместе с тем Зиновьев фрондировал против Гирса в угоду определенному кругу лиц в правительственном лагере и придворных кругах, он был единственным из руководителей МИД, кто одобрял действия генерала Каульбарса и взял под свою «опеку» болгарских офицеров-эмигрантов. Гирс же считал, что Россия не должна поддерживать это «проблематичное движение», которое могло нанести ущерб ее авторитету в глазах Европы.

Идеологом и вдохновителем свержения регентства руками офицеров-эмигрантов явился Катков. Он имел с ними личные контакты (в редакции «Московских ведомостей» они были своими людьми), передавал им деньги из средств славянского благотворительного общества. В своей записке к Александру III 12 января 1887 года Катков убеждал царя, что Россия должна опереться на «преданную ей болгарскую армию» и ее офицеров-эмигрантов, готовых поднять восстание в Болгарии, и настоятельно просил оказать им материальную помощь.

В конце декабря 1886 года в Петербурге был одобрен план общего восстания в Болгарии, предложенный прибывшими сюда эмигрантами П. Груевым и А. Бендеревым (оба являлись главными организаторами свержения Баттенберга). МИД должен был выделить значительную сумму денег и по согласованию с Военным министерством 2 тыс. ружей. Координировать действия заговорщиков поручалось М.А. Хитрово, чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Румынии. Но эти планы провалились. Правда, в конце февраля — начале марта 1887 года восстали военные гарнизоны в Силистрии и Русе, но оба выступления были жестоко подавлены, а их организаторы и активные участники, которым не удалось бежать, расстреляны.

Действия русской дипломатии подверглись острой критике со стороны правящей верхушки, которая пыталась снять ответственность с царя, возложив ее целиком на главу российского МИД. Гирс на время ушел в тень, в конце ноября — начале декабря 1886 года в придворных кругах его отставку считали вопросом решенным. Катков открыто прочил на его место «подходящую кандидатуру».

Неудача восстаний в Силистрии и Русе вызвала глубокое разочарование в Петербурге. Крайне болезненно переживал неудачу Александр III. Известие о расстреле руководителей восстания привело царя в ярость, в первый момент он даже был готов пожертвовать тридцатью миллионами рублей из своих личных средств для оккупации Болгарии. В русских правящих кругах наблюдалась полная растерянность.

Спасая честь своего ведомства, Гирс предлагал царю различные планы нормализации русско-болгарских отношений и решения болгарской проблемы, но все они были мало реалистичны, так как не учитывали ни международной обстановки, ни ситуации в самой Болгарии. В июле 1887 года Великое народное собрание избрало болгарским князем Фердинанда Кобурга, ставленника Австро-Венгрии, который в августе сформировал новое болгарское правительство во главе с тем же Стамболовым. Это явилось очередным неприятным сюрпризом для Петербурга — здесь не верили, что Кобург решится на такой шаг без согласия великих держав и Турции. Российское правительство официально сообщило европейским кабинетам и Порте, что оно решительно осуждает появление Кобурга в княжестве, рассматривая его избрание и приход к власти как незаконные, и предложило направить в Софию русского регента для организации выборов нового князя. Ожидалось, что Бисмарк не только поддержит планы Петербурга, но и окажет воздействие на другие государства, и в первую очередь на Порту. Германский канцлер, считавший эти планы «ребячеством» и не веривший в возможность их реализации, лишь на словах сочувствовал России, а на деле действовал против нее. Он возражал против посылки в Болгарию русского регента и содействовал распространению на Балканах австрийского влияния.

Продолжая играть роль покровителя России, а на деле толкая ее на военный конфликт с Англией, Бисмарк активно содействовал юридическому оформлению блока держав, выступавших против русской ближневосточной политики. В марте 1887 года было подписано первое англо-австро-итальянское соглашение по Средиземноморскому бассейну, в декабре того же года — второе.

В расчетах Гирса разрешить болгарскую проблему важное место отводилось и Порте. В марте 1887 года по инициативе Абдул Хаида II возобновились тайные русско-турецкие переговоры по урегулированию кризиса. Политическая установка Абдул Хаида II в болгарском вопросе оставалась прежней. «Я желаю, чтобы мой великий визирь по отношению к болгарским делам придерживался политической линии, которая соответствует Великобритании и Австрии, однако в любом случае следует избегать всякого повода нанести обиду России. Я не могу позволить себе рассердить русского императора»⁹⁹, — сказал в марте 1887 года султан английскому послу. Между тем в августе–октябре того же года на Порту усилилось давление со стороны противников России с целью не допустить совместных русско-турецких акций в династическом вопросе в княжестве, не зависимых от западноевропейских кабинетов. Последние запугивали султана антитурецкими восстаниями в Болгарии, Сербии, Боснии, Македонии.

Это способствовало безрезультатности попыток Петербурга добиться от Абдул Хамида II решений об отставке софийских властей, а позднее — об отъезде Кобурга из Болгарии.

В последние месяцы 1887 года болгарский кризис достиг высшей точки накала (о чем свидетельствовали и традиционные парламентские выступления глав правительств враждебных России держав). Крайне обострились русско-австрийские и русско-германские противоречия. Как и год назад, возникла угроза общеевропейской войны. Милитаристские настроения получили широкое распространение в Германии и Австро-Венгрии. Генеральные штабы союзников разрабатывали в декабре оперативней план военных действий против России. «Угроза немедленной войны дошла до самого высокого уровня»⁶⁰, — писал об этом моменте Гирс в своем министерском отчете.

Военный кризис был преодолен, однако главная задача русской дипломатии в Болгарии осталась нерешенной. Когда в начале 1888 года острота отношений России и Германии несколько смягчилась, Гирс вновь обратился за помощью к Бисмарку с целью принудить султана объявить князя Фердинанда узурпатором. В результате трудных дипломатических переговоров в Берлине и Константинополе Россия добилась направления болгарскому правительству ноты великого визиря от 5 марта 1888 года с уведомлением, что избрание Кобурга не получило согласия держав и его пребывание в Болгарии является незаконным и противоречит Берлинскому договору. Однако эта нота никого ни к чему не обязывала и никаких последствий не имела. Она явилась единственным «удовлетворением», которое могли получить в России от продолжительных и крайне тревожных событий вокруг династического вопроса в Болгарии.

* * *

Дипломатические отношения России и Болгарии были восстановлены только в 1896 году, после смерти двух непримиримых врагов — Александра III и Стамболова, когда обе стороны убедились, что разрыв отношений наносит существенный ущерб их интересам.

Итак, России не удалось удержать в орбите своего влияния страну, на которую она делала основную ставку и на освобождение которой было затрачено столько сил и средств. Не спас положения и Союз трех императоров. Слишком острыми оказались русско-австрийские противоречия и слишком тесной австро-германская взаимность. Не найдя поддержки у союзников, Россия не обрела опоры и в молодых балканских государствах, созданию которых сама способствовала. И это, пожалуй, было главной причиной ее неудач.

Расчет Петербурга на «благодарность» освобожденных народов строился на песке. В политике конца XIX века соображения мораль-

ного плана не играли решающей роли. Для сохранения взаимности нужны были другие связи, прежде всего экономические. Относительная отсталость России не позволяла ей конкурировать на Балканах с более развитыми странами Запада. Сильные позиции здесь австро-венгерского капитала обеспечили преобладание австрийского влияния в Сербии, Болгарии и Румынии. Они попадали в зависимое положение. Осознание этого приводило к борьбе национальной буржуазии за сохранение и укрепление своих позиций в экономике, а со временем — и к отходу от проавстрийской политической ориентации. В Болгарии такой поворот произошел уже в середине 90-х годов, в Сербии — в начале XX века.

Существенной причиной неудачи российской политики на Балканах, и в частности в Болгарии, были ее реакционные тенденции, проявлявшиеся в нежелании считаться с национальными особенностями и традициями балканских стран, вмешательстве в их внутренние дела, методах опеки и даже диктата, что вызывало протест не только правящих кругов, но и широкой общественности. Подобная политика отпугивала прогрессивные силы этих стран, не желавшие сотрудничать с реакционным самодержавным российским режимом.

Не следует сбрасывать со счетов и прямые ошибки дипломатии, а также несогласованность действий дипломатов и военных. Российская политика в Болгарии проводилась без должного учета обстановки в стране, а скоропалительные, нередко излишне самоуверенные решения царя приносили в нее элементы авантюризма.

В итоге вокруг политики царизма и действий его представителей создавался вакуум. Правительственные круги России не находили опоры в общественных кругах балканских стран, те же группы, которые были с ними связаны, не пользовались влиянием.

Не благоприятствовала интересам России и международная обстановка. Союзнические отношения Петербурга с Берлином и Веной не обеспечили поддержки его балканскому курсу. Действия русской дипломатии парализовались усилиями Англии, Австро-Венгрии, а также Италии, что же касается Франции, то Александр III и Гирс не хотели открыто опираться на нее, опасаясь вызвать недовольство Бисмарка. Определенным просчетом российской дипломатии являлась недооценка возможностей русско-турецкого сближения, которое, впрочем, было трудно совместить с политикой покровительства балканским народам.

Провал на Балканах существенным образом сказался на дальнейшем развитии внешней политики России в целом. Он способствовал краху Союза трех императоров и сближению с Францией. Он также сыграл свою роль в будущей переориентации внешней политики страны на Дальний Восток.

Глава VII. Образование русско-французского союза

1. Крах Союза трех императоров и вопрос о приоритетах во внешней политике России

В сложившейся к началу 80-х годов XIX века системе союзов в Европе — австро-германского о взаимной военной помощи в войне одной из них с Россией, австро-германо-итальянского (Тройственного) о благожелательном нейтралитете в случае войны одной из них с четвертой державой и Союза трех императоров Австро-Венгрии, Германии и России (о нейтралитете) — центральное положение занимала Германия. Два первых союза потенциально угрожали России, а дальнейшее существование Союза трех императоров вызывало сомнения после болгарского кризиса.

Объединение Болгарии осенью 1885 года — в условиях падения влияния России на Балканах и политического и экономического проникновения туда Австро-Венгрии — противоречило интересам царизма, поэтому русская дипломатия выступала за восстановление статус-кво в Болгарии. Болгарский кризис обострил и без того далеко не дружественные русско-австрийские, а затем и русско-германские отношения. Последнее особенно беспокоило Петербург, поскольку правящие верхи России и Германии объединяли известные экономические и политические интересы. Соглашение с Германией поэтому рассматривалось российским МИД как «база политической системы, направленной на сохранение европейского мира и защиту от революционных и политических опасностей»¹.

Осенью 1886 года, в разгар кризиса на Балканах, для Александра III был составлен «Исторический обзор»², написанный по поручению министра иностранных дел Н.К. Гирса его ближайшим помощником старшим советником МИД В.Н. Ламздорфом. В нем определялись задачи внешней политики России и мотивировалась необходимость сотрудничества с двумя соседними империями.

В течение десятилетий устремления царизма были направлены к черноморским проливам. Их экономическое, военно-стратегическое и политическое значение было весьма велико. Балканский полуостров рассматривался царизмом как плацдарм для продвижения к проливам, на котором важно было укрепить престиж и политическое влияние России.

Опыт победоносной Русско-турецкой войны, закончившейся дипломатическим поражением на Берлинском конгрессе, военная, экономическая и политическая слабость царизма после этой войны существенно ограничили диапазон возможностей российской политики и дипломатии. Сутью стратегии стало: проливы либо в руках слабой Турции, либо в русских. Реально выполнимой была задача поддержания территориального статус-кво в европейской Турции и противодействия оккупации проливов Англией. До тех пор пока радикальное решение вопроса о проливах в интересах России было невозможным, тактикой действий становилось соглашение с Германией и поддержание добрых отношений с Турцией, чтобы она не открыла проливов Англии. «Если мы, — утверждалось в «Обзоре», — устраним эту опасность, если мы упорядочим военную и морскую сторону вопроса с тем, чтобы исподволь приготовить к нападению на заранее известного противника, мы сможем спокойно ждать момента, когда окончательное решение вопроса о проливах встанет перед Европой как неизбежность». До тех пор, был убежден Гирс, «наша программа — терпеливо выжидать событий»³. И он по мере возможностей осуществлял эту линию.

Как и царь, начальник Главного штаба генерал Н.Н. Обручев считал босфорский вопрос одним из двух «коренных, исторических вопросов, из-за которых стоит лить русскую кровь». Но этот вопрос, по его мнению, мог решиться только в будущем путем войны, к которой следовало основательно подготовиться на суше и на море. «Мы уже достаточно научены историей, что значит соваться вперед, — писал он Д.А. Милютину в июле 1886 года. — Выигрывают всегда те, кто долее сберегает свои силы и является на сцену, когда другие ослабели». Поэтому он считал, что осторожные действия русской дипломатии «вполне оправдываются»⁴. Решение вопроса о проливах в интересах России носило, по убеждению Обручева, стратегический характер, способствуя укреплению ее обороноспособности на западной границе.

Тактика, построенная на соглашении с Германией, с помощью которой рассчитывали связать действия Австро-Венгрии, оказалась неприменимой в кризисной ситуации. Уязвимое место Союза трех императоров — непримиримое австро-русское соперничество — вышло на первый план и привело к краху всей дипломатической комбинации. Это заставляло царизм искать иные пути решения задач на Балканах. Характеризуя положение царизма в разгар болгарского кризиса в сентябре 1886 года, Ф. Энгельс очень точно сформулировал дилемму: «Царь вынужден преодолеть свою антипатию к Французской республике и либо заключить с ней союз, либо добиться согласия Бисмарка на русскую восточную политику, — только эти два пути у него и остались»⁵.

Собственные политические интересы России с Францией так прямо и остро, как с Англией и Австро-Венгрией, не сталкивались, хотя захватнические устремления Третьей республики были направлены в том числе и на Ближний Восток. Здесь обе державы даже имели общего противника — Англию, соперницу Франции в Египте и на Средиземном море и России в Азии. Главным врагом Франции со времени Франко-прусской войны оставалась Германия. Условиями Союза трех императоров Россия обязывалась соблюдать нейтралитет в случае новой Франко-германской войны. Такая позиция обуславливалась как военной слабостью России после Русско-турецкой войны, так и невозможностью рассматривать Францию в ее тогдашнем положении как элемент политических расчетов. Вместе с тем в Петербурге полагали, что монархическая, сильная и процветающая Франция могла бы быть дополнительной гарантией сохранения мира в Европе⁶.

Внутриполитический кризис в середине 80-х годов, обострение отношений с Англией и Италией на почве колониальной политики и напряженные отношения с Германией поставили Францию в изолированное положение в Европе. Единственной невраждебной ей державой, на чью помощь можно было бы рассчитывать, оставалась Россия, к поискам сотрудничества с которой переходят в это время правящие верхи страны⁷. При этом различие в формах государственного устройства, значение которого как препятствия к сближению обычно преувеличивается в исторической литературе, в действительности не помешало заключению союза между монархией и республикой, когда он стал насущно необходим для обоих государств.

К середине 80-х годов сложились объективные предпосылки для обоюдного сближения. Были восстановлены русско-французские дипломатические отношения на уровне послов⁸. С большим вниманием отнеслись в Париже к подбору нового посла. Им стал профессиональный дипломат А. Лабуле, видимо, не без дальнего прицела: в Париже понимали, что прежде, чем искать путей к заключению союза с Россией, необходимо наладить дипломатические отношения⁹.

На аудиенции новому французскому послу в конце ноября 1886 года царь говорил о желании улучшить отношения с Францией, о сложности международной обстановки и необходимости взаимодействия: «Мы нуждаемся в вас, и вы нуждаетесь в нас. Я надеюсь, что Франция это поймет»¹⁰.

Интерес к русско-французскому сближению сформировался к этому времени не только в правящих верхах, но и в некоторых общественных кругах¹¹. Редактор-издатель газеты «Гражданин» В.П. Мещерский констатировал в мае 1886 года, что «появились веяния, от которых пахнет не то симпатиями к нынешней Франции, не то мечтаниями на мысль о сближении с ней»¹².

На Францию как на «логически возможного» союзника России для успешного ведения политики на Балканах указали раньше других «Биржевые ведомости». Подчеркивая отсутствие противоречий между двумя державами, «Биржевые ведомости» предлагали при помощи политики франко-русского сближения заставить Германию изменить ее отношение к России¹³.

Те же идеи, хотя вначале и не столь категорично выраженные, проповедовал редактор-издатель газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков. В газете осторожно выражалось пожелание, чтобы «Россия находилась в свободных, хотя и дружественных отношениях к Германии, но чтобы такие же отношения были у нас и с другими державами, а равно и с Францией». В августе газета уже указывала на сближение с Францией как средство «образумить» Австро-Венгрию, а месяц спустя осторожно заметила, что «приязнь с Францией» полезна России и как «узды против замашек Германии». Через 10 дней, более определенно намекая на Германию, Катков заявлял, что «Франция есть естественный союзник России помимо всяких договоров». Наконец, еще через неделю «Московские ведомости» призвали «не связывать себя больше оковами тройственного союза, сохранить настолько добрые отношения к Франции, чтобы в случае нового поворота в Берлине эти отношения могли превратиться в союз, без того, однако, чтобы заключение подобного союза делалось **немедленной** (выделено мною. — *Авт.*) целью русской политики. Пока одна угроза подобного союза для нас бесконечно выгоднее самого союза»¹⁴.

Наиболее осторожно высказывалось «Новое время». Наряду с убеждением в необходимости поддержания искренних и дружественных отношений с Германией, которая «с точки зрения государственной» гораздо ближе России, чем республиканская Франция, в газете подчеркивалось то громадное значение, которое последняя «как политическая единица» имеет для России. Когда «Биржевые ведомости» и «Московские ведомости» выдвинули идею о возможности заключения русско-французского союза, «Новое время» гораздо осторожнее касалось этой темы, рассматривая возможность в будущем такого союза как противовеса англо-германской коалиции и заносчивости берлинского кабинета в общих расчетах международной политики¹⁵.

В разгар этой кампании в прессе на докладе царю 22 сентября (4 октября) 1886 года Гирс представил уже упоминавшийся «Обзор». Александр III, которого убедила имевшаяся там аргументация, предложил опубликовать документ для осведомления и корректировки общественного мнения. Гирс, однако, обратил внимание царя, во-первых, на секретность Союза трех императоров, а во-вторых, на характер обязательств, принятых по нему Россией. В итоге «Обзор» был литографирован лишь для сведения послов в Берлине и Вене¹⁶.

Между тем стремительное развитие событий в Болгарии побуждало царизм к действиям. Однако пути выхода из кризиса по-разному виделись из Зимнего дворца, с Певческого моста, из редакций газет. Положение Гирса как руководителя внешнеполитического ведомства было порой просто отчаянным. П.А. Сабуров, А.И. Зиновьев и А.Г. Жомини в самом министерстве, А.И. Нелидов в Константинополе, А.П. Моренгейм в Париже, П.А. Шувалов в Берлине зачастую действовали каждый по-своему, не считаясь с инструкциями министра. Александр III, утверждавший: «Сам себе я министр иностранных дел», — нередко отдавал приказания, поддавшись импульсивному чувству или влиянию, уверенный в своей самодержавной непогрешимости. В итоге в делах царил разброд. «Наше правительство, — говорил в августе 1886 года начальник дворцовой охраны генерал П.А. Черевин германскому поверенному в делах Б. Бюлову, — похоже на телегу с впряженными сзади и спереди лошадьми, которые тянут в разные стороны»¹⁷.

Рассчитывая на поддержку Бисмарка в болгарском вопросе, Гирс предложил поручить послу в Берлине П.А. Шувалову провести конфиденциальные объяснения с канцлером. В инструкции послу поручалось выяснить точку зрения канцлера на тот случай, если Россия, «несмотря на все желание остаться верной политике умиротворения», будет вынуждена порвать с Австро-Венгрией. На встрече с послом в Варцине в начале октября 1886 года Бисмарк подтвердил готовность способствовать поддержанию Союза трех императоров, подчеркнул необходимость сохранения территориальной целостности Австро-Венгрии и заявил, что австро-германские договоренности не обязывают Берлин «защищать виды Австрии в ее восточной политике». Иными словами, писал Шувалов, «ни из-за Болгарии, ни из-за проливов, ни даже из-за Константинополя Германия не обнажит шпаги»¹⁸. Ничего нового в ответе Бисмарка для царских дипломатов не было.

Провал миссии Н.В. Каульбарса вынудил Петербург вновь обратиться в Берлин. 24 октября (5 ноября), на следующий день после отъезда Каульбарса из Софии, Шувалов отправился на встречу с Бисмарком. К этому времени германский МИД получил донесение посла в Париже Г. Мюнстера о якобы ведущихся между Парижем и Петербургом переговорах. На запрос с Шёнхаузераллее*, что ему об этом известно, посол в Петербурге Л. Швейниц утверждал, что в решении восточного вопроса царь рассчитывает только на поддержку Германии и поэтому «не пойдет на тесное сближение с республиканской Францией до тех пор, пока он надеется с нашего согласия овладеть проливами». В ответе германского МИД подчеркивалось, что Берлин и не скрывает готовно-

* Улица в Берлине, где располагалось Министерство иностранных дел Германии.

сти допустить этот захват¹⁹. В работах советских историков убедительно показано, что такими «авансами» германская дипломатия пыталась втравить Россию в войну на Востоке и, связав ей руки, тем временем разгромить Францию, будучи уверенной, что заслон на пути России к проливам в лице Австро-Венгрии и Англии достаточно прочен²⁰.

Но сколько-нибудь активные действия в этом направлении вовсе не стояли в повестке дня правящих верхов России. Напротив, требовалась стабилизация положения на Востоке. В российском МИД начинают склоняться к мысли о замене Союза трех императоров соглашением с одной Германией, не форсируя начало переговоров до истечения срока прежнего договора.

Антигерманская кампания в русской прессе заставила МИД 3(15) декабря 1886 года поместить официальное сообщение в «Правительственном вестнике» с тем, чтобы, по словам Ламздорфа, «оживить наши добрые отношения с Германией и обуздать нашу сбившуюся с пути прессу». В нем отмечалось, в частности, что Россия по-прежнему «с должным вниманием» будет относиться «к собственно германским интересам»²¹.

Сообщение послужило поводом для личной записки М.Н. Каткова Александру III. Это была попытка прямого воздействия на царя с целью изменения внешнеполитической ориентации России²². По убеждению журналиста, Россия в проведении внешней политики должна руководствоваться только своими национальными интересами, оставаясь в добрых отношениях как с Францией, так и с Германией. Общим врагом, «в борьбе с которым только Франция во всей Европе могла бы нам быть полезным союзником», Катков считал Англию, чьи морские силы «находят себе противовес только в морских силах Франции». Как видим, это была программа активных действий, которых российская дипломатия старалась избежать, как несвоевременных.

По свидетельству начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова, друга и единомышленника Каткова, записка вызвала одобрение Александра III, поскольку совпадала с представлениями царя о «национальной политике». Через Д.А. Толстого, представившего записку, царь просил передать Каткову свою благодарность и уверенность в его преданности и желании «служить интересам отечества, как он их понимает и как может». Сам Александр III понимал их так: «Извлекать из всего все, что нужно и полезно для России, и меньше жениться* для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как **чисто русская, национальная**, никакой другой политики быть **не может и не должно**»²³.

* Стесняться (*фр.*).

В своих взглядах Катков не был одинок. Их разделяли министр внутренних дел Д.А. Толстой, военный министр П.С. Ванновский, генерал Н.Н. Обручев, П.А. Сабуров, бывший в 1881–1884 годах послом в Берлине. Сохранилась записка Сабурова царю о необходимости сближения с Францией и о вреде для России союза с Германией²⁴.

И все же конкретные дипломатические планы и в Зимнем дворце, и на Певческом мосту строили по-прежнему в расчете на поддержку Берлина. В конце декабря Александр III, обеспокоенный возможностью реставрации Баттерберга в Софии, решил обратиться к императору Вильгельму I с просьбой запретить свергнутому князю (офицеру немецкой службы) вернуться в Болгарию. В МИД решили предварительно позондировать почву, чтобы не получить отказа императора и противодействия канцлера. Миссию поручили пользовавшемуся расположением Бисмарка Петру Шувалову, предписав действовать совместно с братом — послом в Берлине Павлом Шуваловым.

25 декабря 1886 года (6 января 1887 г.) братья Шуваловы в беседе со статс-секретарем МИД Г. Бисмарком, сыном канцлера, зашли гораздо дальше полученных предписаний и затронули вопрос о замене Союза трех императоров соглашением России с Германией. Не предупредив, что выражают личное мнение и не имеют полномочий на такие переговоры, они сформулировали условия возможного договора, исходя из своей политической концепции сохранения нейтралитета России во франко-германском конфликте в обмен на поддержку России Германией на Востоке.

Бисмарк одобрил идею, и на встрече 29 декабря (10 января) был составлен проект русско-германского договора на основе предложений Петра Шувалова с дополнениями Бисмарка. За признание «исключительного права» России на влияние в Болгарии и обещание дружественного нейтралитета в случае решения царя «обеспечить закрытие проливов и сохранить в своих руках ключ от Черного моря» Германия получала гарантию дружественного нейтралитета России во всяком конфликте с Францией. Обе державы гарантировали территориальную целостность Австро-Венгрии и сохранение ее влияния в Сербии.

Переговоры в Берлине дали повод к воинственной речи Бисмарка 30 декабря 1886 года (11 января 1887 г.) в рейхстаге, которая создала политическую атмосферу в Европе, получившую название «военной тревоги»²⁵.

Привезенный Петром Шуваловым проект договора отнюдь не вызвал восторга ни у царя, ни в МИД. Гирс и Ламздорф сочли, что он превысил свои полномочия, а проект «чрезвычайно слаб» и «мало серьезен». Царь же высказался не только против Союза трех императоров, но даже против союза с Германией, в котором он не увидел никаких преимуществ. Проект Петра Шувалова был отклонен, а в личном письме Павлу

Шувалову Гирс констатировал, что «смотрит на предложение его брата кн. Бисмарку как на частные переговоры двух друзей, которые не могут иметь никакого официального характера», и предлагал «не высказываться пока по вопросу о возобновлении соглашений» ввиду «неуверенности в их судьбе». Поскольку посол настаивал на продолжении переговоров на прежней основе, пока «железо горячо», ему отправили инструкцию совершенно не касаться пока «щекотливого вопроса возобновления нашего договора». Обеспокоенный напряженностью франко-германских отношений, чреватых войной, Петербург занял осторожную позицию, так как условиями Союза трех императоров Россия обязывалась соблюдать во франко-германском конфликте благожелательный нейтралитет, а срок действия договора истекал только через четыре месяца²⁶.

В дни «военной тревоги» французских политических деятелей парализовал страх. Министр иностранных дел Флуранс в телеграмме Лабуле от 17(29) января 1887 года писал, что «хотя для Франции и важно быть в хороших отношениях с Петербургом, тем не менее, **если Германия заподозрит Францию в желании сблизиться с Россией и стать ее союзницей**, то навлечет на Францию именно ту опасность, которой она хотела бы избежать». Лабуле получил выговор за то, что он по собственной инициативе 14(26) января 1887 года явился к Гирсу с запросом о позиции России в случае нападения Германии на Францию. Гирс, по сообщению Лабуле, в уклончивой форме обещал, что «Россия сознает свои интересы» и «скажет свое слово». Ламздорф приводит другой, более резкий ответ министра на вопрос посла о свободе действий России: «Да, и вы позволите мне сохранить таковую, не принимая никаких обязательств по отношению к вам»²⁷.

Как только непосредственная опасность миновала, позиция французского правительства изменилась. 1(13) февраля 1887 года Флуранс просит Лабуле сделать «все возможное» для того, чтобы заручиться обещанием России сохранить свободу рук. Через два дня он настаивает, чтобы посол передал Александру III: «Франция не просит у него союза», не просит его «брать какие-либо обязательства на случай войны», она «просит только, чтобы он сохранил свободу рук»²⁸. Отчасти перемена объяснялась дошедшими до французского правительства сведениями об аудиенции Швейница у Александра III, во время которой посол пытался заручиться нейтралитетом России в случае франко-германской войны, но получил отказ царя дать такие обязательства. Его позиция ясна из пометы на телеграмме посла в Париже А.П. Моренгейма с сообщением о запросе французского правительства: может ли оно рассчитывать на моральную поддержку России в случае германского ультиматума. Александр III ответил категорически: «Конечно, да»²⁹. Гирс не только не передал этого Лабуле, но ответил в менее благожелательной для Франции форме.

Отзвуки позиции руководства МИД слышны и в передовой статье газеты «Новое время» от 31 января (12 февраля) 1887 года: «Строгий нейтралитет, сохраняющий за нами полную свободу действий, вот все, на что могут рассчитывать французы, зная при этом самым несомненным образом, что нового поражения Франции Россия не только не желает, но и не намерена допустить, так как для национальных интересов России невыгодно политическое бессилие Франции». Те же мысли выражал Гирс в письмах Моренгейму³⁰. «Московские ведомости», резко критикуя руководство МИД, призывали установить с державами свободные отношения, которые будут «более способствовать сохранению мира, чем фальшивые союзы и коалиции». Тогда же Катков направил личную записку Александру III, где высказывался за союз с Францией³¹.

Не получив подтверждения договоренностей с Шуваловыми, к середине февраля Бисмарк понял, что проект провалился. Во франко-германских отношениях наступила разрядка.

Но теперь канцлер начал кампанию против России: послу в Константинополе рекомендовалось сохранить нейтралитет во всех спорных делах России и Англии, в которых прежде поддержка оказывалась русским. Швейницу поручалось заявить Гирсу, что, потеряв надежду на справедливую оценку Россией германских усилий помочь ей в болгарском вопросе, Германия будет защищать интересы своего сельскохозяйственного населения, что означало введение высоких пошлин на русский хлеб. Берлин развязал таможенную и газетную войны против России. Официальная печать предостерегала немецких капиталистов от доверия к русским фондам.

В феврале 1887 года в МИД обсуждалась тактика дальнейших действий. В записке старшего советника А.Г. Жомини намечалось три возможных варианта: безусловно отказаться от возобновления Союза трех императоров, заявив о верности его идеям; возобновить соглашение втроем с небольшими изменениями; заключить союз с одной Германией. Первый вариант, имея то преимущество, что возвращал России «полную свободу действий», одновременно развязывал руки и противникам, тогда как «соглашение, при всех его недостатках, все же гарантировало мир». Жомини считал малореальным добиться от союзников необходимых изменений в интересах России. Соглашение с одной Германией на условиях Шуваловых, по справедливому замечанию Жомини, было неравным, так как Россия давала «немедленную выгоду, а получала в обмен преимущество возможное и отдаленное».

Все эти рассуждения не расходились со взглядами Гирса, но вместе с тем министр был по-прежнему уверен в преждевременности каких-либо договоренностей с Францией³².

Поэтому предложение французского кабинета «осуществить весьма секретную консультацию с императорским кабинетом через специально посланное лицо, чтобы согласовать позиции в некоторых вопросах», переданное через Моренгейма в середине февраля, было отвергнуто. Гирс переслал телеграмму царю с надписью: «Смею думать, что это несвоевременно и не оправдывается обстоятельствами... По моему глубокому убеждению подобная миссия принесет скорее вред, чем пользу, и сохранить ее в тайне едва ли окажется возможным». Несмотря на пожелание Александра III «знать что-нибудь более обстоятельное», Гирс написал Моренгейму, что в Петербурге «не видят оснований входить в переговоры по неопределенным вопросам, особенно при посредстве тайных агентов». Такой ответ был воспринят на Кэ д'Орсэ как отказ.

Тем временем активизировали деятельность сторонники пересмотра внешнеполитической ориентации России. Катков не остановился даже перед разглашением секретных сведений об условиях Союза трех императоров. В статье от 8(20) марта 1887 года он призывал не возобновлять договор, срок которого истекал, по его мнению, в марте 1887 года*, и установить добрососедские отношения с Францией.

Эта статья, раскрывавшая тайны царской дипломатии, вызвала взрыв негодования в руководстве МИД, где внимательно следили за выступлениями Каткова о внешней политике. Получив резюме последней статьи Каткова, царь сделал ремарку: «В высшей степени неприличная статья. Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия, но не г. Катков. Приказываю дать Каткову первое предупреждение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы утомить его безумие, и что всему есть мера». Против того места, где говорилось о «несчастном для России» Союзе трех императоров, царь написал: «Если он это узнал, то только от изменника; требую, чтобы Катков назвал личность, от кого получил эти сведения»³³.

Специальное заседание Совета по делам печати решило объявить Каткову письменное предупреждение, но дано оно не было. 11(23) марта Феокистов обратился к министру внутренних дел Д.А. Толстому с просьбой «подействовать на государя в том смысле, чтобы вместо публичного порицания Каткову ограничиться келейным ему внушением». Толстой отказался, поскольку в этот день появилась новая статья, где в сжатом виде излагались основные положения записки Александру III от 26 декабря 1886 года (7 января 1887 г.) и содержались резкие выпады против МВД и Гирса³⁴. Представленная царю статья вызвала его гнев. Намечая направление поиска «изменника», выдавшего Каткову тайны

* На самом деле срок истекал в июне 1887 года.

дипломатии, Александр III написал: «Откуда мог он это узнать, как не из министерства иностранных дел?» Общее заключение гласило: «Я уже принял меры, чтобы обуздать Каткова... Должен сознаться, что в статье есть и справедливые обвинения, и Бисмарк сам виноват»³⁵.

История с «Московскими ведомостями» вызвала возбуждение в верхах. На заседании Государственного совета 16 марта многие говорили, что началось господство анархии, потому что предостережение Каткову было отменено. Великий князь Михаил Николаевич считал, что «разнужданность Каткова не преминет возбудить натянутые отношения между Россией и Пруссией». Об опасности, грозящей международным отношениям, говорил с императором великий князь Владимир Александрович.

Через К.П. Победоносцева удалось добиться замены предостережения Каткову устным внушением от царя. Александр III принял его 19 марта в Гатчине, где Катков получил возможность изложить свои соображения о внешней политике. Видимо, Александр III не особенно понимал, в чем суть разногласий между Гирсом и Катковым, и утверждал, что нет оснований раздражать против министра общественное мнение намеками, «будто он не сочувствует национальной политике», и настаивал даже, чтобы Катков «сблизился с Гирсом»³⁶.

Прием царем Каткова вызвал крайнее удивление и озабоченность в придворных кругах, а Гирс приезжал к великому князю Владимиру Александровичу, который даже посоветовал министру подать в отставку. В ближайший доклад Гирс подавал прошение, но оно было отклонено. Катков, вдохновленный беседой с царем, направил ему 31 марта (12 апреля) очередную записку, настаивая на заключении с Францией оборонительного союза, обвиняя дипломатов в проведении политики, чуждой своей стране. Три дня спустя эта записка, «настоящий донос», по определению Ламздорфа, была передана царем Гирсу, вынужденному на очередном докладе оправдываться и переубеждать Александра III³⁷.

Разрядка напряженности во франко-германских отношениях, а также нажим Бисмарка на Петербург побудили Гирса в начале марта 1887 года предложить возобновить переговоры о заключении двойственного союза, а через месяц выдвинуть основное условие — поддержка Германией русской политики в Болгарии. 12(24) апреля на совещании у царя в присутствии Гирса и Павла Шувалова было решено начать переговоры о союзе с Германией без участия Австро-Венгрии³⁸. Был составлен проект договора. Первая статья его предусматривала взаимный нейтралитет каждой из договаривающихся сторон в случае войны с третьей державой без оговорки о нападающей стороне. Во второй — говорилось о сохранении статус-кво на Балканах, закрепленного Берлинским трактатом. При этом Гирс отказывался гарантировать целостность Австро-Венгрии, хотя заметил, что Россия не желает наносить ей ущерб. В третьей

статье фиксировался принцип закрытия проливов. Министр подчеркнул, что осуществить свои планы в этом районе Россия не сможет еще в течение 20–25 лет, так как нет ни флота, ни денег, ни сил. Включение в договор сроком на три года перспективных планов бессмысленно, а кроме того, став известными, они лишь вызовут международные осложнения для России, сплотив против нее Италию, Англию, Турцию и, возможно, другие державы³⁹. Как видим, главным в соглашении для России было законсервировать созданное Берлинским трактатом положение на Балканах, опираясь на поддержку Берлина.

Переговоры поручалось вести Павлу Шувалову, снабженному двумя письменными инструкциями Гирса, в которых определялись задачи союза и рамки полномочий посла на случай германских требований об изменении условий⁴⁰. В инструкциях четко формулировались задачи внешней политики России в тот период: «1. Окружить сохранение мира серьезными гарантиями, необходимыми для развития наших военных, морских и финансовых сил, и оградить (Россию. — *Авт.*) от опасности европейской коалиции посредством искреннего и прочного союза с наиболее мощным из соседних государств, влияние которого в настоящее время является решающим в большинстве вопросов в Европе и даже на Востоке; 2. помешать всякому произвольному изменению территориального status quo и добиться признания законности нашего преобладающего влияния в обеих Болгариях; 3. гарантировать, по возможности, нерушимость принципа закрытия проливов, обеспечив себе поддержку Германии для того, чтобы в случае нужды потребовать уважения этого принципа со стороны Турции и всех держав, подписавших посвященные этому вопросу договоры».

Если Германия принимала проект, послу предписывалось облечь его в окончательную форму, но «в наиболее удобный момент» он должен был заявить, **не включая это положение в текст договора** (выделено мною. — *Авт.*), что обязательство России соблюдать нейтралитет во франко-прусской войне не означает, что она останется беспристрастным свидетелем «смертельного удара, который будет нанесен той или другой из воюющих сторон». Это доказывало, что разгрома Франции Петербург не намеревался допустить: возросшая в случае победы мощь Германии представляла бы угрозу и для России. Но в МИД не хотели также брать на себя и письменных обязательств. Как показало дальнейшее, именно этот пункт вызвал самые острые споры, и, только когда Шувалова ознакомили с условиями австрогерманских договоренностей, русская сторона зафиксировала пункт о Франции.

В вопросе о проливах Гирс полагал разумным договориться лишь об условиях, могущих иметь практическое применение в течение срока действия договора — 3–5 лет. Однако если бы Бисмарк по собственной иници-

циативе обещал не препятствовать, но даже облегчить России занятие какого-либо укрепленного пункта на Босфоре, министр считал очень полезным внести такое дополнение в проект.

Вторая инструкция уточняла позицию России в отношении Австро-Венгрии. Начав переговоры с заявления о невозможности дальнейшего существования Союза трех императоров из-за австро-русских разногласий, посол должен был подчеркнуть, что Петербург не желает ухудшения отношений с Веной, если она сама не будет тому способствовать. В случае крайней настойчивости Бисмарка на формальном подтверждении признания целостности Австро-Венгрии Шувалову предписывалось обещать это при условии, что и последняя должна «будет учитывать права России на Балканском полуострове». Вообще с переговорами об Австрии послу рекомендовали не спешить: если бы ее предупредили о намерениях России, она могла бы воспользоваться временем, оставшимся до истечения срока действия Союза трех императоров, для аннексии Боснии и Герцеговины. Этим объяснялась осторожная позиция Гирса, в декабре 1886 года отклонившего предложение Шувалова заменить Союз трех императоров соглашением с одной Германией.

29 апреля (11 мая) 1887 года начались переговоры Шувалова с Бисмарком, продлившиеся до 6(18) июня⁴¹. Во время первой беседы канцлер ознакомил посла с текстом австро-германского союзного договора 1879 года и предложил внести в проект русско-германского договора соответствующую оговорку относительно Австро-Венгрии; Шувалов на это не согласился. В ходе трех последующих бесед ни один из вариантов первого пункта не удовлетворил обе стороны. На четвертой беседе 5(17) мая Шувалов заявил Бисмарку, что оговорку к первому пункту примет с дополнением: Россия гарантирует Германии нейтралитет лишь в случае нападения на нее Франции. На замечание канцлера о том, что Петербург не связан с Парижем договором, подобно тому как Берлин связан с Веной, посол вручил инструкцию № 1. Последовавшее предложение Бисмарка вернуться к редакции о нейтралитете обеих сторон только в случае нападения на них третьей державы было отвергнуто как невыгодное России. Бисмарк вынужден был согласиться на русские условия⁴².

6(18) мая встреча закончилась выработкой окончательной редакции статьи 1. Остальные были утверждены с небольшими изменениями, и Шувалов отправился в Петербург за санкцией на подписание договора, получившего в историографии название «перестраховочного».

Основной текст принципиальных возражений не вызвал, но обязательства Германии по отношению к Австро-Венгрии, о которых прежде не знали, весьма обеспокоили царя и руководство МИД⁴³. Шувалов получил санкцию на подписание договора сроком на пять лет и инструкции

о дополнительных изменениях, которые в случае возражения снимались (чтобы избежать разрыва переговоров) и сокращали срок договора до трех лет.

6(18) июня 1887 года договор без дополнительных изменений был подписан Павлом Шуваловым и сыном канцлера Гербертом Бисмарком на три года, поскольку император Вильгельм I из-за преклонного возраста не решился взять ответственность на более длительный срок⁴⁴. К договору прилагался секретный протокол, по которому Германия обязывалась содействовать России в восстановлении законного правительства в Болгарии, не допускать реставрации Баттенберга и соблюдать благожелательный нейтралитет, если Россия окажется вынужденной принять на себя защиту входа в Черное море.

Договор не мог устранить уже наметившуюся трещину в русско-германских отношениях, он лишь отсрочил их разрыв. Бисмарку удалось на время затормозить русско-французское сближение. России договор давал известную гарантию против выступления Австро-Венгрии на Балканах и предотвращал ее изоляцию на международной арене после ликвидации Союза трех императоров. Сообщая о подписании договора царю, Гирс не без основания полагал, что трехлетний срок и подписание договора Гербертом Бисмарком, а не канцлером, «может быть... объяснено тем, что на этот раз условия договора выгоднее для нас, чем для Германии»⁴⁵.

2. От договора «перестраховки» к союзу с Францией

Сохранение и поддержание тесных отношений с Германией на протяжении 80-х годов составляло, по убеждению руководства российского МИД, основу внешней политики государства⁴⁶. Но договор 1887 года по ряду объективных и субъективных причин не мог ликвидировать противоречий между двумя странами. Параллельно с обострением русско-германских отношений и в значительной степени обусловленный им происходил в эти годы процесс сближения России с Францией в дипломатической, финансовой и военной областях. На этапе перехода капитализма в монополистическую стадию сквозь явления прежней эпохи все отчетливее вырисовывались черты новой: наряду с торговыми существенную роль начинают играть финансовые отношения; те и другие все активнее используются как инструмент в политическом соперничестве. Складывается иное соотношение сил между державами, которое постепенно меняет всю картину международных отношений.

Ухудшение русско-германских отношений не было ни временным, ни конъюнктурным — к разрыву вело несколько факторов как экономического, так и политического порядка. Кризис достиг апогея в нояб-

ре 1887 года. Недовольный условиями недавно подписанного договора, Бисмарк попытался оказывать давление на Петербург. После избрания в июне 1887 года принца Фердинанда Кобургского князем Болгарии и признания его правительствами Англии, Австро-Венгрии и Италии, по мнению Гирса, наступил момент «использовать наше соглашение с Германией». В правящих верхах России рассчитывали на ее поддержку в установлении «законного», с точки зрения царизма, правительства Болгарии и замене князя регентом по выбору России⁴⁷. Порта, Германия и Франция не признали Кобурга, но все попытки добиться его удаления из Болгарии встречали противодействие Австро-Венгрии и Италии, опиравшихся на негласное одобрение Бисмарка, хотя канцлер продолжал заверять Петербург в поддержке его курса в болгарском вопросе. К осени эти заверения уже не вызывали доверия. «Прискорбно, но я больше не верю словам Бисмарка, он ведет нас к скверной игре и именно в Болгарии»⁴⁸, — констатировал царь.

Однако на Певческом мосту еще не потеряли окончательно надежды через Берлин воздействовать на Вену. Поэтому, когда Кальноки в речи в парламенте 25 октября (6 ноября) 1887 года подчеркнул, что принц Кобургский признается в Вене «свободно выбранным» князем Болгарии, Гире в резком тоне заявил советнику германского посольства Б. Бюлову о непримиримости интересов России и Австро-Венгрии на Балканах⁴⁹.

Теснейшая связь балканской политики Германии и Австро-Венгрии была замечена и на Кэ д'Орсэ. Французская дипломатия поддерживала позицию царизма в болгарском вопросе, что, естественно, встречало положительный отклик в Петербурге⁵⁰. Болгарской делегации, разъезжавшей в начале 1887 года по европейским столицам в поисках поддержки, в Париже указали на Петербург как место, где должны решаться все их дела, что вызвало «чувство удовлетворения» Александра III. «Сходство взглядов» двух правительств в вопросе об избрании Кобурга еще раз, по мнению Гирса, подтверждало «сердечное согласие, столь желательное в интересах обеих стран»⁵¹.

Зачастую в исторических исследованиях позиция Франции в болгарском вопросе трактуется как одна из основных причин русско-французского сближения в середине 80-х годов⁵². Это представляется нам неточным. Документы доказывают, что в повороте России к Франции сыграла роль не столько благожелательность Третьей республики, сколько фактическая поддержка Германией Австро-Венгрии. В конце 1887 года Гирс отмечал, что даже безоговорочная поддержка Парижа была для Петербурга менее значимой, чем поддержка Берлина. Не имея практического значения, позиция Франции вызвала слухи о франко-русском союзе, что, по мнению министра, только увеличивало для России трудности ее политики на Балканах⁵³.

Озабоченность министра была небеспочвенной. Начатая еще в феврале 1887 года по указанию Бисмарка и несколько утихшая на время переговоров газетная война против России летом вспыхнула вновь. Она встретила известный отпор у части русской прессы, пользовавшейся любым предлогом для манифестации франко-русских симпатий.

Газетная полемика между Россией и Германией вызвала обоюдное недовольство в правящих верхах. Бисмарк не раз обращался к Гирсу, Шувалову и советнику российского посольства в Берлине М.Н. Муравьеву с жалобами на враждебность к Германии и лично к нему русской прессы. Он поручил Бюлову предостеречь Гирса и заявил, что «против стремлений, направленных к заключению франко-русского союза, Германия постарается защитить себя другими коалициями»⁵⁴.

К осени 1887 года лейтмотивом многих статей на страницах русских газет становится идея франко-русского сотрудничества как средства защиты национальных интересов от германского натиска.

Так, «Московские ведомости» утверждали, что Берлин сделался первоклассным денежным рынком «только благодаря русскому благодушию, дозволившему сначала рост Пруссии, а затем образование Германской империи», ссужающей теперь России «те самые миллиарды, которые мы по непростительной политической ошибке дозволили ей награбить во Франции»⁵⁵. «Биржевые ведомости» заявляли, что «простое соглашение двух наций действовать заодно против немецкой политики захватов и насилия уже есть сила, которая гарантировала бы Европе мир прочнее всяких тройственных союзов»⁵⁶. Наиболее осторожно высказалось «Новое время». В статье «Франко-русский союз» подчеркивалось, что, хотя газета не против союза и «одна из первых» его проповедовала, «было бы неразумным со стороны России ради удовольствия пользоваться симпатиями Франции и разрывать долголетние мирные отношения к Пруссии, которые, хотя и не всегда были нам выгодны, но с которыми мы не могли не считаться»⁵⁷. Можно предположить по тону и содержанию этой статьи, что она была инспирирована МИД, который пытался повлиять на общественное мнение, склонив его к более лояльному отношению к Германии⁵⁸.

К концу ноября 1887 года достигло апогея и обострение русско-германских экономических отношений. Переход русского правительства с середины 80-х годов к политике протекционизма существенно затрагивал интересы немецкой буржуазии и юнкерства⁵⁹. Каждое новое повышение таможенных пошлин вызывало бурю негодования в германской прессе. Считая себя задетым русским протекционизмом, германское правительство в то же время постоянно повышало пошлины на ввозившиеся из России зерновые и сырье. Тарифная и финансовая борьба, разгоравшаяся между Россией и Германией, отражала качественные изме-

нения в экономике обеих стран, что вело к углублению противоречий. Таможенная и финансовая политика Бисмарка стала одним из проявлений германского «натиска на Восток».

В ответ на указ об ограничении владения и пользования иностранцами недвижимым имуществом, учреждении новых и расширении существующих иностранных акционерных компаний и единоличных промышленных предприятий в ряде западных губерний России (что затрагивало интересы германских подданных, составлявших там значительный процент населения) представители немецкой буржуазии потребовали от правительства выступить против обращения русских ценных бумаг на Берлинской бирже, надеясь таким образом добиться от России уступок в экономических и политических вопросах. Кампания в прессе привела к резкому понижению курса русских ценных бумаг и курса рубля⁶⁰. В частном письме к Шувалову Гирс просил выяснить причины антирусской кампании в финансовой сфере, предполагая, что Берлин хочет таким образом вызвать «запрос правительства как средство формулировки каких-либо просьб»⁶¹. Посол полагал, что кампания в прессе вызвана экономическими мероприятиями России, но не является средством добиться от нее уступок. Как выяснилось, Шувалов заблуждался.

Кампания носила политический характер и направлялась правительством. Заместитель статс-секретаря по иностранным делам М. Берхем писал Швейницу: «Вся политика и падение русских ценностей... не является для нас нежелательной. В России привыкли принимать наши услуги как нечто само собой разумеющееся, без вознаграждения как в политике, так и в экономике... Чтобы разъяснить эту ошибку, вероятно, потребуются еще другие шаги, кроме падения русских бумаг и курса рубля». Вскоре эти шаги последовали. В конце сентября германское правительство прекратило прием иностранных бумаг в качестве залога и имущественного вклада, а через месяц издало указ, запрещающий Имперскому банку выдавать ссуды под русские ценные бумаги. Курс рубля упал, русские ценные бумаги оказались выброшенными на рынок⁶².

Известие об этом произвело в Петербурге, по словам Гирса, «ужасное впечатление». Министр финансов И.А. Вышнеградский в ответ на эту «крайне чувствительную и жестокую меру» предложил принять ответную «в качестве репрессий»⁶³. Момент для атаки был выбран не случайно. Бисмарк, воспользовавшись предстоящим проездом царя через Берлин, специально приурочил к нему опубликование указа, рассчитывая добиться уступок в экономической и политической области. Дальнейшее показало, что расчет оказался ошибочным⁶⁴.

Визит в Берлин был задуман российской дипломатией для разрядки напряженности в отношениях двух стран. Гирс и Шувалов настояли на проезде царя через Берлин на обратном пути из Дании. Муравьев конста-

тировал, что «если это предположение не сбудется, то наши отношения с Германией упадут до точки замерзания». Александр III рассчитывал при встрече с Бисмарком высказать ему «все, что накопело... на душе», не собираясь «особенно церемониться с ним». В Копенгагене царю стали известны документы, свидетельствовавшие о поддержке Бисмарком Фердинанда Кобургского⁶⁵.

Беседа Александра III с Вильгельмом носила чисто светский характер, а политические вопросы обсуждались царем и канцлером. Бисмарк попытался выяснить позицию царя в случае Франко-германской войны. Александр III сформулировал ее так: Россия не имеет ни соглашения, ни союза с Францией, но «если Германия нападет на Францию, то Россия не станет безразлично смотреть на подобное нарушение политического равновесия». Ответ царя не оставлял места для иллюзий — он означал провал политики давления, проводившейся Бисмарком. Обе стороны обещали обуздать полемику в прессе.

Немалую роль в процессе обострения русско-германских отношений сыграли и методы, применявшиеся Бисмарком. Не рассчитав последствий, канцлер запретом залога русских ценностей лишь ускорил финансовое сближение Франции и России. Однако подготовлено оно было объективными процессами.

Начало проникновения французского капитала на русский денежный рынок, диктовавшееся экономическими соображениями, относилось к 70-м годам XIX века. С середины 80-х годов финансовые контакты Парижа с Петербургом становятся более активными: предлагают услуги Ротшильды, затем Учетная контора, и к тому времени, когда французское правительство стало придавать финансовому сотрудничеству не только экономическое, но и политическое значение, оно нашло, по словам французского историка Ж. Бувье, «кредитные учреждения Франции вполне подготовленными к этому»⁶⁶.

Французский исследователь Р. Жиро, детально проследивший развитие русско-французских финансовых и политических отношений, пришел к выводу, что в 80-х годах сближение имело своей причиной определенную экономическую ситуацию и что финансовые отношения едва ли могли быть использованы как средство политики. Но начиная с 1891 года роль финансовых отношений и их влияние на политику значительно возросли.

Царизм еще в 80-х годах намеревался использовать французский денежный рынок для улучшения финансового положения страны, не попав при этом в политическую зависимость. В переходе русских бумаг с берлинского на парижский рынок отчетливо выявились противоположные тенденции политики правящих верхов России и Франции: первые, надеясь на улучшение отношений с Германией, различными способами

избегали политической окраски проводимых во Франции финансовых операций; вторые рассчитывали использовать нужду царизма в деньгах в политических целях.

Первая попытка такого рода относится к началу 1888 года. Директор Учетной конторы Д. Рошро начал переговоры о заключении займа. За банком стояло правительство: зашифрованные депеши Рошро передавались по дипломатическим каналам через посольство в Петербурге. Казалось, момент для предложения помощи был выбран удачно, но заключения займа не последовало: Жиро объясняет провал переговоров тем, что Вышнеградский стремился к «крупной операции», а французские банки хотели, напротив, ограничиться «маленьким займом», чтобы «не слишком тесно связывать себя с правительством, кредит которого был подорван». Это верно лишь отчасти. Были и другие причины. Цель предлагавшегося займа состояла в том, чтобы на эти деньги Россия могла усовершенствовать свое вооружение и построить несколько стратегических железнодорожных линий, «чтобы в случае войны скорее произвести мобилизацию войск»⁶⁷, то есть заем предлагался на вполне определенных условиях, имевших политический характер. Кроме того, Вышнеградский надеялся на восстановление со временем экономических отношений с Германией. Для этого были основания: крупные немецкие банки не хотели отказываться от ведения выгодных дел с Россией и продолжали принимать русские ценности⁶⁸. В течение лета 1888 года Вышнеградский пытался заинтересовать немецкие банки новыми русскими железнодорожными и государственными займами и восстановить их доверие и доверие правительства Германии к русским фондам. Одновременно он подготовил и передал Гирсу материал для торгово-промышленных переговоров с Германией.

К осени 1888 года, однако, положение изменилось. Потеряв надежду уладить отношения с Берлином, Петербург решил прибегнуть к помощи Парижа, тем более что ее снова предлагали и теперь уже без определенных политических условий. В ноябре банкир Госкье от имени синдиката французских банков обратился с предложением произвести конверсию облигаций 5-процентного внешнего займа 1877 года, разместив на зарубежных рынках новый, 4-процентный русский заем на нарицательный капитал в 500 млн франков, или 125 млн руб. золотом. Согласившись с предложением банкиров, Вышнеградский, в свою очередь, посчитал, что кроме французских учреждений должны принять участие представители банковских домов Берлина, Лондона, Амстердама. Хотя синдикат был международным, $\frac{9}{10}$ займа было размещено во Франции. Большое политическое значение такого шага было очевидным. Переписка о ходе переговоров Госкье с Вышнеградским шла по дипломатическим каналам через посла в Петербурге. Министр иностранных дел утверждал, что су-

щественное участие Франции в эмиссии есть факт, «значение которого не только экономическое». По мнению Лабуле, «блестящий успех русского займа, трижды перекрытого во Франции», открывал «неизвестные еще горизонты, так как союз России, богатой людьми, и Франции, богатой деньгами, представляет огромную силу»⁶⁹.

Восторженная оценка русского займа французскими газетами, связывавшими его с планами общего развития отношений двух стран, заставила Гирса и Вышнеградского обратиться через Лабуле к правительству Франции с просьбой воздействовать на прессу и не допускать комментариев, акцентировавших политический смысл финансовых операций. По свидетельству Лабуле, «дабы воспрепятствовать тому, чтобы русская пресса оказалась втянутой в полемику, которая может завязаться за границей», редакторам петербургских газет было предложено не перепечатывать статей, касающихся займа⁷⁰.

Те же тенденции выявились при заключении нового займа в 1889 году. По свидетельству Ламздорфа, Вышнеградский запрашивал Гирса о своевременности операции «с точки зрения политической». По мнению последнего, «система, которая дала бы нам возможность обращаться по нашему выбору и к берлинской и к парижской бирже, была бы самой мудрой и выгодной»⁷¹. На этот раз предлагалась конверсия 5 % консолидированных облигаций российских железных дорог. Кроме двух германских банков в операции участвовал парижский дом Ротшильдов. Во всеподданнейшем докладе в начале марта 1889 года Вышнеградский писал, что «производство этой операции без помощи французских учреждений, которые выпускали последний заем, имеет выгоду, устраняя от наших финансовых операций политическую подкладку, которую старались придать последнему займу, и показывая помянутым учреждениям, что они не суть необходимые для нас посредники и что мы можем с выгодой действовать независимо от них». Но все же французским банкам была запланирована доля участия в деле в размере 16 %. Вышнеградский учитывал также и то, что обеспокоенные успехом русских займов во Франции германские банки стали предлагать России деньги на более выгодных для нее условиях, чем французы. В представлении в Комитет финансов по поводу нового займа Вышнеградский писал, что для совершения этой кредитной операции открываются два столь могущественных денежных рынка, как Париж и Берлин, и это «представляет нашему правительству возможность свободного выбора наиболее выгодных условий при осуществлении предстоящих ему в будущем внешних кредитных операций»⁷².

Но «свобода» была относительной, так как российское правительство при заключении займа взяло обязательство не прибегать к помощи других банкиров в течение шести месяцев. Заем с успехом был распро-

странен, причем новые акции можно было приобрести только на парижском и петербургском рынках. В 1890 и 1891 годах на парижском рынке были заключены новые займы. В результате этих операций основным рынком русских ценных бумаг стал Париж, а не Берлин: в 1893 году французские капиталовложения в русские фонды достигли уже 6 млрд франков⁷³. В целом процесс перемещения русских ценных бумаг из Берлина в Париж отчетливо высветил тенденции новой эпохи, что точно сформулировала немецкий историк З. Кумпф: «Экономические структуры России и Франции лучше дополняли друг друга в период перехода к империализму, чем экономические структуры России и Германии»⁷⁴.

После визита царя в Берлин в 1887 году наступила кратковременная разрядка в русско-германских отношениях, но улучшений по существу не произошло. Напряжение возникло вновь в связи с запланированной давно и проведенной лишь осенью 1887 года передислокацией нескольких соединений русской армии из внутренних губерний в западные приграничные районы, в чем Берлин и Вена усмотрели провокацию. Бисмарк полагал, что в Петербурге решили не нападать сами, а «добиться нападения Австрии». Связанный союзными обязательствами с ней, Бисмарк прилагал все усилия, чтобы убедить ее не поддаваться на провокацию⁷⁵.

Но Россия не собиралась воевать. Военный министр Ванновский писал Гирсу, что проведение запланированной еще предыдущей зимой передислокации войск «поздней осенью, когда немыслима война, сделано именно с целью не давать этому передвижению значения бранного вызова и устранить всякие толки о сосредоточении наших войск». Все мероприятие было составной частью широкого плана передислокации русских войск, базировавшегося на изменении стратегической обстановки. В результате франко-прусской войны 1870–1871 годов и образования Германской империи у западной границы России вместо слабой Пруссии образовалось мощное государство, развязавшее гонку вооружений. Низкие темпы мобилизации, сосредоточения и развертывания русских войск из-за недостаточной густоты железнодорожной сети, тенденция ухудшения русско-германских отношений, враждебная России политика Австро-Венгрии на Балканах делали усиление обороны западной границы и проведение ряда мер предосторожности и защиты необходимыми с военной и политической точек зрения.

Военные мероприятия Германии и Австро-Венгрии (законы о развитии армий, чрезвычайные военные кредиты, усиленная достройка и постройка новых стратегических линий и т. д.) и речи в парламентах выражали, по мнению Ванновского, «со стороны Германии, а в особенности Австрии напряженную готовность вступить с нами в борьбу, чтобы не допустить нас до фактического вмешательства в болгарское дело, принятое Австрией и Германией под свое покровительство»⁷⁶.

Германское правительство сознательно раздувало значение и искажало смысл передислокации, заявляя о русской угрозе Австро-Венгрии и Германии. В начале 1888 года в прессе муслировались слухи об опасности русско-австрийского столкновения. На шовинистической волне через рейхстаг был проведен новый чрезвычайный кредит на вооружение армии. Этим же целям, видимо, служила публикация в первых числах февраля 1888 года текста австро-германского союзного договора. Чтобы успокоить Петербург, Швейницу поручили сообщить о публикации заранее. Несмотря на это, по свидетельству французского посла, патриотическое чувство русских «было задето». Он отметил, что в России взгляды «все больше обращаются в сторону Франции»⁷⁷.

Через три дня после обнародования договора с Австро-Венгрией Бисмарк выступил в рейхстаге с речью, в которой изложил взгляд на настоящее политическое положение «в самом успокоительном смысле». Однако достичь этого ему не удалось. Под впечатлением от речи канцлера Гирс писал Шувалову, что, хотя Россия хочет установить с Германией такие же отношения, какие у нее были с Пруссией, союз с Австро-Венгрией делает Германию «в некотором роде солидарной с непримиримым антагонизмом между нами и Австрией на Востоке», а австро-германский союз, несмотря на его оборонительный характер, «создает в центре Европы колоссальную силу, которая тяжело давит на соседние государства»⁷⁸.

Прежде всего это проявилось на Ближнем Востоке. Хотя Петербургу в середине февраля 1888 года удалось добиться от Порты заявления о незаконности избрания Ф. Кобургского и признания также незаконным этого акта Германией, Кобург остался болгарским князем: политика России в Болгарии в целом потерпела поражение. При активном содействии Германии в декабре 1887 года между Англией, Австро-Венгрией и Италией было заключено соглашение (Средиземноморская антанта), предусматривавшее проведение общего курса политики в болгарском вопросе, а также военное выступление трех держав с целью оккупации турецкой территории в случае союза Турции с Россией и поддержки ею русских интересов в Болгарии⁷⁹. Связь этой акции Бисмарка с результатами ноябрьской встречи 1887 года с Александром III очевидна.

Как убедительно показано в исследованиях советских историков, все маневры Бисмарка имели целью добиться столкновения России с Англией, воспользовавшись которым он хотел окончательно разгромить Францию. Канцлер, ведя двойную игру, удерживал Австро-Венгрию от выступления против России, подталкивал царизм к захвату проливов, в то же время разными способами создавая преграды этому. Одной из них стало политическое и военное проникновение Германии в Турцию, с тем чтобы в ее лице приобрести союзника против России. Члены дей-

ствовавшей в Турции с 1885 года германской военной миссии под командованием генерала фон дер Гольца заняли посты в армии и Военном министерстве. Берлин добивался реорганизации турецкой армии, активно содействовал агентам германских оружейных фирм в получении военных заказов, настаивал на сосредоточении основной массы турецких войск на кавказской границе с Россией и у границ Болгарии. Посол в Константинополе А.И. Нелидов отмечал, что «на восточном поприще влияния Германии нам почти столь же малоблагоприятно, как и влияние Англии»⁸⁰.

На Певческом мосту отлично понимали необходимость создания противовеса австро-германскому союзу. Но так как Франция была пока «не в состоянии исполнять эту роль в нашей политической системе», то даже видимость того, что Россия ищет ее дружбы, «скорее ослабит, чем укрепит наши позиции», утверждал Гирс. В поддержании мира «осторожной политикой» министр видел почву, «на которой мы должны строить наше взаимоположение (с Францией. — *Авт.*). Соглашение с этой целью не будет менее полезным в тесном сближении двух стран, чем действие, время которого еще не пришло»⁸¹.

Осложняла взаимодействие внутривластная нестабильность Французской республики⁸². Частая смена правительств, рост рабочего движения и одновременно усиление реваншистских настроений определяли осторожность правящих верхов России в деле русско-французского сближения. Особое беспокойство в Петербурге вызывал авантюризм части буржуазных кругов Франции, выразившийся в возглавляемом генералом Буланже реваншистском движении. Разжигание антигерманского шовинизма и призыв к возврату Эльзаса и Лотарингии грозили развязыванием нового франко-германского конфликта, быть втянутой в который Россия чрезвычайно опасалась. В России считали: чтобы составить необходимый для сохранения европейского равновесия противовес, Франция должна быть сильной, богатой и внутренне устроенной.

Со вступлением в 1888 году на престол Вильгельма II антирусская направленность во внешней политике Германии усилилась. Это побудило руководство российского МИД проанализировать стратегию и тактику действий в новых условиях. В составленной в это время записке министерства рассматривалось политическое положение России, ее цели во внешней политике и средства их достижения⁸³. Политическое положение государства характеризовалось как «весьма затруднительное»: «наши финансы расстроены; наши вооружения не соответствуют еще тем размерам, до которых они должны дойти, ввиду вооруженных сил, собранных нашими соседями, а главное Германией; наш флот только еще начинает строиться серьезно, особенно в Черном море, а наше политическое положение почти изолированно». Такая констатация по-

буждала «спешить быть готовыми на всякий случай, а главное — употребить всю силу нашего рассудка, чтобы неосторожным предприятием или поступком не ускорить невыгодного для нас в настоящую именно минуту кризиса».

События последних 25 лет — Австро-прусская (1866 г.), Франко-прусская (1870–1871 гг.), Русско-турецкая (1877–1878 гг.) войны, изменившие не только карту Европы, но и соотношение сил на международной арене, — создали предпосылки для новых столкновений между государствами. Поэтому в записке предлагалось четко сформулировать цели России «при новом положении вещей в Европе, на случай возможного столкновения», а также «те средства, которыми мы можем стараться воспользоваться при достижении наших целей». Главными целями внешней политики России признавались восточный и славянский вопросы, содержание и значение которых для России совершенно изменились после Русско-турецкой войны. Первый трансформировался в вопрос о проливах, второй — в «вопрос австрийский». Оптимальным решением первого признавалось «только занятие проливов нашими собственными силами. Весьма секретно, но настойчиво следует к этому приготовить», а до тех пор заботиться, чтобы «проливы не попали в руки европейских держав, особенно Англии, из всех держав, может быть, самой непримиримой с нами». «Вопрос австрийский» сводился к ограждению славянских народов «от поступательного движения Австрии и от эксплуатации их Европой», то есть к нераспространению австрийского влияния на Балканском полуострове.

В записке указывалось, что эти цели могли быть со временем достигнуты лишь при стабильной международной обстановке, а пока надо было сохранить мир как можно дольше и приложить старания к тому, чтобы мир этот оказался прочным, — такая политика диктовалась в первую очередь не миролюбием, но необходимостью подготовиться в военном и экономическом отношении к неизбежному в будущем решительному столкновению. Подчеркивалась важность поддержания мира не только России с Германией, но и Франции с Германией, а также сохранения «самым ревностным образом» статус-кво на Балканах.

Реальную угрозу России МИД видел со стороны Тройственного союза. Она усугублялась тем, что в случае столкновения на стороне союза неминуемо бы оказалась Англия.

Другая опасность заключалась во франко-германских противоречиях, чреватых вооруженным столкновением. Последнее вынудило бы Россию занять совершенно определенную позицию — не допустить окончательного разгрома Франции и «волей-неволей взяться за оружие», что в собственных интересах России «необходимо стремиться предупредить».

Средство оттянуть столкновение, будь то на Балканах или в Европе, виделось в заключении соглашения с Берлином по болгарскому вопросу и. получении от Германии согласия хотя бы на нравственное содействие в ограничении австрийского проникновения на Балканы. С другой стороны, предполагалось не давать Франции повода рассчитывать на союз с Россией в ближайшем времени.

В этих условиях основные задачи русской дипломатии заключались в том, чтобы расшатать австро-германский союз, выиграть время и «приготовить наши отношения с Германией к такому положению, при котором мы могли бы согласиться с ней в данную минуту, не упуская из виду Францию».

В записке утверждалось, что попытки всяких «искателей приключений» будоражить общественное мнение республики, «играя на струне союза с Россией», не могут иметь никакого значения для правящих верхов империи «в смысле содействия заключению союза с Францией в случае нужды... Союз этот может явиться только как последнее средство для нас и только накануне действия... Преждевременно заключенный союз с Францией может даже скомпрометировать нас».

Как видим, в записке реалистично оценивается положение России: решения своих внешнеполитических задач она могла добиться, либо опираясь на поддержку Германии, либо вступив в соглашение с Францией. Однако последнее пока не было подготовлено ни в экономическом, ни в военном отношении.

Между тем в самой Германии уже происходили изменения, сказавшиеся затем на ее отношениях с Россией. В августе 1888 года начальником германского главного штаба был назначен генерал Вальдерзее, явный поборник тесного союза с Австро-Венгрией, не скрывающий ненависти к Франции. Он был откровенным сторонником превентивной войны на два фронта и усиления вооружения Германии. При этом важная роль отводилась Турции, армия которой должна была сковывать силы русских на Балканах и Кавказе, и поэтому Вальдерзее добивался заключения союза с Турцией. Его взгляды находили поддержку у Вильгельма II⁸⁴.

Поставка оружия для турецкой армии, получение Немецким банком концессии на постройку Анатолийской железной дороги и др. — все свидетельствовало об активизации политики Германии на Ближнем Востоке. Российский посол в Константинополе А.И. Нелидов писал, что Германия добивается укрепления обороноспособности Турции, особенно в местностях, которые «ближе всего могли быть подвержены столкновению с Россией», и подчеркивал, что усиление германского влияния в Турции прямо противоположно выгодам России и «клонится скорее к помощи нашим противникам»⁸⁵.

Под противником прежде всего подразумевалась Англия, явные симптомы сближения которой с Германией прослеживались уже с конца 1887 года. В начале 1888 года распространились слухи о подписании Р. Солсбери каких-то обязательств с Тройственным союзом. По поручению Гирса посол в Лондоне Е.Е. Стааль уточнял их достоверность. Несмотря на заверения Стааля в том, что Англия не приняла «никаких письменных обязательств с центральными державами», российские дипломаты не теряли бдительности. П.А. Шувалов подчеркивал опасность содействия Англии политике Тройственного союза. «Нас это постоянно тревожило, и всегда мы были в этом уверены»⁸⁶, — пометил на письме Александр III. Последующие два года не принесли успокоения, что прослеживается по записям Ламздорфа и переписке МИД с посольством в Лондоне⁸⁷.

Несмотря на ухудшение русско-германских отношений, в марте 1890 года по инициативе русской дипломатии были начаты переговоры о возобновлении «перестраховочного» договора с Германией 1887 года, срок действия которого истекал в июне. Это решение определялось позицией правящих верхов России, точно сформулированной Гирсом: недоверие к Франции из-за ее бессилия, недоверие к Германии из-за ее силы. Не рассчитывая более на действенную поддержку Германии в осуществлении внешнеполитических задач царизма, Гирс видел в договоре средство до известной степени связать ей руки в проведении антирусской политики.

Переговоры, как и в 1887 году, было поручено вести Шувалову. 5(17) марта из беседы с Бисмарком он с удивлением узнал о предстоящей отставке канцлера, причины которой крылись не только в разногласиях с Вильгельмом II по вопросам внутренней политики, но и во влиянии на кайзера группы генералов во главе с Вальдерзее.

Для Шувалова были составлены инструкции, предписывавшие возобновить тайный договор 1887 года, опустив специальный протокол. Это решение свидетельствовало о намерении России «заморозить» активную политику на Балканах. По предложению царя определялся новый срок действия договора — пять лет. Инструкции были готовы к отправке, когда Шувалов сообщил о предложении немцев перенести переговоры в Петербург. Гирс был доволен, полагая, что здесь со Швейницем ему будет «очень легко все уладить»⁸⁸. Царь одобрил перенесение переговоров в Петербург.

Но события в Берлине вновь все переменили: Бисмарк и его сын были окончательно удалены от дел. Новый германский канцлер генерал Георг Лео Каприви поддерживал курс Вальдерзее на разрыв с Россией и сближение с Англией. Основными задачами его политики стали усиление армии и создание системы торговых договоров. Это соответствовало потребностям крупной буржуазии и отражало ее стремление к экономической и политической экспансии на мировой арене.

Вскоре Швейниц прибыл в Петербург, но без полномочий на возобновление переговоров. 18(30) марта на встрече с Гирсом посол сообщил, что, хотя в отношениях Германии и России ничего не изменилось, германское правительство, видимо, не намерено продлить договор. Это сообщение произвело на Гирса сильное впечатление. Время шло, а инструкций из Берлина все не было. 2(14) мая Гирс сам завел разговор о договоре, сообщив о намерении России отказаться от дополнительного протокола и согласия иметь хоть «что-либо письменное», например обмен нотами или письмами между монархами. Посол указывал правительству на опасность отклонения сделанных предложений, так как в этом случае Россия вынуждена будет искать опору в другом месте и сможет образовать союз, направленный против Германии. Однако предложения Гирса не нашли отклика в Берлине. Вильгельм II принял окончательное решение отказаться от возобновления договора, о чем 17(29) мая 1890 года Каприви сообщил Швейницу, а тот 23 мая (4 июня) — Гирсу. Министр намеревался продолжить попытки возобновить договор в какой-либо форме, однако царь на его докладной записке написал: «Я лично очень рад, что Германия первая не желает возобновить Трактата, и не особенно сожалею, что его больше не будет»⁸⁹.

Гирс попытался поручить Шувалову переговорить с Каприви об обмене нотами, подтверждавшими основы соглашения по Балканам и ненарушимость принципа закрытия проливов. Однако царь вынес окончательное решение: «Раз Германия не желает возобновлять наше секретное соглашение, то достоинство наше не позволяет нам запрашивать, почему и отчего... Нет сомнения, перемена в политике Германии произошла, и нам надо быть готовым ко всяким случайностям»⁹⁰.

Это означало запрет продолжать переговоры. Но министр решился еще на один шаг, насколько можно судить по имеющимся документам — последний. Муравьеву была отправлена депеша, содержащая фиксацию бесед Гирса с Каприви во время визита Вильгельма II в Россию в августе 1890 года. Советнику поручалось получить письменное их подтверждение. Однако канцлер 27 августа (8 сентября) отказался дать таковое, хотя устно и выразил его. Узнав о результате, Ламздорф записал в дневнике: «Итак, наш тайный договор с Германи ей окончательно погребен». В Петербурге дезавуировали Муравьева, что не ускользнуло от внимания немцев. Первый секретарь германского посольства в России Ф. Пурталес высказал предположение, что в основе русского демарша «лежало желание г. Гирса предпринять еще одну, последнюю попытку, чтобы добиться от Германии листка бумаги, и когда эта попытка не удалась, граф Муравьев был дезавуирован». Вильгельм II пометил: «Конечно, правильно»⁹¹.

Так закончил существование договор «перестраховки». Видимо, сам отказ Германии не был столь уж неожидан для Гирса и Ламздорфа.

С момента смены руководства в Берлине они предвидели возможность перемен: дневник Ламздорфа за март–май 1890 года пестрит записями, отражавшими тревогу дипломатов за судьбу договора⁹².

Почти сразу после провала демарша Муравьева Лабуле отмечает изменения в «языке Гирса», высказавшегося за «более тесное сближение с Францией». В марте 1891 года французский министр иностранных дел А. Рибо сообщил Лабуле о письме Гирса Моренгейму, где отмечалось, что «сердечное согласие, столь счастливо установившееся между Францией и Россией, является лучшей гарантией мира» и необходимым условием «поддерживать в Европе правильное равновесие сил». Министр рекомендовал послу высказаться в том же смысле на аудиенции у царя, если тот заговорит о русско-французских отношениях⁹³.

Но чтобы вывести дело русско-французского сближения из стадии разговоров о желательности и полезности, потребовалось еще одно политическое событие. В мае 1891 года, на год раньше срока, был возобновлен Тройственный союз. Первое известие об этом в Петербурге было получено 28 апреля (10 мая) от Муравьева и подтверждено через две недели Шуваловым. Вначале информация не вызвала беспокойства на Певческом мосту. Ламздорф отметил, что «в настоящий момент Тройственный союз представляет собой уже совсем не то, чем он был несколько лет тому назад, а мы все же никогда не были им слишком озабочены». Однако в конце мая 1891 года в МИД поступают сообщения о возможности фактического присоединения к Тройственному союзу Англии. 28 мая (9 июня) пришли письма от Моренгейма и Нелидова. Последний предложил даже пустить в печать хотя бы в виде пробного шара известие о союзе с Францией, надеясь воспрепятствовать возобновлению лиги с участием Англии. 22 июня (2 июля) Ламздорф записал: «Тройственный союз шумно заявляет о своем существовании. Англия, по-видимому, к нему присоединяется»⁹⁴.

Хотя на деле этого не произошло, шум, поднятый при возобновлении Тройственного союза, демонстрация в это время английского флота в Средиземном море, донесения русских послов из Берлина, Вены, Парижа и Константинополя — все свидетельствовало о том, что складывалась именно та группировка, которой больше всего опасались в России.

Тревога Петербурга не осталась незамеченной. Бюлов констатировал, что «местное настроение взбудоражено, взволновано», а Швейниц даже утверждал, что русские, расстроенные возобновлением Тройственного союза, «почувствовали угрозу», когда английское правительство, казалось, присоединилось к нему. Долгое время проживший в Петербурге посол еще весной 1891 года отметил и другое: «После отставки Бисмарка и непродления договора «перестраховки» нас не удивило, что

Россия проявляла большую склонность к Франции. Это не было расчетом с ее стороны. Она была принуждена к этому»⁹⁵. Добавим лишь, что отмеченные послом обстоятельства были не причиной, а катализатором развития событий.

В разгар получения телеграмм от послов Гире вынужден был проявить инициативу и 4(16) июля 1891 года в разговоре с Лабуле предложил предпринять шаги к более тесному сближению России и Франции.

3. Заключение союза

Сделав первый шаг, министр решил выждать в расчете на то, что Париж сам выступит с проектом соглашения, и не ошибся⁹⁶. 11(23) июля на Кэ д'Орсэ подготовили проект ноты российскому правительству с основными положениями возможного соглашения. 12(24) июля Рибо отправил Лабуле секретную депешу с его проектом. Правительства двух стран принимали обязательство в случае объявления мобилизации одной из держав Тройственного союза без предварительного обсуждения тотчас и одновременно мобилизовать свои вооруженные силы⁹⁷. Депеша была получена не позднее 20 июля (1 августа), а в 15 час. на следующий день состоялась встреча Гирса с Лабуле. Посол изложил (уже известные министру из перлюстрации) условия соглашения, которые Гирс набросал на листке бумаги в ходе беседы, а после показал Ламздорфу. Советник нашел их «довольно удачными», но предложил внести некоторые изменения. По поручению Гирса он переписал набросок соглашения с внесенными им исправлениями⁹⁸.

Приведем сам набросок Гирса и редакцию Ламздорфа.

«Два пункта Лабуле

1) Необходимость для 2 кабинетов закрепить сердечное согласие, которое их объединяет, заявив по каждому вопросу, который мог бы угрожать миру в Европе.

2) В случае, если бы мир действительно оказался под угрозой со стороны одной из держав Тройственного союза, 2 правительства могли бы счесть необходимым достигнуть заранее мер, немедленное и одновременное принятие которых в этом случае указанная возможность наложит на обе стороны.

Исправления Ламздорфа

1) Для того, чтобы определить и закрепить сердечное согласие, которое их объединяет, 2 кабинета заявляют, что они будут советоваться по каждому вопросу, могущему угрожать всеобщему миру.

2) В случае, если бы мир действительно оказался под угрозой, 2 правительства, если сочтут необходимым, условятся заранее о мерах, немедленное и одновременное принятие которых в этом случае указанная возможность наложит на обе стороны».

В специальной записке Ламздорф пояснил необходимость корректировки: «исправленная редакция придаст гораздо большую широту» соглашению, и тогда Россия и Франция смогут так согласовать свои действия, чтобы «остановить всякие осложнения в их зародыше», будь то в Египте, Средиземном море, Турции или на Дальнем Востоке, «прежде, чем они приняли бы размеры, угрожающие миру в Европе». Он полагал также невыгодным для России подписывать соглашение, принимая во внимание опасность «только со стороны одной из держав, входящих в Тройственный союз, не учитывая поддержки, которая может исходить от какой-либо державы, оставшейся вне лиги, но симпатизирующей ее помышлениям и могущей в некоторых обстоятельствах даже выступать в качестве инициатора».

В предварительном варианте записки советник подчеркнул, что в случае более широкого толкования соглашения Франция и Россия смогут договориться «на почве общих интересов, таких как средиземноморские вопросы, и уравновесить запросы Тройственного союза и Англии не только в специальных вопросах, но также и на Дальнем Востоке»⁹⁹.

То обстоятельство, что Петербург хотел добиться поддержки Парижа и на случай столкновения с Англией, не ускользнуло от внимания Рибо. 25 июля (6 августа) он писал военному министру Ш. Фрейсине: «Россия хочет добиться нашей помощи даже против Англии, которую считает уже связанной с Тройственным союзом». Фрейсине ответил, что «Франции нет никакого интереса... вмешиваться в затруднения, которые могут возникнуть между Россией и Англией в Азии»¹⁰⁰. Для Франции основным противником была Германия, и с самого начала переговоров в правящих верхах республики обсуждались условия военной конвенции с Россией, определявшие размер ее помощи в случае германской агрессии. Но чтобы не испортить начавшихся дипломатических переговоров, вопроса о конвенции пока не поднимали.

Пункты соглашения были одобрены царем, который потребовал четко определить случай нападения на одну из договаривающихся сторон. Новая редакция второго пункта связывала Россию обязательством только в случае, если Франция будет атакована. «А это тот принцип, — писал Ламздорф, — которого мы придерживались и ранее»; этим совершенно исключена поддержка какого-либо «авантюрного правительства, которое может возглавить республику и задумает взять инициативу нападения». Гире счел эту редакцию очень удачной и полностью с ней согласился¹⁰¹.

На Кэ д'Орсэ поняли замысел Петербурга придать соглашению более общий характер, но против таких изменений текста в целом не возражали¹⁰².

24 июля (5 августа) Гирс и Лабуле выработали текст соглашения. Он гласил: «Для того, чтобы определить и сохранить сердечное согласие, которое их объединяет, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, оба кабинета заявляют, что они будут советоваться по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру. В случае, если бы мир оказался в опасности и в особенности, если бы одна из сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны подумают, если сочтут необходимым, о средствах заранее условиться о тех мерах, осуществление которых в этом случае окажется настоятельным для обоих правительств».

Получив текст, Рибо телеграфировал послу те изменения, которые считало нужным внести правительство республики: вместо «определить и сохранить» — «точно определить и закрепить»; вместо «оба кабинета» — «оба правительства»; вместо «обе стороны подумают, если сочтут это необходимым, о средствах...» — «обе стороны улаиваются договориться о мерах...». Поправки, как видим, носили принципиальный характер: в Париже добивались точности формулировок.

Хотя Гирс принял предложенные французской стороной поправки, делавшие соглашение более обязательным, в окончательном варианте текста говорилось о нарушении всеобщего мира, а не только мира в Европе, на чем настаивали французы. 28 июля (9 августа) царь утвердил окончательную редакцию текста, объявив об этом на следующий день на прощальной аудиенции Лабуле.

Посол и министр выработали форму соглашения. Гирс должен был написать письмо на имя Лабуле, которое посол в Париже передаст Рибо; последний воспроизведет пункты соглашения в своем письме на имя нового посла в Петербурге Г. Монтебелло, а тот вручит его Гирсу. Столь сложная форма должна была гарантировать секретность договоренностей¹⁰³.

По приказу Александра III вызванный из отпуска Моренгейм прибыл в Петербург 5(17) августа. По его инициативе пункты соглашения, в выработке которого он не принимал никакого участия, включались в письмо Гирса на его имя, а не имя Лабуле. Содержание письма посол должен был довести до сведения Рибо, который, присоединившись к двум пунктам, сообщит об этом в письме Моренгейму. Вся комбинация получила одобрение Александра III, и 11(23) августа посол отбыл в Париж.

Гирс остался доволен составленным документом, полагая, что даже в случае публикации он не повредит России. Но и теперь, когда соглашение было почти оформлено, ни ему, ни Ламздорфу сближение с Францией было, по словам советника, «несимпатично». Однако оба понимали, что оно являлось «неизбежным результатом нынешней обстановки и логическим следствием событий, развернувшихся в течение последних лет». Советник подчеркивал отсутствие у министра предвзятого мнения

и личных симпатий в сложившейся обстановке, когда нужно было отдать предпочтение тому, «кто в данный момент может и хочет предоставить наибольшие выгоды России»¹⁰⁴.

Но в то же время Гирс и Ламздорф по-прежнему не отказывались от надежды на улучшение со временем отношений с Германией. Этой стратегией объяснялась и тактика: стремление в ходе переговоров расширить рамки соглашения и придать известную неопределенность формулировкам, а также и последующие шаги. Дело «сближения с Францией», по мнению Гирса и Ламздорфа, не должно было быть «испорчено», при этом «сбалансировать» профранцузский курс должен был официальный визит Александра III в Берлин или свидание с императором Вильгельмом II в другом месте.

Стремление избежать вооруженного конфликта, к которому Россия не была готова, диктовало царским дипломатам предельную осторожность: они требовали сохранения соглашения в строгой тайне и не спешили принимать каких-либо военных обязательств, на чем настаивала французская сторона. В известной степени эти настояния были спровоцированы Моренгеймом: передавая Рибо содержание письма Гирса, посол превысил свои полномочия, заявив, что «дальнейшее развитие» обоих пунктов соглашения «должно составить их естественное и необходимое дополнение»¹⁰⁵. На Певческом мосту были возмущены ретивостью посла.

22 августа (3 сентября) министр представил царю докладную записку, в которой формулировалось его понимание русско-французских договоренностей. Гирс был убежден, что заключенное соглашение «вполне ограждает Россию от опасности оказаться изолированной в случае войны», а так как в настоящий момент непосредственной угрозы не было, разглашение обязательств и превращение их в военную конвенцию могут «лишь ускорить роковую минуту». Поэтому он подчеркивал нежелательность «связывать себя **преждевременно** какими-либо положительными обязательствами в военном отношении и тем стеснять нашу свободу действий»¹⁰⁶. Александр III одобрил в целом такую позицию, начертав на записке Гирса: «Пока, конечно, достаточно настоящего нашего соглашения с Францией. Собственно специальный, военный вопрос настолько важен, что, конечно, до личного свидания с Вами и Ванновским я ничего сказать не могу»¹⁰⁷. Здесь проявилось известное различие их взглядов: если министр рассматривал соглашение как акт, не нуждающийся в уточнениях и дополнениях, то царь оставлял возможность дальнейшей, специально военной, разработки вопроса, хотя и не торопился с ней. Оба были едины в соблюдении секретности договора. Новые попытки Парижа форсировать разработку военного соглашения были отклонены Петербургом. По приказу Александра III

к расшифровке французских телеграмм, касающихся переговоров, был допущен лишь старший перлюстратор, все документы переписывались собственноручно Ламздорфом, а не в меру болтливому Моренгейму предписали соблюдение «самой абсолютной тайны».

Ответ французского правительства в письме Рибо на имя Моренгейма от 15(27) августа закрепил соглашение. Правда, в нем идентичным был только текст двух пунктов: в преамбуле, в отличие от русского варианта, ничего не говорилось об Англии, а в заключении ставился вопрос о назначении в ближайший срок специальных делегатов для изучения практических мер по дальнейшему развитию соглашения. Однако эти изменения были оставлены русской стороной без последствий. Договор 1891 года получил в истории дипломатии название Консультативного пакта.

Хотя переговоры велись конфиденциально, официальное и торжественное чествование французской эскадры в Кронштадте (происходившее почти одновременно с переговорами) делало очевидным политическое сближение двух государств. «Московские ведомости» назвали 1891-й годом «открытого сближения России и Франции». «Биржевые ведомости» писали о союзе с Россией как краеугольном камне французской политики, а «Новое время» подчеркивало, что франко-русское сближение «всеми признается за политический факт, столь же серьезный, как возобновление Тройственного союза»¹⁰⁸.

Визит французской эскадры в Кронштадт вызвал в Берлине, Вене, Риме и Лондоне серьезное беспокойство. Попытка Гирса убедить Александра III заехать в октябре 1891 года в Берлин не увенчалась успехом. Вильгельм II воспринял отказ нанести ему визит как личную обиду. Несколько сгладил инцидент состоявшийся через месяц визит Гирса в Париж и Берлин. Французы во время встречи вновь подняли вопрос о военной конвенции. Министр отказался обсуждать его, сославшись на желание царя разобраться во всем лично, хотя не отрицал возможности заключения в будущем соглашения, уточнявшего бы обязательства, принятые обеими сторонами в августе 1891 года.

Коснувшись политики России на Балканах и в Турции, Гирс заверил французских министров, что Петербург не стремится к захвату проливов и желает лишь сохранения статус-кво в регионе. Поскольку такая позиция вполне устраивала Париж, для русского и французского послов в Константинополе впервые были выработаны совместные инструкции. Отметим, что связь двух аспектов беседы отнюдь не случайна. Вновь выявилось настойчивое стремление правящих верхов Франции к скорейшему заключению военной конвенции совершенно определенной направленности и желание уточнить планы России в принципиальном для нее вопросе, в котором Франция никаких обязательств на себя принимать

не хотела. Для российских дипломатов это было очевидным. Ламздорф отметил: «Во всем, что касается столь важных для нас болгарских дел, французское правительство старается сохранить весьма осторожную позицию и ограничивается довольно уклончивыми заявлениями»¹⁰⁹.

Заверив кайзера и германских руководителей в миролюбии России и Франции, Гире вернулся в Петербург весьма довольный политическими результатами встречи. По его просьбе Ламздорф подготовил набросок заметки для «*Journal de St-Petersbourg*», в котором помещались официальные известия. В заметке сообщалось, что, хотя поездка министра вызывалась необходимостью лечения, она дала повод к ряду политических свиданий в Италии, Франции и Германии и ее результатом были рост «взаимного доверия», внесение «большей ясности» в международное положение и укрепление «гарантий мира».

Однако Ламздорф не разделял оптимизма министра. Посол в Вене указывал на признаки «растущего недоверия по отношению к России» в связи с концентрацией войск на австрийской границе; посол в Лондоне писал, что английская пресса подчеркивает временный характер «нынешнего успокоения» и «постоянное вооружение всех держав»; посол в Берлине сообщал, что в военных кругах и окружении Вильгельма II раздаются призывы к превентивной войне против России, «пока она вооружена слабее». При этом Шувалов отмечал неуравновешенный характер кайзера, подверженного влиянию близких к нему офицеров¹¹⁰. Помета Александра III: «Конечно, от нервного и шалого Вильгельма можно всего ожидать» — свидетельствовала о недоверии к кайзеру и проводимой им политике. Оно поддерживалось нелюбовью Александра III к немцам вообще, постоянно «подогреваемой» императрицей-датчанкой. Все вместе это подталкивало царя к заключению союза с Францией на случай войны. Царь в декабре 1891 года во время аудиенции новому французскому послу Монтебелло выразил пожелание, чтобы представители штабов обеих армий обсудили в Петербурге основные положения военной конвенции¹¹¹.

Напряженная обстановка в Европе и сложное положение в Российской империи зимой 1891/92 года вызвали серьезную озабоченность в правящих верхах страны. Ламздорф неоднократно отмечал в январе 1892 года, что «слухи о войне» и «тревожные чувства» проявляются «как у нас, так и в Берлине, и в Вене, и до известной степени повсеместно». В МИД опасались создания условий, которые приведут «к конфликту без возможности при этом определить, кто именно является нападающей стороной», и тогда ничтожный инцидент на Балканах мог бы втянуть Россию в войну. Советник справедливо утверждал, что России «нужны мир и спокойствие ввиду бедствий голода, неудовлетворительного состояния наших финансов, незаконченности наших вооружений,

отчаянного состояния наших путей сообщения и, наконец, возобновляющегося брожения в лагере нигилистов». Для стабилизации обстановки МВД считал необходимым наладить отношения с Германией. Того же мнения придерживался И.А. Вышнеградский. Он представил царю секретный доклад о финансовом положении и записку о необходимости сокращения военных расходов¹¹². Министр финансов предлагал даже пойти на уступки Германии в таможенных и тарифных вопросах на проходивших в то время торговых переговорах.

Взаимный зондаж позиций правящих верхов двух государств о возможных уступках в области торговли состоялся впервые еще в октябре 1890 года. Обострившаяся с середины 80-х годов тарифная и финансовая борьба России и Германии за последние годы привела к росту противоречий, которые можно было попытаться разрешить, лишь заключив торговый договор. Торговая политика правящих верхов обоих государств выражала стремление соединить трудносоединимое — удовлетворить интересы как крупных землевладельцев, так и промышленников. Это порождало два ряда противоречий: внутривнутриполитические — между буржуазией и аграриями, и в торговых отношениях — между двумя государствами. Справедливо утверждение о том, что тарифная и финансовая борьба России и Германии «отражала глубокие качественные изменения в экономике двух стран, приводившие к новому соотношению сил и значительному углублению противоречий между ними»¹¹³. К началу 90-х годов русско-германские противоречия переросли в борьбу прусских аграриев и русских помещиков как конкурентов на хлебном рынке. Отчетливо выявилось стремление формировавшейся империалистической буржуазии Германии подчинить своему влиянию экономику России, превратив ее в свой аграрный и сырьевой придаток, что, естественно, вызывало сопротивление российского промышленного и торгового капитала.

В начале декабря 1890 года Шувалов по поручению Гирса (не выдвигая пока идеи заключения торгового договора) в беседе со статс-секретарем по иностранным делам Маршалем изложил позицию российского министерства финансов о возможности торгового сближения. Маршал с недоверием отнесся к политике Вышнеградского в целом и настаивал на практических доказательствах готовности российской стороны наладить русско-германские экономические отношения. В феврале 1891 года министр торговли фон Берлепш в беседе с Шуваловым и посол в Петербурге Швейниц в беседе с Гирсом уклонились от ясного ответа на этот вопрос.

Позиция российской стороны, выработанная весной 1891 года, заключалась в намерении добиться обещания Германии не устанавливать дифференцированных пошлин на русский хлеб после заключения ею торговых договоров со среднеевропейскими государствами, снизить пошли-

ны на лес и керосин и сохранить существующие на ряд товаров животного происхождения, а также отменить запрет на ввоз скота из России. Эту позицию (с некоторыми вариациями) российское правительство занимало в ходе почти трехлетних переговоров. Со своей стороны, Вышнеградский готов был взять на себя лишь одно обязательство: после утверждения нового российского тарифа не повышать его ставок на очень ограниченный перечень товаров германского ввоза в течение 5–6 лет.

Германская сторона не высказывалась ясно и определенно до тех пор, пока вела торговые переговоры с другими странами. Хотя канцлер Каприви и утверждал, что «торговые связи должны скреплять связи политические путем сближения материальных интересов обеих стран», со стороны Берлина последовали отказ применять в торговых отношениях с Россией дифференцированный тариф, снизить таможенные ставки на зерно, лес, керосин и требование увеличить объем германского экспорта металлических изделий, химических продуктов и изделий из хлопка и шерсти.

Настояния Германии были отвергнуты Петербургом, поскольку понижение пошлин наносило ущерб интересам отечественной промышленности. В решении Особого совещания отмечалось и то немаловажное обстоятельство (до известной степени тормозившее переговоры о торговом соглашении), что, начатые именно с Германией, они «могли бы представить политические неудобства при существующих особо дружественных отношениях к Франции, с которой обмена мнениями по сему предмету не предпринято»¹¹⁴.

Между тем Париж проявил активность и инициативу в этом деле: Рибо в апреле 1891 года выражал озабоченность возможностью экономического сближения России и Германии в ущерб Франции, а в мае Монтебелло по поручению правительства передал товарищу министра финансов Ф.Г. Тернеру меморандум с основными положениями возможного торгового соглашения. Заключить договор с Францией было значительно легче, чем с Германией. Этому способствовали обоюдная готовность к уступкам, значительно меньший объем торговли, а главное, отсутствие противоречий в этой сфере¹¹⁵. К тому же в Петербурге его рассматривали как средство оказать давление на Берлин.

В конце октября 1891 года Берлин заявил о готовности пойти на уступки. Возможно, известную роль в этом сыграла и кронштадтская демонстрация франко-русского единения, за которой, как справедливо подозревали немцы, крылись какие-то политические договоренности. В ноябре 1891 года начались переговоры о заключении русско-германского торгового договора.

Экономическое и внутривнутриполитическое положение России к этому времени существенно осложнилось — стали явными огромные размеры неурожая 1891 года: стране грозил голод. Специальным указом запре-

щался вывоз всех видов хлебов и картофеля. В этих условиях германская сторона не торопилась с окончательным решением. Лишь в конце февраля 1892 года стало очевидно, что без уступок со стороны России Германия не пойдет на предоставление ей конвенционного тарифа, установленно-го по отношению к другим государствам¹¹⁶. Шувалов, Гире, Ламздорф и Вышнеградский склонялись к принятию германских требований. «Наше финансовое и экономическое положение ужасно! Мир и спокойствие нам безусловно необходимы», — констатировал министр финансов. Он утверждал: «Немцы для нас настолько необходимы, что я согласен на уступки и по финансовым, и по тарифным вопросам»¹¹⁷. И министр иностранных дел, и министр финансов считали желательной встречу монархов, которая стабилизировала бы международное положение России, не подрывая при этом результатов демонстрации в Кронштадте.

Учитывая воинственное настроение Берлина, в российском МВД стремились избежать обострения отношений с Германией, но не доверяли и Франции. Гирс справедливо полагал, что принятие военных обязательств, прочно связав Францию и Россию, лишило бы последнюю свободы маневра. Очередной министерский кризис во Франции весной 1892 года заставил даже Моренгейма, прежде рьяно настаивавшего на скорейшем оформлении союза, признать предусмотрительность министра, отказавшегося осенью 1891 года идти дальше дипломатического соглашения. Париж же стремился форсировать события и уже подготовил проект военной конвенции.

Правительство республики еще в ходе переговоров о дипломатическом соглашении пыталось добиться от России обязательств в военном отношении¹¹⁸. Неофициальный зондаж намерений Петербурга в этом вопросе Париж предпринимал и раньше. В марте 1891 года советник французского министра иностранных дел Ж. Гансен, беседуя по поручению правительства с российским военным атташе Л.А. Фредериксом, запросил его о своевременности договоренностей между главными штабами двух стран, согласованных действиях вооруженных сил и возможном сотрудничестве в случае германской агрессии. Атташе, выражая свое личное мнение, высказался за заключение военной конвенции, которая была бы «полезнее даже, чем формальный союз». В июне того же года начальник французского генерального штаба генерал Р. Буадефр по поручению правительства беседовал с приехавшим в частном порядке в Париж начальником русского Главного штаба генералом Н.Н. Обручевым, который, будучи давним сторонником русско-французского сближения, активно поддерживал идею заключения военной конвенции¹¹⁹.

24 февраля (7 марта) 1892 года Г. Монтебелло вручил Гирсу проект конвенции. По его условиям Франция и Россия обязывались одновременно мобилизовать свои силы тотчас же по мобилизации сил Тройст-

венного союза и направить их против главного противника — Германии. При этом Россия должна была выставить против Германии 700–800 тыс. человек из общего числа мобилизуемых 1,6 млн человек.

Опасения, что в результате очередного министерского кризиса во Франции к власти могут прийти реваншистски настроенные круги, которые втянут связанную обязательствами Россию в войну с Германией, обусловили настороженное отношение российского МВД к проекту. Царь, напротив, одобрил его, высказавшись весьма решительно: «Нам действительно надо сговориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им время разбить сначала Францию, а потом обратиться на нас. Надо исправить ошибки прошедшего и разгромить Германию при первой возможности», а «когда Германия распадется, Австрия уже ничего не посмеет»¹²⁰. Столь определенное мнение царя сформировалось, очевидно, под влиянием доклада военного министра, в котором были представлены извлечения из германских газет со статьями о боевой готовности России, о вероятности войны с ней, с разбором речи канцлера Каприви о дислокации русских войск в пограничных областях и проекта организации пограничной стражи на восточной границе Пруссии¹²¹.

Хотя Гирсу с большим трудом удалось убедить Александра III отложить окончательное решение до обсуждения проекта с Ванновским, царь все же склонялся к подписанию военной конвенции, выразив желание, чтобы вопрос обсудили специалисты. Но в МИД не спешили с переговорами. Моренгейм из Парижа также призывал сохранять как можно дольше свободу действий.

Ванновский, ознакомленный по приказу царя с условиями русско-французского Консультативного пакта только в конце мая 1892 года, согласился с дипломатами, что дальнейшие шаги в военной области должны быть сделаны очень осторожно. На Певческом мосту решили ответить на французский проект принципиальными обещаниями на словах, продолжая на деле придерживаться августовского соглашения 1891 года, считая его вполне достаточным с политической точки зрения¹²².

К этому времени Обручев составил записку о заключении военной конвенции с Францией¹²³. Одобрив в принципе предложенную французской стороной форму, что давало, в отличие от союзного договора, возможность не выносить соглашение на утверждение палат в парламенте и тем сохраняло его секретность, он настаивал на необходимости изменить ряд условий. Считая, что объявление мобилизации означает уже начало военных действий, он полагал необходимым установить заранее все решения дипломатии. Обстановка в Европе, по убеждению Обручева, делала маловероятной изолированную борьбу между двумя государствами, поэтому он предлагал обязательно обусловить одновременную

мобилизацию армий Франции и России случае нападения на них не Германии, как предлагали французы, а любой державы Тройственного союза. При этом за Россией сохранялась полная свобода в распределении своих войск для нанесения решительного удара армиям Тройственного союза. Намеченные Обручевым изменения направляли проект и против Австро-Венгрии. Записка Обручева по приказу царя была передана 31 мая (12 июня) Гирсу: царь хотел знать его мнение.

В тот же день Гирс в письме Ванновскому указал на несвоевременность и невыгодность для России предлагаемых мер¹²⁴. В новой докладной записке царю он определил как достаточные уже имеющиеся политические обязательства перед Францией, которые не нуждаются в дополнении их военной конвенцией. 14(26) июня записка возвратилась с пометой царя: «Совершенно разделяю ваше мнение». Таким образом, Гирсу еще раз удалось убедить Александра III не торопиться¹²⁵.

Но очень торопились во Франции: прибывший на осенние маневры русской армии Буадефр привез текст конвенции, и военные начали обсуждать его¹²⁶. Все споры шли вокруг основного положения: Франция стремилась заручиться поддержкой на случай войны с Германией, Россия — с любой державой Тройственного союза. Буадефр, постоянно передававший отчеты о ходе переговоров правительству, наконец получил инструкцию пойти на уступку¹²⁷. Царь вновь запросил мнение Гирса, который в записке 2(14) августа выразил твердое убеждение в преждевременности заключения конвенции.

На этот раз царь не согласился с возражениями Гирса¹²⁸. Такая позиция объяснялась, очевидно, воздействием на царя всеподданнейших докладов Ванновского и информации от военного агента в Берлине полковника А. Бутакова о новых ассигнованиях на военные нужды и внесении в рейхстаг законопроекта об увеличении численности германской армии¹²⁹.

Обручеву удалось убедить Гирса в том, что принятие в принципе проекта военной конвенции при сохранении абсолютной тайны политически не скомпрометирует Россию¹³⁰. Гирс в очередной докладной записке царю 7(19) августа настоял на лишь принципиальном одобрении именно проекта конвенции при условии дальнейшего изучения статей соглашения. 5(17) августа 1892 года в таком виде текст подписали Обручев и Буадефр, а затем его одобрил царь¹³¹.

Проект конвенции предусматривал военную помощь Франции со стороны России, если первая подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией. В свою очередь, Франция должна была оказать военную поддержку России в случае нападения на последнюю Германии или Австро-Венгрии, поддержанной Германией. При мобилизации войск Тройственного союза или одного из его участ-

ников Франция и Россия должны были немедленно мобилизовать все свои силы и продвинуть их как можно ближе к границам. Определялась численность действующих армий, которые договаривающиеся стороны выставляли против Германии (Франция — 1300 тыс. человек и Россия — от 700 до 800 тыс. человек), с тем чтобы той пришлось сражаться на два фронта — на востоке и на западе.

Принятие проекта с внесенными русской стороной изменениями было дипломатическим успехом России. Франция не получила возможности огласить конвенцию и уйти от обязательств в случае частичной мобилизации Австро-Венгрии на Балканах¹³².

Однако конвенцию еще предстояло ратифицировать. Осенью 1892 года Рибо и Фрейсине пытались побудить Гирса ускорить окончательное решение вопроса, но он уклонился от прямого ответа. 19(31) октября Рибо обратился к Гирсу с личным письмом, настаивая на оформлении конвенции. Ссылаясь на нездоровье, министр тянул с ответом.

Одновременно с русско-французскими переговорами о заключении военной конвенции продолжались и переговоры о торговом договоре с Германией. Враждебно относившиеся к договору прусские юнкера начали против него шумную кампанию, заглушавшую голоса сторонников соглашения среди промышленников. С другой стороны, русская торгово-промышленная буржуазия, получавшая весьма ограниченную информацию о ведущихся правительством переговорах, призывала учитывать прежде всего интересы отечественной промышленности при обсуждении условий договора.

С.Ю. Витте, сменивший в августе 1892 года на посту министра финансов Вышнеградского, взял более решительный курс на заключение договора. Убежденный и последовательный сторонник национальной торгово-промышленной политики, он положил в основу своей практической деятельности три принципиальных положения: покровительственный тариф, выгодные для государства торговые трактаты, соответствующий им строй железнодорожных тарифов. Такой характер политики нового министра находил полное одобрение царя.

Попавшие под непосредственный контроль министра переговоры с Германией шли теперь помимо МИД и посольства в Берлине. 20 октября на заседании Особого совещания Витте выдвинул идею установления двойного тарифа: «пониженного» (им объявлялся тариф 1891 г.) и «повышенного», ставки которого предстояло еще выработать, а затем применять к странам, отказавшим России в праве наиболее благоприятствуем ой нации. Опираясь на поддержку Александра III, Витте, несмотря на оппозицию проекту, добился его одобрения. Германская сторона просила не применять новый тариф до окончания переговоров, однако по-прежнему тянула с представлением перечня своих конкретных пред-

ложений. Переговоры вновь застопорились, а затем Германия выставила требования, принятие которых, по оценке Витте, было равносильно совершенной отмене покровительственного тарифа 1891 года. Однако из двух вариантов — прекращения переговоров или уступки в разумных пределах — министр выбрал второй, поскольку был убежден, что соглашение с Германией имело кроме экономического и первостепенное политическое значение. В министерстве финансов разработали встречные предложения по понижению ставок русского тарифа. Они были значительно умереннее испрашиваемых Германией, но не сообщались ей в полном объеме, чтобы обеспечить известный резерв для компромисса в ходе самих переговоров.

В ожидании германского ответа министерство разработало одобренный Государственным советом двойной тариф. 13(25) июня 1893 года был опубликован закон о его введении, а спустя две недели — сообщение о вступлении в действие на его основе торговой конвенции с Францией.

На полученный вскоре весьма уклончивый ответ германского правительства Петербург выдвинул новое предложение о временном договоре на основе права наиболее благоприятствуемой нации. Оно было отклонено. Понимая, что введение в действие максимального тарифа означает начало таможенной войны с Германией, в России все же решились на эту меру, чтобы заставить партнера ускорить переговоры и пойти на уступки. 20 июля (1 августа) закон о новом тарифе вступил в силу.

Таможенная война с Германией и ее меры по усилению военного потенциала заставили Петербург принять ряд важных решений. После одобрения 22 июля (3 августа) рейхстагом нового военного закона Александр III утвердил план военных мероприятий России на 1894–1898 годы¹³³. Почти одновременно с подписанием торговой конвенции с Францией был окончательно согласован срок больше года откладывавшегося ответного визита русской эскадры в Тулон.

В августе 1893 года французским генеральным штабом Гирсу была передана через Монтебелло записка о значении для Франции и России нового германского военного закона. Копию ее Гирс передал Банковскому, который присоединился к французскому взгляду на исключительно наступательный характер закона, вынуждавшего Россию, со своей стороны, принять меры военной предосторожности¹³⁴. Гирс считал, что никаких оснований для беспокойства не было, а действия германского правительства диктовались страхом перед соглашением между Россией и Францией. У Гирса, изначально стремившегося к тому, чтобы договоренности с Францией не носили слишком жесткого характера и оставляли возможность дипломатического маневра для поддержания неконфликтных отношений с Германией, были основания для беспокойства.

Экономическая политика правительств России и Германии вызывала критику в обеих странах. По мере разрастания таможенная война выявила во внутривнутриполитическом аспекте своеобразную общность интересов германской буржуазии и русских помещиков, с одной стороны, и русских промышленников и прусских юнкеров — с другой; во внешнеполитическом — грозила существенно обострить русско-германские политические отношения. Экономические и политические издержки вынуждали правящие верхи обеих империй искать компромиссное решение, чтобы торговая борьба не переросла в политическую. 3(15) октября 1893 года в Берлине наконец открылась конференция по выработке проекта торгового договора между Россией и Германией.

Действия русской делегации направлялись из Петербурга непосредственно Витте, опиравшимся на мнение специальной комиссии экспертов. При германской делегации работал совещательный орган, состоявший из более чем ста представителей от различных союзов торговцев и промышленников. Переговоры, принявшие затяжной характер, объяснявшийся глубиной противоречий между партнерами, завершились лишь в конце января 1894 года. 29 января (10 февраля) 1894 года договор о торговле и мореплавании между Россией и Германией был подписан.

Начало работы конференции практически совпало с прибытием русской военно-морской эскадры в Тулон. Визит, прошедший с грандиозным успехом, вызвал громкий резонанс в Европе. Хотя текст конвенции не стал в то время достоянием гласности, сам факт существования соглашения между Россией и Францией не вызывал у современников сомнений. В газетах выражение «политическое положение, созданное Кронштадтом — Тулоном» становится привычным при характеристике международного положения в Европе.

После визита колебания и сомнения в Петербурге были, видимо, в основном преодолены. В конце октября 1893 года Обручев сообщил Буадефру, что царь склоняется к утверждению проекта военной конвенции «без всякой огласки и каких-либо дополнений и формальностей». 7(19) декабря царю был представлен в виде докладной записки проект письма Гирса на имя Монтебелло, а через неделю его окончательный вариант получил одобрение Александра III. 15(27) декабря Гирс поставил подпись на документе, а ответное письмо посла 23 декабря 1893 г. (4 января 1894. г.) юридически оформляло русско-французский военно-политический союз¹³⁵.

Соотношение между дипломатическим соглашением и военной конвенцией, значение того и другого для России и Франции по-разному трактуются историками¹³⁶. В оценке соглашения как акта, отвечавшего интересам России, сходятся все, так же как и в том, что во Франции оно рассматривалось только как шаг на пути к военной конвен-

ции. В оценке конвенции взгляды расходятся. Так, английский историк А. Дж. Тейлор считал ее «большой победой французской интерпретации» отношений России и Франции. Если соглашение 1891 года было, по его мнению, антианглийской дипломатической антантой, то конвенция 1892 года потенциально направлена против Германии. «Второй вариант не вытеснял первого, они конкурировали в течение многих лет, причем каждая сторона действовала, исходя из собственного варианта и игнорируя чужой».

Американский историк У.А. Лэнджер и французский историк Л. Ренувен видят в конвенции компромисс между партнерами, Лэнджер, первым подметив существовавшее между I и II статьями конвенции противоречие (по статье II Франция должна была мобилизовать свои силы даже в случае мобилизации одной Австро-Венгрии, а по I — в случае нападения на Россию Австро-Венгрии, поддержанной Германией), утверждал, что измененная последовательность статей лишала компромисс большей части его смысла, поэтому русские и пошли на него. Ренувен же полагает, что несогласованность между I и II статьями не имела большого практического значения, так как в случае мобилизации Австро-Венгрии Германия тоже должна была мобилизовать свои силы, и тогда вступала в действие статья I конвенции.

Русский историк А.М. Зайончковский подчеркнул, что хотя, центральной фигурой Тройственного союза была Германия, ее значение для Франции и России было различным. Последняя «не имела оснований ожидать непосредственного столкновения с Германией, и таковое могло быть только последствием первоначальной вооруженной борьбы между ею и Австро-Венгрией». Он считал, что «соответствующей редакцией соглашения было достигнуто обеспечение интересов обоих союзников». На основании анализа развития планов войны в России с 1880 по 1902 год он пришел к выводу, что «обязательство России наступать на Германию не шло вразрез ни с существовавшей в то время идеей стратегического развертывания, ни с основной мыслью планов войны».

Немецкий историк П. Якобс — единственный, кто полагает, что в начале 90-х годов военная конвенция с Францией вообще не была нужна России, поскольку и без соглашения с республикой царская империя могла рассчитывать на ее поддержку в случае германской агрессии.

Американский политолог Дж. Кеннан вообще видит в заключении русско-французского союза «серию заблуждений, непониманий, ошибок, путаницы, которые сыграли трагическую и роковую роль в развитии западной цивилизации в последующие десятилетия».

Но дело заключалось в том, что основными противниками России в это время были Австро-Венгрия и Англия. Как справедливо отметил Тейлор, «соглашение могло стать взрывчатой смесью только в том слу-

чае, если бы главным соперником России на Ближнем Востоке стала Германия, а до тех пор должно было пройти еще двадцать лет». В начале 90-х годов Германия представляла для России угрозу потенциальную, как союзница Австро-Венгрии. Неслучайно изменение в русских планах войны произошло в 1887 году после того, как в России узнали содержание австро-германского союзного договора, и стало очевидным, что в случае русско-австрийской войны Германия не будет нейтральной. Как отметил А.М. Зайончковский, по плану 1887 года предполагалось держаться оборонительного образа действий против Германии и наступательного против Австро-Венгрии. Внесенные же в 1890 году частичные изменения в общий план предусматривали возможность наступательных действий и против Германии, и против Австро-Венгрии, что было связано не только с угрожающим ростом рельсовой сети в Германии в восточном направлении, но и с невозобновлением договора «перестраховки».

Однако в начале 90-х годов Россия воевать не собиралась, тем более с Германией. Напротив, русская дипломатия стремилась к налаживанию русско-германских отношений. Именно поэтому и старались так настойчиво уйти от конкретных обязательств и прямой направленности русско-французского союза против Германии. При этом важно подчеркнуть связь эволюции русско-германских отношений с процессом русско-французского сближения. По мере ухудшения первых в Петербурге все менее могли рассчитывать на поддержку Берлином внешнеполитических планов царизма. К тому же осложнения на Балканах или в Средней Азии могли привести к конфликту в первом случае с Австро-Венгрией и поддерживающей ее Германией, во втором — с Англией (вероятность столкновения с Британией показал англо-русский конфликт на Памире в начале 1892 г.). Невозможность в одиночку противостоять уже сложившейся враждебной группировке держав заставляла Петербург обращать свои взоры к Парижу — союз с Францией становился для России необходимостью.

Образование русско-французского союза диктовалось объективным ходом событий, и причины субъективные могли ускорить или замедлить этот процесс, не меняя его по сути. Заключение союза не было случайностью или ошибкой русского правительства. Не было оно и победой профранцузской группировки над прогерманской в правящих верхах России — сторонники ориентации на Германию в осуществлении внешнеполитических целей России сочли необходимым в новых условиях пойти на соглашение с Францией.

В 80–90-х годах XIX века царизм не располагал необходимыми средствами для того, чтобы силой оружия осуществить свои внешнеполитические притязания, концентрировавшиеся главным образом на Ближнем Востоке. В их реализации правящие верхи России не могли рассчиты-

вать и на действенную помощь Франции, так как интересы двух стран в этом регионе по ряду вопросов не только не совпадали, но и не имели тенденции к единству. Но это не помешало оформлению соглашения, поскольку главной задачей правящих верхов России было избежать политической изоляции и подготовиться к будущим активным действиям. И ее решению отвечал союз с Францией.

В каждой системе существует равновесная точка — порог, и даже незначительные изменения какой-либо характеристики системы, переход ее через эту точку приводят к качественной перестройке всего процесса и даже — к новой структуре. В системе международных отношений нового времени одной из таких точек стал 1871 год, когда появление в Европе нового, молодого, мощного государства — Германской империи — кардинально изменило расстановку сил в мире. Создание затем Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии определило подмеченную уже современниками тенденцию образования противовеса ему в лице объединенных России и Франции. Берлинский конгресс, а затем болгарский кризис показали, что не считаться с изменившимися международными реалиями Россия не может. Заключение русско-французского союза стало второй пороговой точкой в системе международных отношений 90-х годов XIX века. Восстановив на известный период равновесие сил в Европе, этот союз заложил основы новой системы — противостояния блоков держав — и позволил России и Франции перейти к мировой политике.

Глава VIII. Проблемы внешней политики России в общественной мысли страны

Поражение России в Крымской войне вызвало рост общественного движения. В русском обществе вызревали убеждения в несостоятельности внутренней и внешней политики Николая I, требование решительных перемен. Общество стремилось к широкому обсуждению вопросов государственной и общественной жизни, в том числе и внешней политики. В различных слоях российского населения возникали общественно-политические платформы и концепции, которые по мере развития событий и формирования политических течений из первых общих проектов превращались в программы, выдвигаемые отдельными идеологами и политическими деятелями.

Общественный подъем конца 50 — начала 60-х годов вызвал к жизни оппозиционные силы, правый и левый фланг которых составляли либеральное и революционно-демократическое течения, сложившиеся к этому времени как политические направления. Активная политическая борьба способствовала созданию организационных структур, политических организаций революционных демократов («Земля и воля», «Народная воля» и др.). Либералы по причине политической слабости русской буржуазии, аморфности позиций либерального течения организационно не оформились. В 50–60-х годах главными выразителями буржуазных начал были наиболее авторитетные деятели либерально-дворянской среды — Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин и др., с 70-х годов в либеральном течении усилилась роль разночинской интеллигенции.

Наиболее сплоченно выступал консервативный лагерь. Именно в нем были разработаны самые цельные внешнеполитические концепции. Опиравшийся на помещичье-буржуазные круги и имевший тесные связи с правящей элитой, этот лагерь пытался, и в ряде случаев успешно, воздействовать на правительство и корректировать его внешнеполитический курс.

В настоящей главе предпринята попытка рассмотреть внешнеполитические концепции наиболее известных представителей идейнополитических течений России. Важным источником для их изучения стала публицистика, которая для второй половины XIX века была основным выразителем мнения общества; публицистика, в свою очередь, воздей-

ствовала на общественное мнение, формируя его. Отечественные исторические на основании исследования прессы показали позицию общественности по ряду конкретных внешнеполитических событий (Берлинский конгресс 1878 г., болгарский кризис 1885–1886 гг., русско-французские отношения 80-х гг. и др.)¹. Материалы русской прессы использовались также в крупных монографических исследованиях по истории внешней политики России рассматриваемого периода². Общественное мнение по внешнеполитическим вопросам изучалось и зарубежными исследователями³.

В настоящей главе показаны отношение русского общества к принципиальным проблемам внешней политики всей второй половины XIX века, к основным ее направлениям, взгляды на роль и место России в международных делах.

1. Внешнеполитические концепции российского консерватизма

В российской общественной жизни 60–90-х годов консерватизм занимал сильные позиции. Как отмечал американский историк и социолог Р. Пайпс, во второй половине XIX века «консерватизм доминирует в политическом мышлении и практике России»⁴.

Одновременно главным направлением во внешнеполитической мысли с 70-х годов становится славянофильство, которое привнесло в нее черты консервативно-утопические. Славянофилы в это время уже прочно стояли на националистических позициях.

Славянофильское течение хотя и было численно небольшим, включая немногих консервативно настроенных представителей общественности — деятелей славянских комитетов, крупных чиновников, промышленников, профессуры (И.С. Аксаков, А.А. Киреев, Р.А. Фадеев, В.И. Ламанский, О.Ф. Миллер, Н.А. Попов, Ф.В. Чижов и др.), но мощным по влиянию. Правительство считало зачастую искусственно культивируемые в обществе славянские симпатии полезным инструментом для внешней политики, а в некоторых случаях им пользовалось. Глава славянофилов 60–80-х годов И.С. Аксаков отлично понимал это. 22 октября 1875 года он писал российскому консулу в Дубровнике А.С. Ионину: «Я держусь того мнения, что на политическую европейскую арену при настоящих обстоятельствах необходимо вывести русское общественное мнение и чувство. Европа не может с ним не считаться, и оно, полагаю, может быть полезно, и самому русскому правительству как точка опоры»⁵. (Речь шла об активной кампании, развернутой славянскими комитетами в поддержку национально-освободительного движения балканских славян.)

Представители консервативных кругов пропагандировали идеи сильной России, укрепления ее политического могущества. Это была в определенной степени реакция на обнаружившееся со всей очевидностью после Крымской войны отставание России от развитых стран Запада, ослабление международного престижа страны, уменьшение ее влияния в международных делах. Униженному положению России стремились противопоставить ее грядущую роль вершителя судеб Европы, а может быть, и мира. С этой целью использовалась идея славянской избранности, которая решала узловую для русской общественной мысли проблему «Восток–Запад» с точки зрения славянского культурного типа как носителя избранности.

Интерес к славянскому миру возрастал в России по мере ее продвижения по капиталистическому пути⁶. Как известно, славянофилы придавали преувеличенное значение славянскому миру и его единству, в основу которых они ставили «национальные свойства» славянских народов — миролюбие, отсутствие завоевательных и агрессивных начал, слабость сословной розни, коллективизм, наличие общинного землевладения⁷. Но главным звеном этой цепи было православие, трактовавшееся как высшая истина на земле и залог будущего человечества. Православие и община выражали, как считали славянофилы, духовное и материальное начала славянских народов и являлись признаками грядущей мессианской роли славян.

Во внешнеполитических воззрениях славянофилов после Крымской войны преобладал славянский вопрос, идеи славянского освобождения и единства. Как уже говорилось выше, с конца 50-х годов по инициативе славянофилов создаются благотворительные общественные организации — славянские комитеты, осуществлявшие широкую благотворительную деятельность в славянских землях. Конец 60-х годов, ознаменовавшийся подъемом национально-освободительного движения славянских народов, совпал с периодом активизации деятельности комитетов. Они оказывали энергичную поддержку борьбе славян против гнета османской и габсбургской монархий. Славянскому вопросу было придано широкое политическое звучание. В 1867 году в Москве состоялись этнографическая выставка и Славянский съезд, на которых присутствовали представители большинства славянских земель. Эти мероприятия стали демонстрацией славянского единства перед лицом Европы.

Важным пунктом внешнеполитической программы славянофилов было требование национального освобождения славянских народов, находящихся в составе Османской империи и Австро-Венгрии. Будучи поборниками идеи национальной государственности, славянофилы выступали за создание на Балканах национальных государств и за активное участие России в этом процессе.

Как и в дореформенное время, теоретической основой славянофильства являлось антагонистическое противопоставление Востока и Запада. Главой Востока (т. е. славянского мира) являлась Россия, историческим призванием которой провозглашалось освобождение и объединение славянства.

И.С. Аксаков полагал, например, что Россия, чтобы выполнить свою миссию, должна окончательно сформировать территорию и расширить границы, она еще не достигла своих естественных границ, предопределенных ей «ее историческим бытием». На юге — это черноморские проливы, «южная стена нашего русского государственного дома»⁸, в Средней Азии, полагал Аксаков, следует достичь территории Афганистана и занять Мерв. Только тогда можно «заставить Англию стать податливее к нашим законным правам и требованиям» на Черном море и на Балканах⁹ (Аксаков также отмечал и экономические интересы России в Средней Азии, которая являлась для нее «единственным рынком»). На западе, по мнению Аксакова, в состав России следовало включить Галицию и Угорскую Русь. Он был убежден, что осуществление данной программы не нарушит ничьих законных прав, ибо она не носит агрессивного характера. Российская внешняя политика в глазах славянофилов была основана на «высоких нравственных началах» и лишена «корысти и властолюбия», она отвечала требованиям «высшей нравственной правды и интересам местного населения»¹⁰. К.Н. Леонтьев также заявлял, что интересы России «носят какой-то нравственный характер поддержки слабейшего, угнетенного»¹¹. Это убеждение основывалось на наличии освободительных задач политики в некоторых регионах (на Балканах, в частности), но считать нравственность принципиальной чертой российской внешней политики в целом, конечно, не было оснований.

Славянофилы выступали за проведение «национальной» внешней политики, по существу буржуазной, противопоставляя ее «дворянско-династической». В понятие «национальных» интересов (отождествлявшихся с «государственными») они вкладывали наличие не только политических, но и нравственных задач. «Национальные» интересы России славянофилы видели в утверждении ее влияния на Балканах и противодействии английскому и австрийскому проникновению в этот регион. Так, важнейшей задачей России И.С. Аксаков считал «содействие славянскому тяготению» и избавление славянских народов «от возможности немецкого духовного порабощения»¹². Он подчеркивал, что только с помощью славянских народов Россия может занять подобающее ей место в мире.

России была уготована роль не только освободительницы, но и объединяющего центра славянства. В славянофильских кругах существовали разные представления о характере объединительной роли Рос-

сии. Сторонники политического объединения славян вокруг России (Р.А. Фадеев, А.А. Киреев и др.) считали, что оно устранив опасность зависимости их от Запада и явится залогом успешного противостояния Тройственному союзу¹³. Другие, как, например, И.С. Аксаков, вели речь лишь о конфедеративном объединении славянских земель, скрепленном духовным единством. «Объединение всех славян в одно политическое тело даже и в мечтах никому не представлялось»¹⁴, — писал Аксаков. Духовное же единство славян основывалось на православии, народности, культурных традициях. Со страниц аксаковских изданий («День», «Москва», «Русь») раздавались призывы к «политике сердца», а не расчета, принципам христианской морали, идеям национально-культурного возрождения, требования не только освободить славян, но и дать им возможность развить свою национальную культуру, сохранить свой национальный облик. Нравственно-культурные задачи славянофилы ставили выше социально-экономических проблем, которые, «к несчастью, начинают заслонять собой все остальное»¹⁵. Говоря о «духовном» влиянии России на славян, Аксаков отвергал все обвинения в панславизме*, который мыслился им как сознание духовной славянской общности, а не как политическая доктрина¹⁶.

По мысли славянофилов, освобожденные славянские земли должны были быть монархиями, основанными на началах самодержавия и «народности». Сильная верховная власть в сочетании с местным самоуправлением и опорой на православную церковь — таков был их идеал и для России. Либеральные деятели в этом вопросе шли гораздо дальше, предусматривая на Балканах создание независимых буржуазных республик¹⁷.

Сознавая разобщенность славян, славянофилы пропагандировали православие как цементирующую, связующую силу для славянского мира. Одновременно они не придавали должного значения таким разделяющим славян факторам, как различные социально-экономические условия жизни народов; разнообразие в политическом устройстве, династическое соперничество правителей. Их опасения вызывали процессы европеизации в среде славян, уже затронувшие буржуазные и интеллигентские круги. Именно эти слои населения настороженно относились к царской России и в своих политических симпатиях ориентировались, на Европу. Поэтому российские славянофилы призывали правительство делать ставку на народные массы славянских земель, сохранявшие симпатии к России¹⁸.

* Панславизм — идеологическая доктрина, провозглашающая политическое, культурное, духовное объединение славянских народов. В общественном мнении России и Запада традиционно понимался как стремление к политическому объединению славянских земель под главенством России.

Славянофилы видели слабость экономических позиций России на Балканах и поэтому делали акцент на необходимости «нравственного завоевания» славян. Отсюда их активная деятельность в помощь православным, а иногда даже и католическим церквям и школам, их связи со славянскими деятелями науки и культуры. Представления славянофилов о том, что для сохранения влияния России на славянские народы достаточно этнического родства, языковой близости, общности религии и культуры, основывались на идее славянской взаимности. Однако при этом не всегда учитывалось, что национально-освободительное движение славян имеет буржуазную природу, в силу чего взоры борцов неизменно обращались к прогрессивному опыту буржуазных европейских государств.

Славянский вопрос определял позицию славянофилов и в других проблемах внешней политики России. Они резко выступали против сближения с Пруссией и Австрией в 60-е годы, а затем против Союза трех императоров. В последнем они видели возрождение Священного союза, направленного, по их мнению, против славянских народов. В 1864 году Аксаков писал: «Австрия есть злейший враг освобождения славян даже из-под турецкого ига... Насколько мы сблизимся с Австрией, настолько мы отдалимся от естественных и единственных наших союзников — славян»¹⁹. Франция и Англия также не могли являться союзниками России, полагал Аксаков, в силу своей враждебности к ее балканской политике. «Россия всегда будет не своя Западу»²⁰, — заявлял он. Отсюда вытекало требование славянофилов проводить самостоятельную внешнюю политику, не вмешиваться в европейские дела.

Приход к власти Александра III оживил надежды славянофилов на перемену курса внешней политики, усиление в ней «национальных» начал. Часть программы славянофилов была реализована — на Балканах возник ряд независимых государств. На первый план выдвигается задача усиления в регионе российских позиций и ослабления австрийского влияния. Рупором славянофилов стала аксаковская газета «Русь», где резко критиковался союз России с Германией и Австро-Венгрией. По мнению Аксакова, России в нем принадлежала роль жертвы. Если раньше объектом славянофильской критики была главным образом Австрия, то теперь усиливаются нападки на Германию, которая направляла, как указывала «Русь», австрийскую политику на Балканах, активизировалась в Турции, вооружая турецкий флот. В ответ на это Аксаков требовал придания наступательного характера российской политике в этом регионе. Он настаивал на объявлении Балканского полуострова зоной русских интересов, что неминуемо привело бы к конфронтации с Австро-Венгрией. Однако Аксаков не верил в возможность войны. Он писал 15 февраля 1882 года обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву:

«Я убежден, что пугливость — самый коварный советник, что излишним смирением мы не отвращаем войны, а только соблазняем, искушаем наших противников объявить нам войну... И будь уверен, что глухое рычание зверя, напоминающее о том, что он жив и не так уж болен, заставит скорее считаться с ним, чем предположение, что он совсем издох»²¹. В ответ на нападки либеральной прессы, обвинявшей Аксакова в стремлении развязать войну, он отвечал, что войны не желает, но призывает только не бояться ее. Однако предлагаемая им политика в случае ее реализации объективно могла бы привести к военному конфликту с Германией и Австро-Венгрией, к чему Россия не была готова ни в военном, ни в финансовом отношении. Надежды же публициста на союзников-славян были утопичны: в 80-е годы правящие круги славянских государств уже ориентировались на Запад и не вдохновлялись идеей славянского единства.

Многие положения славянофильской внешнеполитической программы были восприняты философом и публицистом Н.Я. Данилевским, книга которого «Россия и Европа» была опубликована в 1869 году. Данилевский являлся одним из родоначальников консервативного утопизма. Рассматривая исторический процесс как последовательную смену цивилизаций, каждая из которых определяется культурно-историческим типом какого-либо народа, Данилевский полагал, что теперь на смену германо-романскому миру идет мир славянский, представляющий собой высший тип развития человечества и долженствующий духовно оживить одряхлевшую Европу. Внутренняя крепость этого типа обеспечивалась, по мысли философа, в экономическом плане наличием общины, в политическом — самодержавием, в духовном — православием. Отсюда делался далеко идущий политический вывод о необходимости объединения славянского мира вокруг России для грядущей борьбы с Европой. С помощью своих политических союзников — славян — Россия могла решить внешнеполитические задачи: освобождение всех славянских и греческих земель и вытеснение с Балкан Турции и Австро-Венгрии; присоединение к России всех населенных русскими территорий, включая Галицию и Угорскую Русь; преобладание России на Черном море и в проливах, свободный проход через которые получают только русские суда; подрыв могущества Англии²².

Хотя эта программа и носила славянофильские черты, но ее методы достижения целей отличались от методов славянофильских программ. Данилевский отрицал нравственные критерии в международной политике, заявляя о приоритете национальных интересов над общечеловеческими ценностями. В международных отношениях, заявлял он, должны господствовать эгоизм и утилитаризм, принцип выгоды, Россия должна придерживаться политики «русско-славянского эгоизма»; добиться

полного освобождения славян и создания Всеславянской федерации с центром в Константинополе можно только с помощью полной свободы действий и отказа от всех связывающих Россию союзов.

Националистические в своей основе идеи Данилевского были подвергнуты резкой критике со стороны либеральных и демократических кругов, но получили поддержку консервативной части общества. Большинство славянофилов оказалось в числе его сторонников²³.

Под влиянием «прозападной» ориентации славян, ставшей очевидной после создания в 1878 году независимых славянских государств на Балканах, были внесены определенные коррективы в политические построения славянофильских и других консервативных идеологов.

Последователь Данилевского, К.Н. Леонтьев уже сомневался в единстве и крепости славянского мира. Более десяти лет пробыв консулом на Балканах, он во многом опирался на свои наблюдения и опыт. В своей книге «Восток, Россия и славянство» Леонтьев в какой-то мере отталкивался от идей Данилевского, но, с другой стороны, она содержала и оригинальные авторские мысли. Как известно, А. Толстой ставил К.Н. Леонтьева выше всех других русских философов. Предполагают, что Ф.М. Достоевский писал с него и Ивана Карамазова, и Великого инквизитора.

Взгляды Леонтьева не оставались неизменными. В 60-х годах приверженец славянофильства, в 80-х он становится противником идеи тесного славянского единства, «политического панславизма», как он говорил, и даже славянского освобождения. Не последнюю роль в этом сыграли процессы, совершавшиеся в молодых славянских государствах, все более крепнувшая их ориентация на Запад.

Краеугольным камнем консервативных утопических взглядов Леонтьева являлась идея о трех ступенях развития каждой нации — молодости, зрелости и старости. Назначение России, находящейся, по его мнению, в стадии молодости, философ видел в том, чтобы «положить предел» одряхлевшему Западу. Подобно Данилевскому, он развивал мысль о противостоянии России как носительницы созидательных идей — самодержавности, православия, добра и т. д. — погрязшему в анархии и революциях Западу²⁴. Он считал: чтобы спастись от анархии и капитализма, Россия должна изолироваться от Запада и принять меры к сохранению своей самобытности и национальной исключительности. Во внутривнутриполитическом плане Леонтьев мыслил это как развитие византийских начал, то есть самодержавия и православия, а во внешнеполитическом — как создание оборонительного союза славянских государств во главе с Россией. Этот союз должен был представлять собой не федерацию, а конфедерацию государств под гегемонией России. Леонтьев полагал эту форму союза более предпочтительной, учитывая то, что

балканские славяне не жаждут ввести у себя самодержавную форму правления и вообще уже «заражены» западным парламентаризмом.

Леонтьев опасался, что тесные связи со славянами приведут к распространению «революционной заразы» в России, а поэтому сожалел даже о том, что Россия помогла созданию независимых государств на Балканах. Лучше было бы «постепенное, осторожное развитие греков и югославян под владычеством султана, сохранение добрых отношений с турками и более или менее со всеми восточными христианами на случай какой-нибудь западной грозы»²⁵, — писал он.

Безусловно, формула организации славянского мира — «союз государств, а не союзное государство» — больше отвечала интересам балканских народов, но в программе Леонтьева отсутствовало указание на реальные основы этого союза (он называл только православие и боязнь германизации).

Внешнеполитическая программа Леонтьева, вытекавшая из его философско-социологических построений, оказалась нежизненной. Задачу России он видел в утверждении на землях бывшей Византии и в Константинополе, для чего считал нужным начать войну с Австрией, Англией и Турцией. Византия же должна была стать не частью России, а самостоятельным государством, отданным в личное пользование русскому императору. Созданный таким образом славяно-греческий мир, основанный на византийских политических, идеологических и культурных началах, должен был, по мысли Леонтьева, «освежить» Россию, избавить ее от демократических «предрассудков»²⁶.

В войне за Константинополь Леонтьев рассчитывал на поддержку Германии, предлагая отдать ей северо-западные регионы России, в том числе Прибалтику. Союз же с Францией был, по его мнению, невыгоден для России. Завоевание Константинополя и создание нового культурно-государственного образования должно было стать, по мысли философа, лишь началом образования славяно-азиатской цивилизации, которая придет на смену Западу. В дальнейшем предстояла война с Германией, завершавшаяся победой России в силу фатального предначертания: потому что «Восточно-славянскому союзу нужно быть, потому что ему предназначено создаться, и Германия об эту идею разобьется точно так же, как разбились Австрия и Франция об единство Италии и Германии»²⁷.

Фантастические проекты Леонтьева, апология византизма, крайний консерватизм, проповедь изоляции России, протест против буржуазного прогресса с его идеалом «среднего европейца» — все это обусловило неприятие теорий философа в русском обществе. Как писал позже П.Н. Милюков, даже «последователи Данилевского с отвращением отшатнулись от выводов этого нигилиста славянофильства и теоретика реакции»²⁸.

Большое влияние славянофильские концепции оказали на Ф.М. Достоевского. В 70-х годах в еженедельнике «Гражданин», а затем в «Дневнике писателя» он выступал с популяризацией идеи самобытности России, «отличности» ее от Запада. Великий писатель был убежден в том, что Россия должна быть главой славянского мира и что ей принадлежит «будущность Европы»²⁹.

События восточного кризиса 70-х годов, движение сочувствия славянам в России Достоевский воспринял как начало реализации идеи всеединения славян. Он полагал, что возрождаемому с помощью России славянскому миру следует «принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации»³⁰.

Задачи балканской политики России Достоевский понимал своеобразно. С одной стороны, он требовал бескорыстия в деле освобождения славян, ибо своекорыстные интересы несовместимы с великой идеей, которой должна служить Россия. С другой — писатель считал, что «Константинополь, рано ли, поздно ли, должен быть наш»³¹. Видя в Константинополе символ православия, Достоевский был убежден, что Россия имеет на него право как великая православная держава, центр славянства.

Самым активным представителем российской консервативной политической мысли был М.Н. Катков, редактор популярных изданий — газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник». Талантливый публицист, он прошел сложный путь. Подобно многим публицистам того времени, Катков, начинавший в 40–50-х годах как либерал, впоследствии примкнул к консерваторам и к реакционерам. Окончив Московский университет, Катков общался со многими прогрессивными деятелями 40-х годов — В.Г. Белинским, который ввел его в журналистику, М.А. Бакуниным, А.И. Герценом. В своих изданиях он первоначально пытался соединить «охранительную» идеологию с элементами либерализма. Окончательно реакционный характер взглядов Каткова выявился в период польского восстания 1863 года, когда он решительно отверг какое-либо расширение прав поляков и потребовал активного подавления восстания, утверждая, что существование русского народа и России как великой державы связано с удержанием Польши в ее составе³².

Введение в Польше диктатуры Катков обосновывал необходимостью показать европейским державам твердую решимость России бороться за Польшу. Принцип действий с позиции силы с этого времени прочно входит в арсенал политической программы Каткова.

Выступления Каткова по вопросам внутренней и внешней политики вскоре приобрели всероссийскую известность. Его газета «Московские ведомости» была весьма информированным и влиятельным органом, пользовалась широкой популярностью в обществе. Газету внимательно

читали во дворце. Катков не только выражал мнение буржуазно-помещичьих кругов, но в определенной степени и формировал его, подготавливая те или иные правительственные меры.

Главной идеей Каткова было сохранение и упрочение самодержавной власти, которую он считал необходимой для России. Катков был противником компромиссов и колебаний в политике, признавая только путь решительных действий. Это делало его правее той власти, которую он защищал и которая пыталась иногда избегать крайностей и волюнтаризма.

Активные выступления Каткова по вопросам внешней политики приходится на конец 70-х — 80-е годы, хотя его внешнеполитические симпатии определились еще в предыдущее десятилетие. На рубеже 70–80-х годов он уделял большое внимание славянскому вопросу и полагал, что Россия должна быть покровительницей независимых и автономных государств на Балканах, которые создадутся там после распада Османской и Габсбургской держав.

Еще в 60-е годы Катков был обеспокоен усилением Пруссии в Европе, а создание Германской империи увеличило его неприязнь к ней как к потенциальному противнику России. Однако еще большей была его нелюбовь к Англии, которую он считал главным врагом России. Это заставляло Каткова временно примириться с Союзом трех императоров и русско-германским сближением в начале 80-х годов.

Окончательно внешнеполитические взгляды Каткова сформировались после Берлинского конгресса 1878 года, показавшего, по его мнению, неспособность правительства в полной мере воспользоваться результатами войны.

Вслед за славянофилами Катков провозгласил лозунг «национальной» внешней политики и противопоставлял ее «династической» и «кабинетной» политике Горчакова и Гирса. В основе «национальной» политики, считал он, должны лежать принципы самодержавия, народности и православия. Катков неоднократно подчеркивал, что «сущность дипломатической деятельности есть в России выражение воли монарха»³³. За неудачи и просчеты внешней политики он возлагал ответственность на министров и дипломатов, в первую очередь на Н.К. Гирса.

С лозунгом «национальной» внешней политики в 70–80-х годах выступали различные политические деятели и группировки, но каждый вкладывал в него свое понимание. По Каткову, выражавшему мнение значительной части консерваторов, национальный характер внешней политике придавали активность и самостоятельность действий России на международной арене, преследование только собственных интересов, действия с позиции силы, что требовало отказа от союзов, связывающих Россию. Таким союзом Катков считал Союз трех императоров.

В 1881 году он выступал против него, утверждая, что Россия не нуждается ни в каком союзе и должна сохранить свободу действий³⁴. В это же время он отвергал и союз с Францией, который может привести Россию к войне с Германией³⁵. Однако Катков впоследствии изменил свое мнение в этом вопросе.

Основной задачей балканской политики России Катков считал обладание Константинополем и проливами, что позволило бы прочно обезопасить Черноморское побережье и «призвать к жизни и деятельности спящие силы Южного края»³⁶. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов он выступал за занятие проливов³⁷, но Берлинский конгресс показал несбыточность этих надежд, и Катков солидаризировался с правительственным курсом, направленным на укрепление влияния России в освобожденных славянских землях. Однако требование обладания проливами постоянно звучало в его изданиях.

Публицист полагал, что Россия должна сохранить политическое и моральное влияние в славянских странах. Речь шла о покровительстве, то есть о завуалированном преобладании на Балканах. Понимая шаткость экономической основы русского влияния, Катков, подобно славянофилам, уповал на духовные факторы (православие). Он выступал в поддержку консервативных сил в балканских странах и поздно осознал их проавстрийские устремления. Либеральные же силы поначалу вызывали его решительное неприятие, и только после Болгаро-сербской войны 1885 года, когда высветились русофобские настроения сербских и болгарских консерваторов, Катков изменил свое отношение к радикальным и либеральным партиям на Балканах, видя в них теперь возможную опору русского влияния³⁸. Во имя интересов России он готов был мириться и с французскими радикалами, что свидетельствовало об определенной гибкости его взглядов.

Основного соперника России на Балканах Катков видел в Англии, считая, что именно эта держава стоит на пути к овладению проливами и Константинополем. Это мнение разделялось и другими деятелями консервативного лагеря (Н.Я. Данилевским, Н.П. Игнатьевым) и не было лишено оснований. Среди российских консерваторов была распространена идея войны с Англией, особенно весной 1878 года, когда основы Сан-Стефанского мира должны были подвергнуться пересмотру по требованию Англии и Австро-Венгрии. Предполагалось, что блокада русским флотом английских портов отрежет Англию от ее колоний, прекратив снабжение ее сырьем и продовольствием³⁹. План этот совершенно не учитывал слабость не только русского флота, которому не по силам были подобные задачи, но и разоренной войной экономики страны, истощенных финансов. Наконец, он не принимал во внимание внутреннюю нестабильность России. Кроме того, игнорировалась большая

вероятность того, что Австро-Венгрия могла бы поддержать Англию, открыв военные действия на юго-западной границе России. Неслучайно российский генштаб, разрабатывавший весной 1878 года план возможной войны, главным военным противником считал именно Австро-Венгрию. Соображения Каткова, таким образом, носили налет авантюризма. Подобной же безответственностью грешило и предложение его начать войну с Германией в 1886 году, в разгар болгарского кризиса. Мощнейшая военная держава Европы в глазах Каткова не могла тягаться с Россией и должна была, как он считал, потерпеть поражение. Уверенность Каткова в силе России основывалась на одном факторе — количественном составе русской армии, им не принимались в расчет ни отсталая в сравнении с германской российская военная техника, ни состояние финансов и экономики страны.

Однако программа Каткова не была статичной, она изменялась в зависимости от международной обстановки. Если в 70 — начале 80-х годов он еще «терпел» союз с Германией и Австро-Венгрией как противовес Англии, то с середины 80-х годов начал резко выступать против Германии, видя в ней теперь главную угрозу России. Катков активно ратовал за заключение русско-французского союза.

С конца 70-х годов внутри господствующих классов России нарастала оппозиция внешнеполитическому курсу правительства, ориентированного на союз с Германией и Австро-Венгрией. Вывоз русского хлеба в Германию отвечал интересам помещиков, но ввоз из Германии промышленных изделий, угля и металла бил по карману крупных промышленников, требовавших усиления протекционистской политики. Катков был связан с этими кругами буржуазии. Его яростные выступления против прогерманского курса внешней политики Гирса преследовали в том числе цель побудить правительство увеличить пошлины на германские промышленные товары⁴⁰. Как свидетельствовал Гирс, кампания в прессе против Германии объяснялась тем, что Катков был «лично заинтересован в предприятиях и спекуляциях ультрапротекционистских промышленников, которые сердиты на Германию за то, что она не хочет согласиться с дальнейшим повышением наших пошлин на железо и уголь»⁴¹. Однако помимо личных мотивов Катковым двигало, безусловно, желание обеспечить развитие крупной промышленности в России, ибо экономическое отставание страны от европейских держав становилось все более очевидным.

В период «военной тревоги» 1887 года Катков уже активно поддерживал идею заключения союза с Францией. Еще осенью 1886 года по его заданию его агентом Ционом во Франции была развернута кампания в пользу русско-французского сближения. Катков требовал от правительства защиты Франции от возможной германской агрессии и отказа

от союзного договора с Австро-Венгрией и Германией, срок которого истек в 1887 году. В этом духе он подал ряд записок Александру III.

Позиция значительных кругов российского общества, настроенных в защиту Франции, оказала определенное влияние на правительство, которое постаралось умерить воинственный пыл Бисмарка, посчитавшись на этот раз с общественным мнением. По свидетельству В.Н. Ламздорфа, Александр III заявил: «Если потеряется доверие общественного мнения во внешнюю политику, тогда все пропало»⁴².

Александр III осознавал значение прессы и ее влияние внутри и вне страны. За рубежом критика внешней политики российского правительства в прессе рассматривалась как свидетельство слабости самодержавия и концентрации панславистских и шовинистских сил, стремящихся заставить царя проводить политику «свободных рук»⁴³.

Первоначально царь одобрял профранцузскую агитацию Каткова, но нападки последнего на союз монархов и действия Министерства иностранных дел вскоре стали раздражать Александра III. Он не принимал также попыток Каткова противопоставить волю монарха «неправильной» политике МИД. В марте 1887 года «Московские ведомости» получили предостережение за критическую статью в адрес Союза трех императоров. Позиция властей в отношении консервативной прессы была противоречивой. Правительство понимало, что критика его внешней политики подрывает авторитет самодержавия, а подчас и ставит Петербург в неловкое положение. Но эта критика дозволялась, ссориться с влиятельным Катковым царь опасался. Катков выражал те взгляды, намерения и тенденции, которые были присущи и самим правящим кругам, не имеющим возможности их реализовать.

Выступления Каткова, являвшегося идеологом так называемого «московского» национализма (именуемого так в отличие от национализма петербургских правительственных кругов), безусловно, оказывали определенное влияние на политику правительства, ускоряя, в частности, русско-французское сближение. Однако правительство придерживалось осторожного курса, избегая внешнеполитических осложнений. А такие требования Каткова, как военная оккупация Болгарии, немедленный разрыв союза с Германией и Австро-Венгрией и др., в случае их реализации неминуемо вели бы к возникновению кризисных ситуаций. Поэтому большинство выступлений Каткова не приносило тех результатов, которых он бы желал.

Тем не менее можно говорить о новых тенденциях, олицетворяемых Катковым и связанными с развитием пореформенной России. В его позиции отчетливо выразилось стремление укрепить авторитет самодержавия, привлекая на его сторону новую социальную силу — крупную буржуазию, интересы которой отстаивал публицист. Именно таковыми были его выступ-

ления за усиление протекционизма, увеличение таможенных тарифов, его планов освоения среднеазиатских и дальневосточных территорий.

Будучи сторонником активного проникновения России в Среднюю Азию, Катков большое внимание уделял экономическому освоению этого региона. Он выступил с инициативой создания синдиката для торговли со Средней Азией, предлагал меры к ограничению ввоза английских товаров и др.⁴⁴ С целью активизации русской торговли через Среднюю Азию со странами Центральной Азии — Ираном и Афганистаном — Катков повел яростную кампанию за отмену транзита европейских товаров в эти страны через Кавказ, чего и добился в 1883 году.

Однако среднеазиатские проблемы для Каткова, как и для большинства других деятелей, не имели главенствующего значения. Приоритет им отдавался европейской политике. Среднеазиатские же дела могли, по его мнению, лишь играть вспомогательную роль в решении европейских внешнеполитических задач.

Еще менее интересовались консерваторы политикой России на Дальнем Востоке. Основные их требования сводились здесь к активизации действий страны в этом регионе, развитию производительных сил края, созданию тихоокеанского пароходства на базе военно-морского флота⁴⁵. В связи с экспансией западноевропейских держав на Дальнем Востоке Катков считал необходимым усилить российское присутствие в Корее: «Мы не можем допустить, чтобы Корея стала базой враждебных нам военных и торговых армий. Этому ключу от Японского моря уместнее всего быть в наших руках»⁴⁶, — писал он. Программу либералов по нейтрализации Кореи Катков отвергал.

Идеи Каткова разделялись практически всеми консервативными деятелями, за небольшим исключением. Их подхватывали и разносили по всей стране «Московские ведомости», «Современные известия», «Новое время», «Русь» и другие газеты, формируя соответствующие взгляды в обществе. Каткова поддерживали многие политические и военные деятели России, дипломаты — Д.А. Толстой, И.В. Гурко, Н.Н. Обручев, М.Д. Скобелев, Н.П. Игнатьев, С.С. Татищев и др. Прогерманская ориентация, по их мнению, являлась причиной внешнеполитических неудач России (Берлинский договор, провал русской политики в Болгарии и др.) и дискредитировала царизм как внутри, так и вне страны. Они были озабочены тем, как поддержать шатающееся здание самодержавия. Экономические интересы этих кругов, связанных с крупной буржуазией, сплетались с политическими и придавали «антигерманскому» направлению в рядах русских господствующих классов большое влияние. К голосу Каткова прислушивалась европейская печать, видя в нем рупор влиятельных общественных сил. Особое беспокойство выступления Каткова вызывали в Германии.

Сам Катков несколько преувеличил свою роль в вершении государственных дел. В феврале 1884 года он писал Александру III: «Я поднял знамя государственного единства России и русской национальной политики... Министры советовались со мною, генерал-губернаторы на важных постах поверяли мне свои предположения и затруднения, иностранные политики принуждены были считаться со мною. Мое имя стало равносильно политической программе»⁴⁷. Министры боялись Каткова, а Гирс скрывал от него многие дипломатические действия, дабы тот не разгласил их в печати с соответствующими комментариями. Готовя в 1887 году заключение так называемого «договора перестраховки», Гирс больше всего боялся, как бы об этом не узнал Катков. И только смерть всесильного публициста помешала ему выступить против этого акта.

Своеобразным последователем идей Каткова стал известный историк и дипломат С.С. Татищев, публиковавший свои внешнеполитические обзоры в «Русском вестнике» и других органах прессы. Внешнеполитическим взглядам Каткова он посвятил ряд работ⁴⁸.

Как и Катков, Татищев являлся противником союза России с Германией и Австро-Венгрией, считая, что он нацелен против российских интересов. Этот союз он образно сравнивал с «партией втроем», где «два игрока в тайной стачке против третьего»⁴⁹.

Для исторических и публицистических работ Татищева характерна антиавстрийская направленность. В Австро-Венгрии он видел основного соперника России на Балканах, главным же вдохновителем австрийской внешней политики считал Бисмарка. Даже Англия, по мнению Татищева, не представляла в 80–90-х годах серьезной угрозы для России. Определенные иллюзии Татищев питал в отношении английского премьера либерала У. Гладстона, приписывая ему дружеские чувства к России. Так, в 1885 году Татищев в письме к дипломату К.А. Губастову замечал: «Если австро-германский союз 1879 года не привел доселе к столкновению между германским и славянским миром, то единственно потому, что он совпал с переходом власти в Англии от ториев к вигам. Не будь Гладстона, давно кровавая драма разыгралась бы на Востоке. Всякое консервативное министерство в Лондоне пошло бы на сделку и с немцами, и с австрийцами, хотя бы из закоренелой вражды и ненависти к нам»⁵⁰.

Основной внешнеполитической задачей России Татищев считал противодействие австро-германской угрозе, а для этого следовало установить дружественные отношения с Лондоном и с его помощью «противостоять честолюбивым замыслам Австрии и Германии».

Подобно Каткову Татищев осознавал, что российский капитал не может конкурировать на Балканах с австрийским, завоевавшим там уже прочные экономические позиции. Путь укрепления российского влияния на полуострове был, по его мнению, иным — усиление духовных свя-

зей России со славянскими народами на основе православия, общности исторических судеб и традиций. Он полагал, что помощь России балканским народам в их национально-освободительной борьбе и создании национальной государственности должна была повести к включению молодых национальных государств в орбиту российского влияния. Они могут «помочь нам в борьбе и признать над собой нравственный авторитет России, подчинив ее руководству все свои вещественные силы»⁵¹. Со своей стороны, Россия покровительствовала бы им и ограждала от посягательств западных держав, способствуя сохранению их духовной и политической самобытности.

Татищев призывал к изгнанию турок из Европы, с тем чтобы сделать Россию обладательницей Константинополя и проливов⁵². Но для этого, по его мнению, не годилась «созерцательная» политика Гирса, ориентированная на согласие с Западом, ибо «все, что действительно может обеспечить интересы России на Востоке, никогда не будет допущено Европою, а все, что допустит Европа, всегда окажется недостаточным для обеспечения русских интересов»⁵³. В отличие от Каткова, требовавшего всего немедленно, Татищев как опытный дипломат понимал сложность задач и видел их решение в перспективе. Они могли быть реализованы только в случае распада Османской империи, а пока надо налаживать добрые отношения с балканскими странами, где в итоге проавстрийская ориентация сменится на пророссийскую. В этом Татищев был не так уж и не прав.

Он несколько скорректировал понятие «национальной» политики, обозначив ее как политику «реальных интересов» и призывая поступиться «великодушием и бескорыстием». Этот лейтмотив постоянно звучал в консервативной печати, безосновательно считавшей политику России в отношении балканских народов альтруистской.

Призывы Татищева к политике «реальных интересов» имели в виду реализм в политике, и это объясняет коррекцию оценок и рекомендаций в консервативной прессе конца 80 — начала 90-х годов. Катковские призывы действовать с позиции силы сменились советами не вмешиваться во внутренние дела балканских стран, опираться там на либеральные и даже радикальные партии, поскольку они находились в оппозиции проводившим проавстрийскую политику правящим режимам. «Русский вестник» констатировал, что опека над балканскими странами ничего не даст России и что следует ориентироваться не на личные связи с правящими кругами, а на общность обоюдных «польз и нужд»⁵⁴. К этому выводу приходило и само правительство. Характерно изменение оценки Сан-Стефанского договора 1878 года, заключение которого в свое время консервативные круги приветствовали, видя в нем проявление «истинно национальной» внешней политики. Теперь же, в связи с 15-летием его

подписания, «Русский вестник» оценивал договор как акт увлечения, а не «плод зрелой мысли и бесстрастного политического расчета»⁵⁵.

Консервативные круги, за небольшим исключением, в начале 90-х годов продолжали выступать за союз с Францией. Татищев всемерно подчеркивал его оборонительный характер и рассчитывал на поддержку Франции в решении в интересах России восточного вопроса. Он писал: «Союз с Францией представляется нам единственным средством, чтобы держать в узде среднеевропейскую коалицию и, отвлекая ее внимание от Востока, приступить к проведению на Балканах самобытной русской политики»⁵⁶. В союзе с Францией Татищев видел ядро нового европейского блока, вокруг которого сплотились бы другие государства Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Балканские страны. Но эти надежды не оправдались.

Стремясь успокоить противников союза с Францией из-за ее республиканской формы правления, Татищев подчеркивал, что Франция давно потеряла «революционный дух», могущий поколебать устои самодержавия, и перестала быть очагом всемирной революции: «Французская республика в сознании политических нужд и польз страны тяготеет к русскому самодержавию, как никогда не тяготели ни монархия Бурбонов, ни империя Бонапартов»⁵⁷. Отрешение правительства от предвзятости в отношении республиканской формы правления во Франции Татищев приветствовал как доказательство политики «реальных интересов».

Основной целью консервативной внешнеполитической программы было укрепление самодержавного правления в России с помощью усиления его международного авторитета, восстановления былого внешнеполитического могущества. Этому служило идеологическое обоснование — идеи избранности и единства славянского мира.

Практика показала их утопичность. Но престижу России они нанесли немалый урон: Запад объявил панславизм официальной доктриной царизма, хотя последний всячески от этого откращивался. Западные политологи, особенно в Германии и Англии, умело обрабатывали общественное мнение своих стран, пугая его жупелом панславизма и утверждая, вопреки истине, что панславистские идеи разделяются широкими кругами русского общества. Даже Ф. Энгельс отмечал, что общественное мнение в России носит ярко выраженный панславистский характер⁵⁸, что, конечно, не соответствовало действительности.

В целом консервативный лагерь поддерживал политику правительства, осуществляя ее критику «справа». Разногласия касались не стратегии, а тактики. Курс на разрыв «монархического треугольника», за что ратовали консерваторы, был предопределен самой международной обстановкой 80-х годов, и если правительство медлило, то это было вызвано объективными причинами. Пойти на военный конфликт с союзни-

ками оно не могло, ибо это угрожало самому существованию самодержавия. Многие предложения консерваторов граничили с авантюризмом, и у правительства при всех его ошибках хватило здравого смысла не следовать им.

2. Идеи российского либерализма и либерального народничества

Во второй половине XIX века в России формируется и развивается либеральное направление общественной мысли и общественного движения. Общественный подъем рубежа 60-х годов явился катализатором развития российского либерализма, идеологии прогрессивной буржуазии. Основное звено его программы, обретшей более четкие формы к началу 80-х годов, заключалось в стремлении реформировать самодержавие в буржуазную монархию европейского типа⁵⁹.

Вследствие слабости буржуазии носителями идей либерализма выступали не капиталисты, а интеллигенция — университетская профессура, публицисты, земские деятели — представители так называемого образованного общества. Выразителями их взглядов стали органы печати либерального направления — журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник», газеты «С.-Петербургские ведомости», «Биржевая газета» и др. На страницах этих органов выступали талантливые публицисты и ученые В.А. Гольцев, М.И. Венюков, В.П. Даневский, А.А. Полонский, Ю.А. Россель, А.З. Слонимский, Е.И. Утин и др.

Либеральный лагерь не был однородным, в нем соседствовали умеренные и левые течения. Их представители высказывали как общие, так и различные оценки внешнеполитических событий.

Внешнеполитические концепции либералов имели много сходства со взглядами на внешнюю политику отдельных представителей либерального народничества, хотя социальная основа двух течений была различна. Большинство либеральных народников не интересовалось сферой внешней политики.

Программа умеренного либерализма впервые была опубликована на страницах «Вестника Европы» в 1882 году. Помимо аграрного вопроса она включала и ряд политических требований — свободы слова, совести, установления правопорядка, широкого развития культуры и народного образования, улучшения народного благосостояния. Либералы отстаивали идею тесной связи внутренней и внешней политики и выступали за подчинение последней задачам внутренних преобразований. Для буржуазных реформ был нужен мир, лозунгом либералов стал поэтому отказ от активной политики в Европе, стремление избегать вооруженных конфликтов. «Русская мысль», орган радикального либерализма, так опре-

деляла свои задачи во внешнеполитическом аспекте: «На обязанности публицистики лежит разъяснение тех вопросов, из-за которых ведутся международные споры. Печать должна указывать на опасность льющихся национальному тщеславию завоевательных планов, на положительную необходимость мира, нарушение которого неминуемо поведет к одичанию, не говоря уже о пролитой крови, о разорении»⁶⁰. В журнале регулярно выступал юрист-международник, профессор Московского университета А.А. Комаровский, который пропагандировал пацифистские взгляды, поиски путей ликвидации войн. Либералы уповали в этом плане на силу международного права, третейский суд и контроль общественного мнения за внешней политикой правительств.

Публицисты, связанные с «Вестником Европы», настойчиво подчеркивали ненужность для России новых территориальных захватов. Они поддерживали осторожную политику А.М. Горчакова и Н.К. Гирса, видели, как оба министра стремились избежать втягивания России в европейскую войну, и сопротивлялись воинственным требованиям «ура-патриотов» и шовинистов⁶¹.

Либералы не усматривали вообще повода для войн в мировых делах, считая, что развитие торговли и промышленности само по себе уже ведет к миру. Обозреватель «Вестника Европы» А.З. Слонимский писал: «Буржуазия и земледельцы повсюду стоят за прочный мир между великими европейскими народами»⁶². Он решительно возражал против распространенного мнения о борьбе за рынки как причине войн: «Правительство, которое бросало бы в войну народ для рынков, не заслуживало бы этого названия. Это была бы купеческая контора»⁶³. Суждения Слонимского, как и многих либералов, вытекали из убежденности в нравственной основе международных отношений. По их мнению, для России вообще проблемы рынков не существовало, так как она была сельскохозяйственной страной, поэтому ее внешняя политика должна была быть основана на мирных принципах.

Оригинальные взгляды в этой области высказывал известный либерально-народнический публицист С.Н. Южаков, считавший, что именно развитие капитализма ведет к усилению войн. Международную борьбу он расценивал как разновидность классовой борьбы, где развитые страны представляли собою капитал, а менее развитые — труд. Южаков утверждал, что наиболее агрессивной и эгоистической была внешняя политика развитых капиталистических стран: Англии, Франции, Германии. Россия же, будучи крестьянской и сельскохозяйственной страной, представляла в международных отношениях не капитал, а труд, поэтому ей были чужды агрессивные тенденции. В силу этого, полагал Южаков, России должна была принадлежать главная роль в борьбе за международную справедливость. В истории России он видел немало примеров «благо-

родной» и «справедливой» политики: освобождение в начале XIX века германских государств от наполеоновской агрессии, освобождение славян, защиту Франции от Германии и др. Именно России Южаков предназначал роль поборника и стража европейского равновесия. Публицист очень сожалел, что такая политика, выгодная в первую очередь самой России, проводится непоследовательно и поэтому нередко терпит неудачи.

Внешнеполитическая концепция Южакова с ее вульгарно-социологической основой включала и субъективно-идеалистическую модель мессианства, «избранности» России как спасительницы цивилизации и мира, что в немалой степени служило оправданием ее стремлений утвердиться на Балканах и в Средней Азии.

В отличие от консерваторов, противопоставлявших действия дипломатии «воле государя», либеральные публицисты подчеркивали, что дипломатия не самостоятельна в своих действиях и осуществляет программу верховной власти. Поэтому попытку возложить ответственность за все неудачи и просчеты внешней политики на дипломатов и обелить монархов они считали несостоятельной. А.З. Слонимский прямо указывал, что причина внешнеполитических поражений (например, в Болгарии) кроется в таких принципах внешней политики России, поддерживаемых самодержавием, как легитимизм, охранительство, вмешательство во внутренние дела балканских стран⁶⁴.

Либералы требовали проведения «национальной» внешней политики, но понимали под ней нечто иное, чем консерваторы. По их мнению, национальная политика «соответствует желаниям народа или является верным выражением реальных потребностей нации»⁶⁵. «Вестник Европы» определял «национальную» внешнюю политику как стабильный мирный курс, дружественные отношения с соседними странами, невмешательство в европейские дела, отказ от союзов с другими государствами, могущих втянуть Россию в войну, отказ от завоеваний. В принципе, в тех условиях это был наиболее целесообразный курс. Однако он не совсем соответствовал представлениям правящей элиты о международном престиже России и ее значении как великой державы.

Свое понимание «национальной» внешней политики выражал Южаков. По его мысли, внешняя политика должна была содействовать прогрессу (под которым он понимал главным образом нравственное усовершенствование общества и личности). Во главу угла Южаков ставил нравственные категории — добро, правду, благо, справедливость⁶⁶. Эти принципы он противопоставлял «реальным интересам» государства, то есть узкоэгоистическим его устремлениям. Он указывал на противоречие между эгоистическими интересами отдельного государства и интересами целого региона, отдавая предпочтение последним. Так, в Европе

«реальные интересы» отдельных стран должны были отступить перед общеевропейскими интересами. Основным методом достижения европейской солидарности Южаков считал «европейский концерт», согласие держав, хотя и соперничающих друг с другом, но могущих совместно противостоять агрессору, и в этом плане инстинкт самосохранения должен был, по мысли публициста, толкать государство к самоусовершенствованию, то есть к прогрессу, развитию экономики, культуры, просвещения.

Главной задачей внешней политики России Южаков считал поддержание «европейского равновесия», что требовало, по его мнению, противодействия агрессивным поползновениям Германии и Англии. Таким образом, теоретические рассуждения Южакова скрывали вполне земные интересы русской буржуазии, видящей в первую очередь в Англии противников проникновения России на Балканы и в Среднюю Азию.

Осуществление «национальной» внешней политики либералы связывали с конституционными преобразованиями в России, «Русская мысль» проводила, например, идею о подчинении дипломатии народному представительству и об отчетах дипломатов «перед народом»⁶⁷. Однако в 80–90-х годах многие либералы, учитывая западный опыт, уже понимали, что парламентаризм не дает гарантии действительного народовластия. Важнейшие международные вопросы решались не в парламентах. В этих условиях наиболее действенным представлялся контроль общественного мнения, сила которого в условиях России явно преувеличивалась либералами. «Вестник Европы», в частности, заявляя, что «общественное мнение играет очень большую роль в международных вопросах не только за границей, но и у нас»⁶⁸. Южаков отводил общественности важную роль борца со злом и насилием в международных отношениях⁶⁹.

Свои задачи либеральная пресса видела прежде всего в пропаганде взглядов, отличных от официального внешнеполитического курса, в предоставлении читателям объективной информации и ее анализа. Важной задачей либералы считали также борьбу с пропагандой славянофильских и панславистских взглядов. Либеральные деятели настойчиво подчеркивали, что Россия — европейская страна, тесно связанная с европейскими государствами, и что противопоставлять ее как главу славянского мира миру германо-романскому нельзя.

Именно с таких позиций либералы критиковали суждения И.С. Аксакова, Ф.М. Достоевского, О.А. Новиковой, А.А. Киреева, М.Н. Каткова, М.Д. Скобелева и др.

Особое внимание уделял «Вестник Европы» критике панславистской идеологии. В конце 70-х годов в нем появилась серия статей о панславизме известного литературоведа и публициста, бывшего соратника Н.Г. Чернышевского по «Современнику» (и его двоюродного брата)

А.Н. Пыпина. Пыпин научными аргументами пытался обосновать нерелевантность политического объединения славян, слишком разных по своему политическому и общественному строю, а также экономическому развитию. По его мнению, для славян наиболее приемлемой формой союза была бы славянская федерация на демократической основе, именно это предлагал еще Герцен. Пыпин утверждал принадлежность славян к европейскому миру и отстаивал для них не самобытный, а европейский путь развития. Он проводил важную мысль о том, что национальная идея, способствуя достижению национальной независимости, носит и негативные черты, главная из которых заключается в пренебрежении общечеловеческими принципами⁷⁰.

Впоследствии эту мысль развивал выдающийся русский философ В.С. Соловьёв, бывший постоянным автором «Вестника Европы». Испытывавший ранее сильное влияние славянофилов, он с 80-х годов все больше сближается с либералами и начинает критиковать славянофильские концепции.

В общественных отношениях Соловьёв считал главным духовное начало. По его мысли, они должны были строиться на принципах справедливости, взаимопомощи, любви и братства народов. Эти же критерии, полагал Соловьёв, следует положить в основу международных отношений. Концепция христианского государства, выдвинутая Соловьёвым, предполагала «устроение общественных отношений по христианскому идеалу»⁷¹. Христианское государство должно было вносить в международные отношения принципы христианской солидарности взамен национального соперничества и вражды, распространять христианскую культуру на «варварские дикие народы», помогать угнетенным. В христианском государстве недопустимы войны и завоевания, национальное угнетение, национальный эгоизм.

По мысли Соловьёва, именно христианское государство соответствовало лучшим чаяниям русского народа и именно Россия обладала возможностями стать таким идеальным образованием. Однако для этого ей самой необходимо было преодолеть «темное начало». Говоря о предсказании Ф.И. Тютчева, который в мечтах видел Россию всемирной христианской монархией со столицей в Царьграде, Соловьёв возражал: «Условие для исполнения ее всемирного призвания есть внутренняя победа добра над злом в ней, а Царьград и прочее может быть только следствием, а никак не условием желанного исхода. Пусть Россия, хотя бы без Царьграда, хотя бы в настоящих своих пределах станет христианским царством в полном смысле этого слова — царством правды и милости, и тогда все остальное, наверное, приложится»⁷².

Подобно многим другим философам, Соловьёв считал, что каждый народ является носителем определенной идеи. «Русская идея» — пред-

назначение русского народа — заключалась, по его мнению, в восставлении на земле свободы и справедливости. С этих морально-этических позиций он и критиковал внешнеполитические концепции консерваторов, призывы «добить издыхающую Османскую империю, а затем разрушить монархию Габсбургов, поместив на месте этих двух держав кучу маленьких независимых национальных королевств, которые только и ждут этого торжественного часа своего окончательного освобождения, чтобы броситься друг на друга»⁷³, Соловьёв считал, что если Россия будет одержима «слепым национализмом и необузданным обскурантизмом», то она не сможет разрешить Восточный вопрос, освободить и объединить славян, ибо такая политика не является нравственной.

Нравственность политики, по Соловьёву, состояла в отречении от национального эгоизма и служении интересам всего человечества.

В своих работах конца 80 — начала 90-х годов выдающийся русский философ утверждал, что национальная идея, нравственная по своей сути, не должна быть превращена в проповедь национального эгоизма и шовинизма. Нация составляет часть человечества, поэтому примат общечеловеческих ценностей перед национальными очевиден: «универсальное выше национального». С этих позиций Соловьёв выступал против теорий Данилевского и славянофилов, отрешившихся, по его мнению, от гуманизма и либерализма славянофильства 40-х годов⁷⁴.

Посвятив специальную работу национальному вопросу в России, Соловьёв уделил в ней внимание и внешнеполитическому аспекту проблемы, показав, что под лозунгами защиты национальных интересов, «культурного призвания», как правило, скрываются завоевательные тенденции, стремление к подавлению других наций. Философ утверждал, что эти устремления чужды русскому народу, идеалом которого является «святая Русь» — категория не политическая, а духовная, нравственно-религиозная, где главным мерилom выступает совесть⁷⁵. Он призывал к единению народов, разделенных по национальным и религиозным признакам, к примирению религий. Однако его призывы к «христианской политике» оказались несбыточными мечтаниями, далекими от реальной действительности.

Критику панславизма, начатую Пыпиным и Соловьёвым, продолжил в 90-х годах на страницах «Вестника Европы» известный философ и общественный деятель С.Н. Трубецкой. В связи с выходом в 1891 году книги К.Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство» он выступил с блестящим анализом взглядов этого оригинального автора⁷⁶.

Отметив, что Леонтьев является проповедником реакционной внутренней и внешней политики, Трубецкой осудил его видение всемирной роли России как борца против европейского прогресса и демократии. Россия, считал автор, могла достичь позитивных решений на междуна-

родной арене только как страна прогресса. Эту возможность она могла бы реализовать, если бы способствовала созданию на Балканах независимых демократических государств. Но, разрушив старое, она не смогла создать нового. Возражая Леонтьеву, Трубецкой заявлял: «Для объединения славян нужен демократизм, а не византизм»⁷⁷, что звучало обвинением не только в адрес панславистов и славянофилов, но и в адрес правительства.

К критике панславизма присоединился и Южаков. Однако для него было характерно стремление совсем сбросить со счетов национальный вопрос в политике, противопоставив ему «европеизм», идею всеобщего европейского блага и интересов, что вряд ли было правомерным. Для народов, борющихся за национальную независимость, национальный принцип оставался прогрессивным, и отождествление его с национализмом было глубоко ошибочным.

Либералы уделяли пристальное внимание политике России на Балканах, в особенности в 60–70-х годах. Они рассматривали ее сквозь призму задач буржуазного развития страны. Либералы приветствовали усилия Горчакова, направленные на отмену унизительных условий Парижского договора 1856 года, и считали реализацию этой задачи серьезной победой российской дипломатии⁷⁸. Особую важность либералы придавали проблеме проливов, с которой они связывали дальнейшие возможности экономического развития страны. Либеральная программа в отношении проливов была сформулирована Южаковым и предусматривала: 1) свободу торгового плавания через проливы и безопасность черноморской торговли; 2) свободу выхода русского флота через проливы; 3) закрытие проливов для всех флотов враждебных России государств⁷⁹.

Эта программа мало чем отличалась от правительственных планов. Захват проливов и Константинополя либералы исключали в принципе, ибо это привело бы к европейской войне. Порицая аксаковскую «Русь», «Вестник Европы» писал: «Вопросы решаются просто, одним полетом фантазии, без всякого намека на средства и условия исполнения. Газета требует занятия проливов и даже не ставит вопрос, с какими державами для этого придется вести войны... «Русь» готова с легким сердцем на войну со всей Европой»⁸⁰.

Речь, по мнению либералов, могла идти только об изменении режима проливов в Пользу России мирным путем. До разрыва отношений с Болгарией в середине 80-х годов в либеральных кругах еще была надежда на влияние России в балканских странах. «Русская мысль» призывала оказывать всемерную поддержку укреплению независимых балканских государств и национальному движению на Балканах. «Открытие для нас проливов, — подчеркивалось в журнале, — и обеспечение наших заведений и флота в Черном море мыслимы только при

условии согласования интересов России с интересами славянской независимости»⁸¹. Журнал призывал российскую дипломатию воздерживаться от вмешательства во внутренние дела славян и от посягательств на их самостоятельность. Немаловажным условием восстановления влияния России на Балканах он считал проведение дальнейших буржуазных реформ в России, что могло привлечь к ней симпатии прогрессивных кругов славянских государств. Южаков выдвигал даже дальние планы военно-политического союза России с Болгарией как с возможным претендентом на владение «ключами от Черного моря», когда они выпадут из рук Порты⁸².

После разрыва дипломатических отношений с Болгарией Россия лишалась серьезной опоры на Балканах. В этих условиях оптимальным вариантом либералы считали сохранение статус-кво с оставлением проливов в руках Турции⁸³. Последняя в 80-х годах лояльно относилась к России и так же не была заинтересована в английском или австрийском проникновении к Черному морю. В целом же вопрос о проливах решался либералами в русле правительственного курса, что свидетельствовало о более реальном их подходе к этой проблеме, чем деятелей консервативного лагеря.

С проблемой проливов была тесно связана проблема отношений России с балканскими странами. Поддерживая в целом политику России на Балканах, либералы критиковали ее реакционные тенденции, в особенности после создания независимых государств на Балканах. Они видели в этом проявление общей реакционности самодержавия.

Следует отметить постановку либеральными деятелями вопроса об уважении прав и национального самосознания балканских народов⁸⁴. По их справедливому мнению, освобождение народов явилось следствием двух факторов — внешнего (помощи России) и внутреннего — многовековой освободительной борьбы народов, в процессе которой выросло их национальное самосознание. Эта борьба подготовила их к восприятию европейской культуры и принципов европейской политической жизни, развила в них чувство человеческого и общественного достоинства. Попытки русских дипломатов и администраторов, как отмечала либеральная пресса, навязать народам свою волю вели только к потере авторитета России на Балканах. Первоначально либеральные публицисты не осознавали отчетливо того факта, что причины подобных действий русской администрации в Болгарии были связаны с существом государственных устоев России. Налицо было стремление противопоставить «позитивную» политику правительства самодурству и косности русских чиновников в Болгарии⁸⁵. Но болгарский кризис 80-х годов показал либералам, что речь идет о принципиальных ошибках центра. Отрицательное отношение правительства к румелийскому перевороту 1885 года

противоречило, по мнению либералов, интересам болгарского народа, из-за чего Россия теряла его симпатии.

Либеральные деятели особенно сожалели о том, что реакционные тенденции русской политики оттолкнули от России болгарских либералов. «Русская мысль» выступала против попыток консервативной прессы очернить болгарских либералов и противопоставить их народу. В.А. Гольцев высоко оценивал деятельность болгарской прогрессивной интеллигенции, отмечая, что именно ей болгарский народ обязан ростом своего национального самосознания и патриотизма⁸⁶.

Требую невмешательства России в болгарские дела, резко выступая против всяких проектов военной оккупации Болгарии, вынашиваемых консервативными кругами, либералы отстаивали в том числе и престиж России на Балканах, ибо агрессия окончательно подорвала бы ее влияние в этом регионе. Место России было бы сразу занято другими странами, что либералы прекрасно осознавали⁸⁷. Они понимали, что Россия не могла иметь сильных экономических позиций в Болгарии, и уповали главным образом на ее «нравственное» влияние, которое должно было заключаться в поддержке самостоятельности страны, усилении связей с широкими социальными слоями населения. Надо было завоевывать симпатии не правительств, а народов, утверждали наиболее дальновидные либеральные деятели. Под народом понимались, естественно, средне- и мелкобуржуазные классы, однако действительность была такова, что именно здесь еще были сильны симпатии к России, и совет либералов правительству ориентироваться на них был не так уж нереален. Но царское правительство по самой своей природе не могло следовать этому совету, хотя и не поддерживало планов по оккупации Болгарии.

Как же либералы мыслили роль России в «славянской семье»? По их мнению, Россия могла быть там покровителем, советчиком, но не господином. Однако, хотя политическое главенство России и отрицалось, ей все-таки предопределялась «нравственная» роль «старшего брата», призванного не допускать включения Балкан в орбиту влияния Германии и Австро-Венгрии. В целом это не расходилось с правительственными планами, только предусматривало применение более тонких методов политики.

Проблема европейских союзов и роль в них России также привлекала внимание либералов. Свои внешнеполитические симпатии и антипатии к европейским странам они зачастую связывали с их внутривнутриполитическим строем. Идеалом политического устройства служила Англия, а русско-английские отношения рассматривались, как правило, в оптимистическом ключе, что не всегда соответствовало действительности. Гладстона либералы считали выдающимся политическим деятелем и квалифицировали неизменно как «друга России». Исключением оста-

вался Южаков, враждебно относящийся к Англии и ее политике на Востоке и предрекавший русско-английскую войну.

К Франции у либералов было неоднозначное отношение. В 60-е годы Вторая империя рассматривалась как противник России. Авторитарное правление Наполеона III, его внешнеполитическая экспансия в Европе, Африке, Латинской Америке отвращали от Франции симпатии либералов. Пруссия казалась менее опасной. «Вестник Европы» приветствовал русско-прусское сближение, видя в Пруссии традиционного союзника, могущего оказать помощь в борьбе с Францией. Либералы поддержали объединение Германии, хотя и выражали беспокойство в связи с созданием сильного милитаристского государства рядом с Россией.

Хотя Союз трех императоров, заключенный в 1873 году, был встречен либеральными кругами с некоторой настороженностью, они подчеркивали вынужденную необходимость этого акта⁸⁸. Верность этому курсу умеренные либералы и их орган «Вестник Европы» сохраняли на всем протяжении 70–90-х годов. Журнал выступал в поддержку союза монархов и ратовал за мирные отношения с Германией даже тогда, когда пресса всех направлений (в том числе и другие либеральные издания) требовала отказа от союза с Германией. «Вестник Европы» главным противником России в 70–80-х годах считал не Германию, а Австро-Венгрию и рассматривал первую как амортизатора в союзе трех держав. Позиция журнала объяснялась стремлением сохранить экономические связи с Германией и избежать военного конфликта.

Другие либеральные издания видели в Германии главную опасность для России и считали ее вдохновителем австрийского проникновения на Балканы. «Русская мысль», например, проявила лучшее понимание сущности союза монархов, чем «Вестник Европы». Журнал писал, что этот союз невыгоден для России, поскольку связывал ее в европейских делах, делая «пособником прусским стремлениям к военному господству в Европе», и ставил в зависимость от австрогерманской политики⁸⁹. Но ни тот ни другой орган не видели роли союза в деле русско-английского противостояния,

В конце 80-х годов позиции различных групп либералов по германскому вопросу сближаются, что было обусловлено обострением русско-германских отношений. Усилившаяся агрессивность Германии, рост ее милитаризации, таможенная война с Россией заставили публицистов «Вестника Европы» скорректировать свои оценки. Теперь журнал утверждал, что Россия является в союзе «уступающей» стороной и что противоречия между союзниками непримиримы. Во время «военной тревоги» зимой 1887 года журнал уже поддерживал Францию, хотя к идее русско-французского союза относился еще прохладно. Одна-

ко либералы все еще дружно ратовали за мирный характер отношений с Германией, несмотря на все противоречия, ибо считали войну гибельной для России. «Мы считали бы несчастьем превращение немцев в наших противников»⁹⁰, — говорил Слонимский.

Отношение к союзу с Францией поэтому было сначала сдержанным, его полагали преждевременным. Не последнюю роль играла позиция французских реваншистов, рассчитывающих с помощью России вернуть отторгнутые Германией французские провинции Эльзас и Лотарингию⁹¹.

Постепенно идея союза с Францией получала признание в большинстве органов либеральной прессы, подчеркивавшей, однако, что такой союз должен носить сугубо оборонительный характер. Его задача, как писали журналы, — поставить решительную преграду германской агрессии в Европе, а реваншистским стремлениям в нем не должно быть места. «Было бы нелепостью ради французских интересов проливать кровь других народов. Наше отечество не станет подвергаться ужасам войны из-за Меца и Страсбурга»⁹², — говорилось в «Русской мысли».

«Вестник Европы» дольше всех либеральных органов сохранял осторожность в оценках союза с Францией, справедливо заявляя, что она никогда не поможет России в решении ее балканских задач. Но вместе с тем журнал недооценивал значение этого союза ввиду германской угрозы России, он считал эту угрозу маловероятной, тем более что заключение в 1894 году русско-германского торгового договора было воспринято либералами как конец противостояния обеих стран и гарантия мира в их отношениях⁹³.

Либералы вообще являлись ярыми противниками протекционистской политики правительства и высоко ценили экономические отношения с Германией. В период таможенной войны конца 80 — начала 90-х годов они выступали за путь мирных решений и компромиссов, полагая, что торговля с Германией в первую очередь отвечает интересам мелкого потребителя и производителя, страдающего от монопольных цен и некачественных изделий отечественной промышленности. Как видно из вышесказанного, отношение либералов к русско-французскому союзу было более сдержанным, чем консервативных кругов.

Уделяя основное внимание политике России в Европе, либеральные публицисты внимательно следили за действиями Петербурга в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Их перу принадлежали многие статьи и брошюры исторического, географического, этнографического характера, посвященные этим регионам (работы М.И. Венюкова, А.Я. Максимова, В.В. Григорьева и др.⁹⁴). Помимо познавательного значения эти труды имели остроактуальный характер, ибо затрагивали и злободневные вопросы, связанные с русским продвижением на Восток, — о целях завоевания новых территорий, значении их для России,

взаимоотношениях с местным населением, экономическом развитии новых земель и т. п.

В подавляющем большинстве либеральные авторы разделяли мнение о приоритете политико-стратегических целей российского продвижения в Азию⁹⁵, называя необходимость противостояния Англии и подчеркивая связь балканской и среднеазиатской политики России. Некоторые полагали, что угроза Индии делает англичан более сговорчивыми в решении задач России на Балканах⁹⁶.

Однако некоторые либералы настаивали на главенстве экономических задач. Например, обозреватель «Русской мысли» Владиславов писал: «Ни политические, ни стратегические соображения почти не играли никакой роли в нашем поступательном движении»⁹⁷.

Выступая за мир в Европе, либералы оказались сторонниками завоеваний в Азии, требуя захвата все новых и новых территорий — Хивы, Бухары, Мерва и даже Северного Афганистана. Среди них выделялся М.И. Венюков, требовавший продвижения на юг и считавший исторически неизбежным занятие Россией всего Туркестана вплоть до «естественных» границ по Гиндукушу, Балху и Бадахшану⁹⁸. Книга Ф.Ф. Мартенса «Россия и Англия в Средней Азии» (1879 г.) подверглась критике в либеральной прессе за попытку автора найти компромисс с Англией⁹⁹. В этих воинственных планах либералы смыкались с консерваторами, и только осторожный «Вестник Европы», считавший, что основные интересы России находятся в Европе, призывал к мирному решению русско-английских противоречий в Средней Азии.

Однако либералы считали, что завоевание Средней Азии должно вестись «цивилизованными» методами, и порицали крайности и жестокости военного командования. Либералы в целом исходили из убеждения, что на России лежала великая цивилизаторская миссия — внести в «дикую Азию» начала европейской цивилизации. Правда, либералы в своем большинстве выступали против определения народов Средней Азии как «нецивилизованных». «Русская мысль» отмечала, что «к дикарям и полудицилизованным народам следует применять те же начала международного права, что и к цивилизованным государствам»¹⁰⁰. Известный юрист-международник В.П. Даневский возражал против мнения Ф.Ф. Мартенса о неприменении к народам Азии международного права и указывал, что цивилизаторская миссия, поскольку она уже заявлена Россией, должна отличаться от колониальных методов Англии и Франции, базируясь на принципах уважения к народам и невмешательства в их внутренние дела¹⁰¹.

Сознавая потенциальное значение Средней Азии как рынка сырья и сбыта для русской промышленности, либералы ратовали за скорейшее экономическое освоение региона. Но этот процесс тормозился отсталой экономикой России, и в результате некоторые либеральные деяте-

ли начали скептически расценивать возможности новых территорий, рассматривая их как убыточные и бесполезные¹⁰².

Продвижение в Среднюю Азию остро поставило вопрос о роли колоний для России. В либеральной прессе всячески подчеркивался особый, «народный», характер русской колонизации. Экономическое развитие новых территорий осуществлялось как пришлым, русским, так и местным населением. Это давало основания либеральным авторам противопоставлять колонизационный процесс в России колониальной политике европейских держав, ставящей своей задачей выкачивание сырья из колоний и подавление местной экономики¹⁰³. Либеральные публицисты предпочитали не акцентировать внимание на тяжелой для населения налоговой политике России, жестоком подавлении ею освободительных движений, хотя и вынуждены были в какой-то степени касаться этих вопросов.

Либерально-народническая пресса подчеркивала значение новых земель для переселения крестьян из центральных губерний России, страдавших от малоземелья. Переселение способствовало разрядке социальной напряженности в центре и в то же время экономическому освоению новых территорий. В этом плане значение колоний ставилось либеральными народниками гораздо выше, чем их роль просто в качестве рынков сырья и сбыта. Рассматривая Россию как страну со слабым развитием капитализма, могущую при известных условиях миновать капиталистическую стадию развития, народнические экономисты и социологи В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон, С.Н. Южаков и др. считали, что переселение является в известной степени гарантией от пауперизации крестьянства, устремлявшегося в города на фабрики и заводы, и будет тормозить развитие капитализма. «Нет уж, куда нам гоняться за рынками, — говорил Южаков, — вот места поселения нам не лишни»¹⁰⁴. Он квалифицировал российскую колонизацию окраин как «военно-земледельческую», при которой военное завоевание сочетается с крестьянским народным освоением, что в итоге определяло цивилизаторскую функцию России и приобщение к европейской цивилизации «получивилизованного и нецивилизованного мира»¹⁰⁵. Примерно такой же взгляд на колонизацию присутствовал и в демократической прессе. Однако надеждам либеральных народников и демократов не суждено было сбыться. Переселение не приняло столь широких масштабов, чтобы решить аграрный вопрос, и не привело к социальным сдвигам в деревне. Колонизация действительно тормозила рост капитализма «вглубь», но развивала его «вширь».

В целом на протяжении второй половины века либералы поддерживали завоевательную политику в Средней Азии, все более осознавая значение этого региона для экономического развития России.

Дальневосточная политика начала их интересовать со второй половины 80-х годов. Они ратовали за энергичное хозяйственное освоение Дальнего Востока — устройство портов, создание военного и торгового флота на Тихом океане, развитие торговли со странами Дальнего Востока. Это отвечало задачам капиталистического развития России и требовало создания стабильной мирной обстановки, в чем также были заинтересованы и русские переселенцы на Дальнем Востоке. Поэтому либеральные круги выступали за невмешательство в военные конфликты, в частности в Корею. Они поддерживали правительственный курс по обеспечению самостоятельности Кореи (при политическом влиянии в ней России), выступали против приобретения в Корею незамерзающего порта, так как это было чревато обострением отношений с Китаем, Японией и европейскими странами¹⁰⁶.

В либеральной прессе часто ставился вопрос о союзниках России на Дальнем Востоке. Он приобрел большую актуальность в связи с активизацией в этом регионе европейских держав, что несло угрозу и владениям России. До середины 90-х годов в качестве главного противника России рассматривался Китай; Япония же, как «более слабая», считалась возможным другом и союзником. Но Японо-китайская война 1894–1895 годов показала, что все преимущества Китая, о которых твердила русская пресса, — большая территория, огромная численность населения и др. — не смогли обеспечить ему победу. Это дало возможность либералам лишний раз заявить, что сила государства зависит не от территории и численности войск, а от современного уровня развития нации, от ее «живой общественной энергии и самодеятельности, от целесообразной системы управления, поддерживаемой сознанием общественных обязанностей и интересов»¹⁰⁷. Имелись в виду, конечно, российские реалии.

Японо-китайская война дала либералам также повод, может быть, впервые задуматься и о неблагоприятной роли «просвещенной Европы» в развертывании военных конфликтов в других частях света. Снабжение оружием обеих воюющих сторон вызвало горькое замечание «Вестника Европы» о том, что именно военно-техническая область европейской цивилизации наиболее усваивается государствами других материков: «Необходимо положить предел слишком широкому международному торгу пушками, торпедами и броненосцами»¹⁰⁸. Требовать абсолютного запрета торговли оружием журнал не решался, сознавая, очевидно, нереальность этого.

В конфликте симпатии либералов были на стороне Японии и в значительной мере из-за того, что эта держава — парламентская и более других приобщилась к «европейскому прогрессу». «Вестник Европы» поместил ряд статей о Японии, ее истории, русско-японских отношениях.

В одной из них предлагалось пересмотреть русско- японские договоры, с тем чтобы обеспечить ее дружбу¹⁰⁹.

Однако в целом победа Японии напугала русское общество. Либералы включились в общий хор, призывавший помешать Японии утвердиться на материке и подчинить Корею и Китай своему влиянию. Правда, «Вестник Европы» считал, что «Япония уже по своему объему и численности (населения. — *Авт.*) не может соперничать с Россией или грозить ей»¹¹⁰, забывая свои прежние утверждения о том, что территория и численность населения не могут рассматриваться как военные преимущества. Журнал допускал ошибку, пренебрегая такими факторами, как быстрое экономическое развитие Японии, рост ее военного потенциала, агрессивность ее военно-политической доктрины, в то время как оставшаяся либеральная пресса уже видела в Японии потенциального противника России и призывала к сближению с Англией для противостояния японской активности.

Либеральный лагерь во второй половине XIX века не выдвинул самостоятельной внешнеполитической программы и в основном поддерживал правительственную политику, возражая только против ее отдельных крайностей, реакционных и авторитарных тенденций. Главный объект критики либералы видели не в правительственной политике, а в правых кругах общества, призывавших к военным авантюрам. Внешняя политика правительства в целом отвечала задачам буржуазного развития страны, и это осознавалось либералами. Что касается авторитарных тенденций, порожденных самодержавным строем, то нейтрализация их, по мнению либералов, могла быть обеспечена гласностью, контролем представительных учреждений, влиянием общественного мнения. В этих надеждах отражалось пока еще робкое стремление буржуазии к участию в политических делах, к ограничению абсолютизма в России.

3. Позиции революционной демократии

Революционно-демократический лагерь России на протяжении второй половины века претерпел идейную эволюцию — на смену революционному демократизму шестидесятников пришла эпоха революционного народничества, а затем марксистские кружки и организации. Главное внимание революционеры уделяли внутренним преобразованиям, вопросы внешней политики рассматривались сквозь призму внутривнутриполитических и социальных задач, имели подчиненное значение. Однако революционеры вынуждены были обращаться к ним как в силу возрастающего интереса общества к международным отношениям, так и в силу очевидной связи внешнеполитических проблем с социальной революцией (что было видно хотя бы на примере Парижской коммуны). Наибольшее внимание внешней политике России уделяли А.И. Герцен, М.А. Бакунин,

П.А. Лавров, Н.В. Шелгунов, С.М. Степняк-Кравчинский, П.А. Кропоткин. Но в программах революционных партий и кружков вопросы международного плана занимали незначительное место, они еще не стали частью революционной практики (если не считать кратковременного периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). Вопросы внешней политики России освещались на страницах прессы, причем нелегальная и зарубежная революционная печать делала акцент на обличении внешней политики самодержавия, демократические же органы в стране («Современник», «Отечественные записки», «Дело» и др.) стремились дать читателю достоверную и прокомментированную информацию, содействуя формированию демократических внешнеполитических воззрений у радикальной части общества.

Революционные идеологи 60–80-х годов исходили в своих внешнеполитических концепциях из антинародного характера самодержавной власти, противоречия интересов правящих верхов и народа. Но антинародный характер самодержавия выводился не из его классовой сущности, он мыслился как результат якобы иноземного происхождения власти и внешних влияний (византийского, монгольского и др.). Созданное путем завоеваний государство, по мысли революционных идеологов, было завоевательным по своей природе. «Завоевания во все стороны и во что бы то ни стало — вот вам нормальная жизнь нашей империи»¹¹¹, — писал М.А. Бакунин.

Убеждение в надклассовости самодержавия мешало революционерам до конца осознать классовую сущность внешней политики: они видели в ее основе прежде всего произвол монархов и правящих кругов. Яркое свидетельство тому — памфлет П.А. Лаврова «Счеты русского народа» (1874 г.), направленный против самодержцев Романовых. Автор считал, что именно благодаря Романовым русская внешняя политика приобрела антиреволюционный и антидемократический характер, выразившийся в принципах Священного союза, в подавлении европейских освободительных движений. Это было следствием фатальной реакционности самодержавной власти¹¹². По мысли народнических идеологов, и капитализм в России насаждался самодержавием, которое в этих целях проводило экспансионистскую внешнюю политику, завоевывая для русской буржуазии рынки сырья и сбыта. Здесь все было поставлено с ног на голову. В действительности именно капитализм, пустивший уже глубокие корни в России, активизировал ее внешнюю политику.

Революционеры отвергали понятие «национальные интересы», поскольку нация в их представлении не была единой, а состояла из разных классов. Внешняя политика государства, подчеркивали они, проводилась в интересах господствующих классов, поэтому объявлялись антинародными все внешнеполитические акции, вплоть до обеспечения без-

опасности государства. Лавров, например, обеспечение безопасности государства считал выгодным только правящим классам, так как трудящимся все равно, кто их эксплуатирует — собственник одной с ними национальности или другой¹¹³. Подобный узкоклассовый подход, отрицание общенационального значения защитной роли государства свидетельствовали об ограниченности позиций революционных демократов.

Основы внешнеполитических концепций революционной демократии были заложены А.И. Герценом и М.А. Бакуниним. На страницах «Колокола» Герцен во второй половине 50-х годов попытался сформулировать требования к внешней политике России, в первую очередь поставив отказ от завоеваний, сокращение армии, курс на мирное развитие страны для обеспечения прогрессивных внутренних преобразований. Первоначально Герцен питал некоторые иллюзии относительно Александра II, призывая его отказаться от внешнеполитического курса своего отца. Он считал, что России нечего делать в Европе, ее интересы сосредоточены в Азии и на Дальнем Востоке. В Европе же следовало отрешиться от завоеваний и порвать с реакционными режимами Пруссии и Австрии. Союзниками России, полагал Герцен, должны быть Англия и США — государства с прогрессивным внутривнутренним строем¹¹⁴. Александр II должен найти в себе силы «заявить перед всем светом, что Россия кончила свою военную службу, что она не хочет быть завоевывающей империей с немецким устройством, а славянским государством и мирной главой нового союза»¹¹⁵. Программа Герцена, безусловно, была демократична, хотя и не учитывала международной расстановки сил и взаимосвязи политики России с политикой других держав. Кроме того, Герцен игнорировал глубину русско-английских противоречий.

Следует обратить внимание на последние слова вышеприведенной цитаты. Герцен имел здесь в виду славянский союз и мыслил Россию, уже обновленную, как его главу. Славянский вопрос занимал значительное место в социально-политических концепциях Герцена и Бакунина. По их мнению, наличие общины у русского и южнославянских народов являлось одним из основных условий возможного перехода последних к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Герцен объявлял славян «грядущей частью человечества, вступающей в историю»¹¹⁶. Мессианские теории славянофилов выступили здесь в новом, социалистическом обличье. Славянский вопрос становился для Герцена вопросом о союзниках русского народа в борьбе за социализм, он рассчитывал на слияние национально-освободительной борьбы славян с крестьянской борьбой в России, что должно было завершиться демократизацией внутреннего строя страны и созданием демократических славянских государств на Балканах. Герцен выдвинул идею славянской федерации

демократических государств на началах добровольности и равноправия, которую разделяли прогрессивные круги России. Эта идея обусловила ту горячую поддержку национально-освободительного движения славянских народов, которую оказывала ему прогрессивная Россия.

В конце 60-х годов в русском революционном движении усиливаются анархические начала, что способствовало появлению негативного отношения к национально-освободительной борьбе как борьбе, бесполезной в социальном плане и имеющей только политический характер. В силу этого революционные идеологи Бакунин, Лавров, Ткачев и др. отказывали ей в поддержке.

С особой остротой идейное размежевание в революционно-демократической среде выявилось в период восточного кризиса 70-х годов. Значительная часть прогрессивной общественности России поддерживала освободительную борьбу славян. Демократическая пресса подчеркивала ее аграрный характер, пропагандировала идею славянской федерации на демократической основе. Революционная молодежь, видя в славянской борьбе прообраз крестьянской революции, отправилась на Балканы сражаться за славян. Демократы рассчитывали, что народная борьба завершится созданием на Балканах демократических государств, а это приведет и к демократизации самой России. Корифеи тогдашней демократической публицистики, властители умов — Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов, Д.А. Мордовцев — заявляли, что поддержка славян является историческим долгом России. «Славянский вопрос — это русский вопрос», — писал Н.В. Шелгунов. Демократы требовали от России отказа от всякого территориального вознаграждения в случае распада Европейской Турции, невмешательства во внутренние дела славян после их освобождения, призывали правительство отмежеваться от агрессивных тенденций панславизма и консерватизма.

С началом русско-турецкой войны значительная часть революционной и демократической молодежи добровольно вступала в действующую армию, работала в санитарных отрядах и госпиталях.

В то же время другая часть революционеров протестовала против увлечения славянским вопросом. Лавров, Ткачев, сочувствуя борьбе славян за национальное освобождение, выступили против участия в ней русской молодежи. Они считали, что движение политического и религиозного характера (а именно так они расценивали борьбу на Балканах) не должно пользоваться поддержкой революционеров. В политике правительства Лавров, Ткачев и другие революционные публицисты, находившиеся в эмиграции, видели только стремление использовать события на Балканах для захвата Константинополя и проливов. Издаваемый П.Н. Ткачевым в Женеве журнал «Набат» утверждал, что конечной целью России было завладение проливами, что ускорило бы рост

капитализма в экономике страны¹¹⁷. Но именно этого-то народники и не хотели. Революционная пресса, в особенности «Набат», призывала революционную молодежь воспользоваться ухудшением экономического положения страны, тяготами войны и развернуть революционную пропаганду в России, некоторые рассчитывали даже на социальный переворот. Под влиянием этих призывов народники пытались вести агитацию в народе, пропагандируя в том числе и пораженческие настроения, но не имели успеха, так как крестьянство в массе было настроено патриотически. Рабочие были более восприимчивы к их пропаганде, однако в своей массе также сочувствовали благородным целям войны — освобождению славян. Попытка проведения в Петербурге летом 1877 года антивоенной демонстрации не удалась.

Военные неудачи лета и осени 1877 года (безуспешные штурмы Плевны, сопровождавшиеся большими людскими потерями, долгое «сидение» на Шипке и др.), злоупотребления интендантства, беспорядки в армейском санитарном деле — все это вызвало острую критическую волну в печати и приводило общество к мысли о необходимости внутренних преобразований. С осени 1877 года в стране усилились оппозиционные настроения. Правительство критиковалось и справа, и слева. Правые были недовольны затяжной кампанией и требовали решительного броска к Константинополю, левые, выступая с лозунгом «Чистое дело требует чистых рук», протестовали против этих требований и призывали правительство обратиться к «внутренним» вопросам. В демократической печати развернулась дискуссия об исторических задачах России на Балканах. Демократический публицист Е.П. Карнович в «Отечественных записках» утверждал, что освобождение славян никогда не было исторической задачей России и что правительство в своей балканской политике всегда преследовало своекорыстные цели. Его поддержал либеральный народник С.Н. Кривенко, считавший, что Россия на Балканах стремилась только к территориальным захватам¹¹⁸. Возражавшие им в «Новом времени» Н.И. Костомаров и О.Ф. Миллер аргументировали «историческую задачу» России этническим и религиозным родством славян.

Позиции обеих спорящих сторон страдали односторонностью. Демократы не видели в балканской политике России общенациональных задач экономического и стратегического порядка и сбрасывали со счетов интересы самих славянских народов, их оппоненты абстрагировались от тех целей, которые преследовали на Балканах правящие круги.

В революционной нелегальной и зарубежной печати политика России на Балканах трактовалась как захватническая, сулящая славянским народам новое рабство — рабство самодержавия. И, пожалуй, лишь один П.А. Кропоткин не пренебрегал фактором национально-освободи-

тельного движения самих славян. В противоположность многим другим революционным эмигрантам он не считал это движение порождением русских дипломатов и надеялся на то, что оно будет способствовать буржуазно-демократическому устройству славянских республик. И хотя цели царизма реакционны, как подчеркивал Кропоткин, именно русская армия несет свободу народам, национальное освобождение которых открывает им дальнейший путь к социальной революции¹¹⁹.

Война и связанные с ней тяготы использовались демократической прессой для постановки злободневных «внутренних» вопросов — аграрного, податного, финансового и, в завуалированной форме, вопроса о форме правления. Общественное недовольство, в особенности после того, как европейские державы потребовали пересмотра Сан-Стефанского договора, значительно усилилось, Берлинский договор вызвал взрыв негодования. По мнению большинства общественных сил, он показал слабость правительства. Прогрессивные слои открыто требовали принятия конституции. В стране назревал политический кризис.

По мнению революционеров, достаточно было какого-нибудь сильного действия, чтобы свалить правительство. Во внутривнутриполитическом плане расчет ими делался на террор как дезорганизующий фактор, во внешнеполитическом — на новую войну — либо с Англией и Австро-Венгрией (весной 1878 г.), либо с Германией. В марте 1883 года в Киеве было выпущено народовольческими кружками обращение «К русскому обществу», где говорилось: «Германия сознает, что лучшего момента, чем настоящий, нельзя избрать для того, чтобы сразить Россию, и ее отношения к нам ухудшаются постоянно... Царь ниже всякой критики, министры бездарны, казначейство пусто. Курс* в мирное время ниже курса, бывшего в дни стояния под Плевною. Армия стыдится своего верховного вождя, благодаря подвигам трусости, явленным им в два года царствования, и недовольна «экономиями», сводящимися к тому, чтобы урвать кусок от рта голодного... Война, предпринятая при таких обстоятельствах, не может представить сколько-нибудь сносного конца. Она неминуемо должна кончиться катастрофою, погромом, русским Седаном»¹²⁰.

Внутренняя политическая нестабильность, революционное движение влияли на внешнюю политику правительства, понимавшего, что новая война угрожает существованию самодержавия. Как известно, Бисмарк воспользовался этим, чтобы склонить Россию к соглашению с Австро-Венгрией перед созывом Берлинского конгресса. Советуя в апреле 1878 года послу в Лондоне П.А. Шувалову пойти на компромисс, он ссылался на революционизацию общественного мнения в России, одобрявшего оправдание В. Засулич¹²¹.

* Рубля.

Народовольческие круги питали определенные иллюзии насчет «просвещенной Европы» и рассчитывали, что в случае войны и поражения царизма она потребует установления конституционного правления в России. По их мнению, царизм, будучи надклассовым институтом, не имел серьезной социальной опоры, поэтому «первое сильное потрясение, направлено оно извне или изнутри, в виде ли тяжелого военного поражения, в виде ли крупного народного восстания или даже в виде просто дворцовых и династических смут, грозит ему полным крушением»¹²², как писала «Народная воля». Рассчитывали, что инициатором политических преобразований в поверженной России будет Франция¹²³. Германия и Австро-Венгрия, по мнению народовольцев, вовсе не стремились к уничтожению самодержавия, а только хотели ослабить его, отторгнув от России Прибалтику и другие земли. Революционеры подчеркивали, что эти державы с их реакционными режимами страшатся революционной России, ибо тогда она обретет притягательную силу для славянских народов, что может привести к разрушению Австро-Венгрии и угрожать существованию Германии. Эта мысль была справедливой. Соединение русской и славянской революций всегда пугало правящие круги обеих держав и требовало от них сохранения русского абсолютизма в любой форме при общем ослаблении России, что было на руку Германии для установления ее господства на континенте¹²⁴.

Все это объясняет отрицательное отношение революционных кругов к союзу России с Германией и Австро-Венгрией, который в революционной печати иначе и не назывался, как «позорный». Помимо его антиреволюционной направленности указывалось на подчиненное положение в нем России и на то, что союз не отвечает ее национальным задачам. Зависимость России от союзных держав революционерами преувеличивалась, а опасности со стороны Англии и вовсе не придавалось значения: считалось, что Англия, занятая своей колониальной политикой, не вмешивается в европейские дела и не представляет угрозы социальной революции в Европе. Учитывалось, что Англия дала приют многим революционным эмигрантам, а британское общественное мнение всегда сочувствовало русской революции, что во многом определялось враждебностью Англии к России как к сопернику на Балканах и в Средней Азии¹²⁵.

Позитивное отношение русских революционеров к Франции в 80-х годах (Вторая империя вызывала резко отрицательные эмоции) было порождено в первую очередь революционными задачами: Франция не представляла, по их мнению, угрозы для русской революции, кроме того, союз с ней давал опору против реакционной Германии, которая, наоборот, в случае начала революции в России могла двинуть туда свои войска на помощь царизму. В революционной печати подчеркивались

преимущества республиканского строя Франции и желательность заключения с ней союза.

Оценка международных отношений и политики России сквозь призму революционных задач нередко мешала революционным деятелям объективно оценить сложившуюся ситуацию. Они сосредоточили свое внимание на обличении самодержавия, которое уже не являлось главным агрессором в Европе и основной реакционной силой.

Для критики внешней политики правительства революционеры имели более чем достаточно материала. В 80 — начале 90-х годов в революционной прессе часто фигурировали русско-болгарские отношения. Царизм объявлялся соучастником реакционной политики А. Баттенберга и душителем свободы Болгарии. Другим объектом критики стала среднеазиатская политика. Завоевание Средней Азии рассматривалось как экспансия в интересах рождавшегося российского капитализма. Пожалуй, только Бакунин считал главной причиной продвижения в Азию «устрашение Англии», хотя и не отрицал «торговых причин»¹²⁶. Лавров подчеркивал, что колонизация Средней Азии принесет как русскому, так и среднеазиатским народам неисчислимые бедствия, и обрушивался на консерваторов и либералов, поддерживающих среднеазиатскую политику правительства.

Лавров неоднократно квалифицировал в своем обозрении «Вперед!», издаваемом в Лондоне, завоевание Средней Азии как «хищничество», которое проявлялось и в присоединении земель, и в эксплуатации коренного населения, и в ограблении офицерами солдат¹²⁷. Обличительные факты о жестокостях русского военного командования, грабежах русской администрации, о восстаниях местного населения, приводимые в революционной и эмигрантской прессе, не могли попасть на страницы газет, выходящих в России. Цензура жестко фильтровала материалы о Средней Азии. Так, в мае 1876 года в журнале «Дело» не была пропущена статья Огородникова о грабежах и репрессиях, чинимых командующим закаспийскими войсками подполковником Маркозовым¹²⁸. В марте 1880 года редакторы газет получили предписание МВД не печатать об Ахал-Текинской экспедиции никаких материалов, кроме официальных сообщений¹²⁹. Революционные издания были, таким образом, единственным источником, из которого русское общество могло получить сведения о негативных сторонах русской политики в Средней Азии.

Оценка среднеазиатской политики как антинародной широко присутствовала в пропагандистской литературе, распространяемой революционерами в народе. Здесь говорилось, что завоевания делаются в интересах правящих кругов и эксплуататорских классов — дворян, купцов и чиновников, рассказывалось о тяжелой участи солдат, гибнущих в пещерах вдали от родины.

В революционной прессе утверждалось, что завоевание Средней Азии не нужно народу, что содержание новых земель обходится очень дорого: «Орловские или тамбовские обыватели принуждены прямо уплачивать деньги на управление каким-нибудь Ташкентом или Карсом, так как эти последние сами по себе не покрывают этих расходов. Таким образом, Россия от всяких таких завоеваний скорее проигрывает, чем выигрывает»¹³⁰, — говорилось в одном из номеров «Народной воли».

Преследуя обличительные цели, революционные публицисты игнорировали те позитивные преобразования, которые происходили на присоединенных землях (отмена рабства, ограничение произвола феодалов, прекращение феодальных междоусобиц, от которых в особенности страдали трудовые слои населения, и др.).

Демократическая пресса, лишенная возможности критиковать политику правительства в Средней Азии, сосредоточила внимание на принципиальных проблемах завоевания, которые также дебатировались и в либеральных кругах. В связи с обсуждением вопроса о «цивилизаторской миссии» России в демократических журналах выражался протест против нецивилизованных методов действий военного командования и администрации в Средней Азии, подвергались критике взгляды Ф.Ф. Мартенса, М.И. Венюкова и др., считавших возможным применять к народам Азии только нормы «естественного» права¹³¹. Демократические авторы подчеркивали, что для осуществления подлинно цивилизаторской миссии России нужен «высокий уровень нравственных и социальных сил», то есть иное политическое и социальное устройство. Только тогда Россия могла бы служить связующим звеном между Востоком и Западом, передавая Востоку интеллектуальные богатства Европы¹³². Демократы выступали за скорейшее экономическое освоение новых территорий и предлагали свою программу социально-экономических преобразований, направленных на развитие производительных сил этого края, установление его равноправных экономических связей с центром, что помогло бы избежать превращения Средней Азии в сырьевой придаток центра. Программа предусматривала переход к оседлости, развитие культурного земледелия, создание рациональной системы распределения воды и др., а в качестве социально-политических мер — введение гражданского управления вместо военного, помощь беднейшим земледельцам, культурное просвещение масс, то есть создание такого порядка, «при котором каждый мог бы смотреть на Россию как на свое отечество»¹³³. Программа эта коренным образом отличалась от предложений либералов, видящих в Средней Азии только источники сырья и рынки сбыта.

С разгромом народнического движения после 1882 года, с наступлением реакции внутри страны революционная нелегальная и демократическая легальная пресса прекратила свое существование. Революцион-

ная эмиграция мало внимания уделяла внешнеполитическим проблемам, за исключением, пожалуй, журнала либерально-демократического направления «Общее дело» (Женева). В этом и других эмигрантских изданиях внешняя политика России рассматривалась в плане прежних стереотипов — как реакционная, агрессивная и антинародная. Эмиграция руководствовалась своими политическими задачами. Установление тесных связей с европейской социал-демократией еще менее способствовало объективному анализу внешнеполитических проблем в эмигрантской печати. Статья Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (1890 г.), опубликованная впервые в эмигрантском марксистском журнале «Социал-демократ», издаваемом в Лондоне группой «Освобождение труда», по-прежнему трактовала Россию как главную опору европейской контрреволюции и очаг агрессии в Европе. С этими взглядами солидаризировалась и русская социал-демократическая эмиграция. В работах ее вождя Г.В. Плеханова выражался протест против возможной войны России с Германией, против «агрессивной» политики России на Балканах и Дальнем Востоке. «Агрессивность» понималась упрощенно, как стремление к захвату рынков в интересах русской буржуазии. Плеханов решительно отвергал наличие во внешней политике общенациональных интересов и задач, объявляя ее сугубо классовой по своей сущности. Таким образом, справедливая во многом критика внешней политики самодержавия не сочеталась с глубоким анализом, страдала схематизмом и односторонностью.

Революционные внешнеполитические концепции носили скорее разрушительный, чем созидательный характер. Они служили задаче свержения существующего строя, чем и объясняется их резко критическая направленность. Позитивная роль внешней политики России, проявлявшаяся в решении судебных угнетенных иноземными режимами народов (например, Балкан), отрицалась в принципе. Однако при всем этом необходимо видеть, что в своих внешнеполитических взглядах революционеры исходили прежде всего из интересов трудового народа, выступая за демократизацию международных отношений, прекращение захватнических войн, равенство наций, против национального угнетения. Свержение самодержавия, по мысли революционеров, должно было утвердить новую роль России на международной арене — роль носителя мира и прогресса, помочь ей избежать участи полуколонии.

* * *

Вторая половина XIX века характеризуется резким усилением внимания общественности к вопросам внешней политики и международных отношений. Поражение России в Крымской войне, реформирование государственно-политической системы, изменение социальной роли

высших классов способствовали появлению внешнеполитических концепций, предполагавших демонстрацию силы на международной арене. Однако идеологическое обоснование внешнеполитических планов правящих классов, в частности панславистские концепции, практически не имело связи с реальными планами и политикой правительства, проводимой в интересах этих классов. Известный советский историк С.Д. Сказкин так охарактеризовал речь И.С. Аксакова против решений Берлинского конгресса: «Попробовав единственный раз спуститься с заоблачных высот идеальных построений в гущу практической политики, славянофильство в лице его наилучшего из поздних представителей расписалось в своей полной несостоятельности»¹³⁴. Панславизм остался достоянием идеологии, но не политики также и потому, что интересы самих славянских народов, как и существующие международные условия, исключали его практическую реализацию. «Возможен ли он реально? — спрашивал А.Н. Пыпин. — Это внушает сомнения. Стремление (других славян. — *Авт.*) к совместному с Россией политическому существованию остается вопросом»¹³⁵.

Характерно, что антиподам консерваторов — революционерам — также оказались присущи идеи славянской избранности и единства. Только российские либералы последовательно отстаивали принадлежность России к европейскому миру, не противопоставляя ее Европе, и, хотя и робко, выступали за «цивилизованные» формы внешней политики, характерные для европейского парламентаризма.

Консерваторы и либералы, в целом поддерживая внешнюю политику правительства, возражали соответственно «справа» и «слева» лишь против ее методов, против тактики. Первые требовали укрепления внешнеполитической мощи во имя авторитета самодержавия, вторые стремились ограничить самодержавие и видели во внешней политике фактор, который должен содействовать внутреннему развитию страны по капиталистическому пути. Для революционных кругов внешняя политика была объектом резкой критики, позитивное значение ее для интересов трудящихся отрицалось, все внешнеполитические события рассматривались исключительно с точки зрения задач социальной революции.

Правительство в то время не расценивало общественное мнение как серьезную силу, могущую оказать действенное влияние на внешнюю политику, хотя и вынуждено было учитывать в некоторых вопросах позицию влиятельных политических группировок. Исключением можно считать 1875–1877 годы, когда широкое движение сочувствия славянам оказало воздействие на активизацию политики России на Балканах и способствовало объявлению войны Турции. В целом русское общество еще не было готово оказывать серьезное влияние на правительственную политику. В его недрах не сформировались организованные политиче-

ские силы, могущие заставить самодержавие считаться со своими требованиями.

Борьба по проблемам внешней политики, выработка внешнеполитических концепций оставались пока уделом всего лишь общественной мысли. Отраженные в публицистике и прессе напряженные поиски решений и размышления будили общественное самосознание, формировали общественное мнение, создавая политические силы, которые заявили о себе на политической арене в начале XX века.

Заключение

Вторая половина XIX века была весьма своеобразным этапом в истории России, когда в результате быстрого развития капиталистических отношений происходили значительные изменения в социальной структуре и политической жизни общества. Эти процессы весьма существенно влияли на внешнюю политику страны. Одновременно возрастало воздействие на нее и общественного мнения. Внешнеполитический курс формировался в новой международной обстановке.

Одним из важнейших уроков крымского поражения для царского правительства явилось, пожалуй, осознание необходимости строить внешнюю политику, исходя из учета национальных интересов. Династические и консервативно-охранительные мотивы отходят на второй план. При этом национальные интересы понимались правящими кругами как интересы самодержавного государства. Опорой его по-прежнему являлось дворянство, помещичий класс. Но с развитием капиталистических отношений социальная база внешней политики самодержавия расширяется. Оно в большей степени начинает учитывать потребности и интересы крупной буржуазии.

Основной задачей внешней политики России являлось создание условий для укрепления самодержавия на базе реформ и экономической модернизации, что требовало мирной политики, выхода из изоляции, упрочения подорванного международного престижа России, развития внешнеэкономических связей.

Борьба за решение внешнеполитических задач была нелегкой. Долгими и сложными оказались попытки преодолеть внешнеполитическую изоляцию. Успехи чередовались с неудачами: от поражения в Крымской войне к дипломатической победе Горчакова, добившегося в 1871 году отмены нейтрализации Черного моря, от тяжелой войны с Турцией 1877–1878 годов через малоэффективный Союз трех императоров к русско-французскому союзу, покончившему с международной изоляцией страны. В итоге России удалось улучшить свое международное положение, однако добиться восстановления былой роли вершителя судеб Европы, которую царизм играл в первой половине века, она не смогла. Это объяснялось экономической и военной отсталостью по сравнению с наиболее продвинувшимися в своем развитии западными державами, внутрисполитической нестабильностью в стране, изменением международной обстановки на Европейском континенте, где первую скрипку начинает играть Германия, острыми русско-английскими противоречиями.

Для решения своих задач Россия вынуждена была вступать в союзы, в которых она не являлась, как прежде, ведущей силой.

Новые условия, в первую очередь развитие капиталистических отношений в стране и империалистическая политика западных держав, побуждали Россию расширять фронт внешней политики. Наряду с традиционными европейским и балканским усиливается роль среднеазиатского и дальневосточного направлений. Присоединение в 50-х годах Приамурья и Приморья, а в 60–80-х — Средней Азии завершило формирование Российской империи, крупнейшей державы мира. Ее размеры, огромные людские ресурсы, могущие быть призванными под ружье, а также агрессивные чаяния части правящих кругов и консервативных общественных группировок внушали опасения Европе, еще хорошо помнившей времена Николая I. Но европейские политики и публицисты муссировали миф о «русской угрозе» также и в корыстных целях, стремясь замаскировать экспансию своих собственных стран в различных регионах мира.

Являясь одновременно европейской и азиатской державой, Россия варьировала методы своей политики в различных регионах. Серия договоров с Китаем и Японией в 50–70-х годах XIX века определила дальневосточные границы империи, дав ей значительные территориальные приращения. Но если на Дальнем Востоке закрепление позиций было достигнуто с помощью дипломатии, то Средняя Азия стала ареной преимущественно военной экспансии царизма. На Балканах дипломатические и военные средства сочетались.

Рост территории империи был обусловлен рядом факторов. В рассматриваемый период преобладали политико-стратегические мотивы, стремление не отстать от европейских держав, расширивших свои колонии и сферы влияния в Азии, оказать давление на Англию, заставив ее уступить в восточном вопросе, геополитические расчеты, соображения великодержавного престижа. Процесс роста империи определялся также потребностями экономического развития страны. Сохранение крепостнических пережитков и преобладавший экстенсивный путь развития капитализма в России побуждали к территориальному расширению, что увеличивало возможности внутреннего рынка.

Актуальным представлялось и расширение выхода России на мировые рынки. Поэтому в качестве важных задач внешней политики стояли вопросы благоприятного изменения режима черноморских проливов и укрепления позиций на Тихом океане.

Отвечало ли присоединение среднеазиатских и дальневосточных территорий национальным интересам страны? На этот вопрос можно ответить утвердительно, поскольку капитализм в России в тот период был явлением прогрессивным. Что касается коренного населения присо-

единенных земель Средней Азии и Дальнего Востока, то оно находилось на более низкой ступени социально-экономического и политического развития. Включение его в состав империи способствовало развитию экономики, ликвидации патриархальных и феодальных институтов и междоусобных войн, приобщению к более высокой культуре. Эти прогрессивные процессы перекрывали те негативные моменты, которые сопровождали царскую колонизацию окраин.

Новым явлением во внешней политике стало усиление идеологической борьбы вокруг нее, что было связано с ростом политического самосознания русского общества. Наиболее заметную роль идейный фактор играл в балканской политике, где наряду с традиционными этническими и конфессиональными соображениями выдвигается задача поддержки национально-освободительных движений поработанных Турцией народов. Давление общественного мнения сыграло важную роль в решении правительства начать войну с Турцией, завершившуюся освобождением Болгарии и созданием на Балканах независимых национальных государств. Именно этот итог навсегда останется в памяти народов. Меньше повезло планам царизма укрепить свое влияние в регионе. Дав жизнь новым силам, национально-буржуазному развитию, царская Россия, сама того не желая, способствовала втягиванию балканских государств в орбиту западноевропейского влияния.

Внешняя политика России осуществлялась в условиях коренных изменений международной обстановки, вызванных неравномерным развитием капиталистических стран и обострившихся борьбой держав за раздел мира. Международная роль России менялась на протяжении рассматриваемого периода под влиянием как этих процессов, так и факторов внутреннего развития. К середине 90-х годов экономическое и финансовое положение страны укрепилось, начался промышленный подъем, удалось ликвидировать бюджетный дефицит. Правительство получило возможность направить большие средства на перевооружение армии и строительство военно-морского флота. Александр III почти не вел войн, но готовился к ним. Опираясь на свою громадную армию, Россия могла противостоять германской агрессии, угроза которой становилась все ощутимее. Русско-французский союз укрепил роль России в европейских и международных делах и послужил затем одной из основ Тройственной Антанты.

Таким образом, уже к середине 90-х годов проявились те тенденции во внешней политике России, которые затем определили ее активное участие в международных отношениях новой эпохи.

Примечания

Предисловие

¹ См.: *Нарочницкий А.А.* Международные отношения и внешняя политика России от Парижского (1856 г.) до Франкфуртского мира. М., 1946; Киняпина Н.С. Внешняя политика России во второй половине XIX в. М., 1974; Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. Избранные труды. М., 1977; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978; *Jelavich B.* Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. N.; Y., 1965. См. также: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981.

Глава I

¹ См.: Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993. С. 177.

² Там же. С. 176.

³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 169 (Д.А. Милютин). К. 6. Д. 5. Л. 47.

⁴ См. Турилова СЛ. Из истории структуры МИД Российской империи // Дипломатический вестник. 1993. № 1–2. С. 72.

⁵ См.: Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1902. С. 228.

⁶ См.: *Тахненко Г.* Дипломатическая служба. От Посольского приказа до МИД Российской Федерации. Историческая справка // Международная жизнь. 1993. Февраль. С. 126.

⁷ См.: *MacCenzie D.* Russia's Balkan policies under Alexander II. 1855–1881 // Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge, 1993. P. 219.

⁸ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1966. С. 228.

⁹ См.: *Оржиховский И.В.* Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX века. Горький, 1974. С. 10.

¹⁰ См.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 192.

¹¹ См.: *Алафаев А.А.* Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в. Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991. С. 100–111.

¹² См.: *Хевралина В.М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60 — начало 80-х годов XIX в. М., 1986. С. 158–159.

¹³ Набат. 1877. № 1/2. С. 9.

¹⁴ Конституционные проекты начала 80-х гг. XIX в. // Красный архив. Т. 6 (31). М.; Л., 1928. С. 121–134.

¹⁵ См.: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983. С. 145.

¹⁶ См.: Российские самодержцы. С. 219.

¹⁷ Цит. по: *Троцкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979. С. 260–261.

¹⁸ Там же. С. 248, 253, 257.

¹⁹ См.: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России (1861–1904) // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 172.

²⁰ См.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. Т. I. М., 1928. С. 180–182.

²¹ ОР РГБ. Ф. 169. К. 6. Д. 5. Л. 93об.

²² См.: Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 260.

²³ См.: Очерк деятельности Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. С. 168, 182.

²⁴ Цит. по: *Боголепов М.* Государственный долг. СПб., 1910. С. 484.

²⁵ Цит. по: *Шенелев А.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 72.

²⁶ См.: Мировые экономические кризисы. Т. 1 (Приложения). М., 1937.

²⁷ Известно, что в тот период строительство километра железных дорог требовало в среднем до 80–100 тыс. руб. золотом и 100 т металла. См.: *Соловьёва А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 132.

²⁸ Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 71–73.

²⁹ *Куломзин А.А., Рейтерн-Нолькен В.Г.* Биографический очерк. С приложениями из посмертных записок М.Х. Рейтерна. СПб., 1910. С. 100.

³⁰ Цит. по: *Соловьёва А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 97.

³¹ Там же. С. 97–112; *Она же.* Промышленная революция в России в XIX в. С. 133–142.

³² В 1875 году длина железных дорог составила: во Франции 13 529 км, в России (без Финляндии) 12 166 км, в Великобритании 14 510 км, в Германии 17 376 км, в Австро-Венгрии 10 394 км. The new volumes of the Encyclopedia Britannica, constituting in combination with the existing volumes of the ninth edition. The tenth edition. Vol. XXVIII. L., 1902. P. 318.

³³ *Судейхин В.Т.* Александр Максимович Княжевич // Русская старина. 1892. Т. 76. С. 427.

³⁴ См.: *Шенелев А.А.* Указ. соч. С. 113–115.

³⁵ См.: *Соловьёва А.М.* Железнодорожный транспорт. С. 118–146; *Она же.* Промышленная революция в России в XIX в. С. 173–192.

³⁶ См.: *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 64; *Соловьёва А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. С. 187.

³⁷ См.: *Соловьёва А.М.* Развитие паровой энергетики в промышленном производстве России в XIX в. // История СССР. 1978. № 2. С. 29.

³⁸ См.: Россия. Ее настоящее и прошедшее. СПб.: Изд-во Брокгауз и Ефрон, 1900. С. 307–308.

³⁹ См.: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В.И. Покровского. Т. 1. СПб., 1902. С. 105–117.

⁴⁰ См.: *Ананьин Б.В.* Россия и международный капитал. 1897–1914. Л., 1970. С. 11.

⁴¹ Не все важнейшие отрасли российской промышленности были охвачены депрессией. Такие, как каменноугольная и особенно нефтяная, были ею затронуты в очень незначительной степени.

⁴² См.: *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1956. С. 111.

⁴³ Цит. по: *Шепелев А.Е.* Указ. соч. С. 141.

⁴⁴ Значительное увеличение ввозных пошлин было осуществлено Бунге вопреки его же собственным убеждениям.

⁴⁵ Дневник А.А. Половцова. Т. 1. М., 1966. С. 372.

⁴⁶ По сообщению самого Вышнеградского, его состояние ко времени назначения министром составляло около 1 млн руб. Через пять лет к моменту отставки оно было не менее 2 млн, а по мнению некоторых сановников больше 2,5 млн руб. (см.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 541–542).

⁴⁷ *Geyer O.* Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy. 1860–1914. Hamburg; New York, 1987. P. 131.

⁴⁸ Цит. по: *Шепелев А.Е.* Указ. соч. С. 154.

⁴⁹ См.: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. С. XXXIII. В сравнении с мировой практикой таможенного покровительства русский тариф 1891 года превосходил «все, что когда-либо было сделано в Европе в смысле таможенной охраны» (*Шульце-Геверниц Г.* Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901. С. 211).

⁵⁰ Об обстановке во время отставки Вышнеградского см. Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Т. II. СПб., 1911. С. 178–179.

⁵¹ *Witte S.J.* Vorlesungen Ober Volks- und Staatswirtschaft. Stuttgart, 1913. S. 131.

⁵² См.: *Соловьёва А.М.* Железнодорожный транспорт. С. 193–203, 225–226.

⁵³ См.: *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 143.

⁵⁴ В 1887–1897 годах ежегодный прирост производства по отдельным отраслям был: по горной 11,2, химической 10,7, металлической 8,4, текстильной 7,8, пищевой 1,7% (там же. С. 143).

⁵⁵ См.: *Ковальченко И.Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земельском производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории. М., 1971. С. 191.

⁵⁶ См.: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. С. 7–8.

⁵⁷ См.: *Гулишамбаров С.О.* Сравнительная статистика России в мировом хозяйстве и в ряду великих держав в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1905. С. 44.

⁵⁸ Англия придерживалась принципов свободной торговли, и ввозимые туда товары не облагались таможенными пошлинами.

⁵⁹ Материалы по истории СССР. Т. VI. М., 1959. С. 167–168.

⁶⁰ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 46. Л. 70–71.

⁶¹ См.: Всеподданнейший доклад по Военному министерству 15 января 1862 г. Табл. 1. Столетие Военного министерства. Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. Т. 1. СПб., 1902. С. 75.

⁶² См.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 50.

⁶³ Примерно за тот же период, с 1859 по 1874 год, рост военного бюджета ряда европейских стран представлял собой следующую картину: Германии 164, Турции 73, России 54, Франции 46, Австрии 19% (см.: *Блиох И.* Финансы в России XIX столетия. СПб., 1882. С. 200).

⁶⁴ Д.А. Милютин. Дневник. Т. 1. М., 1947. С. 39.

⁶⁵ Цит. по: *Зайончковский П.А.* Военные реформы. С. 261. По данным, приведенным в той же записке, вооруженные силы Германии составляли до 1150 тыс., Австрии до 1 млн, Турции до 700 тыс. человек.

⁶⁶ Там же. С. 189.

⁶⁷ Там же. С. 280–288.

⁶⁸ Там же. С. 288–304.

⁶⁹ Там же. С. 57.

⁷⁰ См.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы. С. 350–356.

⁷¹ См.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 60.

⁷² *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 304.

⁷³ *Geyer D.* Op. cit. P. 130.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д, 137. Л. 1.

⁷⁵ См.: Россия. Ее настоящее и прошедшее. С. 307.

⁷⁶ См.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия. С. 125.

⁷⁷ Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1 января 1897 г. СПб., 1897. С. 4.

⁷⁸ См.: *Бескровный А.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 315–317.

⁷⁹ Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1 января 1882 г. СПб., 1882. С. 5.

⁸⁰ См.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия. С. 127.

⁸¹ См.: *Верховский В.М.* Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог России до 1897 г. включительно. СПб., 1898. С. 113–115.

⁸² См.: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 32, 44–46; *Ростунов И.И.* Русский флот первой мировой войны. М., 1976. С. 64–72.

⁸³ Цит по: *Бескровный А.Г.* Указ. соч. С. 484.

⁸⁴ См.: *Огородников Е.Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет его существования (1802–1902). СПб., 1902. С. 153.

⁸⁵ Цит. по: История русской армии и флота. Т. 12. М., 1913. С. 8.

⁸⁶ См.: Морской сборник. 1911. № 3. С. 16; *Огородников Е.Ф.* Указ. соч. С. 187.

⁸⁷ См.: Обзор деятельности Морского управления в России. Ч. 1. СПб., 1902. С. 535.

⁸⁸ См.: Обзор деятельности Морского ведомства (1881–1894 гг.). СПб., 1901. С. 56.

⁸⁹ Цит. по: *Огородников Е.Ф.* Указ. соч. С. 218.

⁹⁰ См.: *Козлов И.А.* Русский военно-морской флот в эпоху капитализма. Л., 1966 (рукопись докторской диссертации). С. 230–235; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990. С. 15–16.

⁹¹ Цит. по: *Петров М.А.* Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С. 27.

⁹² См.: Флот в Первой мировой войне. Т. 1. М., 1964. С. 20; *Козлов И.А.* Указ. соч. С. 235.

⁹³ См.: Козлов И.А. Указ. соч. С. 236–240; Золотарев В.А., Козлов И.А. Указ. соч. С. 18–19.

⁹⁴ См.: Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 489–490.

⁹⁵ См.: Петров М.А. Указ. соч. С. 32.

Глава II

¹ См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 23–41; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Сост. Ю.В. Ключников, А.М. Сабанин. Ч. 1. М., 1925. С. 169, 171–173.

² См.: Нессельроде К.В. Записка о политическом положении России после заключения мира (март 1856 г.) // Русский архив. 1872. № 2. С. 342–344.

³ Берти Д. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 575.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1956. С. 259.

⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5290. Л. 1об. 2.

⁶ Цит. по: Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. К истории Восточного вопроса. М., 1989. С. 8.

⁷ Цит. по: Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 402.

⁸ Сборник, изданный в память 23-летнего управления Министерством иностранных дел государственного канцлера светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856–1881. СПб., 1882. С. 3.

⁹ См.: Татищев С.С. Указ. соч. С. 229–230.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5290. Л. 55.

¹¹ Цит. по: Нольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859–1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925. С. 39–41.

¹² Нессельроде К.В. Указ. соч. С. 343.

¹³ См.: Gorainovs J. Les etapes de l'Alliance franco-russe 1853–1861 // La Revue de Paris. 1912. 1 jan. et 15 fév.

¹⁴ См.: Фейгина Л.А. Из истории русско-французских отношений (Секретный договор 3 марта 1859 г.) // Века. № 1. Пг., 1924. С. 133–164; Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений (Дипломатическая борьба 1857–1858 гг., вокруг вопроса о независимости Черногории) // Исторические записки. 1958. № 63; Она же. Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г. // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. XXVIII. Вып. 4.

¹⁵ См.: Рыжова Р.И. Сближение России и Франции. С. 142–144, 146–147; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 186–187.

¹⁶ См.: Рыжова Р.И. Сближение России и Франции. С. 149–157.

¹⁷ Там же. С. 160–168.

¹⁸ Цит. по: Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 3.

¹⁹ Сборник договоров России. С. 69–70.

²⁰ Цит. по: Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 35.

²¹ См.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселёв и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 109–110.

²² См.: Панченкова М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860–1861 гг. М., 1966. С. 47.

²³ См. Ротштейн Ф. К истории франко-русского соглашения 1859 г. // Красный архив. 1938. Т. 3 (88). С. 186.

²⁴ См.: Международные отношения на Балканах. С. 31.

²⁵ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ.соч. С. 171–172, 184.

²⁶ Цит. по: Международные отношения на Балканах. С. 60.

²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1856 г. Д. 43. Л. 91об.

²⁸ См.: *Хитрова Н.И.* По поводу записки Е.П. Ковалевского о Восточном вопросе // В памет на академик Михаил Димитров. София, 1974.

²⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 32.

³⁰ См.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975. С. 123–138, 177–189 и др.

³¹ См.: *Рыжова Р.И.* Из истории русско-черногорских отношений. С. 130; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979. С. 117–121.

³² Цит. по: *Рыжова Р.И.* Из истории русско-черногорских отношений. С. 208.

³³ См.: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 166–167.

³⁴ См.: *Никитин С.А.* Европейская дипломатия и Сербия в начале 60-х годов XIX в. // Вопросы истории. 1962. № 5. С. 75–102; *Јакиши Г., Вукчевић В.* Спољ на политика Србије за владе кнеза Михаила (Први Балкански савез). Београд, 1963. С. 119–155.

³⁵ См.: Международная политика новейшего времени. С. 185–187.

³⁶ См.: Международные отношения на Балканах. С. 66–67.

³⁷ См.: *Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX в. Владикавказ, 1992. С. 6.

³⁸ См.: *Зиссерман А.А.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. 2. М., 1890. С. 36–40; *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 279.

³⁹ См.: *Бушуев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е годы XIX века). М., 1955; *Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 144–180.

⁴⁰ См.: *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII 80-е годы XIX в. М., 1984. С. 199–202; *Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 183–184, 189–190.

⁴¹ См.: *Смирнов И.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 214–216, 220; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. 1917 г.) М., 1988. С. 199–200, 207.

⁴² Международная политика новейшего времени. С. 187–188.

⁴³ См.: *Ревуненков В.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 122, 129–134, 143–144, 237.

⁴⁴ См.: *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 483–485.

⁴⁵ Цит. по: *Лесник С.* Россия и Пруссия в Шлезвиг-Голштинском вопросе // Красный архив. 1939. Т. 2(93). С. 56.

⁴⁶ Там же. С. 57, 58.

⁴⁷ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). Т. II. М., 1947. С. 255–256.

⁴⁸ Лесник С. Россия и Пруссия. С. 57.

⁴⁹ Там же. С. 57, 109–110.

⁵⁰ См.: Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 59.

⁵¹ Цит. по: Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах за объединение Германии «сверху». М., 1960. С. 80.

⁵² См.: Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 65.

⁵³ См.: Никитин С.А. Очерки по истории южных славян. С. 168–169.

⁵⁴ Цит. по: Петровић Н. Аустро-угарска погодба, градови и неточно питање // Ослобођење градова у Србији од Турака. Београд, 1970. С. 278.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Главный архив V-A₂. Д. 533. Л. 54–68.

⁵⁶ См.: Зуева Н.В., Шатохина Е.М. Из истории балканской политики России 1856–1867 гг. // Балканские исследования. Вып. 8. М., 1983. С. 159; Вујовић Д. Црна Гора и Француска 1860–1914. Цетиле, 1971. С. 136–137.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1868 г. Л. 188 об.; Ф. Посольство в Константинополе. Д. 3632. Л. 32.

⁵⁸ Записки графа Н.Л. Игнатьева // Исторический вестник. 1914. № 7. С. 59.

⁵⁹ Цит. по: Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. С. 143.

⁶⁰ См.: Шнеерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия. Минск, 1976. С. 108; Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 69.

⁶¹ Цит. по: Никитин С.А. Нота А.М. Горчакова об отмене условий Парижского мира и русская общественность // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 410–411.

⁶² Правительственный вестник. 1870. № 235. 3(15) ноября. С. 1.

⁶³ О реакции русской печати на циркуляр А.М. Горчакова см.: Никитин С.А. Нота А.М. Горчакова; Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977; Шнеерсон Л.М. Указ. соч. и др.

⁶⁴ Русские ведомости. 1870. 10 ноября; Вестник Европы. 1870. Т. 6. Кн. 12. С. 919.

⁶⁵ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Вып. 2. М., 1929. С. 205.

⁶⁶ Сборник договоров России. С. 108.

⁶⁷ Тютчев Ф.И. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 214.

⁶⁸ Московские ведомости. 1871. 6 марта.

⁶⁹ Русские ведомости. 1871. 14 марта; С.-Петербургские ведомости. 1871. 13 марта.

⁷⁰ См.: Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 93; Шнеерсон Л.М. На перепутье европейской политики. Австро-руско-германские отношения (1871–1875). Минск, 1984. С. 99, 100, 103–107.

⁷¹ Сборник договоров России. С. 124.

⁷² См.: Шнеерсон Л.М. На перепутье европейской политики. С. 121.

⁷³ Сборник договоров России. С. 126–127.

⁷⁴ См.: Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 108–109.

⁷⁵ Там же. С. 109–110.

⁷⁶ См.: Борисов Ю.В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира 1871–1875 гг. М., 1951. С. 238–251.

⁷⁷ См.: Ерусалимский А.Е. Франко-германский кризис 1875 г. // Красный архив. 1938. Т. 6(91). С. 110–111, 115.

Глава III

¹ См.: Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 3–4.

² В официальных документах Министерства иностранных дел в понятие «Средняя Азия» включались не только среднеазиатские государства, но и Казахские жузы, киргизские и туркменские племена, не создавшие своей государственности // АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1856 г. Л. 266.

³ См.: Хидоятов Г.А. Моя роди ад история. Ташкент, 1990. С. 253.

⁴ Там же. С. 213–217.

⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1838 г. Л. 285.

⁶ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Оп. 8. 1840 г. Д. 12. Л. 2–3.

⁷ Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России. Ч. II. СПб., 1835. С. 248.

⁸ См.: Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия, М., 1949. С. 155.

⁹ ГА РФ. Ф. 730 (Н.П. Игнатьев). Оп. 1. 1858 г. Д. 288. Л. 1.

¹⁰ См. Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е гг. XIX в., М., 1963. С. 53.

¹¹ См.: Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства. С. 156–157.

¹² См.: Соколов А.А. Торговая политика России в Средней Азии. Ташкент, 1971. С. 47–49.

¹³ См.: Ingle H.N. Nesselrode and Russian Rapprochement with Britain 1836–1844. Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 94–95.

¹⁴ Вернадский И. Политическое равновесие и Англия // Московские ведомости. 1854. № 34.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. 1856–1864 гг. Д. 12. Л. 2.

¹⁶ Доклад А.М. Горчакова Александру II. 3 сентября 1865 г. // Красный архив. 1939. № 2(93). С. 108.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 286. Л. 2–4.

¹⁸ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. М., 1960. С. 66; Rieber A. The Politics of Autocracy. Mon ton, 1966. P. 72–73; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.А. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 257–258.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1856 г. Л. 279.

²⁰ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 258.

²¹ Обручев Н.А. О вооруженной силе и ее устройстве // Военный сборник. 1858. Т. I. № 1.

²² Венюков М.И. Из воспоминаний. Т. I. Амстердам, 1895. С. 32.

²³ См.: Халфин Н.А. Три русские миссии. Ташкент, 1956; Соколов А.А. Указ. соч.; Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч.

²⁴ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Оп. 8. 1857 г. Д. 12. Л. 3 об.

²⁵ См.: Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva. 1865–1924. Harvard University Press, 1968. P. 16.

²⁶ См.: Соколов А.А. Указ. соч. С. 54–55; Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. С. 232–234.

²⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1857 г. Л. 178.

²⁸ Подробнее о Н.В. Ханыкове см.: *Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.* Н.В. Ханыков востоковед и дипломат. М., 1977.

²⁹ АВПРИ. Ф. Главный архив I–I. Оп. 781. 1859–1860 гг. Д. 99. Л. 24.

³⁰ См.: *Rieber A.* Op. cit. P. 78.

³¹ В записках о своем путешествии Ханыков подробно описал положение государств Среднего Востока, отметил их слабую связь с Европой. См.: *Khanikoff N.* Memoire sur partie meridionale de l'Asie Centrale. P., 1861.

³² АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Оп. 8. Д. 8. Ч. II. Л. 144–144об. Сведения о среднеазиатских государствах, извлеченные из записки действительного статского советника Ханыкова, бывшего начальника Хорасанской экспедиции 1858 года.

³³ Там же. Л. 145, 157.

³⁴ См.: *Игнатъев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897. С. 1.

³⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1857 г. Л. 183.

³⁶ См.: *Игнатъев Н.П.* Указ. соч. С. 2–3.

³⁷ См.: *Княпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 263.

³⁸ ГА РФ. Ф. 730. Д. 289. Л. 7; *Залесов Н.Г.* Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 г. // Русский вестник. 1871. № 1–3.

³⁹ См.: *Залесов Н.Г.* Указ. соч. // Русский вестник. 1871. № 3. С. 66.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 730. Д. 302. Л. 54.

⁴¹ См.: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. С. 102; *Княпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 265–267.

⁴² *Игнатъев Н.П.* Указ. соч. С. 274.

⁴³ *Залесов Н.Г.* Указ. соч. С. 69–72.

⁴⁴ См.: *Великанов Ч.Ч.* Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947. С. 79.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1859 г. Л. 219.

⁴⁶ *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 69.

⁴⁷ Отчет опубликован во втором томе сочинений Ч.Ч. Валиханова.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1859 г. Л. 217.

⁴⁹ Не Могу согласиться с утверждением Н.А. Халфина, что после возвращения миссии Н.П. Игнатъева из поездки в Хивинское и Бухарское ханства царское правительство начало подготовку к прямой экспансии в Средней Азии (см.: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. С. 119). Факты, приводимые автором, говорят о разработке планов по захвату Средней Азии не российским правительством, а оренбургским генерал-губернатором и его сторонниками, эти планы не поддерживались Петербургом.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1860 г. Л. 281.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Оп. 8. 1852–1859 гг. Д. 8. Ч. I. Л. 250–250 об.

⁵² ОР РГБ. Ф. 169 (Милютин Д.А.). К. 9. Д. 21. 1861 г. Л. 346.

⁵³ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. 1861 г. Д. 507. Л. 7–8.

⁵⁴ Там же. Л. 3.

⁵⁵ См.: *Rawlinson H.* England and Russia in the East. L., 1875; *Мак-Грегор.* Оборона Индии. СПб., 1891.

⁵⁶ См.: *Gillard D.* Struggle for Asia. 1829–1914. L., 1977. P. 145.

⁵⁷ См.: *Понов А.А.* Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. 1940. Т. 9. С. 210.

- ⁵⁸ См.: *Хидоятов Г.А.* Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981.
- С. 42.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 483. Д. 62. Л. 13.
- ⁶⁰ Там же. Л. 42.
- ⁶¹ ОР РГБ. Ф. 169. К. 9. Д. 21. 1861 г. Л. 339.
- ⁶² Там же. Д. 12. 1861 г. Л. 564.
- ⁶³ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1863 г. Л. 81.
- ⁶⁴ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 507. Л. 15.
- ⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 169. К. 10. Д. 8. Л. 334.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 483. Д. 62. Л. 176–176об.
- ⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 169. К. 10. Д. 17. Л. 34.
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1863 г. Л. 182.
- ⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 169. К. 10. Д. 17. Л. 47.
- ⁷⁰ См.: *Русская мысль*. 1899. № 9. С. 139.
- ⁷¹ См.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 137, 174.
- ⁷² См.: *Pierce R.A.* Russian Central Asia. 1867–1917. Berkeley and Los Angeles, 1960. P. 13.
- ⁷³ См.: *Kasenzade F.* Russia and Britain in Persia: 1864–1914. New Haven (Ind.), 1968. P. 6.
- ⁷⁴ См.: *Ramazani R.K.* The Foreign Policy of Iran. University Press of Virginia, 1966. P. 51–53.
- ⁷⁵ См.: *Morgan J.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. L., 1981. P. 10, 36–40), 213–214.
- ⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 169. К. 9. Д. 27. Л. 230.
- ⁷⁷ За успешные действия по соединению линий Черняев и Веревкин получили чин генерал-майора.
- ⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 169. К. 10. Д. 17. Л. 57.
- ⁷⁹ Там же. Л. 58,
- ⁸⁰ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880, С. 22–23.
- ⁸¹ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1864 г. Л. 218–219.
- ⁸² См.: Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания / Собр. полк. А.Г. Серебренников. Т. 17. Ч. 2. Ташкент, 1915. С. 133.
- ⁸³ *Stumm H.* Russia in Central Asia. L., 1885. P. 50.
- ⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 169. К. 10. Д. 17. Л. 64.
- ⁸⁵ См.: Туркестанский край. Т. 19. Ч. 1. С. 48–49.
- ⁸⁶ Там же. С. 81–85. См. также: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. С. 194–195.
- ⁸⁷ Этот эпитет вынес в заголовок своей книги американский историк Д. Маккензи. См.: *Mackenzie D.* The Lion of Tashkent of General M.G. Chemiaev. Athens: University of Georgia Press, 1974.
- ⁸⁸ См.: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. С. 202.
- ⁸⁹ *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. М., 1961. С. 60 (запись от 20 июля 1865 г.).
- ⁹⁰ *Григорьев В.* О русских интересах в подвластных нам оседлых странах Средней Азии // Москва. 1867. № 23.
- ⁹¹ См.: Туркестанский край. Т. 20. Ч. 2. С. 47.
- ⁹² См.: Там же. С. 150.

⁹³ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу с приложением и картою Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1868. С. 35, 173.

⁹⁴ Венюков М.И. Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского трактата. Т. 1. Лейпциг, 1879. С. 153.

⁹⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6786. Л. 11.

⁹⁶ См.: Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. С. 212–214.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1865 г. С. 203.

⁹⁸ См.: Халфин Н.А. Указ. соч. С. 216.

⁹⁹ ОР РГБ. Ф. 169. К. 11. Д. 2. Л. 281.

¹⁰⁰ Там же. Л. 292.

¹⁰¹ См.: Туркестанский край. Т. 22. Ч. 2. С. 240.

¹⁰² См. подробнее: Княгинина Н.С. Административная политика российского правительства на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. № 4.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Оп. 8. 1867 г. Д. 12. Л. 4, 5, 8.

¹⁰⁴ Милютин Д.А. Дневник. Т. 2. М., 1950. С. 131.

¹⁰⁵ ЦГИА Узбекистана. Ф. 1. Оп. 34. 1866–1898 гг. Д. 8. Л. 23.

¹⁰⁶ См.: Вестник Европы. 1869. № 1.

¹⁰⁷ ЦГИА Узбекистана. Ф. 1. Оп. 34. 1866–1898 гг. Д. 8. Л. 3–5.

¹⁰⁸ См.: Вестник Европы. 1868. № 7. С. 406.

¹⁰⁹ См.: Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872–1885. СПб., 1886. С. 2–4.

¹¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹¹ Новые переговоры по афганскому разграничению были возобновлены в 1872 году.

¹¹² Присоединение Туркмении к России. Сборник документов. Ашхабад, 1960. С. 32.

¹¹³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6814. Л. 102.

¹¹⁴ См.: Присоединение Туркмении к России. С. 33.

¹¹⁵ См.: *Pierce R.* Op. cit. P. 38.

¹¹⁶ Присоединение Туркмении к России. Док. 14.С. 47–48; Док. 15. С. 49.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6808. Л. 17.

¹¹⁸ ЦГИА Узбекистана. Ф. 1. Оп. 34. Д. 8. Л. 234–235.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6808. Л. 8, 15.

¹²⁰ См.: *Gillard D.* The Struggle for Asia 1828–1914. L., 1977. P. 105; *Rieber A.S.* Op. cit. P. 82.

¹²¹ ЦГИА Узбекистана. Ф. 1. Оп. 34. Д. 8. Л. 220–222.

¹²² Цит по: Толбухов К. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. Июнь. С. 906–907.

¹²³ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Оп. 3. 1872–1873 гг. Д. 12. Л. 6, 11.

¹²⁴ Там же. Л. 13.

¹²⁵ Там же. Л. 16–17.

¹²⁶ См.: Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952. С. 131–135.

¹²⁷ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 1867–1881 гг. СПб., 1885. С. 5.

- ¹²⁸ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Оп. 8. 1867 г. Д. 12. Л. 56.
- ¹²⁹ См.: *Atkin M.* Russia and Iran 1780–1828. Minneapolis, 1980. P. 146–148.
- ¹³⁰ См.: *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 289.
- ¹³¹ АВПРИ. Ф. Главный архив IV-34. Оп. 145. 1831–1875 гг. Д. 1. Л. 408.
- ¹³² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 101. Л. 18.
- ¹³³ Проект всеподданнейшего отчета. С. 43.
- ¹³⁴ Там же. С. 44.
- ¹³⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6829. Л. 10.
- ¹³⁶ Там же. Л. 9.
- ¹³⁷ Там же. Л. 13.
- ¹³⁸ Проект всеподданнейшего отчета. С. 259.
- ¹³⁹ См.: Положение об управлении Туркестанским краем. Т. 1–2. СПб., 1886.
- ¹⁴⁰ Там же. Т. 1. Ч. 2. Ст. 117, 118, 120.
- ¹⁴¹ См.: *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край. Т. 3. СПб., 1880. С. 42.
- ¹⁴² См.: *Аминов А., Бабаходжаев А.* Экономические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. С. 71.
- ¹⁴³ Проект всеподданнейшего отчета. С. 130, 132–134, 210.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 163, 171–172, 198, 202, 205, 222.
- ¹⁴⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. № 35428.
- ¹⁴⁶ См.: *Остроумов Н.* Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова. Ташкент, 1899. С. 232, 241, 245.
- ¹⁴⁷ См.: *Кастельская З.Д.* История Туркестанского края. М., 1980. С. 35.
- ¹⁴⁸ ЦГИА Узбекистана. Ф. 715. Оп. 1. Д. 49. Л. 60.
- ¹⁴⁹ См.: *Jelavich B.* St. Petersburg and Moscow. Bloomington; L., 1974.
- ¹⁵⁰ См.: *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. Ташкент, 1969. С. 86–87.
- ¹⁵¹ Афганское разграничение. С. 6.
- ¹⁵² Вестник Европы. 1873. № 8.
- ¹⁵³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6792. Л. 3. 3 об.
- ¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 859. Л. 6–7.
- ¹⁵⁵ См.: Сборник договоров России с другими государствами. С. 129–134.
- ¹⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 169. К. 11. Д. 19.
- ¹⁵⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6792. Л. 6.
- ¹⁵⁸ ЦГИА Узбекистана. Ф. 715. Оп. 1. Д. 60. Л. 195.
- ¹⁵⁹ См.: *Хасанов А.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50–70 гг. XIX в. Фрунзе, 1961.
- ¹⁶⁰ *Ахмеджанов Г.А.* Советская историография присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1989. С. 91.
- ¹⁶¹ См.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. С. 233, 278–279; *Хидоятов Г.А.* Британская экспансия в Средней Азии. С. 48–49.
- ¹⁶² Присоединение Туркмении к России. Док. 178. С. 336.
- ¹⁶³ Там же. Док. 193. С. 360; Док. 177. С. 335.
- ¹⁶⁴ Там же. Док. 177. С. 334.
- ¹⁶⁵ АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. 1879 г. Оп. 485. Д. 854. Л. 115.
- ¹⁶⁶ Русский вестник. 1885. № 5. С. 439.

¹⁶⁷ Подробнее об англо-афганской войне см.: *Соболев М.Н.* Страницы из истории восточного вопроса. Англо-афганская распря. Т. 1–4. СПб., 1882–1885; *Халфин Н.А.* Вторая англ о-афганская война (1878–1880)// Вопросы истории. 1974. № 2.

¹⁶⁸ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Оп. 8. 1879–1882 гг. Д. 4. Л. 58–59.

¹⁶⁹ Там же. Д. 15. Л. 51.

¹⁷⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6861. Ч. 1. Л. 62.

¹⁷¹ Русский вестник. 1879. № 8. С. 925.

¹⁷² Вестник Европы. 1878. № 12. С. 928.

¹⁷³ *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. М., 1950. С. 224–226.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6862. Ч. 2. Д. 12. Л. 3.

¹⁷⁵ Там же. Л. 12.

¹⁷⁶ Цит. по: *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 1. СПб., 1883. С. 180.

¹⁷⁷ Там же. Т. II. С. 10, 20.

¹⁷⁸ АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 854. Л. 26.

¹⁷⁹ См.: *Хидоятов Г.А.* Из истории анто-русских отношений в Средней Азии. С. 391.

¹⁸⁰ Цит. по: *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. II. С. 141.

¹⁸¹ Присоединение Туркмении к России. Док. 281. С. 543–544; Док. 307. С. 571.

¹⁸² *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 4. С. 18.

¹⁸³ См.: Присоединение Туркмении к России. Док. 292. С. 559; Док. 293. С. 563.

¹⁸⁴ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб., 1906.

С. 317.

¹⁸⁵ См.: Присоединение Туркмении к России. Док. 308. С. 574.

¹⁸⁶ См. подробнее: *Хидоятов Г.А.* Указ. соч. С. 393, 415 и др.; *Маннанов Б.* Из истории русско-иранских отношений в конце XIX начале XX вв. Ташкент, 1964. С. 57.

¹⁸⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет Азиатского департамента за 1890 г. Л. 92–92об.

¹⁸⁸ См.: Присоединение Туркмении к России. Док. 397. С. 602–605.

¹⁸⁹ Афганское разграничение. С. 16, 20; *Хидоятов Г.А.* Британская экспансия. С. 66–67.

¹⁹⁰ Присоединение Туркмении к России. Док. 283. С. 547.

¹⁹¹ См.: *Gillard D.* The Struggle for Asia. P. 144.

¹⁹² См. подробнее: *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 147–149, 151–152.

¹⁹³ См.: *Хидоятов Г.А.* Британская экспансия. С. 82; Присоединение Туркмении к России. С. 723–724.

¹⁹⁴ См.: Афганское разграничение. С. 101, 179; *Хидоятов Г.А.* Указ. соч. С. 103.

¹⁹⁵ См.: *Хидоятов Г.А.* Указ. соч. С. 107.

¹⁹⁶ Там же. С. 101.

¹⁹⁷ Там же. С. 133.

¹⁹⁸ Там же. С. 144–145.

¹⁹⁹ См.: Сборник договоров России с другими государствами. С. 228–229.

²⁰⁰ Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1874–1914. Bd. 4. В., 1922. S. 113–114.

²⁰¹ См.: Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 1. М., 1963. С. 303.

²⁰² См.: Биржевые ведомости. 1885. 17 марта.

²⁰³ См.: Биржевые ведомости. 1885. 25 апреля.

²⁰⁴ См.: Афганское разграничение. С. 377–381.

²⁰⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1887 г. Л. 57.

²⁰⁶ См.: *Porowski S. The Rival Powers in Central Asia on the Struggle between England and Russia in the East*. L., 1893. P. 78.

²⁰⁷ Проект всеподданнейшего отчета. С. 46.

²⁰⁸ Там же. С. 371.

Глава IV

¹ Цит. по Повальников С.И. Война Англии и Франции против Китая (вторая опиумная война 1856–1860 гг.) и позиция России // Документы опровергают. М., 1982. С. 252.

² См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973. С. 95, 100, 103.

³ См.: *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Т. 1. М., 1891. С. 321–322.

⁴ Цит. по: *Сгибнев А.С.* Амурская экспедиция 1854 г. // Древняя и новая Россия. 1878. № 11. С. 224.

⁵ Цит. по: *Барсуков И.А.* Указ. соч. Т. 2. М., 1891. С. 137.

⁶ Цит. по: *Повальников С.И.* Указ. соч. С. 268.

⁷ Там же. С. 262.

⁸ Там же. С. 264–265.

⁹ Цит. по: *Барсуков И.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 509.

¹⁰ См.: Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952. С. 47–48.

¹¹ См.: *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. С. 296–297.

¹² Сборник договоров России. С. 53.

¹³ Цит. по: *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 156.

¹⁴ Там же. С. 203–204.

¹⁵ См.: *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества (1845–1895). Ч. 1. СПб., 1896. С. 205–206.

¹⁶ В 1859 году в Уссурийском крае работали экспедиции К.Ф. Будоговского, К.И. Максимовича, Ф.Б. Шмидта и др.

¹⁷ Цит. по: *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 268.

¹⁸ Там же. С. 269–270.

¹⁹ Там же. С. 279.

²⁰ Там же. С. 280.

²¹ См.: *Кабанов П.И.* Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 200.

²² См. Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 г. генерал-адъютантом Н.П. Ишатыевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае. СПб., 1895. С. 3.

²³ Цит. по: *Повальников С.И.* Указ. соч. С. 277.

- ²⁴ Там же. С. 280.
- ²⁵ Сборник договоров России. С. 76.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 730. Д. 401. Л. 1–6.
- ²⁷ Цит. по: *Барсуков И.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 317.
- ²⁸ См.: *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939. С. 54–56;
Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990. С. 141.
- ²⁹ Цит. по: *Окунь С.Б.* Указ. соч. С. 217.
- ³⁰ Цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 122.
- ³¹ Там же. С. 192.
- ³² См.: *Киняпина Н.С.* Россия и гражданская война в США // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1980. № 2. С. 44.
- ³³ См.: *Пономарев В.Н.* Русско-американские отношения в годы Крымской войны. 1853–1856 // Исторические записки. Т. 110. М., 1984. С. 252–253.
- ³⁴ *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 49.
- ³⁵ Там же. С. 327.
- ³⁶ См.: *Нарочницкий А.А.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956. С. 170.
- ³⁷ См.: *Малкин М.М.* Гражданская война в США и царская Россия. М.; Л., 1939. С. 220.
- ³⁸ Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия. С предисл. Е.А. Адамова // Красный архив. 1930. № 1(38). С. 154.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1963 г. Д. 160. Л. 89–92.
- ⁴⁰ Красный архив. 1930. № 1(38). С. 154.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863 г. Д. 160. Л. 53, 89–92, 105–108, 253.
- ⁴² См. С.-Петербургские ведомости. 1862. № 241. 4 ноября.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863 г. Д. 160. Л. 110–112.
- ⁴⁴ Там же. Л. 205–207.
- ⁴⁵ Там же. Л. 198.
- ⁴⁶ Там же. Л. 227об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 253.
- ⁴⁸ Красный архив. 1930. № 1(38). С. 159.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1864 г. Д. 150. Л. 91.
- ⁵⁰ См.: *Киняпина Н.С.* Указ. соч. С. 51.
- ⁵¹ Красный архив. 1930. № 1(38). С. 162.
- ⁵² АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. 1863 г. Д. 85. Л. 238–240.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863 г. Д. 160. Л. 392об.
- ⁵⁴ Красный архив. 1930. № 1(38). С. 158.
- ⁵⁵ См.: *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 184–190.
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. 1865 г. Оп. 512/3. Д. 88. Л. 222–224.
- ⁵⁷ *Окунь С.Б.* Указ. соч. С. 233.
- ⁵⁸ Текст договора см.: *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 331–335.
- ⁵⁹ См.: *Окунь С.Б.* Указ. соч. С. 252.
- ⁶⁰ См.: *Куропятник Г.А.* Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи. 1867–1881. М., 1981. С. 51.
- ⁶¹ Цит. по: *Повальников С.А.* Указ. соч. С. 255.

⁶² Ём. Файнберг ЭЛ. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 149.

⁶³ АВПРИ. Ф. Главный архив, 1–9. 1852–1856 гг. Оп. 8. Д. 17. Ч. 2. Л. 53об.; Дайнихон кобунсё (Архив Великой Японии). Документы по внешним сношениям в конце периода сёгуната. 3. С. 63.

⁶⁴ См. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ, МИД Японии.— Токио, 1992. С. 7.

⁶⁵ См. Международная политика новейшего времени в договорах и декларациях/Сост. Ю.В. Ключников, А.М. Сабанин. Ч. 1. М., 1925. С. 168.

⁶⁶ См. Петров Д.В. Колониальная экспансия США в Японии в середине XIX века. М., 1955. С. 107–108; Файнберг ЭЛ. Указ. соч. С. 174–175.

⁶⁷ См. Харуки Вада. Кайкоку нитиро коккё косе (Открытие Японии: переговоры между Японией и Россией о государственной границе). Токио, 1991. С. 164–165.

⁶⁸ См. Файнберг ЭЛ. Указ. соч. С. 181.

⁶⁹ См. Международная политика новейшего времени... С. 178.

⁷⁰ Харуки Вада. Указ. соч. С. 187.

⁷¹ Цит. по Барсуков И.П. Указ. соч. Т. 2. С. 276.

⁷² См. Дайнихон кобунсё. 3. С. 295.

⁷³ См. Файнберг ЭЛ. Указ. соч. С. 194.

⁷⁴ См. Дайнихон кобунсё. 3. С. 295.

⁷⁵ Там же. С. 296.

⁷⁶ См. Файнберг ЭЛ. Указ. соч. С. 173–174.

⁷⁷ См. Lensen G.A. Russia's Japan Expedition of 1852 to 1855. Gain swill e, 1955. P. 451.

⁷⁸ См. Файнберг ЭЛ. Указ. соч. С. 237.

⁷⁹ Там же. С. 236.

⁸⁰ См. Нарочницкий АЛ. Указ. соч. С. 150.

⁸¹ Там же. С. 151.

⁸² Там же. С. 152.

⁸³ См. Международная политика новейшего времени... С. 214.

⁸⁴ См. Файнберг ЭЛ. Указ. соч. С. 283.

⁸⁵ См. Нарочницкий АЛ. Указ. соч. С. 213.

⁸⁶ Там же. С. 233.

⁸⁷ Там же. С. 235.

⁸⁸ См. Сборник договоров России... С. 211–221.

⁸⁹ См. Нарочницкий АЛ. — Указ. соч. С. 550.

⁹⁰ См. Пак БД. Россия и Корея. М., 1979. С. 59.

⁹¹ Там же. С. 84–85.

⁹² См. Нарочницкий АЛ. Указ. соч. С. 373.

⁹³ Цит. по Пак БД. Указ. соч. С. 86.

⁹⁴ Там же. С. 87.

⁹⁵ См. Нарочницкий АЛ. Указ. соч. С. 383.

⁹⁶ Там же. С. 554.

Глава V

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 113. Л. 420–428.

² Там же. Д. 4. Л. 2–4.

³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 35–36.

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 37. Л. 165–166.

⁵ Там же. Д. 27. Л. 377.

⁶ Русија и босанско-херцеговачки устанак. 1875–1878 / Приредио Б. Па-вићевић. Св. I. Титоград, 1985. Док. 125, 138, 157.

⁷ См.: *Нарочничка Л.И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878 гг. М., 1979. С. 14–15; *Поплыко Д.Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание и русско-турецкая война 1877–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 95; *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.* М., 1986. С. 256.

⁸ См.: *Виноградов К.Б.* Русско-австрийские отношения в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине / *Med narodni naucni skup povodom 100 godisnje ustanaka u Bosni i Hercegovini i drugim balkanskim zemljaraa istocnoj krizi 1875–1878 godine.* Т. 1. Sarajevo, 1974. С. 120.

⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30. Л. 159.

¹⁰ *Игнатъев Н.П.* Записки // Исторический вестник. 1914. № 1. С. 74.

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30. Л. 109.

¹² *Игнатъев Н.П.* Указ. соч. С. 442.

¹³ Русија и босанско-херцеговачки устанак. Док. 247.

¹⁴ Там же. Док. 250.

¹⁵ См.: *Игнатъев Н.П.* Указ. соч. // Исторический вестник. 1914. № 2. С. 459.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 31. Л. 595.

¹⁷ Там же. Д. 30. Л. 759.

¹⁸ Там же. Л. 799.

¹⁹ Освобождение Болгарии. Т. 1. Док. 87. С. 184.

²⁰ См.: *Хевролина В.М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60 — начало 80-х гг. XIX в. М., 1986. С. 134–160; *Гросул В.Я.* Революционная Россия и Балканы (1874–1883 гг.). М., 1980. С. 74–92.

²¹ Освобождение Болгарии. Т. I. Док. 25. С. 88.

²² Там же. Док. 61. С. 140.

²³ Там же. Док. 84. С. 181.

²⁴ См.: *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 2. М., 1949. С. 41.

²⁵ См.: *Киняпина Н.С.* Основные этапы политики России в Восточном кризисе 1875–1878 гг. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 12.

²⁶ Освобождение Болгарии. Т. I. Док. 96. С. 201.

²⁷ Там же. Док. 105. С. 221.

²⁸ См.: *Улунян А.А.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия (очерки). М., 1978. С. 85.

²⁹ Освобождение Болгарии. Т. I. Док. 118. С. 239.

³⁰ Там же. Док. 114. С. 235.

³¹ Там же. Док. 158. С. 292.

³² Там же. Док. 376. С. 557.

³³ Там же. Док. 460. С. 644.

³⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1876 г. Л. 278.

³⁵ Освобождение Болгарии. Т. I. Док. 113. С. 231.

³⁶ См.: *Малютин Д.А.* Указ. соч. С. 54, 57.

³⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1876 г. Л. 59.

³⁸ Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952. С. 145–148.

³⁹ Представляется, что Босния упомянута здесь ошибочно. Речь могла идти только о Болгарии, так как судьба Боснии решалась в вышеназванных статьях: она делилась между Сербией и Австро-Венгрией. В пользу нашего предположения говорит тот факт, что в соответствующем месте Будапештской конвенции, подтверждавшей условия Рейхштадтского соглашения, говорилось о Болгарии, Румелии и Албании.

⁴⁰ См.: *Ектеџић М.* Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960. S. 255.

⁴¹ См.: *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 32.

⁴² См.: *Международные отношения на Балканах.* С. 236.

⁴³ См.: *Косев К.* Роль Германии в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // *Medunarodni naucni skup.* С. 259.

⁴⁴ Цит. по: *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 24.

⁴⁵ Цит. по: *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 146.

⁴⁶ Там же. С. 146–147.

⁴⁷ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 86.

⁴⁸ См.: *Международные отношения на Балканах.* С. 295.

⁴⁹ Сборник договоров России. С. 149–153.

⁵⁰ См.: *Русија и босанско-херцеговачки устанак.* Св. II. Титоград, 1986. С. 641.

⁵¹ См.: *Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове.* Вып. I. СПб., 1899. С. 32.

⁵² См.: *Освобождение Болгарии от турецкого ига.* Т. 2. М., 1964. Прилож. 2 и 3 к док. 344. С. 496–502.

⁵³ Там же. Т. 1. Док. 299. С. 439.

⁵⁴ См.: *Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове.* Вып. II. СПб., 1898. С. 234–237.

⁵⁵ См.: *Задыхин М.М.* Военно-политическое сотрудничество между Румынией и Россией в войне 1877–1878 гг. // *Россия и Восточный кризис.* С. 156.

⁵⁶ *Русија и босанско-херцеговачки устанак.* Св. III. Титоград, 1988. С. 199.

⁵⁷ Там же. С. 197.

⁵⁸ *Освобождение Болгарии.* Т. 2. Док. 1. С. 19.

⁵⁹ Там же. Док. 4. С. 21.

⁶⁰ Там же. Док. 110. С. 145.

⁶¹ Там же. Т. 1. Док. 320. С. 459.

⁶² ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп., 1877 г. Д. 35. Л. 59.

⁶³ Там же. Д. 125. Л. 23.

⁶⁴ Там же. Д. 35. Л. 39.

⁶⁵ Там же. Д. 17. Ч. 1. Л. 158.

⁶⁶ Цит. по: *Чернов С.А.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1984. С. 18.

⁶⁷ *Освобождение Болгарии.* Т. 2. Док. 22. С. 42.

⁶⁸ Там же. С. 73.

⁶⁹ Там же. Док. 61. С. 82.

⁷⁰ Там же. Док. 62. С. 90–91.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 730. Д. 123. Л. 18.

- ⁷² Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 77. С. 107.
- ⁷³ См.: *Задыхин М.М.* Указ. соч. С. 160.
- ⁷⁴ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 108. С. 142.
- ⁷⁵ ГА РФ. Ф. 730. Д. 123. Л. 100,
- ⁷⁶ Цит. по: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны. Вып. IV. С. 29.
- ⁷⁷ См.: *Улунян А.А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 48–49.
- ⁷⁸ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. М., 1978. Док. 197. С. 264.
- ⁷⁹ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 113. С. 146; Док. 139. С. 171–174.
- ⁸⁰ Там же. Док. 337. С. 372.
- ⁸¹ Там же. Док. 223. С. 266–267.
- ⁸² См.: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 101.
- ⁸³ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 166. С. 197.
- ⁸⁴ Там же. Док. 180. С. 224–225.
- ⁸⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 34. Л. 258, 294.
- ⁸⁶ Там же. Л. 295.
- ⁸⁷ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 121. С. 152.
- ⁸⁸ Цит. по: *Пушкарев К.А.* Балканские славяне и русские «освободители» // Труды Института славяноведения. Т. 2. Л., 1934. С. 224.
- ⁸⁹ См.: Балканские исследования. Вып. 4. С. 260–261.
- ⁹⁰ См.: *Ектеѝѝ М.* Op. cit. S. 324.
- ⁹¹ ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1877 г. Д. 20. Л. 107, 108; 1 эксп. 1877 г. Д. 25. Продолж. 1. Л. 95, 100, 104, 105 и др.
- ⁹² Там же. 3 эксп. 1878 г. Д. 169. Л. 35.
- ⁹³ См.: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 129.
- ⁹⁴ См.: *Струкова К.А., Хитрова Н.И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876–1878 гг.) // Балканские исследования. Вып. 4. С. 73.
- ⁹⁵ См.: *Чернов С.А.* Указ. соч. С. 25–26.
- ⁹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 34. Л. 472.
- ⁹⁷ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 306. С. 342.
- ⁹⁸ См.: *Чернов С.А.* Указ. соч. С. 29–30.
- ⁹⁹ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 311. С. 350–352.
- ¹⁰⁰ Цит. по: Международные отношения на Балканах. С. 357.
- ¹⁰¹ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 438. С. 476.
- ¹⁰² Там же. Док. 450. С. 497.
- ¹⁰³ Там же. Док. 451. С. 499.
- ¹⁰⁴ См.: *Игнатъев Н.П.* Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 96.
- ¹⁰⁵ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 402. С. 441.
- ¹⁰⁶ *Игнатъев Н.П.* Указ. соч. С. 116.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 97.
- ¹⁰⁸ Освобождение Болгарии. Т. 2. Док. 497. С. 564–568.
- ¹⁰⁹ Там же. Т. 3. М., 1967. Док. 14. С. 37.
- ¹¹⁰ См.: *Чернов С.А.* Указ. соч. С. 59.
- ¹¹¹ *Милютин Д.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 22.
- ¹¹² Там же. С. 37.

¹¹³ Освобождение Болгарии. Т. 3. С. 31.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 1123. Л. 2–3.

¹¹⁵ Освобождение Болгарии. Т. 3. Док. 34. С. 64.

¹¹⁶ Там же. Док. 53. С. 97.

¹¹⁷ Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 3. С. 45.

¹¹⁸ Освобождение Болгарии. Т. 3. Док. 55. С. 105. Подробнее о переговорах П.А. Шувалова и Р. Солсбери см.: Чернов С.Л. Указ. соч. С. 88–96.

¹¹⁹ Освобождение Болгарии. Т. 3. Док. 68, 69.

¹²⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 29а. Л. 256.

¹²¹ Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 3. С. 70.

¹²² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 29а. Л. 257.

¹²³ См.: Московские ведомости. № 177. 1878. 11 июля.

¹²⁴ Там же. № 204. 1878. 10 августа.

¹²⁵ См.: Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 4. М., 1934. С. 81.

Глава VI

¹ См.: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записи. Т. 1, по луту 1. М.; Пг., 1923. С. 29, 45, 69, 122, 198, 226–227; Валуев П.А. Дневник. 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 171, 185–186, 188–189, 203, 209.

² К.П. Победоносцев и его корреспонденты. С. 105.

³ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 163–171, 206–207, 210–211, 213.

⁴ Там же. С. 251; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1930. С. 328–329; Карцев С.Ю. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. СПб., 1906. С. 354–361. См. также: Рыбаченок И.С. Брак по расчету. Н.К. Гирс и заключение русско-французского союза // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 260.

⁵ Цит. по: Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914 (далее — GP). Bd. 3. В., 1922. S. 3.

⁶ См.: Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. М., 1977. С. 174–193; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1983. С. 468–474.

⁷ См.: Хвостов В.М. Указ. соч. С. 199.

⁸ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 136.

⁹ Там же. С. 165–166.

¹⁰ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 228–233.

¹¹ См.: Правительственный вестник. 1878. 8 августа.

¹² ГА РФ. Ф. 730. Д. 1731. Л. 1–18; К новейшей истории Болгарии // Русская старина. 1886. № 9. С. 736–738; Там же. № 11. С. 482.

¹³ См.: Хвостов В.М. Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX в. // Историо-марксист. 1930. Т. 20. С. 102.

¹⁴ Записка А.И. Нелидова 1882 г. О занятии проливов // Красный архив. 1931. Т. 3(46). С. 180–181.

¹⁵ Там же. С. 183.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1882 г. Л. 12, 13, 31, 35, 37; Ф. Канцелярия. 1882 г. Д. 25. Л. 103–104; Д. 27. Л. 248–249, 367.

¹⁷ Там же. Ф. Канцелярия. 1884 г. Д. 27. Л. 396; Д. 25, 25а. Л. 15; 1885 г. Д. 20. Т. 1. Л. 96, 108–111.

- ¹⁸ См.: *Gort E.E.* Alexander von Battenberg. Sein Kampf mit Zaren und Bismark. W., 1920. S. 88–89.
- ¹⁹ См.: *Сказкин С.Д.* Указ. соч. С. 297.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1883 г. Д. 5. Л. 63.
- ²¹ Там же. 1885 г. Д. 23. Т. 1. Л. 53.
- ²² Там же. Д. 25, 25а. Л. 82.
- ²³ Там же. 1883 г. Д. 134. Л. 212–213.
- ²⁴ Там же. Д. 17. Л. 53.
- ²⁵ Там же. 1885 г. Д. 23. Т. 1. Л. 181.
- ²⁶ Там же. Д. 25, 25а. Л. 60.
- ²⁷ GR. Bd. 4. S. 113.
- ²⁸ Ibid. S. 114.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1885 г. Л. 9.
- ³⁰ Там же. Ф. Канцелярия. 1885 г. Д. 25, 25а. Л. 82об.
- ³¹ GR. Bd. 3. S. 374.
- ³² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1884 г. Д. 92. Л. 473.
- ³³ *Pantev A.* Bulgaria in the Relations among the Allies and State Coalitions of the Great Powers (1881–1884) // Etudes historiques. Sofia, 1978. № 8.
- ³⁴ Цит. по: *Косик В.И.* Русская политика в Болгарии. М., 1991. С. 72.
- ³⁵ Там же. С. 90.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. 1885 г. Д. 2159. Л. 3–4; РГВИА. Ф. 430. Д. 177. Л. 34.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1885 г. Д. 21. Т. 2. Л. 49–50, 64.
- ³⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 3. М., 1967. С. 215.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1885 г. Д. 22. Л. 509; Д. 21. Т. 2. Л. 120.
- ⁴⁰ Documents diplomatiques franpiis. 1871–1914. S. 1. Vol. 6. P., 1934. P. 123.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 96. Л. 23–27.
- ⁴² [Bismarck.] Aus seiner politischen Privatkorrespondenz Staatssekretär Graf Herbert von Bismarck. Göttingen, 1964. S. 329.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1885 г. Д. 108. Л. 240, 226, 246; Д. 15. Л. 46.
- ⁴⁴ [Ballhausen L.F.] Bismarck Erinnerungen des Staatsministers Freiherrn Lucius von Ballhausen. Stuttgart; Berlin, 1927. S. 323.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1885 г. Д. 25. Т. 1. Л. 152.
- ⁴⁶ Външната политика на България. Документи. Т. 1. София, 1978. С. 789–790.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1886 г. Д. 29. Л. 405, 431, 473, 501, 545; Д. 30. Л. 31, 61; Д. 108. Л. 144, 154; РГВИА. Ф. 430. Д. 179. Л. 25.
- ⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1886 г. Д. 92. Л. 399.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Политархив. 1886 г. Д. 2178. Л. 13–13об.; Ф. Канцелярия. 1886 г. Д. 107. Л. 408–409.
- ⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 203. Д. 78. Л. 17–18.
- ⁵¹ Цит. по: *Горяинов С.М.* Разрыв России с Болгарией в 1886 г. // Исторический вестник. 1917. Т. 147. С. 189–190.
- ⁵² АВПРИ. Ф. Политархив. 1886 г. Д. 2172. Л. 10.
- ⁵³ Den Kwürndigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. II. B., 1927. S. 326.
- ⁵⁴ Цит. по: *Cecil Gw.* Life of Robert Marquis of Salisbury. Vol. 4. L., 1932. P. 8–9.
- ⁵⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1886 г. Д. 5. Л. 68.

⁵⁶ Там же. Д. 103. Л. 423.

⁵⁷ Den Kwürndigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. II. S. 326.

⁵⁸ Цит. по: Авантюры русского царизма в Болгарии. М., 1935. С. XIX.

⁵⁹ *Samardžiev B.* Ottoman Policy towards the Principality of Bulgaria During the Regency (August 1866 — July 1887) // *Etudes balkaniques*. Sofia, 1976. № 4. P. 59.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1887 г. Л. 28.

Глава VII

¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Оп. 509^в. Д. 83. Л. 68–68об., 321–321об.

² См. подробнее: *Сказкин С.А.* Указ. соч. С. 125; АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83.

³ Там же. С. 244.

⁴ Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки (далее — РО РГБ). Ф. 169 (Д.А. Милютин). К. 71. Д. 63.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2. Т. 36. С. 443.

⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83. Л. 10об., 88–89, 336об. — 337.

⁷ См.: *Манфред А.З.* Внешняя политика Франции 1871–1891 гг. М., 1952.

⁸ См. подробнее: *Морозов Г.П.* «Казус Аппера» и нормализация франко-русских отношений // *Французский ежегодник*. 1965. М., 1966.

⁹ *Documents diplomatiques français* (далее — DDF). Т. VI. № 328, 330, 333.

¹⁰ *Ibid.* № 362.

¹¹ См.: *Рыбаченок И.С.* Русско-французские отношения второй половины 80-х годов XIX в. на страницах русских газет // *Проблемы истории СССР*. М., 1973. С. 195–211.

¹² *Гражданин*. 1886. 15 февраля.

¹³ *Биржевые ведомости*. 1886. 20 мая, 21 мая, 12 июля, 13 июля, 16 июля.

¹⁴ *Московские ведомости*. 1886. 19 июля, 11 августа, 5 сентября, 14 сентября, 26 сентября.

¹⁵ См.: *Новое время*. 1886. 7 мая, 11 июля, 14 июля, 17 июля, 5 сентября.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83. Л. 311–338.

¹⁷ *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette* (далее — GP.). Bd. V. B., 1922. № 980.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83. Л. 90, 91, 113–114.

¹⁹ GP. Bd. VI. № 1200–1207.

²⁰ См.: *История дипломатии*. Т. 2. М., 1961. С. 244–248; *Ерусалимский А.С.* Бисмарк, дипломатия, милитаризм. М., 1968. С. 244–268.

²¹ *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886–1890 гг. М.; Л., 1926. С. 4–6; *Правительственный вестник*. 1886. № 265.

²² См.: *Манфред А.З.* Указ. соч.; *Рыбаченок И.С.* Борьба в правящих кругах России по вопросу о направлении внешней политики 1886–1887 гг. // *Вестник Московского университета*. Сер. «История». 1973. № 5.

²³ Красный архив. 1933. Т. 3(58). С. 74–75; *Феоктистов Е.М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848–1896. Л., 1929. С. 252.

²⁴ РГИА. Ф. 1044. Д. 205. Л. 2–13. Хотя записка составлена в 1888 году, представленная в ней точка зрения сложилась у Сабурова, несомненно, раньше. Об этом свидетельствуют его письма Каткову. См.: РО РГБ. Ф. 120 (М.Н. Катков). К. 10. Д. 21.

²⁵ См.: *Хвостов В.М.* Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. // Исторические записки. Т. 18; *Морозов Г.П.* Русско-французские отношения во время военной тревоги 1887 г. // Французский ежегодник. 1959. М., 1961.

²⁶ См.: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 31–35, 56, 58–60; АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Д. 99/107. Л. 40об.

²⁷ DDF. T. VI. № 410, 414; см. также: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 53.

²⁸ DDF. T. VI. N 438, 441.

²⁹ Цит. по: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 46.

³⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1808, 1887 г. Л. 22–25, 28–28об.

³¹ См.: Московские ведомости. 1887. 7 января; Красный архив. 1933. Т. 3(58). С. 78.

³² АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 99/107. Л. 50–52.

³³ ГА РФ. Ф. 568 (В.Н. Ламздорф). Д. 54. Л. 4. Подробнее см.: *Рыбаченко И.С.* Борьба в правящих кругах.

³⁴ См.: Московские ведомости. 1887. 11 марта.

³⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 83. Л. 43–44.

³⁶ Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, полутом 2. М., 1923. С. 793–794; *Феохтистов Е.М.* Указ. соч. С. 256–257; *Половцов А.А.* Дневник. Т. I. М., 1966. С. 39–41, 45.

³⁷ См.: Красный архив. 1933. Т. 3(58). С. 83–84; *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 81–82.

³⁸ GR. Bd. V. № 1070–1074.

³⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83. Л. 49; GR. Bd. V. № 1074.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83. Л. 145–147, 150–152.

⁴¹ См.: Русско-германские отношения 1873–1914. М., 1922. С. 93–127.

⁴² АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83. Л. 229–230; Русско-германские отношения. С. 123.

⁴³ GR. Bd. V. № 1083.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83. Л. 287об.; Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 268–269.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 99/107. Л. 139.

⁴⁶ Там же. Ф. Посольство в Берлине. Д. 83. Л. 302.

⁴⁷ Там же. Ф. Секретный архив. Д. 106/113. Л. 139об.

⁴⁸ Там же. Л. 61.

⁴⁹ GR. Bd. VI. № 1154.

⁵⁰ DDF. T. VI. № 279; Т. 6-бис. № 11; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1885 г. Д. 77. Л. 74, 78, 282, 286; Д. 83. Л. 86, 119об.; Д. 84. Л. 114.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1887 г. Д. 75. Л. 469.

⁵² См.: *Морозов Г.П.* Русско-французское сближение 1885–1887 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951.

⁵³ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1887 г. Д. 75. Л. 497–497об.

⁵⁴ Там же. Д. 16; GR. Bd. VI. № 1216, 1218.

⁵⁵ Московские ведомости. 1887. 30 июля.

⁵⁶ Биржевые ведомости. 1887. 27 августа.

⁵⁷ Новое время. 1887. 26 сентября.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Д. 1808. Л. 88–90, 98–100 об; Ф. Канцелярия. Д. 75. Л. 496–498 об.

⁵⁹ См.: *Соболев М.Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911; *Покровский С.А.* Внешняя торговля и внешнеторговая политика России. М., 1947.

⁶⁰ См.: *Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 547, 609; *Лившиц Р.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. С. 190; GР. Bd. V. № 1137, 1138, 1139.

⁶¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1887. Д. 16. Л. 269–271.

⁶² GР. Bd. V. № 1138, 1140, 1141, 1142.

⁶³ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 106/113. Л. 143.

⁶⁴ См.: *Кумф З.* К вопросу о причинах и следствиях запрещения Бисмарком приема в залог русских ценностей германскими банками (ноябрь 1887 г.) // Вестник Московского университета. Сер. IX «История». 1986. № 3.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1887 г. Д. 16. Л. 38об., 39; Ф. Секретный архив. Д. 106/113. Л. 140 об.

⁶⁶ *Бувье Ж.* Учреждение отделения Лионского кредита в царской России и предыстория «русских займов» // Французский ежегодник. 1961. М., 1962. С. 160; *Жиро Р.* Финансы и политика во франко-русских отношениях 1887–1889 гг. // Французский ежегодник. 1967. М., 1968. С. 139–140.

⁶⁷ *Жиро Р.* Указ. соч. С. 149. Вышнеградский писал Пирсу, что «заключение малого займа было совершенно бесцельно» (АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Д. 1856. Л. 73об.; *Богданович А.В.* Дневник. Три последних самодержца. М.; Пг., 1924. С. 73–74).

⁶⁸ См.: *Кумф З.* Указ. соч. С. 77–80.

⁶⁹ Цит. по: *Сидоров А.А.* Конверсия внешних займов России в 1888–1890 гг. // Исторический архив. 1959. № 3. С. 103; DDF. T. VII. № 167, 285, 289.

⁷⁰ Ibid. № 276, 289.

⁷¹ Цит. по: *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886–1890 гг. М.; Л., 1926. С. 137.

⁷² Исторический архив. 1959. № 3. С. 112.

⁷³ См.: *Соловьев Ю.Б.* Франко-русский союз в его финансовом аспекте // Французский ежегодник. 1961. М., 1962. С. 164.

⁷⁴ *Кумф З.* Указ. соч. С. 82.

⁷⁵ GР. Bd. VI. № 1157, 1158.

⁷⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1887 г. Д. 55. Л. 88–89.

⁷⁷ DDF. T. VII. N 29.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия МВД. 1888 г. Д. 33. Л. 7, 208, 208об. См. также: GР. Bd. II. № 360.

⁷⁹ См.: *Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. 2. М., 1961. С. 46–48.

⁸⁰ Цит. по: *Силин А.С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX в. М., 1971. С. 116.

⁸¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия МВД. 1887 г. Д. 75. Л. 497об. — 498; Ф. Посольство в Париже, 1888 г. Д. 1856. Л. 38–38об.

⁸² *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 268–276.

⁸³ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1889 г. Д. 62. Л. 139–155об.

⁸⁴ См.: *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 3. М., 1940. С. 107.

⁸⁵ Цит. по: *Силин А.С.* Указ. соч. С. 144.

- ⁸⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1888 г. Д. 15. Л. 193–193об.
- ⁸⁷ См.: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 104, 120, 121, 164, 173, 195, 196.
- ⁸⁸ Там же. С. 292, 294.
- ⁸⁹ GR. Bd. VII. № 1369, 1370, 1372, 1374–1380, 1382; *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 315–317.
- ⁹⁰ Цит. по: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 320–328.
- ⁹¹ GR. Bd. VII. № 1612, 1614.
- ⁹² См.: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 274, 281–284, 302, 309–310, 313, 314.
- ⁹³ DDF. T. VIII. № 179, 304.
- ⁹⁴ *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 108, 128, 140–148, 153, 156.
- ⁹⁵ GR. Bd. VII. № 1497, 1502, 1507.
- ⁹⁶ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 133/138. Л. 4об. Подробнее о заключении союза см.: *Рыбаченок И.С.* Союз интересов и союз сердец // Вопросы истории. 1982. № 4; *Она же.* Брак по расчету. Н.К. Гирс и заключение франко-русского союза // Российская дипломатия в портретах. М., 1992.
- ⁹⁷ DDF. T. VIII. № 438, 439; *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892. М.; Л., 1934. С. 157–160.
- ⁹⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 133/138. Л. 4об., 5.
- ⁹⁹ Там же. Д. 373/380. Л. 5; Д. 133/138. Л. 18.
- ¹⁰⁰ DDF. T. VIII. № 460, 480.
- ¹⁰¹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 373/380. Л. 7; Д. 133/138. Л. 9.
- ¹⁰² DDF. T. VIII. № 457, 462.
- ¹⁰³ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 133/138. Л. 10.
- ¹⁰⁴ *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 170–172.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 170, 175, 179; *Манфред А.З.* Внешняя политика Франции 1871–1891 гг. М., 1952. С. 511–512.
- ¹⁰⁶ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 373/380. Л. 27–28.
- ¹⁰⁷ Цит. по: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 183, 185–187.
- ¹⁰⁸ Московские ведомости. 1892. 9 января; Биржевые ведомости. 1892. 10 января; Новое время. 1892. 8 января.
- ¹⁰⁹ *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 243.
- ¹¹⁰ Там же. С. 203–208.
- ¹¹¹ DDF. T. IX. № 104.
- ¹¹² См.: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 255, 257, 280, 290; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49677.
- ¹¹³ *Субботин Ю.Ф.* Россия и Германия: партнеры-соперники. М., 1996. С. 26.
- ¹¹⁴ Цит. по: *Субботин Ю.Ф.* Указ. соч. С. 41–42.
- ¹¹⁵ См.: *Рыбаченок И.С.* Внешняя торговля России и русско-французские торговые отношения в 1891–1905 гг. // История СССР. 1982. № 1.
- ¹¹⁶ *Субботин Ю.Ф.* Указ. соч. С. 39.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 290.
- ¹¹⁸ DDF. T. VIII. № 438, 460, 467, 470, 480, 485, 486.
- ¹¹⁹ Там же. № 319, 424.
- ¹²⁰ Цит. по: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 299.
- ¹²¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 1. Л. 26–42об.
- ¹²² См.: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 315, 327–328, 355.
- ¹²³ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 478. Л. 40–44.

¹²⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 133/138. Л. 22–22об.; РГВИА. ф. 401. Оп. 5. Д. 478. Л. 46–46об.

¹²⁵ См.: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 343–344.

¹²⁶ DDF. Т. IX. № 182, 218 варианты Проекта.

¹²⁷ Ibid. № 436, 440, 441, 444, 448, 449, 453.

¹²⁸ См.: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 347–348; АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 313/380. Л. 58.

¹²⁹ РГВИА. Ф. 401. Д. 1. Л. 134–137.

¹³⁰ См.: *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 349–350; РГВИА. Ф. 401. Д. 4. Л. 35, 36; АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 373/380. Л. 62–63, 81.

¹³¹ РГВИА. Ф. 401. Д. 478. Л. 28; АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 133/138. Л. 24; Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 281–282.

¹³² РГВИА. Ф. 401. Д. 478. Л. 13–16, 17а — 17б, об.; АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 373/380. Л. 79–80.

¹³³ Там же. Ф. 401. Оп. 4. Д. 1. Л. 66–70, 81, 89–90, 110б., 119об., 150; Л. 18–37 записка.

¹³⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 133/138. Л. 97–99, 193–198.

¹³⁵ Текст писем см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 282–283.

¹³⁶ См.: *Рыбаченок И.С.* Русско-французский союз: сто лет изучения // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 1995. С. 128–151.

Глава VIII

¹ См.: *Рыбаченок И.С.* Русско-французские отношения 2-й половины 80-х гг. XIX в. на страницах русских газет // Проблемы истории СССР. М., 1973; *Она же.* Восточный кризис 1875–1878 гг. и русско-турецкая война на страницах газеты «Московские ведомости» // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX века. М., 1981; *Золотухин М.Ю.* Болгарский кризис 1885–1886 гг. на страницах русской периодической печати. М., 1982 (рукопись, депонированная в ИНИОН); *Штейнгауз А.* Китай и Корея в русско-японских отношениях 1876–1894 гг. в освещении русской прессы и публицистики // Россия и страны Востока в середине XIX — начале XX в. Иркутск, 1984; *Дмитриев Г.Л.* Средняя Азия и вольная русская печать 70-х годов XIX в. // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985; *Плотникова Н.И.* «Вестник Европы» о среднеазиатской политике России (60–70-е гг. XIX века) // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988; *Кутищев Н.Е.* Восточный вопрос в последней четверти XIX в. и российская печать. Учебное пособие. Иркутск, 1992 и др.

² См.: *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975; *Нарочницкий А.А.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895 гг. М., 1956; *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза и др.

³ *Grüning I.* Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten. 1878–1894. B., 1929; *Ambler E.* Russian Journalism and Politics. 1861–1881. The Career of Aleksei Suvorin. Detroit, 1972; *Geyer D.* Russian imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy. 1860–1914. Leamington Spa (Hamburg). N.Y., 1987.

⁴ *Пайнс Р.* Русский консерватизм во 2-й половине XIX в. М., 1970. С. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. 939 (А.С. Ионин). Д. 58. Л. 2.

⁶ См.: *Дудзинская Е.А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 261.

⁷ См.: *Миллер О.Ф.* Славянство в Европе. Статьи и речи. 1865–1877. СПб., 1877. С. 107–108.

⁸ *Аксаков И.С.* Соч. Т. 2. М., 1886. С. 757.

⁹ Там же. С. 793.

¹⁰ *Аксаков И.С.* Славянский вопрос. 1860–1886. М., 1886. С. 345.

¹¹ *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. Т. 1. М., 1885. С. 18.

¹² *Аксаков И.С.* Соч. Т. 2. С. 596.

¹³ См.: *Фадеев Р.А.* Мнение о Восточном вопросе // Собр. соч. Т. 2. СПб., 1870. С. 279; *Киреев А.А.* Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьеву. СПб., 1890. С. 11.

¹⁴ *Аксаков И.С.* Славянский вопрос. С. 553.

¹⁵ Славянские известия. 1886. № 7–8. С. 303.

¹⁶ *Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 553–569.

¹⁷ См.: *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 33.

¹⁸ См.: *Леонтьев К.Н.* Указ. соч. С. 197.

¹⁹ *Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 44.

²⁰ *Аксаков И.С.* Соч. Т. 7. М., 1886. С. 19.

²¹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 2. М.; Пг., 1923. С. 276.

²² См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1871. С. 197–198; *Он же.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. 137, 202.

²³ См.: *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 136.

²⁴ См.: *Леонтьев К.Н.* Указ. соч. С. 76.

²⁵ Там же. С. 24–25.

²⁶ См.: *Сивак А.Ф.* Константин Леонтьев. М., 1991. С. 50.

²⁷ *Леонтьев К.Н.* Указ. соч. С. 300.

²⁸ *Миллюков П.Н.* Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893. С. 30.

²⁹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л., 1981. С. 122.

³⁰ Там же. Т. 23. С. 48.

³¹ Там же.

³² См.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.

³³ *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1885. М., 1898. С. 258.

³⁴ Там же. 1881. М., 1898. С. 433–434.

³⁵ Там же. 1883. М., 1898. С. 394, 460.

³⁶ Там же. 1878. М., 1897. С. 106.

³⁷ См.: *Рыбаченок И.С.* Восточный кризис. С. 181.

³⁸ См.: *Катков М.Н.* Указ. соч. 1886. М., 1898. С. 59.

³⁹ Там же. 1878. С. 126.

⁴⁰ См.: *Хвостов В.М.* Внешняя политика России от окончания Берлинского конгресса до заключения франко-русского союза (1878–1893) // Проблемы

истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. М., 1977. С. 222.

⁴¹ Там же. С. 223.

⁴² Цит. по: *Ламздорф В.Н.* Дневник (1886–1890). М.; Л., 1926. С. 36.

⁴³ *Geyer D.* Op. cit. S. 119.

⁴⁴ См.: *Катков М.Н.* Указ соч. 1882. С. 412–415.

⁴⁵ Там же. 1884. С. 485.

⁴⁶ Там же. С. 660.

⁴⁷ Вождь реакции 60–80-х годов (письма Каткова Александру II и Александру III) // *Былое*. 1917. № 4. С. 21.

⁴⁸ См.: *Татищев С.С.* М.Н. Катков в иностранной политике // *Русский вестник*. 1897. № 8.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 597 (С.С. Татищев). Д. 716. Л. 7.

⁵⁰ Там же. Л. 1.

⁵¹ *Татищев С.С.* Дипломатические беседы о внешней политике России. Год первый. 1889. СПб., 1890. С. 15.

⁵² Там же. Год второй. 1890. СПб., 1898. С. 135.

⁵³ Там же. Год первый. С. 13.

⁵⁴ *Русский вестник*. 1893. № 5. С. 395.

⁵⁵ Там же. № 3. С. 381.

⁵⁶ *Татищев С.С.* Дипломатические беседы. Год второй. С. 37.

⁵⁷ Там же. С. 129.

⁵⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. С. 295.

⁵⁹ См.: *Алафаев А.А.* Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в. М., 1991. С. 3.

⁶⁰ *Русская мысль*. 1891. Кн. 5. II. С. 162.

⁶¹ *Вестник Европы*. 1895. № 2. С. 870.

⁶² *Слонимский Л.З.* Основные вопросы политики. СПб., 1889. С. 83.

⁶³ Там же. С. 368.

⁶⁴ См.: *Вестник Европы*. 1889. № 4. С. 851–856.

⁶⁵ *Слонимский Л.З.* Наша международная политика в недалеком прошлом // *Вестник Европы*. 1888. № 11. С. 321.

⁶⁶ См.: *Северный вестник*. 1887. № 6. С. 118.

⁶⁷ *Русская мысль*. 1890. Кн. 8. II. С. 158.

⁶⁸ *Вестник Европы*. 1886. № 9. С. 382.

⁶⁹ См.: *Северный вестник*. 1889. № 4. С. 164.

⁷⁰ См.: *Вестник Европы*. 1878. № 10. С. 732.

⁷¹ *Соловьев В.С.* Духовные основы жизни // *Собр. соч.* СПб., 1911. С. 374.

⁷² *Соловьев В.С.* Поэзия Ф.И. Тютчева // *Собр. соч.* Т. 6. СПб., 1901. С. 480.

⁷³ *Соловьев В.С.* Русская идея. М., 1911. С. 15.

⁷⁴ *Соловьев Вл.* Россия и Европа // *Вестник Европы*. 1888. № 2. С. 744–746, 752.

⁷⁵ См.: *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. Вып. I. СПб., 1891. С. 71.

⁷⁶ См.: *Трубецкой С.Н.* Разочарованный славянофил // *Вестник Европы*. 1892. № 10.

⁷⁷ *Трубецкой С.Н.* Противоречия нашей культуры // *Вестник Европы*. 1894. С. 515.

⁷⁸ См.: *Плотникова Н.И.* Журнал «Вестник Европы» о внешнеполитических взглядах российских либералов в 60–70-е гг. XIX в. (обзор материалов) // *Внешняя политика России. Источники и историография.* М., 1991. С. 158.

⁷⁹ См.: *Северный вестник.* 1885. № 3. С. 229.

⁸⁰ *Вестник Европы.* 1885. № 10. С. 849–850.

⁸¹ *Русская мысль.* 1885. Кн. 11. II. С. 119.

⁸² *Южаков С.* Наши задачи в Болгарии // *Северный вестник.* 1886. № 9. С. 81. Концепция Южакова в болгарском вопросе сближалась с позицией консервативных кругов и вызвала резкий протест умеренных либералов.

⁸³ См.: *Слонимский А.З.* Поэзия и проза войны // *Вестник Европы.* 1886. № 7. С. 360.

⁸⁴ См.: *Утин Е.И.* Болгария во время войны // *Вестник Европы.* 1878. № 2–6; *Он же.* В Болгарии. Из путевых заметок и воспоминаний // Там же. № 11; 1879. № 2; *Немирович-Данченко В.И.* После войны. СПб., 1880.

⁸⁵ См.: Что делается в Болгарии? // *Вестник Европы.* 1880. № 9; см. также: *Золотухин М.Ю.* Указ. соч. С. 9, 25–38.

⁸⁶ См.: *Русская мысль.* 1885. Кн. 11. II. С. 184.

⁸⁷ См.: *Слонимский А.З.* Балканские дела и болгарский вопрос // *Вестник Европы.* 1887. № 6; *Он же.* Болгарские дела // Там же. № 7.

⁸⁸ См.: *Плотникова Н.И.* Указ. соч. С. 159.

⁸⁹ *Русская мысль.* 1887. Кн. 8. II. С. 199.

⁹⁰ *Вестник Европы.* 1887. № 3. С. 409.

⁹¹ См.: *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 277; *Рыбаченок И.С.* Русско-французские отношения. С. 200, 203.

⁹² *Русская мысль.* 1887. Кн. 10. II. С. 131.

⁹³ *Вестник Европы.* 1894. № 3. С. 403, 408.

⁹⁴ См.: *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970; *Он же.* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878. Лейпциг, 1878; *Он же.* Поступательное движение России в Азию // *Русский вестник.* 1877. № 1–2; *Он же.* Поземельные приобретения и уступки России за последние 30 лет (1850–1880) // *Русская мысль.* 1880. Кн. 4; *Максимов А.Я.* Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1894.

⁹⁵ См.: *Плотникова Н.И.* Указ. соч. С. 95.

⁹⁶ См.: *Русская мысль.* 1880. Кн. 2. II. С. 8; Кн. 7. II. С. 1.

⁹⁷ Там же. 1880. Кн. 3. II. С. 90.

⁹⁸ См.: *Венюков М.И.* Поземельные приобретения. С. 134–138.

⁹⁹ *Русская мысль.* 1880. Кн. 2. II. С. 5–8.

¹⁰⁰ Там же. С. 5.

¹⁰¹ Там же. 1881. Кн. 1. II. С. 3–11.

¹⁰² См.: *Плотникова Н.И.* Указ. соч. С. 97–98.

¹⁰³ Там же. С. 99.

¹⁰⁴ *Северный вестник.* 1885. № 3. С. 160.

¹⁰⁵ Там же. 1886. № 1. С. 27.

¹⁰⁶ См.: *Нарочницкий А.А.* Указ. соч. С. 649–651; *Максимов А.Я.* Указ. соч. С. 91–100.

¹⁰⁷ *Вестник Европы.* 1894. № 10. С. 341.

¹⁰⁸ Там же. № 1. С. 844.

¹⁰⁹ См.: *Черенков В.* Из новейшей истории Японии. 1854–1894 // Вестник Европы. 1894. № 11. С. 524.

¹¹⁰ Вестник Европы. 1895. № 5. С. 413.

¹¹¹ *Бакунин М.А.* Государственность и анархия // Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 81.

¹¹² См.: *Лавров П.А.* Счеты русского народа // Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. Т. 2. М., 1934. С. 51.

¹¹³ См.: *Лавров П.А.* Государственный элемент в будущем обществе // Там же. Т. 4. С. 31–32.

¹¹⁴ См.: *Герцен А.И.* Царь Александр и газета «Колокол» // Собр. соч.: В 30 т. Т. 13. С. 449; *Он же.* Франция или Англия // Там же. С. 233.

¹¹⁵ *Герцен А.И.* Война и мир // Собр. соч. Т. 14. С. 107.

¹¹⁶ Там же. С. 105.

¹¹⁷ Набат. 1876. Август. № 9. С. 5.

¹¹⁸ *Карпович Е.П.* Об участии России в освобождении христиан от турецкого ига // Отечественные записки. 1878. № 2. С. 412; С. К-о [Кривенко С.Н.]. Г. Костомаров об исторической задаче // Отечественные записки. 1878. № 4. С. 242–244.

¹¹⁹ Bulletin de la Fédération jurassienne de l'association internationale de travailleurs. 1877. 17 juin. № 29. P. 1.

¹²⁰ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 422. Л. 35–36.

¹²¹ См. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 100.

¹²² Народная воля. 1885. № 11/12. С. 7; Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 243.

¹²³ Листок «Народной воли». 1883. № 1. С. 3; № 2. С. 6; Литература партии «Народная воля». С. 191, 208.

¹²⁴ См.: *Сказкин С.Д.* Указ. соч. С. 106–109.

¹²⁵ О сочувствии английского общественного мнения русским революционерам см.: *Троцкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979. С. 239–258.

¹²⁶ *Бакунин М.А.* Указ. соч. С. 119–125.

¹²⁷ См. подробнее: *Хевролина В.М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60 — начало 80-х гг. XIX в. М., 1986. С. 217.

¹²⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 16. Л. 151–152.

¹²⁹ Там же. Д. 20. Л. 208.

¹³⁰ Народная воля. 1881. 23 октября. № 9. С. 9; Литература партии «Народная воля». С. 135.

¹³¹ См.: *Языков Н.* Ученое двоедушие // Дело. 1877. № 7. С. 37.

¹³² Д.М. [Мордовцев ДЛ.] Восток или Запад? // Дело. 1876. № 5. С. 3.

¹³³ Отечественные записки. 1877. № 11. С. 115.

¹³⁴ *Сказкин С.Д.* Указ. соч. С. 67.

¹³⁵ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878. № 10. С. 726.

Оглавление

Предисловие	5
Глава I. Россия во второй половине XIX века: проблемы модернизации и потенциал	8
1. Преобразования в России и внешняя политика: взаимосвязь и взаимовлияние (В.М. Хевролина)	8
2. Экономика и финансы (Ю.Ф. Субботин)	23
3. Армия и флот (Ю.Ф. Субботин)	37
Глава II. «Россия сосредоточивается» (Н.И. Хитрова)	51
1. Новые внешнеполитические задачи и поиски средств их достижения	51
2. Русско-французское сближение. Политика на Балканах	56
3. Кавказский вопрос в 50–60-х годах	67
4. Польское восстание 1863 года и сближение с Пруссией	70
5. Отмена нейтрализации Черного моря и Союз трех императоров	75
Глава III. Средняя Азия во внешней политике России (Н.С. Киняпина)	88
1. Отношения с Кокандом, Хивой и Бухарой в середине века	89
2. Завоевание Средней Азии	102
3. Русско-бухарские отношения и образование Туркестанского генерал-губернаторства	107
4. Царская администрация в Туркестанском крае	115
5. Последний этап присоединения Средней Азии	120
Глава IV. На Дальнем Востоке и Тихом океане	136
1. Присоединение Приамурья и Приморья (Г.В. Мелихов, В.М. Хевролина)	136
2. Уход из Америки и обретение союзника (В.М. Хевролина)	150
3. «Открытие» Японии Россией (К.Е. Черевко)	160
4. Россия и государства Дальнего Востока в 80–90-х годах XIX века (К.Е. Черевко)	171
Глава V. Восточный кризис 70-х годов XIX века (В.М. Хевролина)	180
1. Начальный этап восточного кризиса	180
2. На путях к войне	190
3. Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат	210
Глава VI. Европейская система в 80-е годы. Болгарский кризис (М.Ю. Золотухин)	222
1. Старый «союз» в новом обличье	222
2. Союз трех императоров в действии	231
3. Провал российской политики в Болгарии	242

Глава VII. Образование русско-французского союза <i>(И.С. Рыбаченок)</i>	262
1. Крах Союза трех императоров и вопрос о приоритетах во внешней политике России	262
2. От договора «перестраховки» к союзу с Францией	275
3. Заключение союза	290
Глава VIII. Проблемы внешней политики России в общественной мысли страны (В.М. Хевролина)	307
1. Внешнеполитические концепции российского консерватизма	308
2. Идеи российского либерализма и либерального народничества	325
3. Позиции революционной демократии	339
Заключение	351
Примечания	354

Научное издание

**История внешней политики России
Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г.
до русско-французского союза)**

Корректор: Иванченко С.Ю.
Компьютерная верстка: Исакова Т.В.
Группа доредакционной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Коновалова Т.Ю.
Крылов К.А.

Подписано в печать 17.10.2018. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,1. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»,
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

ООО «Парадигма»,
адрес: 141070, Московская обл., г. Королев,
ул. Мичурина, д. 21, кв. 372

Отпечатано в областной типографии «Печатный двор»
(открытое акционерное общество),
адрес: 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academp.ru.